

СОВЕТСКИЕ ПОЭТЫ,
ПАВШИЕ НА ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

СОВЕТСКИЕ
ПОЭТЫ,
ПАВШИЕ
НА ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

Советский
издатель

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

СОВЕТСКИЕ ПОЭТЫ, ПАВШИЕ НА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Предисловие
Алексея Суркова

Вступительная статья
В. Кардина

*Составление, подготовка текста,
биографические справки и примечания*
В. Кардина и И. Усок

Поэты, чьи произведения представлены в сборнике, погибли в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Люди разных возрастов и национальностей, признанные поэты и начинающие — все они объединены судьбой бойцов в пору тяжелых народных бедствий. Читатель по заслугам оценил стихи Мусы Джалиля и Вилкомира, Вс. Багрицкого, Майорова, Когана, Кульчицкого, — наряду с этими именами он встретит в сборнике многих других поэтов, чье творчество впервые собрано и представлено столь широко и полно.

ДО ПОСЛЕДНЕГО ДЫХАНИЯ

С возрастом люди становятся сентиментальными. Листал я страницы этой книги и чувствовал, как растет комок в горле и слезы подступают к глазам. Ведь что ни фамилия, что ни строчка — молодая, оборванная смертельным металлом войны жизнь, вплавленная в песню.

Сорок восемь имен. Сорок восемь человеческих судеб, сорок восемь жизней, стремившихся высказать себя в звучащем слове и задвленных влажной глухотой братских могил. А за пределами этого сборника — еще имена, еще книги и судьбы: красавца, лирика, кумира московских девушек Иосифа Уткина, стремительного, нетерпеливого Джека Алтаузена, самого тихого в шумной группе лфовцев Петра Незнамова, одного из днепропетровской тройки комсомольских «мушкетеров» Александра Ясного, известного всем начинающим поэтам первых послеоктябрьских лет, автора книжки «Как делать стихи» ленинградца Алексея Крайского, военного поэта Якова Чапичева и других.¹ Эти имена — жертва, которую советская литература принесла Родине в ее трудную трагическую годину.

Когда я читал эту рукопись, невольно в памяти моей возникли слова, сказанные однажды, в начале войны, одним молоденьким командиром роты: «Вы знаете, когда читаешь в сводке о том, что в таком-то сражении потеряно убитыми и ранеными сотни или тысячи людей, то ощущаешь это, конечно, со скорбью и болью, но как-то «вообще». Но вот кончился бой на участке твоей роты. Из взводов приносят тебе списки убитых. Ты каждого из них знаешь в лицо, со многими, говоря по-солдатски, из одного котелка кашу ел, из одной баклажки «паек» пил. Вот тут ты чувствуешь военную

¹ В «Библиотеке поэта» выходит отдельный сборник стихотворений и поэм И. Уткина. Стихи Д. Алтаузена, П. Незнамова, А. Ясного и некоторых других поэтов войдут в готовящийся к изданию сборник «Из советской поэзии 20—30-х годов». — *Ред.*

потерю как свою личную горькую утрату. Как будто с каждым убитым кусок твоей жизни отрезали... Счастье, что природа наградила человека способностью привыкать даже к самому страшному. А без этого на войне все бы просто с ума походили...»

Как он был прав, этот молодой офицер! Среди этих сорока восьми и среди старших, не вошедших в этот сборник, большинство были юноши, стихи которых я читал до войны, с которыми встречался в редакциях или на литературных вечерах, и по крайней мере двадцать из них были людьми, которые так или иначе вошли в мою человеческую судьбу.

Я читаю помещенные в этом сборнике стихи еврейского поэта Самуила Росина, московского ополченца, погибшего в вяземско-семлевском «котле», и вижу его — живого, тихого, талантливого лирика и принципиального, непримиримого участника литературных боев тридцатых годов. Это был человек чистой, младенчески бескорыстной души и большого, светлого поэтического дара.

Вадим Стрельченко. Я листаю странички своей памяти, и мне начинают звучать пророческие строки его стихотворения «Родине», написанного в 1935 году:

Певец твой, я хлеба и крова
Добивался всегда не стихом,
И умру я в бою
Не от слова,
Материнским клянусь молоком!

Да, пойду я веселым шагом,
Ненавистный лжецам и скрягам,
Славя яблоко над землей!
Тонкой красной материей флага
Защищенный, как толстой стеной.

Он весь — в строках этой надписи-посвящения своего первого стихотворного сборника. Тогда он приехал к нам в Москву из Одессы, высокорослый, ширококостный веселый рабочий парень. Приехал и поразил нас «лицом необщим выраженьем», своеобразными, талантливыми стихами, полными бунтующей радости жизни. И у нас, тогдашних поэтов, не было сомнения, что из Вадима «выпишется» самый сильный и интересный из всех известных нам поэтов-рабочих. Он рос от стиха к стиху. Но пришла война, и этот поэт-жизнелюб встал в строй защитников Родины, и жизнь его оборвалась на высоком и дерзком взлете. Время было такое, что тонкая красная материя флага не могла прикрыть мужественное сердце лирика.

Борис Лапин... Начав стихами, он еще на стыке двадцатых и тридцатых годов со своим другом Захаром Хацревиным (погибшим вместе с ним в начале войны на Украине, в так называемом «прилукском окружении») перешел на прозу. И проза и стихи были отмечены печатью большого оригинального таланта, ума и тонкой наблюдательности. Вместе со своим другом он записывал и литературно обрабатывал легенды и современные сказания среднеазиатских народов, смело и дерзко стилизовал рифмованным и белым стихом; был среди писателей одним из наиболее рьяных землепроходцев, и было как-то естественно, что во время сражений в Монголии, на Халхин-Голе, в 1939 году, он стал одним из первых писателей фронтовой печати. Там он вместе со своим другом сочинил полную тонкой лирики и иронии песню фронтового газетчика, начинавшуюся строкой: «Погиб репортер в многодневном бою...».

Алексей Лебедев. Я его и сейчас вижу как живого, широкоплечего, статного моряка Алешу Лебедева, талантливого поэта, настоящего человека и замечательного товарища. Вижу его курсантом военно-морского училища и офицером-подводником. В памяти моей встают звучащие с его голоса стихи, насыщенные соленым простором Балтики, полные романтики странствий, воспевающие мужское мужество и мужскую любовь к жизни. С первого дня войны штурман подводник Алексей Лебедев вместе с друзьями вышел навстречу своей военморской судьбе, и их боевая лодка «не вернулась на базу» после одного из походов. Ранняя смерть под холодной толщей вод Финского залива подрезала широкие крылья яркой и сильной песни.

Всеволод Багрицкий... Маленький домик в старом дачном Кунцево. Тесная комната, заставленная аквариумами. Все это будет потом предано бессмертию в стихах Эдуарда Багрицкого. И среди этого удивительного мирка — озорной, шаловливый, дерзкий мальчишка, остроглазый, черноволосый. Мальчишку зовут Всеволодом. Он сын хозяина комнаты. Ему отец — в стихах «Папиросный коробок» — передавал во владение всю землю. Этот сорванец на моих глазах вырос, превращаясь из просто озорника в озорного школьника, а потом — в начинающего поэта, участника студии начинающих актеров и драматургов, руководимой и вдохновляемой ныне знаменитым Алексеем Арбузовым. Там они, возрождая традиции первых революционных лет, коллективно писали и ставили пьесу «Город на заре». Были у них широкие и дерзкие замыслы, но пришла война... Сын поэта, написавшего:

Валя, Валентина,
Видишь: на юру

Базовое знамя
Вьется по шнуру.
Красное полотнище
Вьется над бугром.
«Валя, будь готова!» —
Воскликает гром, —

вчерашний пионер, совсем еще зеленый юноша, Всеволод Багрицкий сказал привычное пионерское «Всегда готов!» грому, накатывающемуся с Запада, и уехал на фронт, чтобы встать в ряды писателей — армейских газетчиков. Недолго он провоевал. Бомба, сброшенная с «юнкерса», догнала его в болотах Северо-Западного фронта, где-то около Старой Руссы.

Георгий Суворов... Это было в разгар подмосковной битвы. Ко мне пришел дежурный по полевой редакции газеты Западного фронта «Красноармейская правда» и сказал: «Вас там какой-то лейтенант спрашивает. Можно?» В каморку вошел молоденький лейтенант со всеми внешними признаками уже повидавшего огонь человека и сказал, встав по стойке «смирно»: «Лейтенант Суворов. Разрешите обратиться, товарищ старший батальонный комиссар...»

Он сел около стола, заваленного материалами для очередного номера, и коротко сказал мне, что возвращается из госпиталя на Ленинградский фронт и хотел бы показать мне стихи. После этого он достал из полевой сумки тетрадь и стал читать. Это были выношенные, выстраданные, выползанные под вражьем огнем лирические строки, в которых свое переплеталось с общим и наоборот: общее приводило к своему, личному. Стихи были молодые, ломкие, в них еще отчетливо были видны следы юношеской начитанности автора, частенько лирическую ткань прерывала привычная в предвоенные годы риторическая велеречивость. То есть все было так, как бывает с первыми тетрадями начинающих поэтов. Но сквозь шелуху привычных слабостей пробивались оригинальный, неповторимый голос будущего таланта и сильная, мужественная человеческая душа.

Часа два мы просидели с Георгием, толкуя о его стихах, о поэзии, о том трудном времени, которое выпало нам на долю. Ни о чем не попросив, Георгий встал, пожал мне руку, поблагодарил и оставил тетрадь на тот случай, чтобы, если мы будем издавать сборник произведений начинающих фронтовиков, включить в него кое-что из прочитанного.

Лейтенант Суворов ушел, и через каких-нибудь несколько месяцев смерть настигла его в болотах Ленинградского фронта. Тетрадь осталась где-то в архивах редакции.

Имена. Имена. Имена. Один за другим возникают в моей памяти ленинградец Юрий Инге и мой товарищ по корреспондентству в «Красной звезде», фронтовой газетчик Леонид Вилкомир. Не могу я забыть и славного героя татарского народа Мусу Джалиля, которого я знал до войны и с которым случайно встретился, когда он отправлялся на фронт, чтобы возвратиться в память народа человеком-легендой, как Юлиус Фучик, как Габриель Пери.

Одно имя за другим... И каждое звучит знакомыми по живому голосу интонациями стиха. И большинство очерчивается в памяти живым своим обликом — все молодые, талантливые, жадные до жизни, преданные родине и поэзии.

Литература — зеркало народной жизни. Война затянула в свой огненный водоворот все народы Советского Союза. И представители поэзии всех братских народов приняли участие в войне штыком или пером. И в общих братских могилах воинов-героев, рядом с русскими поэтами Уткиным, Алтаузенем, Стрельченко, Лапиным и другими, покоятся украинцы Гаврилюк, Герасименко, Шпак, белорус Сурначев, литовец Монвила, еврей Росин, татары Джалиль и Карим, грузин Геловани, абхазец Квициния, армянин Гурян, кабардинец Шогенцуков, осетин Калоев...

Советские женщины на полях Великой Отечественной войны делили со своими отцами, мужьями и братьями тяготы и славу военного подвига. Немало талантливых поэтесс пришли в поэзию из пламени войны. И в братских могилах тех, кому не суждено было дожить до Дня Победы, покоятся героини — Елена Ширман, Варвара Наумова.

Пусть далеко не все предлагаемое вниманию читателя в этом мемориальном сборнике блещет совершенством отделки, ведь авторы были в подавляющем большинстве еще так молоды, что не смогли постигнуть и освоить все тайны поэтического мастерства, — написанное ими вливается в многоголосый хор многонациональной поэзии военных лет, по праву считавшей себя выразительницей мыслей и надежд народа-победителя.

Глубокий, ненаигранный оптимизм при неприглушенном звучании трагических нот сердце читателя чувствует и в предсмертной лирике моабитского узника Мусы Джалиля, и в «Завещании» одного из неизвестных авторов тетради, найденной на развалинах концлагеря Заксенхаузен:

Под красное знамя пойдут миллионы,
И будет их поступь сильна.
Падут под ударом врагов легионы,
Моя возродится страна.

Ребята, тогда подведите итоги
Страданий и наших побед,
К безвестным героям не будьте так строги, —
Ведь многим пришлось умереть

Вы память святую о них сохраните,
Запомните их имена.
И в песнях погибших борцов помяните,
Когда запоет вся страна.

Пусть наивны и безыскусны эти строки. Они написаны человеком, уже заглянувшим в пустые глаза смерти. И мороз по коже проходит от сознания того, что писал их человек, очевидно только что начинавший жить, не унизившийся до жалобы на свою раннюю гибель. И горделивое чувство охватывает вас, когда вы читаете строки из другого стихотворения той же тетради:

Я еще вернусь к тебе, Россия,
Чтоб услышать шум твоих лесов,
Чтоб увидеть реки голубые,
Чтоб идти тропой моих отцов. . .

Пусть смерть на фронте или в петле на гитлеровском эшафоте помешала авторам стихов этого сборника вернуться на родину, чтобы вместе со своим народом-победителем слушать шум родных лесов, глядеться в голубые зеркала рек и продолжать идти тропой их отцов — огненной тропой великой революции, потрясшей мир до основания. Они не умерли, эти юноши и девушки, оставившие в дар народу цветы своей души — свою честную, искреннюю, мужественную лирику. И то, за что они умерли, воскресило их в сегодняшних героических трудовых подвигах народов, строящих мир всеобщего счастья — коммунизм.

Это о них, авторах этой книги, в чьих строках пульсировало сердце воюющего народа, слышал я в начале войны из уст одного начинающего солдатского поэта простые, как гвозди, стихи:

Когда наш писарь полковой
Возьмет мой список трудовой
И отошлет его домой
В конверте с черною каймой,
Ты над конвертом слез не лей,
А изорви его скорей. . .

Покойный в жизни весел был
И черных красок не любил.

Ал. Сурков

ПОЭЗИЯ ПОДВИГА И ПОДВИГ ПОЭЗИИ

Признак, по которому авторы сборника «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне», сведены под одну обложку, — биографический, точнее — признак завершения биографии. Поэты, чьи произведения представлены в сборнике, погибли в годы Великой Отечественной войны. Они пали в яростных приграничных схватках, в боях под Москвой и Сталинградом, в сражениях на Курской дуге и на Днепре, в небе над Будапештом и Берлином. Одни приняли смерть, прорываясь из окружения, другие — в гестаповских застенках и бараках лагерей для военнопленных, третьи — на явочных квартирах подпольщиков, четвертые — при выполнении партизанских заданий. Люди разных возрастов и языков, разной меры таланта, признанные поэты и начинающие стихотворцы — все они объединены судьбой бойцов в пору самых тяжелых народных бедствий.

Здесь факт единичной биографии становится фактом общественно-литературным, в немалой степени характеризующим поэтическое творчество определенного исторического периода. В этом факте заключена неотразимая сила личного подтверждения идейно-эстетического идеала, которому посвящал, которому отдавал свою жизнь и свое перо поэт. Фронтowym творчеством и фронтовой судьбой каждый стихотворец доказывал верность идеалу своей поэзии. Поэтическое слово не ведало разлада с жизнью. Оно подтверждалось последним подвигом поэта, закрепленным скупой строкой похоронного извещения: «Пал смертью храбрых...»

Творчеством писателей, чьи стихотворения составляют настоящую книгу, разумеется, не исчерпывается советская поэзия предвоенного периода и периода Великой Отечественной войны. Это

лишь часть ее. Но та часть, которая позволяет в значительной мере судить о целом, понять истоки гражданственности советской поэзии вообще и особенности так называемой «военной поэзии».

Необходимо сделать еще одну оговорку. Практически оказалось невозможным представить в одном сборнике всех советских поэтов, павших в годы Великой Отечественной войны, хотя книга эта наиболее полное из подобных собраний, вышедших у нас до сих пор. Она впервые объединяет поэтов разных национальностей, разных республик, отдавших жизнь в боях против немецкого фашизма. Наряду с авторами многих книг, такими, как, скажем, К. Герасименко, Ю. Инге, М. Троицкий, М. Шпак, А. Шогенцуков, С. Росин, Т. Гурян, Л. Квициниа, в ней есть поэты, едва начавшие творческий путь (М. Кульчицкий, Н. Майоров, В. Багрицкий), а также такие, которые при жизни не увидели напечатанной ни одной своей строчки, но получили признание благодаря посмертным публикациям (П. Коган); есть поэты, с чьим творчеством читатель еще только начинает знакомиться (Б. Смоленский), или такие, которые до войны печатались мало, но оставили интересное рукописное наследие (И. Пулькин, Е. Нежинцев, Е. Ширман). Знакомство с архивами погибших литераторов позволило открыть новые поэтические имена. Заняли свое законное место в «поэтической рубрике» военные журналисты Л. Вилкомир и Л. Шершер, павшие в воздушных боях.

Бесконечно многообразны жизненные и литературные судьбы поэтов, составляющих эту книгу. Рядом с участниками и свидетелями многих событий советской действительности 30—40-х годов стоят А. Гаврилюк и В. Монтвила, издевавшие тюрьмы панской Польши и буржуазной Литвы и совсем недолго дышавшие воздухом нашей страны. В сборник включен и писавший по-русски закарпатский поэт с необычной биографией Д. Вакаров, отчий край которого лишь после его смерти стал советским.

Если оборванный пулей жизненный путь некоторых стихотворцев был горестно короток, то еще короче оказывался их творческий путь. Едва начавшись, он трагически обрывался, прежде чем воин-поэт успевал сказать все то, что он мог и должен был сказать людям.

Для многих авторов настоящего сборника их последние строки слились с их последним подвигом, стали его продолжением.

Жизнь моя песней звенела в народе,
Смерть моя песней борьбы прозвучит.

Когда мы читаем эти строки, когда произносим имя их автора — Мусы Джалиля, в нашем сознании встает образ, в котором

неотделимы поэзия и борьба, героическое слово и героические деяния.

Мы мало знаем о последних часах и днях иных поэтов. Война не бережет документов и не щадит очевидцев. Тем дороже каждая сохранившаяся записка, каждый уцелевший блокнот, сбереженное письмо. Несомненный интерес представляют и дошедшие до нас своеобразные поэтические свидетельства военных лет, написанные отнюдь не профессиональными писателями. Поэтому мы сочли нужным дать место в сборнике поэту, погибшему в гитлеровском лагере Заксенхаузен. Имя его и поныне не удалось установить. Блокнот со стихами обнаружен в 1958 году при расчистке территории, на которой некогда находился лагерь. Произведения неизвестного автора, так же как стихотворная надпись, сделанная пленным А. Меркуловым на нарах гестаповского каземата в городе Крустпилс перед казнью, стихотворная клятва, обнаруженная в медальоне героически погибшего бойца Яковлева, письма-стихотворения гвардии лейтенанта Л. Розенберга — все это своеобразные памятники советской поэзии военных лет, человеческие документы, сила которых не ослабевает с годами. Глядя в глаза смерти, люди, не считавшие себя литераторами, обращались к стихам, чтобы сказать последнее слово.

Широта круга авторов всякой антологии вызывает обычно чувство удовлетворения. В данном случае такая широта отражает трагический размах военных событий и вызывает чувство скорби. Мы лишний раз убеждаемся: скольких талантов мы лишились, сколько еще могли сказать эти люди, каким значительным вкладом в литературу стало бы их дальнейшее творчество.

1

Вера в народ, в преемственность революционной традиции формировала молодых поэтов на трудном рубеже 30-х и 40-х годов. Без них, в то время начинающих стихотворцев, ныне нельзя составить сколько-нибудь полное представление о советской поэзии. Они были примерно сверстниками — Михаил Кульчицкий и Николай Майоров, Мирза Геловани и Елена Ширман, Микола Сурначев и Василий Кубанев, Хазби Калоев и Павел Коган, Георгий Суворов и Борис Смоленский. . . Они разнились мерой дарования, литературными пристрастиями и учителями, но были детьми своего времени, сумевшими взять от него все лучшее, светлое, чистое и пронести сквозь свою недолгую жизнь. Их первые стихи обычно

служили естественным отзвуком событий, будораживших юношеское воображение. Молодые поэты входили в жизнь, в литературу с ощущением своей неотделимости от страны с ее тревожной и величественной судьбой, от мира, охваченного предвоенным напряжением, от земли со всем ее богатством красок, запахов, звуков.

Борис Смоленский увлекался Гарсней Лоркой, мечтал о море, вглядывался в «ясные озерные глаза» Карелии. Еще мальчиком он вместе со своим отцом-журналистом ездил по стране, побывал в Сибири. В 1937 году по клеветническому навету арестовали отца, и Борису пришлось изведать все, что причиталось на долю сына «врага народа». Но это не сломило его, не убило интерес к жизни, веру в людей, искусство.

Шестнадцатилетним пареньком отправился в странствия Владислав Занадворов. Он рано определил свое призвание: геология и поэзия. Читая его певучие, раздумчивые стихи, полные не по годам мудрой и глубокой любви к Родине, чувствуешь — сколько бы еще он сделал, если бы смерть не подкараулила его в бою.

Все, что открывалось начинающим поэтом предвоенной поры в жизни, в людях, в учении, в книгах, вызывало живой интерес. Пятнадцатилетний Василий Кубанев признавался:

Как новы, как приятны мне
Земные краски, страсти, звуки!

И в другом стихотворении того же 1936 года:

И молодеющую землю
Я в этом облике одном —
И незнакомом и родном —
С восторгом трепетным приемлю.

Они были гражданственны с юных лет, гражданственны по духовному складу, внутреннему побуждению, наконец по литературной традиции, их питавшей. Поэтому, возможно, некоторые из них, судя по сохранившимся работам, отдали меньшую дань исканиям в области формы, чем иные начинающие поэты других поколений.

Одержимо увлеченные своим временем, они писали о нем с упоением романтиков, с молодым энтузиазмом создателей и бойцов. Они знали «одну, но пламенную страсть» — счастье народа, страны, человечества. И не сомневались: оно творится сегодня, к нему причастны не только их стихи, но и их повседневная работа. Это понимание счастья было никак не прямолинейное, не упрощенное.

В одном из писем Василий Кубанев размышлял: «...Счастье не только в радости. Счастье во всем: и в горе, и в скрежете зубовном, и в отрешенности, и в покаяниях, и в ошибках, и в каторжно тупой боли, которая взялась невесть откуда и душу собой глушит и давит. Счастье — в познании, в понимании... Только узнавая жизнь во всех ее проявлениях — в скорби, и в радости, и в грубости, и в мелкости, и в чуждости, и в страхе, и в нужде — во всем, можно быть счастливым. Мудрость в том, чтобы извлечь полезное из бесполезного, радость — из горя, знание — из незнания». И это писал человек, которому не исполнилось еще и двадцати лет.

Они жили с сознанием значительности всего происходящего на их глазах, с чувством величайшей ответственности, возложенной историей на их еще молодые плечи, с ощущением личной причастности ко всему создаемому и творимому во имя народа.

Вот строки Михаила Кульчицкого:

Наши будни не возьмет пыльца.
Наши будни — это только днёвка,
Чтоб в бою похолодеть сердцам,
Чтоб в бою нагрелися винтовки,
Чтоб десант повис орлом степей,
Чтоб героем стал товарищ каждый,
Чтобы мир стал больше и ясней,
Чтоб была на песни больше жажда.

Вот — Павла Когана:

Есть в наших днях такая точность,
Что мальчики иных веков,
Наверно, будут плакать ночью
О времени большевиков.
И будут жаловаться милым,
Что не родились в те года,
Когда звенела и дымилась,
На берег рухнувши, вода.

Грубоватый, словно по-солдатски «печатающий» шаг стих Кульчицкого с его настойчивыми повторами и легкие лирические строки Когана, где те же будни окидываются задумчивыми взглядами «мальчиков иных веков», пронизаны общим сознанием необычности своего времени. В нем сомкнулись прошлое и будущее, героика вчерашнего дня и мечта, устремленная в завтра.

Душевная непосредственность еще не всегда находила свое выражение, индивидуальный образный строй. Часто они пользовались близкой им революционно-романтической поэтикой 20—30-х годов. Но какой высокий накал получала эта привычная метафоричность! Как многообещающи эти первые широкие шаги — пусть и в старых сапогах! Здесь не только преемственность поэтической образности. Стремление к самостоятельности открытия мира во все не означало отрыва от традиций. Их никогда не покидало сознание своего происхождения, своей идейно-поэтической родословной. То было сознание органическое, естественное, воспитанное с детства, привитое всей атмосферой общественной жизни.

Помнишь — с детства —

рисунок:

чугунные пути

человек сшибает

с земшара

грудью! —

писал М. Кульчицкий в «Самом таком». Этот образ символизировал и мир и назначение поэта. Вместе с плакатом, памятным с детства, пришла неистребимая интернационалистская убежденность. И Кульчицкий без тени сомнения предрекал:

Только советская нация будет!

И только советской расы люди!

В безоговорочности такого прогноза есть некоторая наивность, свойственная в какой-то мере М. Кульчицкому и его сверстникам. Особенно когда они предрекали будущее. Беда ли это? Изначальная устремленность советской поэзии навстречу мировой революции, всемирной республике Советов больше всего отвечала юношеским мечтам, духовным порывам.

Молодые настойчиво искали ту точку зрения, которая обеспечивала бы широту обзора, глубину постижения людей и явлений. Такое давалось, конечно, нелегко. Бывали ошибки, неудачи, срывы. Следование добротным образцам иной раз не гарантировало от подражательства. Но продолжались «вечные искания крутых путей к последней высоте». Путеводной нитью служило остро развитое чувство революционной преемственности.

У Николая Майорова есть стихотворение «Отцам», где поэт рассказывает о своем детстве. Нет, «в нем не было ни Монте-

Кристо, ни писем тайных с желтым сургучом». С поразительной точностью, будто он сам все это видел (Майоров родился в 1919 году), воссоздается сцена ареста отца: пристав, штыком вспарывающий перину, худые, сгорбленные спины солдат, отец, выплонувший в ладонь багровый зуб, какой-то бог, важно нахмуривший брови на выцветшей иконе, и мать, как птица, бьющаяся в рыданиях. Но это — не игра памяти, сберегшей все слышанное в детстве, это — возвращение к истокам во имя дальних дорог.

Мне стал понятен смысл отцовских вех.

Отцы мои! Я следовал за вами

С раскрытым сердцем, с лучшими словами,

Глаза мои не обожгло слезами,

Глаза мои обращены на всех.

Они не во всем могли разобраться и не на каждый вопрос своего времени могли дать ответ. Но отвергали благостное созерцательство, умиротворенную расслабленность.

Всеволод Багрицкий спорил со своим «гостем» («Гость»), которого устраивают общие слова, готовые формулы, для которого тревожные раздумья и беспокойные стихи — «чепуха».

Они, конечно же, были романтиками, влюбленными в солнце, землю, земные радости. Юношеская мечта порой уносила куда-то в неизведанные края, манила удивительными приключениями, звала на дальние моря. И тогда рождалась «Бригантина», озорная и чуть грустная песня Павла Когана во славу странствий, смелости и риска, отвергающая комнатный уют и унылые комнатные разговоры. Но бригантина неизменно возвращалась к земным берегам. Мечта опускалась на землю. И не мельчала, не погружалась в уныние.

Сознание преемственности, революционная неудовлетворенность, постоянная жажда практических действий предохраняли и от ухода в заоблачные дали и от спокойного самодовольства.

Мирза Геловани в стихотворении, посвященном Ленину, говорит о силе, какую ему дает революция, вечно хранимый образ вождя:

И снова жизнь моя полна надежды,

Усталость — прочь,

и я готов опять

Осуществлять задуманное прежде,

Не соглашаться,

пробовать, дерзать.

Молодая поэзия отличалась неукротимой действенностью, духовной активностью. «Больше всего следует бояться безразличия, равнодушия, апатии», — писал Кубанев в одном из писем. «Самое страшное в мире — это быть успокоенным», — восклицал Михаил Кульчицкий.

В послевоенные годы приобрело известность стихотворение Павла Когана «Гроза», давшее название посмертному сборнику поэта. Столько написано стихов о грозе! Можно ли тут увидеть, сказать что-то заново, по-своему, не скатиться на привычный ряд образов и ассоциаций? Тем более, что восемнадцатилетний автор еще только начинал, еще только пробовал свои силы в поэзии. Но перечитайте стихотворение, и вы увидите: гроза у Когана не похожа на примелькавшиеся поэтические грозы. Целеустремленно и страстно отобранные приметы раздвигают рамки привычного символа. Они нагнетаются с нарастающим напряжением. Поэту по душе сокрушающая сила ветра и воды, стремительность и крутизна. Нет, гроза не должна уходить. А если она и уйдет, то туда, «где девушка живет моя». От этой неожиданно трогательной строки веет разрядкой, успокоенностью. А упавший выводок галчат — как бы осуждение пронесшегося вихря. Можно было бы радоваться воцарившейся тишине... Но стих неожиданно резко ломается, обнажая свой истинный смысл. Тишина не нужна, в ней — равнодушие. Подобно заклятию звучат венчающие стихотворение строки. Угол, нарисованный вначале, — антипод овала, олицетворяющего жизненную обтекаемость, умиротворенное безразличие:

Я с детства не любил овал,
Я с детства угол рисовал!

Было бы бестактностью по отношению к памяти молодых стихотворцев, боявшихся, как бы их посмертно не «прикрасили и припудрили», приписывать им неодолимые победы, не видеть следы литературных влияний, ученической подчас еще зависимости от своих наставников. Не требуется большой проницательности, дабы обнаружить строки и рифмы, навеянные Маяковским, Тихоновым, Багрицким, Асеевым, Сельвинским, Пастернаком. Молодые поэты ненавидели любую ложь, в том числе и благобно возвеличивающую за гробовой доской; они мечтали остаться в памяти такими, какими были, — с корявыми, порой торопливыми строчками, с не всегда додуманными до конца мыслями, с не доведенными до точки спорами, со своими увлечениями и заблуждениями, со всем своим нехрестоматийным обликом.

Нет оснований преувеличивать заслуги рано погибших моло-

дых поэтов перед отечественной литературой, утверждать, что все написанное ими совершенно, что именно в них время обрело лучших своих выразителей. Еще опрометчивей было бы считать, что молодые составляли некую автономию внутри предвоенной литературы, что они видели и понимали нечто недоступное другим. Молодые поэты разделяли и настроения, и устремления, и заблуждения своего времени. Но нельзя не сказать об их отношении к существовавшему в искусстве тех лет довольно заметному направлению, в котором преобладало не отягощенное мыслями бодрячество, казенно-лозунговый оптимизм, чувства не столько глубокие, сколько показные. Это направление, отражавшее влияние культа личности, к счастью, слабо задело лишь становившихся на ноги поэтов, по крайней мере наиболее талантливых из них. Они поняли, скорее даже почувствовали, несоответствие подобного искусства своему сложному времени. Помогли хороший вкус, внутренняя культура, а главное — сознание сопричастности наиболее здоровым и плодотворным тенденциям советской литературы. На гладкие, облегченные строки хотелось ответить резким, режущим слух словом, размашистым оборотом, неотесанным прозаизмом, хотелось, по признанию М. Кульчицкого, чтобы свистели «наших стихов угластые кастеты».

Им не дано было разобраться во всех сложностях и трудностях своего времени, понять причины и корни иных противоречивых и мрачных явлений, огульной подозрительности, жертвой которой нередко оказывались их близкие. Но наиболее глубокие и серьезные из них о многом тревожно задумывались, искали ответы на трудные вопросы и в некоторых своих произведениях (скажем, «Монолог» и роман в стихах П. Когана) касались острейших проблем тех лет.

Да и с дурными нравами, которые под воздействием культа личности насаждались в редакционно-издательской практике, они не желали мириться. Случалось, некоторые из них предпочитали не публиковаться, чем пасовать перед редакторским произволом. В одном из писем к родным М. Кульчицкий рассказывает, что в «Московском комсомольце» напечатали его стихи о Маяковском: «Но выбросили лучшую строфу и исковеркали две строчки. Сейчас меня мучает: продолжать ли работу над поэзией — или начать халтурить: легче и выгодней! Я (это больной вопрос всех моих друзей) железно решил, что это — последняя моя уступка сегодняшним поэтическим нравам». С сознанием собственного достоинства, с верой в свои силы Кульчицкий добавляет: «Мы сумеем войти в литературу — и поэтами, а не халтурщиками».

Недругами были не только халтурщики, но и всевозможные снобы, эстеты. Предстояло вести борьбу на два фронта, сохраняя свое лицо, отстаивая свои боевые принципы. В другом письме родным, относящемся также к апрелю 1940 года, Кульчицкий пишет: «Решали разную мелочь, вроде дисциплины этической и начала кампании против халтурщиков и эстетов. Лозунг: кастетом по эстетам».¹

За образец в своем поведении и творчестве поэтическая молодежь брала Маяковского. И этот пример предостерегал от многих ошибок и оплошностей. О Маяковском писал едва ли не каждый из молодых. Его имя мы встречаем в письмах М. Кульчицкого, ему посвящено большое стихотворение В. Кубанева.

У них было настойчивое стремление прорваться стихом в завтра, стать необходимым людям грядущего, найти с ними общий язык. Обостренно чувствующие свое время, они старались заглянуть за линию горизонта. И если умели различить не все, то одно разглядели ясно — войну, одно услышали отчетливо: «военный год стучится в двери». Когда поезд еще не виден, его приближение предвещает напряженно-глуховатый звон рельсов. Надо только приложить к ним ухо. Вот так чутко и настороженно вслушивались молодые в свое время, улавливая издали доносящийся топот солдатского сапога войны. Они выросли, сформировались в предошущении боев, подвигов, походов. Это предошущение вошло во многие стихи, порой даже в самые мирные, далекие от военной темы. Вошло настолько органично, что иной раз и не знаешь, к разряду каких его отнести — «мирных» или «военных». И сами они не признавали такого деления.

Война стала рубежом, который отделил начинающих поэтов 40-х годов от последующих поколений.

Отступили споры, сомнения, скоротечные тревоги. Все накопленное, освоенное, пережитое — лишь преддверие грядущего, лишь подготовка к подвигу...

Погибший в 1942 году Павел Коган еще до войны, в ту пору, когда газеты пестрели сообщениями о «добрососедских отношениях с Германией», предвидел подвиг победителей Берлина, могилы на Шпрее. Он вспоминал московские праздники, допотопные грузовики, что возили детвору по нарядно разукрашенным улицам, вспоминал своих друзей в старых пиджаках, в валенках, остав-

¹ Выдержки из писем М. Кульчицкого взяты из рукописного архива поэта, собранного В. Швейцер.

шихся с довоенных (до первой мировой войны) времен и думал о смертельных боях на Шпрее, думал и верил:

Мальчики моей поруки
Сквозь расстояния и изморозь
Протянут худенькие руки
Людям коммунизма.

Ветер далеких походов уже долетал до тесных институтских коридоров, где спорили и читали свои стихи молодые поэты.

Вот и мы дожили,
Вот и мы получаем весточки
В изжеванных конвертах с треугольными штампелями.

Это писал Павел Коган в письме другу детства Жоре Лепскому, служившему в одном из гарнизонов Западной Украины, Жоре Лепскому — автору музыки к «Бригантине». Стихотворение так и называлось «Письмо». В нем были хорошо теперь известные строчки о поколении «лобастых мальчиков невиданной революции», чеканная биография поколения.

Война все ближе подбиралась к этому поколению. Она уже пристреливалась к нему. В марте 1940 года на Петрозаводском направлении погибли студенты Литературного института поэты Николай Отрада и Арон Копштейн. Весть об их гибели принес комсорг батальона Платон Воронько. В этом же батальоне служил Михаил Лукошин, рассказавший впоследствии о героической гибели двух поэтов. После ранения вернулся с финской кампании еще один молодой поэт — Сергей Наровчатов.

Война, армия входили в жизнь поэтов, все настойчивее определяя их творчество и их судьбы. Кульчицкий как-то писал товарищу: «Читал стихи в одной из казарм одной из частей нашей Красной Армии. Когда я увидел тех, для кого я пишу, у меня застлало глаза, и это как было! Ведь я чего хочу — только чтоб все стихи мои впечатать в книгу подсумочного формата, пусть и с фамилией, пусть и так. . .»

Наступало понимание жестокости предстоящих боев, тяжести, которая выпадет на долю народа; возникало страстное и самоотверженное желание разделить эту долю, принять самое трудное, коль потребуется — смерть.

Революционно-патриотические мотивы неизменны в творчестве советских поэтов. Они всякий раз находят особые формы. Но мысль едина и едино восприятие жизни, самого в ней характерного: контраста новой реальности по сравнению со старым.

Вырабатывался новый тип поэта — активного общественного деятеля, строителя советского государства, советской культуры. Таких поэтами были многие из тех, о ком идет речь в этой статье, таким, в частности, был основоположник кабардинской поэзии Али Шогенцуков. За четыре десятилетия своей жизни — Али Шогенцуков родился в 1900 году и погиб в ноябре 1941-го — он столько увидел, изведал, сделал, что этого с лихвой хватило бы на несколько человек. Трудно назвать область культурной жизни Кабарды, в которой бы он не принимал участия. Народное образование и журналистика, разработка кабардинского алфавита и организация национального театра, радиокомитет и помощь начинающим литераторам. Но никогда Шогенцуков не выпускает из рук пера. Он создает стихи, поэмы, рассказы... А когда наступает час войны, идет на фронт.

В жизни и в поэзии А. Шогенцуков был неизменно верен клятве, провозглашенной им еще в 1924 году:

Учитель и отец народов, Ленин,
Я на пути, завещанном тобой,
В любви и ненависти неизменен,
Неустршим пред бурей любой!

У каждого из поэтов — своя судьба, свои победы, удачи, срывы, заблуждения. И не любая строка способна прорвать пелену лет, засверкать при свете сегодняшнего дня. Но в наследии каждого стихи о Ленине — самые страстные, самые искренние, а потому и самые живучие. И когда мы восхищаемся нравственной стойкостью поэтов, их мужеством и непреклонностью, то понимаем истоки этих достоинств. Верность ленинским идеям, идеям революции и коммунизма делала поэта борцом и гражданином, определяла его творческое лицо и общественный облик.

Если можно говорить о типичной биографии поэта, формировавшегося в 20—30-е годы, то она почти всегда включала в себя учебу, практическую работу, журналистскую деятельность, поездки по стране. А едва прогремели первые выстрелы Великой Отечественной войны — фронт. Это подтверждается и биографиями поэтов, отдавших жизнь в боях за Родину, творчество которых не

представлено в настоящем сборнике (Владимир Аврущенко, Вячеслав Афанасьев, Андрей Угаров, Джусуп Турусбеков, Константин Реут, Андрей Ушаков, Абдула Жумагалиев, Александр Ясный и др.).

Леонид Вилкомир, талантливый журналист, не считал себя поэтом и не печатал стихов. Лишь сейчас, много лет спустя после его гибели, мы знакомимся с его стихотворениями, столь характерными для 30-х годов. Для поэта не существует жизни вне того, чем живет народ, что создается крепкими руками рабочих и крестьян. Самые простые повседневные дела вызывают восхищение и подъем, идущие от сознания своей кровной им причастности.

Как радостно видеть
Готовый пролет,
Первой вагранки литье
И чувствовать, что ежедневно растет
Настоящее дело мое!

В стихотворении «Горы» абхазский поэт Леварса Квициния вспоминает прежних певцов этих мест Лермонтова и Хетагурова, — они бы теперь совсем по-другому писали о некогда «немытой России», и Коста, восклицавший: «Плачьте, горы!» — сказал бы: «Ликуйте, горы!» Л. Квициния был талантливым и плодовитым поэтом. Все его творчество проникнуто восхищением перед своим временем, перед Родиной. Названия поэм и книг говорят о темах, волновавших поэта: «Ленин», «Ткварчелстрой», «Миллионы голосов», «Комсомол» и т. д.

Энтузиазм, открытость отличают поэтическое творчество поры довоенных пятилеток. С сердечным радушием, с неиссякаемым дружелюбием воспевал силу и мастерство человеческих рук, труд, преобразующий природу, Вадим Стрельченко. Это о нем говорил Юрий Олеша: «На примере Стрельченко можно еще раз установить, как важно для поэта иметь свою тему, знать, что хочешь сказать. Когда образы, сравнения, эпитеты, краски и мысли поэта бегут по струне единой темы, они приобретают особенную яркость: «хлопок и рис... эти нежные стебли труда». Если бы Стрельченко не был проникнут пониманием того, что человек благодаря труду преобразует природу, то у него не родился бы такой смелый образ, в котором само понятие природы заменено понятием труда». ¹

¹ «Литературная газета», 1948, 10 января.

Биография многое объясняет в творчестве, помогает понять, откуда приходят краски, слова, образы. Шестнадцать лет Вадим Стрельченко опубликовал свое первое стихотворение. В то время он был учеником одесской профшколы «Металл». Потом стал слесарем на заводе и продолжал писать. О чем? О кузнецах, о мельнице, о грузчиках, о своих товарищах. Он пристально всматривался в чудо слияния труда, пламени и металла, рождающее совершенство линий и форм, всматривался, мечтая о совершенстве поэтического слова.

С середины 30-х годов стихи Стрельченко появляются на страницах «толстых» столичных журналов, на полосах «Литературной газеты». К молодому поэту приходит популярность. Его строки привлекают свежестью, самобытностью поэтического строя, светлым мироощущением. Поэт радостно воспринимает жизнь, и радость эта от сознания своей общности с людьми, которых он считает друзьями.

В стихотворении «Хозяйке моей квартиры» поэт просит не вешать замок на его комнату: «Нужна ли мне ограда от всех моих друзей!» И не надо вешать картину, — лучше повесить ветку молодой акации. И не надо нести самовар, — лучше принести глобус. Хорошо, если б можно было расставить по углам пилу, кирку и весла!

Едва не каждое стихотворение Стрельченко — признание в верности и дружбе. Пусть ничто не разделяет людей — ни стены домов («Двери настежь», «Моя улица», «Человек», «Нет вестей, а почтальонов много...»), ни расстояния («Родине», «Люди СССР»), ни незнакомые языки («Приглашение в Туркмению», «Дорога на Фирюзу», «Ночная песня в Арпаклене», «Работники переписи»). В небольшом стихотворении «Смотрителю дома» поэт характеризует себя как человека,

...который всюду
Славить будет землю и людей,
На земле трудящихся, —
Покуда
Не земля — на нем,
А он — на ней!

Перечитывая сборники Вадима Стрельченко, мы убеждаемся, что ему, как и большинству поэтов 30—40-х годов, были присущи и тревожные мотивы, связанные с угрозой надвигающейся войны. Он видел не только солнце, сияющее над землей, но и тени

винтовок, упершихся в землю; видел «солдата Европы» (так назывались стихи), которому лгут, уверяя, будто тень винтовки шире и выше дерева. Поэт хочет развеять обман, сгустившийся вокруг этого солдата, найти слова, переубеждающие его. Благородная вера в силу слова, способного остановить войну, а точнее — в силу интернационального братства, — одна из особенностей поэзии 40-х годов.

Поэзия, размышляя об истоках происходящего, нащупывала нити преемственности, звенья исторической цепи. И тогда современность обретала пространственную глубину. В одном из своих стихотворений Юрий Инге писал в 1941 году:

...Но все дела до нашего кануна
Припомнили мы вражьему штыку:
Твой эшафот, Парижская коммуна,
И траур твой, истерзанный Баку.

Орды басмачьей шумные копыта,
Столбы сосновых виселиц и плах
И легкий прах расстрелянного Шмидта,
Что мы несли на поднятых руках.

История — не перечень канувших в Лету дней, а современница и соучастница ныне происходящего. И не вообще история, а те ее гордые, пропахшие пороховым дымом, пропитанные кровью страницы, что повествуют о борьбе за свободу и справедливость. Им-то чаще всего и посвящал свои стихи Юрий Инге. Ему принадлежит поэма «Биография большевика», посвященная одному из организаторов петроградского комсомола Васе Алексеву, стихи о Кирове, Тельмане, о ветеранах революции, трагедия в стихах «Жан-Поль Марат». Но, как у всякого поэта, у Юрия Инге была своя, кровная тема, и куда бы ни уносила его живая, неумемная фантазия, куда бы ни бросала беспокойная судьба журналиста, он так или иначе, раньше или позже возвращался к тому, что манило с юности, с первых стихотворных опытов. Юрий Инге был певцом моря — морской романтики и морской отваги.

Сын портового служащего и внук лоцмана, он с детства увлекался Стивенсоном, бредил каравеллами и бригантинами. С годами каравеллы и бригантины уступили место торпедоносцам и подводным лодкам. Юрий Инге принадлежал к числу поэтов, исподволь, издавна готовивших себя к военному жребию. Еще в те годы, когда, казалось, не обязательно думать о штыке и бое, он написал стихотворение «Порох» (1933). В нем было свое, достаточно трез-

вое понимание времени и его перспектив. Ю. Инге — поэт многообразный, не чуждавшийся и сокровенно-интимной лирики. Но часто, очень часто даже в таких стихах у него звучала тревожная настороженность. Обращался ли он к любимой («Пограничная зона»), пел ли «Колыбельную» сыну, мысль его вырывалась за порог комнаты, всматривалась в будущее, угадывая в нем боевые грозы. Сегодняшняя и завтрашняя участь поэта и тех, кто ему всего дороже, неотрывны от этого грозового будущего. Достоверность ощущений, оправданность предвидений помогали Ю. Инге преодолеть книжную отвлеченность иных образов, сообщали лирике патристическую гражданственность.

Знакомясь с творчеством поэтов, ставших впоследствии фронтовиками, мы замечаем, что нередко именно военная тема, предполагавшая сосредоточенность мысли, собранность чувства, строгость и целеустремленность, делалась школой поэтического мастерства — именно она учила отбирать весомое слово, отличать истинную романтику, подлинное мужество от литературной бутафории, книжной имитации. Война вырывалась в предвоенную поэзию, нарушая свойственное ей порой бравурно-фанфарное звучание (в тех, разумеется, случаях, когда сами боевые стихи не грешили «шапкозакидательством» и не напоминали лихую барабанную дробь). Грядущие бои, неясные контуры которых едва угадывались в перспективе лет, заставляли требовательнее и суровее относиться к своему назначению поэта.

Это заметно хотя бы на примере двух дальневосточных поэтов — Вячеслава Афанасьева и Александра Артемова, дарование которых плодотворнее всего проявилось именно в военных стихах. Оба они писали о суровой и прихотливой природе Приморья, о тревожных пограничных ночах, чуткий сон которых нередко разрывали винтовочные выстрелы.

О, тишина границы роковая...
Я напрягаю зрение и слух...
Со мной моя винтовка боевая,
И пес мой рядом, верный страж и друг!

Это писал Вячеслав Афанасьев. А Александр Артемов в стихотворении «Десант», напечатанном в июльско-августовском номере журнала «Знамя» за 1941 год, увлеченно рассказывал о боевом эпизоде, относящемся к советско-финской кампании. Оба поэта стали солдатами Великой Отечественной войны, оба героически погибли в боях. Случилось так, как предсказывал В. Афанасьев:

Застигнутый последней метой
И не успев всего допеть,
Благословлю я землю эту,
Когда придется умереть...

Иногда среди погибших поэтов мы наталкиваемся на дарования такого мягкого лиризма, когда кажется: меж стихов о лесах и реках, о любви, свиданиях и расставаниях не встретишь набатных строк, рожденных памятью о боевом прошлом и мыслями о чреватом бурями настоящим. Но такое впечатление обманчиво. Истинному поэту не дано избежать кипений и тревог эпохи.

Сын крестьянина Тверской губернии Иван Федоров работал в Ленинграде столяром-краснодеревцем. А ночами писал стихи о родной природе, о бессмертном городе на невском берегу, о людях, возводивших его. Он умел увидеть «на листьях отблеск юности лучистой», заметить: «осина помахала красным платком косому клину журавлей»; умел с приметливыми деталями описать, как сельские ребятишки ловят рыбу. Но детство для него было не только вольготной радостью беззаботного существования. В стихотворении «Память о детстве» Иван Федоров с гордостью произносил:

Нам дорог берег, обретенный
Отцами в схватках боевых.
Котовский, Щорс, Чапай, Буденный —
Герои сверстников моих.

В 1940 году Федоров написал небольшой цикл «После боев», навеянный недавними сражениями на Карельском перешейке. Цикл состоял из трех восьмистрочных стихотворений: «Танки ночью», «Водитель грузовика» и «Конница». Тонкий и раздумчивый лирик, он знал цену мужеству и цену победы:

Был воздух чище влаги родниковой
(Два-три в году — так редки эти дни!) —
Шла конница, притуплены подковы
Об острые карельские кремни.
Когда прошли по-боевому спору
Два скорбных, неоседланных коня,
Я шапку снял, — почтил бойцов, которым
Не довелось прожить такого дня.

Среди подданных державы, именуемой «советской поэзией», были и такие, которые никогда не отделяли «служенья муз» от армейской службы. Одна из улиц Кронштадта носит имя Алексея Лебедева — моряка и поэта, о котором Николай Тихонов сказал: «Он любил море. Он ушел от нас в море, и море не возвратило его. Нам осталась только память о нем, память о талантливом поэте, сказавшем только первое свое слово, память о верном товарище и прекрасном бойце, преданном сыне родины».¹

Откуда у паренька, родившегося в Суздале и проведенного детство в Иванове, со школьной скамьи неутолимая мечта о море? Любовь к литературе, к слову можно объяснить: мать, учительница, сумела привить сыну интерес к книге. Но почему подручный слесаря вдруг бросает гаечные ключи, молотки, зубила, едет на Север и становится матросом?

Алексей Лебедев успел выпустить две книги стихотворений. Это был поэт моря, флота, умеющий находить романтику в повседневных делах, составляющих корабельный быт, учебу, службу, способный опозитизировать и ремонт шлюпки, и одежду моряка, и артиллерийские таблицы, и даже строевую подготовку. Артиллерийские и сигнальные таблицы, шлюпки и бескозырки никогда не заслоняли для него человека, создавшего флот и ведущего корабли. Свою первую книгу «Кронштадт» он открывал программным стихотворением:

Я хочу не говорить о водах,
О штормах, летящих от Хайлоды,
Я хочу сказать о мореходах,
Побеждавших бешенство погоды.

О бойцах, изведавших глубины,
Берегущих пушки и рули,
Жгущих уголь, знающих машины,
Выводящих в битву корабли...

Острый интерес к людям и флоту заставлял думать об их прошлом, проследивать традиции, искать предтечи. Ведь здесь, на берегах Невы, на траверзе Гангута, у стен Кронштадта, творилась история. Сверкнул красный луч маяка, и в ночи фантазия поэта совершает чудо — вновь открывает гангутскую эпопею. И выходит галерный флот, и стучат весла, и Петр сбрасывает промокший камзол...

¹ А. Лебедев. Морская сила, Иваново, 1945, стр. 6.

Петр, Гангут, первые флотоводцы — это славное, дорогое, однако уже ставшее достоянием веков, почерпнутое из книг и только из книг. Но вот живое, словно бы увиденное собственными глазами — «Дорога таманцев».

Алексей Лебедев был певцом революционного героизма, революционных традиций нашего флота. Своей излюбленной теме он отдавался со страстью. Для него название известного фильма «Мы из Кронштадта» было исполнено высокого, нестареющего смысла. Он был счастлив тем, что мог про себя и своих товарищей сказать: «Мы из Кронштадта». Лебедев на все смотрел глазами моряка, поглощенного и увлеченного романтикой своей службы. И это была настоящая, пусть иногда несколько наивная поэзия. За ней вставал человек цельный и искренний, не допускающий разлада между тем, за что он ратует в стихах, и тем, чем живет.

3

Антифашистская война в Испании относится к событиям, которые задела, вероятно, каждого советского поэта. До сей поры поэзия, развивая один из своих ведущих идейных мотивов, обращалась к все более отдалявшемуся прошлому, к боям и походам гражданской войны; теперь история поставила ее лицом к лицу с новым жестоким врагом, угрожавшим не только революционному Мадриду, но и вождельно мечтавшим о нападении на Советский Союз. Испанские бои стали предполем для Великой Отечественной войны. Тема защиты советской Родины приобрела четко обозначившуюся антифашистскую заостренность.

С разной силой таланта и мастерства, но с неизменной верностью идеалам интернационального единства, с кровной заинтересованностью в победе испанского народа создавались стихи о сражениях, развернувшихся на Пиренейском полуострове. Географическая удаленность не ослабляла живого интереса и глубочайшей тревоги. Ни о чем в ту пору не писали с таким искренним волнением, как об Испании. Верность революции, идее пролетарского братства, мечта о лучшем будущем человечества — все слилось в святой теме Испании.

...Взорвали сон Гвадалквивира
В крови погрязшая мортира,
От крови черные полки.

Сонный Гвадалквивир и черные от крови полки — отталкивание от литературного образца в понсках злободневного образа... Лишь сейчас, по прошествии более чем двух с половиною десятилетий, извлекаем мы из старых блокнотов не публиковавшиеся прежде стихи Всеволода Лободы об Испании. Скромный и требовательный студент Литературного института не напечатал тогда вступление к циклу «Война». Видимо, цикл не был закончен.

Написанное в студенческие годы стихотворение Леонида Шершера об Испании называлось «Сны». Юношеская мечта о революционном подвиге, готовность отдать свое сердце бесконечно близким людям далекой страны, бьющейся с фашизмом, наполняет все существо двадцатилетнего поэта. Нередко именно испанскими стихами поэты внутренне готовили себя к грядущим боям. От охваченного пожарами Мадрида протягивались нити к будущим сражениям, угадывались завтрашние схватки, что ожидают нашу Родину, наш народ.

Убежденный антифашист Витаутас Монтвила, сам подвергавшийся в эту пору преследованиям буржуазных правителей Литвы, писал об Испании как о любимой стране, с ее борьбой связывал надежды на освобождение своей родины.

Способность искренне любить чужой народ, радоваться его радости, скорбеть его скорбью — и есть истинный интернационализм. Он-то и рождает такие стихи, как «Дом в Тортосе», — одно из лучших стихотворений Вадима Стрельченко.

Да и в богатом наследии Али Шогенцукова выделяется «Роза Пиренеев»: бои среди окутанных дымом и пылью мадридских окраин, почерневшие лица, запекшиеся губы и — краса Пиренеев, роза Сьерры... Поэзии дано сочетать несопоставимое. Восточная цветистость образов оттеняет мрачность сравнений, и взявшиеся за оружие дочери Испании встают перед нами во всем величии своего подвига.

От автора к автору, из стихотворения в стихотворение проходит мысль об Испании, о беззаветной борьбе ее народа как о решающем участке битвы за человечество.

Михаил Троицкий принадлежал к поэтам, в творчество которых Испания вошла продолжением, развитием одного из главных мотивов. Это и понятно. М. Троицкий по сути своей поэт армейский, военный, хотя красноармейцем он прослужил недолго, и круг его творческих интересов был завидно широк. Но армию Троицкий любил преданно, верно, до мелочей знал ее быт, военную технику и писал обо всем этом с удивительным проникновением. Он спосо-

бен был воспевать самое прозаическое занятие — чистку винтовки. В этом стихотворении были строки, помогавшие понять, как много значила для поэта армия, как прочно он к ней «прирос»:

О неудачах и обидах —
Всё мелкое забуду я,
Коль вижу — дружно в пирамидах
Винтовок строится семья.

Глазами армейца смотрел Михаил Троицкий на события прошлого, черпая в них жизненный и боевой опыт, глазами армейца следил за уходящим в небо самолетом, за лесами «заветных наших строек». Таким подходом продиктовано и его взволнованное стихотворение «Испания». Самое тягостное для поэта, человека дела и борьбы, сидеть в тиши кинозала и следить, как на экране разворачиваются бои. Так зарождается и все более крепнет мечта о личном участии в бою с фашизмом. Даже не мечта — насущная потребность. Характер борьбы, ее масштабы разрастаются. Полем боя становится не только Испания, но и весь земной шар. Все народы, все человечество со своей многовековой культурой вступают в единоборство с самым страшным и ненавистным врагом — фашизмом.

В творчестве каждого поэта существуют стихи, которые можно считать этапными. Для М. Троицкого это несомненно «Испания» и написанное спустя два года большое стихотворение «Штыковой удар» — до мелочей достоверное предчувствие грядущей войны. Силой воображения поэт представил себе поле, «раскрытое, как ладонь», «разрывов черные объятия», почувствовал грозное напряжение современного боя, осознал цену победы. Пройдет еще немного времени, и в сорок первом году Михаил Троицкий подведет некий итог:

Всё было сказано когда-то.
Что добавлять? Прощай, мой друг.
И что надежней плеч солдата
Для этих задрожавших рук?

Для Всеволода Лободы, Леонида Шершера, Вадима Стрельченко, Алексея Лебедева, Михаила Троицкого, для этих не похожих друг на друга поэтов, как и для многих их собратьев по стихотворному цеху, путь на Великую Отечественную войну начался стихами о войне в Испании. Тогда состоялось первое, хоть и заочное, знакомство с врагом; тогда впервые, хоть и приблизительно, обозначились размеры опасности, надвигающейся на Родину.

Испанским стихам, в том числе и помещенным в нашем сборнике,

нельзя отказать в искренности, горячности. Однако чаще всего перед нами запечатленные приметы событий, взволнованные отклики на события, но еще не осмысленное поэтическое их воплощение.

Испанская война — одна из самых трагических страниц в истории XX века. С испанскими сражениями связывались самые вдохновенные и благородные надежды. С небывалой силой вспыхнула вера в победу над угнетением и несправедливостью «в мировом масштабе». Революция вновь предстала в своем высшем проявлении. Ее интернациональная сущность получила новое действительное подтверждение. Но справедливая война испанского народа, за которой трепетно следило все человечество, все советские люди, которой посвящались стихи, написанные на десятках языков, — кончилась поражением, трагедией.

В поэзии конца 30-х годов все настойчивее утверждался бравурный тон, исключаящий трагедийность. Тон этот укоренялся исподволь и постепенно. Выступая против упадничества и маловерия, критика подчас ставила под сомнение право поэта на такие чувства, как тревога, тоска, на раздумья, — даже тогда, когда эти чувства и раздумья вызывались вовсе не унынием. Жизнеутверждение, которым от века дышала рожденная революцией поэзия, подчас получало прямолинейное, элементарное истолкование. В статье «Поэзия — душа народа» В. Луговской вспоминает: «Как-то А. М. Горький, прослушав мои стихи из второй книги «Большевикам пустыни и весны», сказал, задумчиво поглаживая усы: «А вы думаете, что единственное жизнеутверждающее чувство есть радость? Жизнеутверждающих чувств много: горе и преодоление горя, страдание и преодоление страдания, преодоление трагедии, преодоление смерти. В руках писателя много могучих сил, которыми он утверждает жизнь».¹

Проблемы гражданственные, общественно значительные, остро волновавшие поэтов, нередко решались упрощенно, укладывались в традиционные, а иногда и просто шаблонные формы. Эти отрицательные для искусства явления связаны, как мы знаем, с усиливавшимся в предвоенные годы воздействием культа личности Сталина. Здесь нельзя ничего упрощать и делать поспешных выводов. Эмоциональный заряд создавался годами, и годами формировалось мироощущение поэтов. Постепенно один человек становился живым олицетворением самого дорогого и близкого. Советская поэзия, родившаяся на гребне высочайшего народного подъема, порой слабо ощущала народную жизнь, повседневные свершения народа.

¹ «Литературная газета», 1957, 9 мая.

Такой разрыв неумолимо вел к канонизации однотипных и однообразных средств выражения, к распространению бездумно-бодряческих стихов. Их охотно клали на музыку и превращали в те самые модные песенки, которые Юлиус Фучик в одном из писем обобщенно называл «Спасибо, сердце!»¹

Из песни слова не выкинешь, и от творческой биографии поэта не отсечешь его стихов, рожденных не столько самой жизнью, сколько иллюзорными представлениями о ней и литературными поветриями. Даже в стихах, свободных от подражательства, исполненных непосредственного восторга перед своей страной, мы иной раз сталкиваемся с нежеланием осмыслить увиденное.

Мне двадцать лет. А родина такая,
Что в целых сто ее не обойти.
Иди землей, прохожих окликая,
Встречай босых рыбацек на пути,
Штурмуй ледник, броди в цветах по горло,
Ночуй в степи, не думай ни о чем,
Пока веревкой грубой не растерло
Твое на славу сшитое плечо.

Для талантливого Николая Майорова, поэта и историка, это «не думай ни о чем» — не совсем случайно. Все вокруг настолько увлекательно, ярко, заманчиво, что потребность постичь закономерности открывающейся жизни еще слаба. И литературная традиция, укоренившаяся в предвоенную пору, ее не усиливала. Хотя время, как никогда, требовало, чтобы его досконально осмысливали, не доверяясь универсальным определениям.

Оплошности и слабости тогдашней поэзии не оставались незамеченными. Корни их были скрыты от взгляда исследователей, но давало о себе знать чувство неудовлетворения, предпринимались критические поиски причин отставания, велись острые споры. Не только профессиональная критика, но и некоторые поэты испытывали беспокойство по поводу положения в своем цехе, прежде всего по поводу выхолащивания, оремесливания революционно-патриотической темы. Незадолго до войны Михаил Кульчицкий гневно писал:

Я верю, скажем музе:
 будь как дома...
Наряд тому, кто заржавил штыки.

¹ Цит. по кн.: И. Радолина, Рассказы о Фучике, М., 1956, стр. 67.

Мы запретим декретом Совнаркома
Писать о Родине

бездарные стихи.

В те же дни та же тревога, та же, вплоть до словесных совпадений, мысль — у ростовской поэтессы Елены Ширман. И та же надежда на декрет Совнаркома. Конечно, вера в усовершенствование поэзии с помощью декретов — наивность, но наивность, типичная для своего времени. Трактовать ее не следует буквально. Декрет Совнаркома — это воля народа, жаждущего одухотворенных и страстных, неостывающих слов о Родине — слов, способных стать оружием в жестоких боях.

4

С того зловещего предрассветного часа, когда над нашими городами и селами впервые раздался натужный вой гитлеровских бомбардировщиков, советская поэзия объявила себя «мобилизованной и призванной» на защиту Родины. И верно несла солдатскую службу до минуты, пока не прозвучал последний выстрел Великой Отечественной войны.

Это было трудное время. По зову Коммунистической партии советские люди поднялись на бой, в котором решался вопрос жизни и смерти Советской Отчизны. Писатели, не ограничиваясь творческой деятельностью, принимали непосредственное участие в боевых операциях, с оружием в руках отстаивая Родину. Более тысячи советских литераторов стали бойцами, командирами, политработниками, военными корреспондентами, около трехсот из них отдали жизнь в кровопролитных сражениях.¹

С первых дней войны изменились условия творчества и не мог не измениться его характер. Стихи, очерки, поэмы, рассказы создавались в землянках и траншеях, в недолгие часы фронтового затишья. Здесь же, рядом с писателем, находился его читатель и его герой. Быстрота реакции, оперативность, которую предполагали боевые обстоятельства, становились требованием, распространяемым и на творчество писателей-фронтовиков. «День на передовой, вечер в пути, ночь в землянке, где при тусклом свете копилки писались

¹ См.: «Советские писатели в Великой Отечественной войне». Библиографическая хроника. Составители А. Аскольдов, А. Коган, Т. Конопацкая, Л. Левицкий, Л. Медне. — «Новый мир», 1958, № 2, стр. 196.

стихи, очерки, статьи, заметки. А утром все это уже читалось в полках и на батареях».¹

Надо было писать очень быстро, надо было находить форму, обеспечивающую максимальную доходчивость, доступность написанного. В поэзии преобладает короткое, лозунгово броское стихотворение, обращенное непосредственно к солдату, прославляющее его мужество, зовущее на новые подвиги. Как правило, всем хорошо знакомая разговорно-газетная лексика, простота и точность рифмы, термины, пришедшие из военного дела и фронтового быта. Мысль исчерпывается текстом, формулируется с определенностью боевой команды. Стихотворение-призыв, стихотворение-разговор, когда идея предельно концентрирована, характерны для боевой поэзии, особенно на первом этапе войны.

Фронтная поэзия не теряет многообразия жанров, арсенал ее богат: здесь и лирические стихи, и поэмы, и раешник, и эпиграммы, и патетические обращения, и гневные призывы. Война не стерла поэтические индивидуальности, не причесала их на один лад, не выровняла по ранжиру.

Нередко боевая задача предопределяла выбор жанра, поэтику. Нужна листовка в стихах — писалась листовка, требовалось четверостишие к плакату или стихотворный фельетон — писались четверостишие и фельетон. Поэзия выступала непосредственной союзницей боевого оружия, она стремилась стать ближе солдатам, быть им необходимой, как воздух, как хлеб, как винтовка и снаряды. Опытные поэты не чуждались заметок и стихотворений в «Боевых листках». Юрий Инге не без гордости говорил:

Годы пролетят. Мы состаримся с ними.
Но слава балтийцев — она на века.
И счастлив я тем, что прочтут мое имя
Средь выцветших строк «Боевого листка».

Подобно тому как Советская Армия в боях овладевала воинским искусством, советская поэзия осваивала войну, внимательно всматривалась в человека, ведущего бой. Поэты познавали непривычную обстановку, словно бы обживались в ней. Это особенно заметно в стихах 1941 года. Вот одно из них, принадлежащее Борису Кострову:

Только фара мелькнет в отдаленье
Или пуля дум-дум прожужжит —

¹ Алексей Сурков, На дорогах войны, «Литературная газета», 1945, 5 мая.

И опять тишина и смятенье
Убегающих к югу раки... .

Но во тьме, тронув гребень затвора,
От души прокликает связист
Журавлинную песню мотора
И по ветру чуть слышимый свист.

Ну а я, прочитав Светлова,
Загасив в изголовье свечу,
Сплю в походной палатке и снова
Лучшей доли себе не хочу... .

Обострены слух, зрение. Глаз ловит отсвет далеких фар, ухо — свист пули. Казалось бы, обстановка не для поэзии. Но нет, под рукой — томик любимых стихов. А главное: «лучшей доли себе не хочу». Совсе не минутным затишьем порождено это чувство. Оно от уверенности — здесь, в походной палатке, мое законное место. И если через мгновенье артиллерийские разрывы нарушат тишину, если взрывная волна сорвет палатку, поэт все равно не захочет «лучшей доли».

В стихотворении Кострова приметы войны перемешиваются с приметами исконно мирными. Война еще только входит — и не совсем уверенно — в стих. Мотор, напоминающий журавлинную песню, томик Светлова, свеча в изголовье — все это словно бы свидетельствует о временности, относительности, нестойкости фронтового быта.

Но время идет. И поэзия как бы прорастает в этот быт, углубляется в его подробности, с заинтересованностью вглядывается в них, пробует на ощупь. Землянка, шинель, махорка, вещевой мешок, сапоги — все это, оказывается, может стать предметом поэзии, может немало рассказать о бойце, о его жизни и фронтовой судьбе.

Портянки сохнут над трубой,
Вся в инее стена... .
И, к печке прислонясь спиной,
Спит стоя старшина... .

Это стихотворение Бориса Кострова, датированное 1943 годом, воссоздает обыденную, ничем не примечательную жанровую сценку. Ночью, в стужу, старшина привез кухню. Он не поверил на слово командиру и решил сам убедиться, все ли бойцы накормлены. Пересчитал и тут же заснул, стоя у печки. Но Костров рас-

сказывает не только о человеческой доброте и внимании, бесценных на фронте. Он кончает стихотворение строками, трагизм которых особенно силен, ибо строки эти произнесены все так же ровно, будто вполголоса. Старшина привез обед уже убитым бойцам:

Они снежком занесены
И не придут назад.

Для нашей военной поэзии чрезвычайно характерно стремление точным и негромким словом передать напряжение и трагизм боя, внутреннее состояние бойца. На этот процесс в свое время обратил внимание Алексей Сурков: «Не надо пытаться перекричать войну. Чтобы живой человеческий голос не затерялся в хаосе звуков войны, надо разговаривать с воюющими людьми нормальным человеческим голосом. Но голос этот будет услышан, если говорящий и пишущий стоит близко, у сердца воющего человека. Достаточно даже беглого знакомства с тем лучшим, что создано советскими поэтами во время войны, чтобы заметить упорное стремление их к максимальной искренности и правдивости поэтического образа, а в стиле и в тональности стиха — стремление к переходу от громогласной выпренности тона к уравновешенной классической простоте и ясности поэтической строки. Именно этим своим качествам обязана советская поэзия своей невиданной популярностью у читателя в дни Великой Отечественной войны».¹

Война стала школой человеческой и поэтической зрелости, она выявляла истинную цену слова и дела, обещания и поступка, помогала понять истоки победы и причины некоторых неудач.

Сейчас, на расстоянии, нам особенно заметно, как культ личности, отрицательно сказавшийся на ходе военных действий, подчас сужал горизонты фронтовой поэзии, притормаживал ее развитие. С чем, как не с упованием на блистательно быструю победу, с известными сталинскими лозунгами о двойном ударе на удар поджигателей войны, о войне, которая будет вестись лишь на территории противника, и т. п., связано громогласно-живописное изображение боя?

Разрыв между декларированным и случившимся подчас вызывал растерянность, недоумение. Поэт из лучших побуждений порой пытался заглушить их громкими возгласами, живописной выпренностью. Иллюзорные представления предполагают свой поэтический строй, реальность — свой. Спор между ними неизбежен.

¹ Алексей Сурков, Советская поэзия в дни Отечественной войны, Стенограмма публичной лекции, М., 1944, стр. 12.

И неизбежна конечная победа образов, идущих от реалистического представления о действительности. Такую победу мы видим, перечитывая стихи, созданные на фронте, написанные, как говорил А. Сурков, «окопными поэтами». Зрелое и мужественное осознание фронтовой действительности диктовало уверенные и выверенные строки, безошибочно доходившие до того, кому они предназначались.

Личный опыт — основа поэтического творчества военных лет. Отсюда — обостренное восприятие боевой действительности, не мирившееся с приблизительностью и умозрительными представлениями. Последнее из известных нам стихотворений Михаила Кульчицкого — оно написано 26 декабря 1942 года — начинается ироническим замечанием по адресу «мечтателя, фантазера, лентяя-завистника», который очень красиво рисовал себе войну: «всадники проносятся со свистом вертящихся пропеллерами сабель». Поэт не щадит и себя самого. Он ведь тоже думал, что война — не такое уж трудное дело и «лейтенант, зная топографию... топают по гравию». Нет, все оказалось не так, совсем не так. Он рисует войну такой, какой увидел и понял:

Война ж совсем не фейерверк,
А просто — трудная работа,
Когда —
 черна от пота —
 вверх
Скользит по пахоте пехота.

Ритм последних строк передает затрудненное дыхание человека, по раскисшей дороге взбирающегося на гору.

Война стала работой, стала бытом. И боец уже рисуется не сказочным витязем, каким его изображали иногда на плакатах и в плакатных стихотворениях, а тружеником, чернорабочим боя. Ему чужда поза, высокопарные словеса. В поту и крови он делает свое нелегкое, необходимое для Родины дело. Отказ от живописности в изображении подвига вовсе не означает отказа от изображения подвига и героизма. Не помышляя о наградах и славе, боец идет и будет идти вперед:

На бойцах и пуговицы вроде
Чешуи тяжелых орденов.
Не до ордена.
Была бы Родина
С ежедневными Бородино.

С присущей ему категоричностью и прямою М. Кульчицкий от-
вергает фейерверочное изображение войны.

Разумеется, в данном случае следует иметь в виду не только
Кульчицкого. В его стихах, быть может, определеннее, чем у дру-
гих авторов, отражен процесс, характерный для фронтовой поэзии,
он сформулировал то, что почувствовали и осознали многие стихо-
творцы. Тема приобретала соответствующую ей строгость выраже-
ния. «Когда имеешь с ней дело, — писал критик В. Александров о
теме боя, — должны отпадать малейшие помыслы о литературном
эффекте».¹

Представление о войне как о повседневном труде само по
себе, разумеется, еще не гарантировало от погони за литературны-
ми эффектами. Нельзя забывать: фронтовые поэты в большинстве
своим были молоды, их литературный стаж нередко исчислялся
месяцами, несколькими годами. Неудивительно, что у них попада-
ются стихи, в которых нет-нет да и даст себя знать наигранная,
не чуждая рисовке мужественность, подчеркнутая безбоязненность
в подборе метафор, стремление поразить «находкой», пусть даже
натуралистической, зоркостью и остротой собственного наблюдения.

Некоторые фронтовые стихи, в частности В. Занаворова,
М. Кульчицкого да и других поэтов, полемичны своей образной си-
стемой. Сравнения и уподобления здесь подчас не совсем обычны
(защитные пуговицы шинели «вроде чешуи тяжелых орденов»). Не-
привычность образа передает тяжесть солдатского марша по рас-
кишей глинистой пахоте. Здесь каждый грамм — груз. И вот об
этом-то прежде всего и хочет сказать поэт, сам не раз проделав-
ший такой марш.

В. Занаворов, возражая: война — «вовсе не дымное поле сра-
жения», протестует против чисто внешнего воспроизведения боя.
Он хочет говорить именно о человеке, о том, что выпадает на его
долю, поэтому он пишет о юности, истлевшей в окопах, о блиндаж-
ном песке, о головной боли, о грязных разбитых дорогах, — но все
это ему важно не само по себе, а потому, что не может ослабить
и остановить человека, выполняющего свой долг. Поэзия не желает
ничего сглаживать и смягчать. Она умышленно делает упор на
трудности неприветливой фронтовой жизни, на холод, грязь, лип-
нущую к сапогам, неприютность окопных ночевков.

Опыт фронтовой поэзии подтвердил: нет незначительных тем.
Все дело в творческом осмыслении, в умении за простым фактом
или обыденной вещью увидеть человека, мир его чувств и мыслей.

¹ В. Александров, Фронтовые рукописи, «Новый мир»,
1963, № 2, стр. 34.

Утверждение жизненной правды, реалистических представлений, конечно же, не означали измельчания поэзии, превращения ее в окопное бытописание. Да, ее герой принимал на свои плечи груз невиданной тяжести, его солдатский путь оказался труднее и длительнее, чем можно было предположить; он потребовал сверхчеловеческого напряжения физических и духовных сил, — но герой не терял цели, во имя которой долгих четыре года шел дорогами войны. И поэзия тоже не теряла ее. Даже в самые мрачные минуты она не знала отчаяния и уныния, даже перед лицом смерти отвергала жертвенность.

Меня сегодня пуля миновала,
Сердцебиенье успокоив мне,
И в тот же час в лесу закуковала
Веселая кукушка на сосне.
Хорошая народная примета:
Нам жить сто лет, напополам деля
Всю ярость бурь и солнечного света,
Чем так богата русская земля.

Строки эти на берегу Северного Донца написал командир стрелкового взвода лейтенант Владимир Чугунов, жизнелюбивый поэт-сибиряк. Он умел писать о труде, о природе, во всем находя светлое, радостное:

И вот сосна совсем по-человечьи
Навстречу людям ветви подала,
Чтобы при новых и счастливых встречах
Под нею наша молодость цвела.

В его стихах люди, реки, леса жили общей радостной жизнью. И если сосна по-человечьи протягивала руки навстречу людям, то и они не оставались у нее в долгу. Чугунов рассказывает о веселых ребятах, которые принесли к сосне свои песни.

Таким Владимир Чугунов остался и во время войны, не помянувшись, не изменив своему жизнелюбию. Это был оптимизм бывшего человека, верящего в людей, в справедливость, в армейское товарищество. И его стихи, прочные, крепкие, светлые, как крестьянские дома в Сибири, распахнуты навстречу боевым друзьям. До последней минуты Владимир Чугунов радовался жизни, голубевшему после боя небу... Он погиб в атаке, сжав в руке пистолет. На деревянном обелиске друзья написали:

«ЗДЕСЬ ПОХОРОНЕН ВЛАДИМИР ЧУГУНОВ —
ВОИН — ПОЭТ — ГРАЖДАНИН,
ПАВШИЙ ПЯТОГО ИЮЛЯ 1943 ГОДА».

Фронтвая поэзия поражает щедростью мотивов, обилием красок. Бой не заглушил исконной поэтической темы — темы любви. Наоборот, усилил ее, придал ей новое звучание, обостренное и страстное.

В военных стихах рядом с образом солдата встает образ любимой. В нем воплощена мечта о счастье, победе, возвращении домой. Личное счастье невысказано вне счастья Родины. В лирических стихах человеческая судьба нерасторжимо переплетается с судьбой Отчизны.

Фронтвая поэзия сочетает в себе предельную искренность и мужественную сдержанность. Обращаясь к любимой, воин-поэт порой избегает говорить о походных тяготах, о смерти, которая подкарауливает его за каждым бугром, за углом каждого дома.

Лежит он, как витязь,
В потоптанном жите.
Родную увидите —
Не говорите, —

просил товарищей молодой белорусский поэт Микола Сурначев в стихах, написанных незадолго до смерти (он погиб в апреле сорок пятого под Берлином).

Они часто пишут о разлуке, пишут откровенно и целомудренно. Их не оставляет мысль о любимой, ее образ стоит перед глазами, помогая перенести все мучения, все невзгоды.

Великая Отечественная война опровергла пословицу, утверждавшую: когда говорят пушки, молчат музы. Музы не молчали. В военное время поэзия расцвела, стала голосом народа, поднимающегося на священный бой. Гитлеровская пропаганда, пытаясь объяснить подъем советской военной поэзии, изошрялась в самых нелепых предположениях. Ольга Берггольц вспоминает эпизод, относящийся к периоду осады Ленинграда: «Однажды мы поймали специальную передачу, которую фашисты посвящали Ленинградскому радио. Отмечая огромное количество передающихся по радио стихов, они с самым серьезным видом утверждали, что написать это сейчас невозможно и что все эти стихи были заготовлены Ленинградским радио... за три года до войны! Нелепость этого утверждения была даже не смешна, а как-то жутковата».¹

В осажденном Ленинграде, изнуренном артиллерийскими обстрелами и голодом, беззаветно работали военные поэты. Здесь не-

¹ «Литературная газета», 1957, 15 октября.

надолго, но ярко вспыхнул талант Георгия Суворова, прожившего на свете всего двадцать пять лет. Когда смотришь на фотографию и видишь этого добродушного и лукаво улыбающегося юношу с лейтенантскими кубиками в петлицах, трудно поверить: неужели он действительно изведет все, что дано изведать на войне. А между тем это так. Под Ельней Суворов был ранен в грудь и сам вырвал осколок. Лежал в госпитале, вернувшись в строй, командовал взводом противотанковых ружей. Гвардейскую часть, где он служил, бросали на самые опасные участки Ленинградского фронта. На войне, в блокадном Ленинграде, Суворов почувствовал себя поэтом и стал им. Но первая и единственная книга стихов Суворова «Слово солдата» вышла уже после его смерти.

Эти стихи и воспоминания товарищей восстанавливают обаятельный облик одаренного поэта и бесстрашного офицера. Николай Тихонов, познакомившийся с Георгием Суворовым в военном Ленинграде, пишет: «Он любил свой далекий сибирский край, любил рассказывать про кедровые леса, про скалы над быстрой рекой, про охотничьи тропы, про охотников и золотонскателей... Он писал стихи в блиндажах, в окопах, перед атакой, на отдыхе под соснами, расщепленными осколками бомб и снарядов. У него не было времени отделять стихи, не было времени думать об отвлеченных темах. Он писал свои строки, как дневник о непрерывной борьбе с врагом, писал с предельным волнением патриота, настоящего сына замечательной Родины, с упорством молодого большевика, с жаром подлинного энтузиаста. Он влюбился в Ленинград горячей юношеской любовью. Он обходил его улицы и сады в редкие дни отпуска, и столько хорошего было в этом юном сибиряке, столько пылкости и нерастроченных сил!»¹

Г. Суворов пишет о том, что ему ближе всего: Сибирь, Ленинград, фронт. Он не признает лишних слов и жестов. Убедительнее всего сейчас дело, поступок, подвиг. Это должны понять и современники и потомки.

Мы стали молчаливы и суровы.

Но это не поставят нам в вину...

За такой молчаливостью — нерастроченное духовное богатство, неутолимая жажда познания, неисчерпаемая доброта. Поэт словно впитывает в себя окружающий мир и возвращает миру свой стих.

Суворов не раз видел, как умирают на поле боя, и не однажды писал об этом — немногословно, строго:

¹ Георгий Суворов, Слово солдата, Л., 1954, стр. 4.

Боец встает. Огонь. И, тих,
Он падает у вражьих дотов.

В одном из стихотворений Суворов рисует поле сражения. Он все видит глазами бывалого командира, знает, каково подняться из насиженного окопа, каково слышать постылый свист осколков. Он смотрит вокруг «усталыми глазами», опаленными огнем и дымом. Но среди воронок взгляд останавливается на чудом уцелевших березках. Значит, несмотря на кровь и смерть, жизнь торжествует. Он восторженно любит цветы, принесенными в блиндаж: «Я пьян цветами». Война не погасила их неистовое пламя. Но цепь радостных ассоциаций вдруг обрывается:

.. Как кровь пунцовая соколя,
Как память павших здесь в бою
За жизнь, за Родину свою, —
Они цветут на этом поле.

Здесь, в окопах, прижатых к Неве, он оставался охотником, таежным жителем. Он бродил по ленинградским улицам, его сумка была набита книгами любимых поэтов, он ходил в атаку и отбивал атаки немецких танков. Но всегда в нем жила стойкая память о таежных чашах, звериных тропах, память о «золотоликой Сибири». Нежданно-негаданно здесь, под Ленинградом, поэт увидел на заре косача:

Земляк! И предо мною голубые
Встают папахи горных кедрачей,
Как бы сквозь сон, сквозь шорохи лесные
Я слышу ранний хохот косачей.

Он не сводит глаз с полулунных крыл и не поднимает винтовку: «Охотник я. Я знаю толк в приметах — кто птицу бьет, тот зверя не убьет».

Георгий Суворов умел наблюдать жизнь. Зорче всего он присматривался к своим окопным друзьям, ловил каждое их слово, в их честь слагал свои стихи, сурово сосредоточенные и возвышенные одновременно. Его поэзия — как рука, протянутая товарищу.

5

В первые дни и месяцы войны, а также летом 1942 года фронтовая обстановка складывалась не в нашу пользу. Приходилось оставлять врагу города и села — землю, пропитанную потом и

кровью. Отступление подчас сопровождалось паникой, вызывало растерянность. В таких условиях, как никогда, возрастала роль поэтического слова, вселявшего уверенность в победе, звавшего к стойкости и героизму. Надо было уметь сказать горькую правду так, чтобы она не парализовала, а воодушевляла. Николай Тихонов писал: «Мы не хотим скрывать ни дней тягостного отступления, ни дней жестоких боев, ни огромного напряжения сил страны на пути к победе... Правда о войне — это рассказ, который должен потрясти души и сердца, раскрыть все моральные богатства, всю глубину могучего духа советского человека».¹ Чтобы создать такой рассказ, найти такое слово, писатели должны были испытать из той же чаши бедствий и невзгод, что и солдаты.

Поэты и прозаики в солдатских шинелях проделали вместе с армией горестный путь отступления и на этом пути еще более сроднились с бойцами и командирами, еще острее почувствовали значение своего труда. Это помогало создавать призывно звучащие произведения, исполненные веры в советского человека, в его готовность достойно перенести ни с чем не сравнимые трудности.

Биография каждого из погибших поэтов — волнующий рассказ о слитых воедино жизни и творчестве; о творчестве, одухотворенном высокой целью. Мы не знаем всех биографических фактов, но знаем источник силы, поднимавшей на подвиг, диктовавшей патристические строки.

«Я очень люблю жизнь... — писал с фронта Павел Коган, — но если б мне пришлось умереть, я умер бы как надо. В детстве нас учили чувству человеческого достоинства. И мы не можем разучиться, как не можем разучиться дышать».

Человек с большим сердцем, Джек Алтаузен трижды с оружием в руках вырывался сам и выводил людей из окружения и плена, поднимал бойцов в атаку. Одним из первых писателей-фронтовиков он был награжден орденом Красного Знамени.

Подобно легенде звучат факты, относящиеся к последнему периоду жизни Мусы Джалиля. Они собирались по крупицам, и каждый служил новым штрихом в портрете героя-поэта. Когда война подходила к концу, в апреле 1945 года, солдаты, сражавшиеся за Берлин, случайно нашли в Моабитской тюрьме записку: «Я — известный татарский поэт Муса Джалиль. Меня казнят за подпольную борьбу с фашистами... Прошу передать мой последний привет друзьям, родным...» Через некоторое время бельгийский

¹ Отечественная война и советская литература. — «Большевик», 1944, № 3-4, стр. 26.

антифашист Андре Тиммерманс прислал из Брюсселя предсмертные стихи своего друга и соседа по камере Мусы Джалиля. Так началась вторая жизнь Мусы Джалиля, числившегося в списках пропавших без вести.

В июне 1942 года в боях на Волховском фронте тяжело раненный в грудь старший политрук Муса Джалиль попал в плен. А затем — лагерь: Холмский, Демблинский, Вустрау. Весной 1943 года в лагере под Радомом (Польша) Муса Джалиль возглавил подпольную организацию военнопленных. Гитлеровское командование намеревалось восполнить огромные потери в своих войсках легионами из пленных нерусской национальности. Ему навстречу поспешили холоуи из числа эмигрантов-националистов. Муса Джалиль решил воспользоваться планами гитлеровцев и затеей националистов. В комитете ему поручили «культурное обслуживание». «Меня хотят послать в легион, — сказал Джалиль одному из товарищей. — Уж там-то я найду для себя работу». Это были не слова. Легион, сформированный под Радомом, восстал по дороге на фронт. Пополнение получили не гитлеровские войска, а партизаны. Потом восстал следующий легион. Фашистам пришлось двинуть войска на его подавление. Охваченные яростью гестаповцы с помощью предателя раскрыли конспиративную организацию. Подпольщики, и среди них Муса Джалиль, были арестованы. Джалиля заковали в кандалы, бросили в зловещий гитлеровский застенек Моабит. Начались пытки, издевательства, избиения. Окровавленный, возвращался Муса Джалиль с допросов и доставал блокнот. Когда конец уже был близок, Джалиль передал стихи А. Тиммермансу. В завещании было сказано: «Если эта книжка попадет в твои руки, аккуратно, внимательно перепиши их набело, сбереги их и после войны сообщи в Казань, выпусти их в свет как стихи погибшего поэта татарского народа...»

Муса Джалиль мечтал, чтобы его стихи, созданные в глухой тюремной камере, дошли до Родины, жили в народе. И они живут. Они переведены на немецкий язык; их читают в странах народной демократии; Луи Арагон перевел их на французский язык. Подвиг и поэзия Героя Советского Союза Мусы Джалиля стали достоянием великого множества людей.

Мы перечитываем стихи, листаем документы, воспоминания, письма, и перед нами словно проходят погибшие герои. Мы видим их последние шаги, слышим их последние слова. «...Немцы наступали колоннами, поддержанные огнем из самоходной пушки «Фердинанд», — говорится в наградном листе на гвардии сержанта Бориса Котова. — Расстреляв запас мин, сержант Котов воору-

жился винтовкой и гранатами, бросился на немцев и вступил в рукопашный бой. Уничтожая врагов гранатой, винтовкой и прикладом, т. Котов наводил панику в рядах противника и, когда немцы подались назад и обратились в бегство, преследовал врагов. Своей храбростью Котов увлекал за собой остальных бойцов. Осколком мины т. Котов был убит. Он пал смертью храбрых в борьбе за свою Родину...» В наградном листе описан последний бой Бориса Котова на днепровском плацдарме, принесший ему посмертную славу Героя Советского Союза.

Но Борис Котов был не только отчаянно смелым сержантом, он был взыскательным поэтом, чьи стихи ценили донбасские шахтеры. Быт шахтерский, праздники и будни — все это было исполнено для Бориса Котова высокого смысла. Обо всем этом он слагал стихи и песни. Читая Котова, видишь, как совершенствовалась его поэзия, вызревала мысль, полновеснее становилось слово, полнозвучнее рифма. Он был настойчив в поисках, упорен в труде, не разрешал себе довольствоваться легкой удачей. Борис Котов пробовал силы и в прозе, однако, верный своему требовательному отношению к литературе, не спешил публиковаться. В последних стихах, написанных ровно за месяц до смерти, в последней их строчке, Борис Котов произнес дорогое ему слово «Донбасс»...

О гибели новосибирского поэта Бориса Богаткова поведали его товарищи по оружию. Это было 11 августа 1943 года. Шел бой за Гнездиловскую высоту, прикрывающую подступы к Спас-Деменску. Захлебнулась одна атака, вторая. И тогда гвардии старший сержант Борис Богатков поднял своих автоматчиков и снова бросился вперед. Наша пехота ворвалась во вражеские окопы. Но закреплялась в них уже без Богаткова. Он пал в бою.

Вся недолгая жизнь Бориса Богаткова — устремление к этому последнему подвигу. С началом Великой Отечественной войны Богатков пошел в армию. О том, как он сюда стремился, рассказывает стихотворение «Наконец-то!», посвященное повестке-вызову на призывный пункт.

Богаткову не повезло. Вскоре при налете вражеской авиации он был тяжело контужен и демобилизован по состоянию здоровья. В 1942 году Богатков вернулся в Новосибирск, где жил одно время до войны. Но мысль о возвращении в армию не оставляла его. Он пишет стихи о прощании на вокзале, об эшелоне, мчащемся к фронту. И обивает пороги военкоматов. После долгих хлопот Богатков добился своего. В начале 1943 года его зачисляют в Сибирскую добровольческую дивизию...

Среди погибших поэтов были такие, которые, подобно Мусе

Джалилю, встретили смерть в глухом фашистском застенке, а перед смертью познали предательство, пытки, мучения. Но не поступились своим достоинством гражданина, до последнего дыхания были верны тому, что воспевали в стихах. И гибель их стала продолжением их песен во славу Родины.

Микола Шпак, сын крестьянина, рано и успешно начал свою поэтическую деятельность. Еще юношей, в 1928 году он напечатал первые стихотворения, а потом, один за другим, стали появляться его сборники. Он принес в поэзию запахи колосющегося поля, разнотравья, трудового пота. При всей своей лучезарности поэзия Миколы Шпака вовсе не благодушна. Поэт всегда помнит:

...Но свобода человеку,
Ох, и трудно достается —
За свободу платят кровью,
Жизнью платят все народы.

Рядом со стихами о созидании и привольном счастье у Шпака встают стихи о походах, боях, героях гражданской войны. Прощаясь с друзьями после срочной службы в армии, поэт говорит:

Снимаю звездочку с фуражки,
Но воинном останусь навсегда...

Верный своему слову, Микола Шпак в самом начале войны добровольно пошел в армию. Он участвовал в обороне Киева и здесь попал в окружение. Но не сложил оружие. Шпак пробирается в родное село Липки, сколачивает из молодежи партизанскую группу, ведет активную подпольную работу. Группа собирает оружие, рассказывает правду о положении на фронтах, распространяет сводки Совинформбюро, а также воззвания, листовки и сатирические стихи, подписанные Пилипом Комашкой. Под этим псевдонимом скрывался Микола Шпак. Созданное им в подполье составило в дальнейшем книгу «К оружию!», названную так по одному из самых сильных стихотворений.

Но и охваченный праведным гневом, Микола Шпак оставался лириком. Он писал стихи, полные сердечного сочувствия к людям, обреченным на муки оккупации («Украинские дивчата», «Ой, рачна¹ в неволе...», «Матери друга»). Он не уставал напоминать:

И крепко мы верим,
И твердо мы знаем,

¹ Р а и н а — пирамидальный тополь.

Что волю добудем
Родимому краю!

Весной 1942 года гестапо напало на след партизанской группы Микола Шпака. Подпольщики с боем пробились к лесу. Теперь Шпак держит путь в Киев. Он надеется связаться с киевскими подпольщиками, наладить типографский выпуск своих стихов. Но нашелся изменник, выдавший Шпака. Гестаповцы схватили поэта, бросили в тюрьму и вскоре казнили... Дата смерти Микола Шпака неизвестна.

Дым сражений и безмолвные тюремные стены поглотили тайну последних минут многих воинов-поэтов. Миновало более двадцати лет, прежде чем до нас дошли подробности расправы гитлеровцев с поэтессой Еленой Ширман. Они люто ее ненавидели, редактора ростовской агитгазеты «Прямой наводкой», автора патриотического сборника «Бойцу Н-ской части», и наконец смогли дать волю своей звериной злобе. На ее глазах гитлеровцы расстреляли отца — черноморского штурмана — и мать, приказали ей самой вырыть им могилу. На следующий день поэтессу повели на казнь. С нее сорвали одежду, заставили рыть могилу теперь уже себе... Кто знает, о чем думала, что пережила в эти часы Елена Ширман, еще в юности написавшая:

...Жить! Изорваться ветрами в клочки,
Жаркими листьями наземь сыпаться.
Только бы чують артерий толчки,
Гнуться от боли, от ярости дыбиться.

Они любили жизнь, но еще дороже им была Отчизна. Глядя в пустые глаза смерти, поэты произносили слово, которому суждено было стать последним. Но это не только лично ими выстраданное слово. Оно рождено мыслью, волей и напряжением тысяч людей, рядом с ними шедших на бой.

Поистине неиссякаема человеческая глубина лучших поэтических произведений периода Великой Отечественной войны. Она обеспечила им новую жизнь в наши дни, приблизила их к людям 60-х годов, научившимся, как никогда, ценить человеческую личность, ее богатство, достоинство и свободу.

Нам не дано забыть то, что создавалось во имя счастья Родины и грядущих поколений, тех, чей талант и чья безвременно обрвавшаяся жизнь были устремлены в будущее.

В. Кардин

СТИХОТВОРЕНИЯ

АЛЕКСАНДР АРТЕМОВ

Александр Александрович Артемов родился в 1912 году. Начал писать стихи с пятнадцати лет. Вначале читал их на вечерах и комсомольских собраниях, потом стал печатать в дальневосточных изданиях, а вскоре в московских и ленинградских журналах. В 1939 году в Дальгизе выпустил сборник «Тихий океан»; в 1940 году — «Победители».

Творчество Александра Артемова неотделимо от Дальнего Востока. Поэт вдоль и поперек исколесил Приморье, часто встречался с воинами, охранявшими дальневосточные границы. Эти поездки, встречи дали богатый материал для стихов, посвященных Приморью и пограничникам — участникам боев с японскими самураями.

Александр Артемов увлекался историей, изучал прошлое Севера и Дальнего Востока, писал о былых походах, об исследователях и землепроходцах. Он написал также цикл стихотворений о героях гражданской войны, балладу о Михаиле Попове, адъютанте Сергея Лазо.

В 1940 году Александр Артемов поступил в Литературный институт им. Горького. Но учеба продолжалась недолго. В 1941 году поэт ушел добровольцем на фронт и погиб в боях за Родину.

1. ЗНАМЯ

Уже остывает нагретый разрывами камень,
Уже затихает гремящий с утра ураган.
Последний бросок. Из последних окопов штыками
Бойцы выбивают и гонят с вершины врага.

Как мертвые змеи, опутали сопку траншей,
Бетонные гнезда пологий усыпали скат,
И, вытянув к небу холодные длинные шеи,
Разбитые пушки угрюмо глядят на закат.

И встал командир на земле, отвоеванной нами,
Изрытой снарядами и опаленной огнем,
И крикнул ребятам: «Товарищи, нужно бы знамя!..»

Поднялся, шатаясь, с земли пулеметчик. На нем
Висели клочки гимнастерки, пропитанной потом,
Обрызганной кровью. Он вынул спокойно платок,
Прижал его к ране, прожженной свинцом пулемета,
И вспыхнул на сопке невиданно яркий цветок.

Мы крепко к штыку привязали багровое знамя,
Оно заиграло, забилось на сильном ветру.
Обвел пулеметчик друзей голубыми глазами
И тихо промолвил: «Я, может быть, нынче умру,

Но буду гордиться, уже ослабевший, усталый,
До вдоха последнего тем, что в бою не сробел,

Что кровь моя знаменем нашего мужества стала,
Что я умереть за отчизну достойно сумел. . .»

Над темной землей и над каменной цепью дозорной,
Над хилым кустарником, скошенным градом свинца,
Горело звездой между скал высоты Заозерной
Священное знамя, залитое кровью бойца.

<1939>

Владивосток

2. ДОРОГА ОТЦОВ

Походным порядком идут корабли,
Встречая рассветные зори;
И круглые сутки несут патрули
Дозорную службу на море.

За мыс Поворотный, до мыса Дежнёв
На север идти нам в тумане.
Для наших судов быстроходных не нов
Охранный поход в океане.

Но в годы былые здесь шли наугад
Корветы в далекое плаванье.
Здесь, тихо качаясь, спускался фрегат
На дно Императорской гавани.

Здесь Лаптевы морем и берегом шли
На север, в просторы седые,
И в тундре для них маяками зажгли
Эвенки костры золотые.

Шли прадеды наши в белесом дыму
Меж северных льдов и утесов
И мерли, цинготные, по одному,
И море сбирало матросов.

И море доселе их прах бережет
В подводных вулканах, на лаве.
Сердца наши голос прадедовский жжет
Призывом к победе и славе.

Здесь Беринг великий в полуночной тьме
Покоится рядом с морями,
И ржавые ядра на низком холме
Недвижно лежат с якорями.

Шли наши отцы по высоким огням,
Созвездий дорогою млечной,
Они оставляли моря эти нам
Во власть и наследство навечно.

И нашим судам по заливу одним
В походы идти на рассвете.
Путями отцов мы идем, и по ним
Суда поведут наши дети.

Летит за кормой одинокий баклан,
И стаи проносятся чаек.
Идут корабли в голубой океан,
Зарю молодую встречая.

Мы знаем дорогу и ночью и днем,
Наш компас проверен отцами.
Мы древним путем в океаны идем —
Путем, завоеванным нами.

<1939>

3. СТИХИ О РАЗВЕДЧИКЕ

Июль. За Уралом пора сенокоса
Уже отзвенела давно.
В полях яровых наливается просо,
Пшеничное крепнет зерно.

Кузнечик в гречихе трещит неумолчно,
Высоко взлетают стрижи.
А здесь, на Посъете, в тумане молочном
Холодная полночь лежит.

И тянутся белые дымные косы
По ветру на скаты высот.

Горбатая сопка, гранитная осыпь,
В окопе, под осыпью, — взвод.

Поодаль немного болотные кочки,
В густом тростнике берега.
На сопке вверху пулеметные точки,
Бетонные гнезда врага.

Прошел уже час, как уполз осторожно
Разведчик на сопку, и вот
Его ожидает в окопе тревожно
Дозорный недремлющий взвод.

Безмолвны горы обнаженные скаты,
Всё тихо пока, всё молчит.
Но вдруг загремели ручные гранаты
На сопке в туманной ночи.

Еще и еще, за разрывом разрывы,
Протявкали и смолк пулемет.
Вот кто-то по осыпи рядом с обрывом
Нетвердой походкой идет.

Упал. Тяжелы, видно, горные тропы,
Лежит он в крови и пыли.
Уже санитары бегут из окопа,
Бойца поднимают с земли.

«Скажите комвзводу — врага поражение
В бою неминуемо ждет.
Готов для атаки проход в загражденьи,
Гранатой разбит пулемет. . .»

Всё тихо, так тихо здесь в сумраке мгlistом,
Что слышно биенье сердец.
На кровью залитой земле каменистой
Забылся и бредит боец.

И видится парню знакомое небо,
Просторы поёмных лугов,
Шумящие полосы проса и хлеба
И серые шлемы стогов.

Под ветром сухие проселки пылятся,
Бегут ручейки под бугром,
И машет ветряк, и не может подняться,
Как птица с подбитым крылом...

Очнулся, глаза приоткрыл и устало,
Чуть слышно, промолвил: «Друзья,
В Тамбовском районе, в колхозе осталась
Моя небольшая семья.

Так матери вы не пишите, пожалуй,
Я сам напишу ей... потом...
А брату родному... На возрасте малый...
Пусть едет сюда...»

И с трудом
Разведчик на локте поднялся. Но скоро
Упал и забылся опять.
Сползал, осыпая росинки на горы,
Туман в приозерную падь.

Взлетало широкое пламя рассвета
Над гладью воды голубой.
За землю Тамбова, Ташкента, Посьета
Шли дети республики в бой.

<1939>

4. ХАСАН

На ветру осыпаются листья лещины
И, как яркие птицы, несутся в простор.
Покрываются бронзой сухие лощины
И горбатые древние выступы гор.

Над кривым дубняком, на крутом перевале,
Опереньем сверкая, взлетает фазан.
В окаймленье вершин, как в гранитном бокале,
Беспокойное озеро — светлый Хасан —
Расшумелось у сопок, шатая утесы,
Поднимая у берега пенный прибой.

И волна, рассыпая тяжелые слезы,
Бьется глухо о камни седой головой.

Так о сыне убитом, единственном сыне,
Плачет старая мать, будто волны у скал,
И в глазах ее выцветших долгая стынет
Напоенная скорбью великой тоска.
Молчаливые горы стоят над Хасаном,
Как тяжелые створы гранитных дверей,
И повиты вершины белесым туманом,
И разбиты утесы огнем батарей.

И на склонах исхлестанной пулями сопки,
На камнях обомшелых, в покое немом,
Под косыми камнями ржавеют осколки
Отвизжавших снарядов с японским клеймом.

Угасает закат, ночь идет на заставы.
Грозное молчанье тревогу таит.
Нерушимой вовек, будто памятник славы,
Высота Заозерная гордо стоит.

1939

5. НОЧЬЮ

Другу, поэту — Вяч. Афанасьеву

Потухло багровое пламя зари.
Сова поднимает тяжелые веки,
Садится сова на кедровые ветки,
Сова зажигает глаза-фонари.

Подернулись пади дремотным туманом,
Заухали филины гулко в ночи,
Луна пожелтела над сонным Иманом,
Как спелая дыня с осенней бахчи.

На небе, вблизи от ночного светила,
Погасли холодные искорки звезд.
На темное море луна опустила
Пути золотые на тысячи верст.

Туман осыпая серебряной пылью,
Сова расправляет лохматые крылья,
Летит тяжело над полями, лесами
И в полночь блестящими смотрит глазами.

И кажется старой, что тропкою длинной
По горным хребтам, к океанской воде,
Идут от широкой сучанской долины
Неясные легкие тени людей.

И кажется древней, что ночью зловещей
Не грозы гремят над простором морей,
Не гневные волны у берега плещут,
А эхом разносится гул батарей.

Ушастая слушает чутко, но это
Лишь гром поездов на далеких мостах,
Гудки теплоходов, да ветер с Посъета,
Да уханье филинов в лунных кустах.

А тени, неясные легкие тени —
Лишь клочья тумана у вздыбленных гор
Да призрачный дым полуночных видений,
Что утром уносится ветром в простор.

И с криком печальным угрюмая птица
Глядит на прибой океанских валов.
За нею туман одичалый клубится
В лиловых огнях перегнивших дубов.

Садится сова на обрыве прибрежном
И клювом забрызганный чистит наряд.
Легенды о давнем, сказанья о прежнем
Ей сопки Приморья в ночи говорят.

<1940>

6. НАСТУПЛЕНИЕ

Пугливо метнулись вороны
Над врытыми в снег валунами.

Вся в оспинах черных воронок
Поляна легла перед нами.

Немного правей, у болота,
Где бой завязался, наверно,
Как дятлы, стучат пулеметы,
Упорно и чуточку нервно.

Мы прыгаем с кочки на кочку,
Ложимся, за ротою рта,
И ухаает глухо, как в бочку,
За спинами бас миномета.

«Вперед! . . .» Поднимаемся молча,
Повзводно, готовые к бою.
Над нами тягуче, по-волчьи,
Снаряды бризантные воют.

Невидные лыжные тропы
К поляне ведут, а за нею
От едкого дыма темнеют
В пологих сугробах окопы.

До них недалеко. Мы снова
Встаем, ожидая приказа.
Короткое резкое слово
По ротам проносится сразу.

«В атаку! . . .» Четыреста глоток
«Ура!» понесли, подхватили
На скованных льдами болотах,
В наносах серебряной пыли.

Когда же надолго устали
Гранаты греметь,
Над штыками
Деревья, как пленные, встали
С простертыми к тучам руками.

*Март 1940
Москва*

7. КОРАБЛИ УХОДЯТ В МОРЕ

Едва приподнимутся флаги
Над ровною гладью залива
И дрогнут в зеленых глубинах
Прожорливых рыб плавники, —
Над берегом белые чайки
Взвиваются стаей крикливой,
И, кончив последнюю вахту,
Мерцают вдали маяки.

Синеет высокое небо,
И солнце встает над водою.
Гонимые ветром проворным,
Туманы спускаются с круч.
Над городом в утреннем дыме
Пылает огромной звездой
В широких зеркальных витринах
Рассветный приветливый луч.

Мы снова на вахту выходим,
Плывем в голубое безбрежье,
В спокойное яркое утро,
В рассвет, что на море упал.
Мы видим, как по носу прямо
Дельфин заблудившийся режет
Спинным плавником заостренным
Ленивый шлифованный вал.

Мы в море уходим надолго,
И путь наш красив и завиден,
И мы ни о чем не жалеем,
И мы не грустим ни о ком.
И с нами прощается город,
Который мы снова увидим,
И машет нам берег весенний
Черемухи белым платком.

Свежеет погода, и ветер
В антенне назойливо свищет,
Туман наползает, и воет
У рифов тревожный ревун,

И чайки у берега кружат,
Садясь на пробитое днище
Кунгаса, что выброшен морем
На скалы в последний тайфун.

Но пусть поднимаются волны,
На палубу брызги роняя,
И ветер от края до края
Туман расстиляет седой,
Мы к вахтам тяжелым привыкли,
Мы ночью и днем охраняем
И нашу весеннюю землю,
И наши сады над водой,

И город, поднявший высоко
Багряные трубы заводов,
И узкие тихие бухты
С хребтами по трем сторонам,
И зелень полей урожайных,
И наши просторные воды,
И всё, что зовется Отчиной,
Что близко и дорого нам.

<1941>

ВСЕВОЛОД БАГРИЦКИЙ

Всеволод Эдуардович Багрицкий родился в 1922 году в Одессе в семье известного советского поэта. В 1926 году семья Багрицких переехала в г. Кунцево. Писать стихи В. Багрицкий начал в раннем детстве. В школьные годы он помещал их в рукописном журнале; еще учась в школе, в 1938—1939 годах работал литературным консультантом «Пионерской правды». Зимой 1939—1940 года Всеволод вошел в творческий коллектив молодежного театра, которым руководили А. Арбузов и В. Плучек. В. Багрицкий — один из авторов пьесы «Город на заре». Затем он пишет вместе со студийцами И. Кузнецовым и А. Галичем пьесу «Дуэль».

С первых дней войны В. Багрицкий рвется на фронт.

В канун 1942 года В. Багрицкий вместе с поэтом П. Шубиным получает назначение в газету Второй ударной армии, которая с юга шла на выручку осажденному Ленинграду.

Он погиб 26 февраля 1942 года в маленькой деревушке Дубовик, Ленинградской области, записывая рассказ политрука.

Похоронили В. Багрицкого возле села Сенная Кереть, около Чудова. На сосне, под которой похоронен Багрицкий, вырезано несколько перефразированное четверостишие М. Цветаевой:

Я вечности не приемлю,
Зачем меня погребли?
Мне так не хотелось в землю
С родимой моей земли.

8. ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ

Простой папиросный коробок
Лежал на моем столе,
И надпись на нем
(Два слова всего)
«Северный полюс».
Но вдруг
 мне показалось,
Что начал он светиться необычным огнем,
Что голубая крышка его ожила.
И в глазах
 стали пятнадцать радуг в ряд,
Пятнадцать спектров.
А кайма,
 белая простая кайма,
Вдруг превратилась в большие холмы
Хрипящего сдавленного льда.
Я понял — это полярная ночь,
Это — звенящий арктический лед,
Это — поэма моя!

1938

9. ГОСТЬ

Молодой человек,
Давайте поговорим.
Хочу я слышать голос ваш.

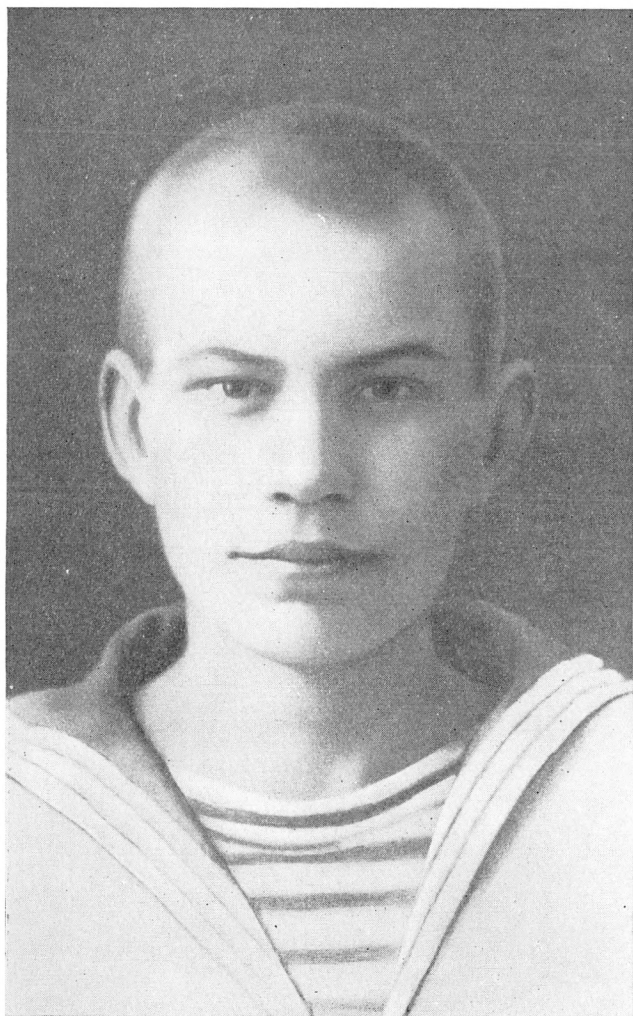
С фразой простой,
С словом простым
Приходите ко мне
На шестой этаж.
Я встречу вас за квадратом стола,
Мы чайник поставим.
Тепло. Уют.
Вы скажете:
«Комната мала...»
И спросите:
«Девушки не придут?»
Сегодня мы будем с вами одни.
Садитесь, товарищ, поговорим.
Какое время! Какие дни!
Нас громят, или мы громим?
Я вас спрошу.
И ответите вы:
«Мы побеждаем,
Мы правы».
Но где ни взглянешь — враги, враги...
Куда ни пойдешь — враги.
Я сам себе говорю — беги!
Скорее беги.
Быстрее беги.
Скажите — я прав?
И ответите вы:
«Товарищ, вы неправы!»

Потом поговорим о стихах
(Они всегда на пути).
Потом вы скажете:
«Челуха!
Прощайте, мне надо идти».

Я снова один,
И снова мир
В комнату входит мою,
Я трогаю пальцами его,
Я песню о нем пою.
Я делаю маленький мазок,
Потом отбегаю назад
И вижу: мир зажмурил глазок,

Всеволод Багрицкий

Борис Богатков

Потом открыл глаза.
Потом я его обниму, прижму.
Он круглый, большой, крутой.
И гостю ушедшему моему
Мы вместе махнем рукой.

1938

10. КАРТИНКА

Тихо плавая, качаются
Облака в большом кругу.
То исчезнут, то встречаются,
То собой осоку мнут.
И рыбак седой, угрюмый,
Наклонившись над водой,
Весь объятый странной думой,
Разговор ведет с собой.
Он смотрит сосредоточенно
На огромный поплавок:
Скоро ль будет приурочено
С силой выдернуть крючок?
А кувшинки якорь бросили
И желтеют вдалеке. . .
Это — гимн далекой осени,
Это — свежести букет.

1938

11. ДОРОГА В ЖИЗНЬ

Почему же этой ночью
Мы идем с тобою рядом?
Звезды в небе — глазом волчьим. . .
Мы проходим теплым садом.
По степи необозримой,
По дорогам, перепутьям. . .
Мимо дома, мимо дыма
Узнаю по звездам путь я.
Мимо речки под горою,

Через южный влажный ветер...
Я да ты, да мы с тобою.
Ты да я с тобой на свете.
Мимо пруда, мимо сосен,
По кустам, через кусты,
Мимо лета, через осень,
Через поздние цветы...
Мы идем с тобою рядом...
Как же вышло? Как поймешь?
Я остановлюсь. Присяду.
Ты по-прежнему идешь.
Мимо фабрики далекой,
Мимо птицы на шесте,
Мимо девушки высокой —
Отражения в воде...

1938

12. ПРОСТАЯ ДЕВУШКА

Родилась ты, и, наверно, где-то
Ярким светом вспыхнула звезда.
И всё так же двигались планеты,
Так же отъезжали поезда,
Так же разговаривали люди,
Ветры завывали у столба.
Ты не знала, будет иль не будет
У тебя счастливая судьба.
А потом пошли другие годы,
И, разгоряченная борьбой,
Ты дралась под знаменем свободы,
Новой окрыленная судьбой.
Ты ходила в кожаной тужурке
И в больших солдатских сапогах,
Ты курила в ледяной дежурке,
Раненых носила на руках.
Молодая радуга вставала
Над землею, где клубился бой.
Одиноко птица пролетала
Над твоею белой головой.
Мы тебя, как друга, хоронили,

Мы понуро шли лесной тропой.
Выросли деревья на могиле
Памятником девушке простой.

1939

13

Я много лет сюда не приезжал,
Я много лет сюда не возвращался.
Здесь мальчиком я голубей гонял,
Бродил по лесу, в озере купался.
На эти сосны мне не наглядеться.
Пойти гулять иль на траве прилечь?
Здесь всё мое!
Здесь проходило детство,
Которого не спрятать, не сберечь.
И яблоки, и свежий запах мяты,
Орешника высокие кусты,
Далекие вечерние закаты,
Знакомые деревья и цветы...
И весла надрываются и стонут,
И лодка наклоняется слегка...
А над рекой туман плывет
И тонут
Измятые водою облака.
Деревья тянутся к простору, к солнцу,
Еще я молодыми помню их.
Здесь всё как прежде!
Только детства нету
И нет уже товарищей моих.

1939

14

Уходило солнце. От простора
У меня кружилась голова.
Это ты та девушка, которой
Я дарил любимые слова.
Облака летели — не достанешь,
Вот они на север отошли...

А кругом, куда пойдешь иль взглянешь,
Только степь да синий дым вдали.
Средь прохлады воздуха степного
Легких ошутима глубина.
Ветер налетел. . . И снова, снова
Ясная вставала тишина, —
Это ночь. И к нам воспоминанья
Темные раздвинули пути. . .
Есть плохое слово «расставанье» —
От него не скрыться, не уйти.

1939

15

Мы вышли в сад
(Ты даже позабыла
Надеть пальто).
А нас встречает осень.
Она хрустит,
Так лишь хрустят суставы
Замерзших пальцев,
И к ногам слетает
Упругим яблоком,
Блестящим и холодным.
Мы вышли в сад.
И нам понятно стало,
Что детство кончилось,
Что этот сад,
Где раньше
Мы бегали,
Ловили птиц,
Смеялись, —
Теперь нам дорог
Как воспоминанье.
Калитка скрипнула.
Мы повернули вправо
И по мощеной улице пошли.
Тому назад лет десять,
По утрам,
Когда рассвет невнятно начинался,
Здесь шел пастух,

А перед ним покорно,
Сосредоточенно брели коровы.
И мы задумались...
Но вдруг из-за угла,
Подрагивая и гудя истошно,
Тяжелый показался грузовик.
За ним еще один...
Мы поспешили
Скорее удалиться с мостовой.
Шоферы презирали нас, наверно.
Мы молоды, свободны,
Нам не нужно
О прошлом, о далеком вспоминать.
Нам некому завидовать:
Мы сами
Огромный поворачиваем мир.
И то, что раньше в этом городке
Ютилось тихо и беспечно жило,
Вставало утром и на рынок шло,
И перед домом клумбы разбивало, —
Мы взяли в руки!
И, как в сказке, вырос
Прекрасный город силы и здоровья,
Веселым юношей с веселыми глазами!

.

Тебе не холодно?
Накинь мое пальто,
Взгляни кругом.
Ты видишь — этот город
Упорной нашей дружбой зарожден.

1940

16

Ты помнишь дачу
И качели
Меж двух высоких тополей,
Как мы взлетали и немели
И, удержавшись еле-еле,
Смеялись,
А потом сидели

В уютной комнате твоей?
Был час, когда река с луною
Заводит стройный разговор,
Когда раздумывать не стоит
И виснут вишни за забор.
На дачку едешь наудачку —
Друзья смеялись надо мной:
Я был влюблен в одну чудачку
И бредил дачей и луной.
Там пахло бабушкой и мамой,
Жила приличная семья,
И я твердил друзьям упрямо,
Что в этом вижу счастье я,
Не понимая, что влюбился
Не в девушку, а в тишину,
В цветок, который распустился,
Встречая летнюю луну.
Здесь, ни о чем не беспокоясь,
Любили кушать и читать;
И я опаздывал на поезд
И оставался ночевать.
Я был влюблен в печальный рокот
Деревьев, скованных луной,
В шум поезда неподалеку
И в девушку, само собой.

1941

17

Бывает так, что в тишине
Пережитое повторится.
Сегодня дальний свист синицы
О детстве вдруг напомнил мне.
И это мама позабыла
С забора трусики убрать...
Зимует Кунцево опять,
И десять лет не проходило.

Пережитое повторится...
И папа в форточку свистит,
Синица помешала бриться,
Синица к форточке летит.

Кляня друг друга, замерзая,
Подобны высохшим кустам,
Птиц недоверчивых пугая,
Три стихотворца входят к нам.

Встречает их отец стихами,
Опасной бритвою вода.
И строчки возникают сами,
И забывают про меня.

1941

18. ОДЕССА, ГОРОД МОЙ!

Я помню,
Мы вставали на рассвете:
Холодный ветер
Был солоноват и горек,
Как на ладони,
Ясное лежало море,
Шаландами
Начало дня отметив,
А под большими
Черными камнями,
Под мягкой, маслянистою травой
Бычки крутили львиной головой
И шевелили узкими хвостами.
Был пароход приклеен к горизонту,
Сверкало солнце, млея и рябя,
Пустынных берегов был неразборчив контур...
Одесса, город мой! Мы не сдадим тебя!
Пусть рушатся дома, хрипя в огне пожарищ,
Пусть смерть бредет по улицам твоим,
Пусть жжет глаза горячий черный дым,
Пусть пахнет хлеб теплом пороховым,
Одесса, город мой,
Мой спутник и товарищ,
Одесса, город мой,
Тебя мы не сдадим.

1941

Мне противно жить не раздеваясь,
 На гнилой соломе спать.
 И, замерзшим нищим подавая,
 Надоевший голод забывать.

Коченея, прятаться от ветра,
 Вспоминать погибших имена,
 Из дому не получать ответа,
 Барахло на черный хлеб менять.

Дважды в день считать себя умершим,
 Путать планы, числа и пути,
 Ликовать, что жил на свете меньше
 Двадцати.

1941

20. ОЖИДАНИЕ

Мы двое суток лежали в снегу.
 Никто не сказал: «Замерз, не могу».
 Видели мы — и вскипала кровь —
 Немцы сидели у жарких костров.
 Но, побеждая, надо уметь
 Ждать, негодую, ждать и терпеть.
 По черным деревьям всходил рассвет,
 По черным деревьям спускалась мгла.
 Но тихо лежи, раз приказа нет,
 Минута боя еще не пришла.
 Слушали (таял снег в кулаке)
 Чужие слова, на чужом языке.
 Я знаю, что каждый в эти часы
 Вспомнил все песни, которые знал,
 Вспомнил о сыне, козь дома сын,
 Звезды февральские пересчитал.
 Ракета всплывает и сумрак рвет.
 Теперь не жди, товарищ! Вперед!
 Мы окружили их блиндажи,
 Мы половину взяли живьем... .

А ты, ефрейтор, куда бежишь?!
Пуля догонит сердце твое.
Кончился бой. Теперь отдохнуть,
Ответить на письма. . . И снова в путь!

1942

21. ВСТРЕЧА

Был глух и печален простой рассказ
(Мы в горе многое познаем)
Про смерть, что черной грозой пронеслась
Над тихой деревней ее.
. . . Немало дорог нам пришлось пройти,
Мы поняли цену войне.
Кто, встретив женщину на пути,
О милой не вспомнит жене?
. . . Она стояла, к стене прислонясь,
В промерзших худых башмаках.
Большими глазами смотрел на нас
Сын на ее руках.
«Германец хату мою поджег.
С сынишкой загнал в окоп.
Никто на улицу выйти не мог:
Появишься — пуля в лоб.
Пять месяцев солнца не видели мы.
И только ночью, ползком,
Из липкой копоти, грязи и тьмы
Мы выбирались тайком.
Пусть знает сын мой, пусть видит сам,
Что этот разбитый дом,
Студеные звезды, луну, леса
Родиной мы зовем!
Я верила — вы придете назад.
Я верила, я ждала. . .»
И медленно навернулась слеза,
По бледной щеке потекла. . .
Над трупами немцев кружит воронье.
На запад лежит наш путь.
О женщине этой, о сыне ее,
Товарищ мой, не забудь!

1942

БОРИС БОГАТКОВ

Борис Андреевич Богатков родился в сентябре 1922 года в Ачинске (Красноярский край). Отец и мать его — учителя. Мать умерла, когда Борису исполнилось десять лет, и он воспитывался у тетки. Богатков учился в Ачинске, Красноярске, Новосибирске. С детских лет увлекался поэзией и рисованием. Хорошо знал стихи Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Багрицкого, Асеева. В 1938 году за поэму «Дума о Красном флаге» получил грамоту на Всесоюзном смотре детского литературного творчества. В 1940 году Богатков приехал в Москву. Работал проходчиком на строительстве метрополитена и учился на вечернем отделении Литературного института им. Горького.

С начала Великой Отечественной войны Богатков в армии. При налете фашистской авиации был тяжело контужен и демобилизован по состоянию здоровья. В 1942 году вернулся в Новосибирск. Здесь писал сатирические стихи для окон ТАСС, печатался в местных газетах. И упорно добивался возвращения в армию. После длительных хлопот Богаткова зачисляют в Сибирскую добровольческую дивизию. На фронте командир взвода автоматчиков старший сержант Богатков продолжает писать стихи, сочиняет гимн дивизии.

11 августа 1943 года в бою за Гнездиловскую высоту (в районе Смоленск — Ельня) Богатков поднимает в атаку автоматчиков и во главе их врывается во вражеские окопы. В этом бою Борис Богатков пал смертью храбрых.¹ Его имя навечно занесено в списки дивизии, его автомат передавался лучшим стрелкам взвода.

¹ В некоторых изданиях, в том числе в антологии «Поэзия Сибири», Новосибирск, 1957, указывается, что Богаткову было присвоено звание Героя Советского Союза. Как установлено, эти сведения ошибочны. Борис Богатков был посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени.

22. ИЗ ШКОЛЬНОГО ДНЕВНИКА

С завистью большой и затаенной
На отца смотрел я потому,
Что наган тяжелый, вороненый
Партия доверила ему.
Вечерами зимними, при лампе,
Он рассказывал,

 как их отряд
Атакующей кулацкой банде
Указал штыками путь назад;
Как в сугробы падали бандиты,
Черной кровью прожигая снег;
Как взвивался пулями пробитый
Красный флаг над сотней человек;
Как партийцы шли вперед бесстрашно,
Шли,

 а ветер заглушал «ура-а»,
Как скрестили в схватке рукопашной
Взгляд со взглядом,

 штык с штыком врага...

Наизусть я знал рассказ подробный.
Каждый вечер всё же мне опять
Вдруг казались неправдоподобны
Стулья,

 шкаф,

 и лампа,

 и кровать.

Все они куда-то исчезали,
Стены расступались,
и тогда
Предо мной бесшумно проплывали
Тучи дыма,
флаги и снега...

Вспоминаю с гордостью теперь я
Про рассказы своего отца.
Самому мне Родина доверит
Славное оружие бойца.
Охватило страны пламя злое
Новых разрушительных боев,
Вовремя пришло ты, боевое
Совершеннолетие мое.
Встану я, решительный и зоркий,
На родном советском рубеже
С кимовским значком на гимнастерке,
С легкою винтовкою в руке.
И откуда б враг ни появился —
С суши,
с моря
или с вышины, —
Будут счастья нашего границы
От него везде защищены.
Наши танки
ринутся рядами,
Эскадрильи
небо истемнят,
Грозными спокойными штыками
Мы врагу
укажем путь назад.

1939 ?

23. МАВЗОЛЕЙ

Густые толпы дружного народа,
Серьезный вид родителей моих
И лица застывающих у входа
Безмолвных и суровых часовых.

Мы подходили тихими шагами,
Ступая в такт смолкающим сердцам.
Какими мне стихами и словами
То описать,
 что я увидел там?
Закрыв глаза полоской светлых век,
Лежал,
 на грудь
 как будто подняв руку,
Недвижный,
 бледный человек.
Казалось,
 он
 прислушивался к звуку,
К шагам людей, идущих чередой.
И слышал,
 точно клятву,
 как поруку:
«За дело Ленина
 мы все готовы в бой!»

<1940>

24. СКВОЗЬ ЛИВЕНЬ

Мелькнули молнии несколько раз,
Всё настойчивей грома удары
Повторяют прохожим приказ:
«Освободить тротуары».

Старушечка, опуская веки,
Походкой дрожащей
Через улицу спешит к аптеке.
Вошел гражданин в магазин ближайший.

И вот, пробитый каплями первыми,
Красный флаг, что спокойно висел,
Вдруг, как что-то живое, с нервами,
Весь рванулся навстречу грозе.

С шумом на город притихший, серый,
Дробясь об асфальт, уходя в песок,

Дождевые, прозрачные стрелы
Густо льются наискосок.

В футболке, к телу прильнувшей компрессом,
В брюках блестящих, потяжелевших
Шагаю ливню наперерез я,
Смелой мыслью себя утешив:

Лучше так вот шагать всю жизнь,
Чем, грозу пережда,
Вслед за теми послушно плестись,
Кто прошел сквозь стрелы дождя

И не видит душою праздною,
Как во всей красоте и силе
Сверкает и свищет полотнище красное,
Омытое ливнем от будничной пыли.

1940

25

Хоть становлюсь я угрюмым, упорным,
Меня иногда, как прежде, влекут
В дымное небо кричащие горны,
Знамена, стреляющие на ветру. . .

Но это случается реже, реже.
И, видимо, скоро в последний раз
Почудится мне оружия скрежет,
Каменных стен огромные брусья. . .
Крепость в дыму, крепость в огне.
И, возглавляя отряды, мчусь я
На безупречно белом коне.

Что там на башне: не флаг ли белый,
Или вспорхнул от выстрелов дым?
Проломы в стене — не ловушка смелым,
Они — триумфальные арки им!

Мой скакун пролетает над бездной.
Рвы за спиною. Вперед! Вперед!

Всё ближе, ближе топот железный,
Вдруг распахнулись ворота! И вот,

Качнув головой, улыбаюсь устало:
Борис, Борис, довольно сражаться.
Ведь тебе ни много ни мало —
Уже почти девятнадцать.

1940 ?

26. НАКОНЕЦ-ТО!

Новый чемодан длиной в полметра,
Кружка, ложка, ножик, котелок. . .
Я заранее припас всё это,
Чтоб явиться по повестке в срок.

Как я ждал ее! И наконец-то,
Вот она, желанная, в руках! . .
. . .Пролетело, отшумело детство
В школах, в пионерских лагерях.

Молодость девичьими руками
Обнимала и ласкала нас,
Молодость холодными штыками
Засверкала на фронтах сейчас.

Молодость за всё родное биться
Повела ребят в огонь и дым,
И спешу я присоединиться
К возмужавшим сверстникам моим!

1941

27

Всё с утра идет чредой обычной.
Будничный, осенний день столичный —
Славный день упорного труда.
Мчат троллейбусы, гремят трамваи,

79

Зов гудков доносится с окраин,
Торопливы толпы, как всегда.

Но сегодня и проходим в лица,
И на здания родной столицы
С чувствами особыми гляжу,
А бойцов дарю улыбкой братской —
Я последний раз в одежде штатской
Под военным небом прохожу! . .

1941

Москва

28. ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

Метров двести — совсем немного —
Отделяют от нас лесок.
Кажется, велика ль дорога?
Лишь один небольшой бросок.

Только знает наша охрана:
Дорога не так близка.
Перед нами — «ничья» поляна,
А враги — у того леска.

В нем таятся фашистские дзоты,
Жестким снегом их занесло.
Вороненные пулеметы
В нашу сторону смотрят зло.

Магазины свинцом набиты,
Часовой не смыкает глаз.
Страх тая, стерегут бандиты
Степь, захваченную у нас.

За врагами я, парень русский,
Наблюдаю, гневно дыша.
Палец твердо лежит на спуске
Безотказного ППШа.

Впереди — города пустые,
Нераспаханные поля.

Тяжко знать, что моя Россия
От того леска — не моя...

Посмотрю на друзей-гвардейцев:
Брови сдвинули, помрачнев, —
Как и мне, им сжимает сердце
Справедливый, священный гнев.

Поклялись мы, что встанем снова
На родимые рубежи!
И в минуты битвы суровой
Нас, гвардейцев, не устрасит
Ливень пуль, сносящий пилотки,
И оживший немецкий дзот...
Только бы прозвучал короткий,
Долгожданный приказ: «Вперед!»

1942

29. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Два шага от стены к окну,
Немного больше в длину —
Ставшая привычной уже
Комнатка на втором этаже.
В нее ты совсем недавно вошел,
Поставил в угол костыль,
Походный мешок опустил на стол,
Смахнул с подоконника пыль
И присел, растворив окно.
Открылся тебе забытый давно
Мир:
Вверху — голубой простор,
Ниже — зеленый двор,
Поодаль, где огород,
Черемухи куст цветет...

И вспомнил ты вид из другого жилья:
Разбитые блиндажи,
Задымленные поля
Срезанной пулями ржи.

Плохую погоду — солнечный день,
Когда, бросая густую тень,
Хищный «юнкерс» кружил:
Черный крест на белом кресте,
Свастика на хвосте.
«Юнкерс» камнем стремился вниз
И выходил в пике.
Авиабомб пронзительный визг,
Грохот невдалеке;
Вспомнил ты осязаемый щекой
Холод земли сырой,
Соседа, закрывшего голой рукой
Голову в каске стальной,
Пота и пороха крепкий запах. . .
Вспомнил ты, как, небо закрыв,
Бесформенным зверем на огненных лапах
Вздыбился с ревом взрыв.

. . . Хорошо познав на войне,
Как срок разлуки тяжел,
Ты из госпиталя к жене
Всё-таки не пришел.
И вот ожидаешь ты встречи с ней
В комнатке на этаже втором,
О судьбе и беде своей
Честно сказав письмом.
Ты так поступил, хоть уверен в том,
Что ваша любовь сильна,
Что в комнатку на этаже втором
С улыбкой войдет жена
И руки, исполненные теплом,
Протянет к тебе она.

1942

30

У эшелона обнимемся.
Искренняя и большая,
Солнечные глаза твои
Вдруг затуманит грусть.

82

До поготовок любимые,
Знакомые руки сжимая,
Повторю на прощанье:
«Милая, я вернусь».
Я должен вернуться, но если...
Если случится такое,
Что не видать мне больше
Суровой родной страны, —
Одна к тебе просьба, подруга:
Сердце свое простое
Отдай ты честному парню,
Вернувшемуся с войны.

Декабрь 1942

31

Проходит поезд через лес,
Колесами стучит.
По крепким шпалам льются рельс
Тяжелые ручьи.

И, к небесам стремясь пустым,
Средь сосен и берез,
Летит такой же русый дым,
Как прядь твоих волос,

Да пляшет, утомляя взгляд,
Деревьев хоровод:
Всё ближние бегут назад,
А дальние — вперед.

1942

32. ДЕВЯТЬ НОЛЬ-НОЛЬ

Не жизнью — патронами дорожа,
Гибли защитники рубежа
От пуль, от осколков мин.
Смолкли винтовки... И наконец
В бою остались: один боец
И пулемет один.

В атаку поднялся очередной
Рассвет. Сразился с ночной мглой,
И отступила мгла.
Тишина грозовая. Вдруг
Матрос уезышал негромкий стук.
Недвижны тела,
Но застыла над грудой тел
Рука. Не пот на коже блестел —
Мерцали капли росы.
Мичмана, бравого моряка,
Мертвая скрюченная рука,
На ней живые часы.
Мичман часа четыре назад
На светящийся циферблат
Глянул в последний раз
И прохрипел, пересилив боль:
«Ребята, до девяти ноль-ноль
Держаться. Таков приказ.
Ребята молчат. Ребята лежат.
Они не оставили рубежа. . .
Дисков достаточно. С ревом идет,
Блеск штыков выставляя вперед,
Атакующий вал.
Глянул матрос на часы: восьмой,
И пылающею щекой
К автомату припал.
Еще атаку матрос отбил.
Незаметно пробравшись в тыл,
Ползет фашистский солдат:
В щучьих глазах — злоба и страх.
Гранаты в руках, гранаты в зубах,
За поясом пара гранат. . .
Матрос с гранаты сорвал кольцо,
Дерзко крикнул врагу в лицо:
«Ну, Фриц! Взлетим, что ль,
За компанию до облаков?»
От взрыва застыли стрелки часов
На девяти ноль-ноль.

Дмитрий Онуфриевич Вакаров родился в 1920 году в селе Иза (Закарпатье). Его отец, крестьянин-бедняк, в надежде разбогатеть трижды ездил в Америку. Но вернулся таким же нищим, каким уехал, и впридачу — больным. С детства Дмитрий познал голод и несправедливость. Однако нужда, лишения не сломили рано возмужавшего юношу. В 1938 году, еще учась в хустской гимназии, Дмитрий Вакаров начал писать смелые революционные стихи. Однажды на стенах гимназии появились лозунги «Да здравствует СССР». Директор вызвал сотрудников пограничной разведки. Дмитрий Вакаров и его друзья были арестованы и подвергнуты семидневному допросу. Но жандармы так и не узнали имени того, кто писал лозунги. Товарищи не выдали Дмитрия. А сам он уже умел мужественно держаться перед следователями. Гимназисты были выпущены на свободу под негласный надзор полиции. Еще дважды Вакаров подвергался арестам и пыткам у себя на родине. Но никогда не могли добиться от него ни слова.

Весной 1939 года хортиевская Венгрия оккупировала Закарпатье и установила здесь режим фашистского террора. В обстановке арестов и расстрелов Вакаров продолжал вести коммунистическую пропаганду, продолжал писать призывные стихи. Он с надеждой следил за освободительным походом Советской Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию и посвятил ему взволнованные строки.

Осенью 1941 года Вакаров поступил на филологический факультет Будапештского университета. Зарабатывал на жизнь, преподавая русский язык в школе иностранных языков. В Будапеште молодой поэт установил связь с антифашистским подпольем. В марте 1944 года Дмитрий Вакаров был схвачен венгерской контрразведкой и «за измену родине» приговорен военным трибуналом к по-

жизненной каторге. Венгерские сподручные Гитлера в предвидении своего надвигающегося краха передали политических заключенных гестапо. В ноябре 1944 года Вакарова отправили в гитлеровский лагерь смерти в Дахау, лишили имени и фамилии, дав арестантский номер 125530. В конце декабря он был переведен в концлагерь Нацвейлер, где царили порядки еще более чудовишные, чем в Дахау. В начале 1945 года сюда стали прибывать палачи из Освенцима. В марте 1945 года, когда американская авиация разбомбила заводы и сооружения вокруг Нацвейлера, Вакарова вместе с другими заключенными перевели в концентрационный лагерь Даутмерген. Здесь фашистские изуверы решили направить истощенного Вакарова на «лечение», т. е. на смерть в специальных камерах. Поэт не пожелал «лечиться», оказал сопротивление и был убит гитлеровцами.

Имя и поэзия Дмитрия Вакарова приобрели известность после Великой Отечественной войны, в 50-е годы, когда его стихи стали публиковаться в журналах и газетах. До нас дошла сравнительно небольшая часть стихотворений Д. Вакарова, относящихся преимущественно к раннему периоду. Произведения последних лет жизни поэта были конфискованы венгерской полицией в 1944 году и, очевидно, погибли.

В 1955 году в Ужгороде издан сборник «Избранные стихи» Дмитрия Вакарова.

33. БУНТАРИ

Детство без ласки,
жизнь без любви...
сердце, мужайся —
мы бунтари!

Ждем мы с востока
волю и свет.
Братьям далеким
шлем мы привет.

Хватит молитвы;
юность, гори!
Жизнь наша — битва,
мы — бунтари!

34. ТЫ ДАЙ МНЕ ВЕЛИКОЕ СЕРДЦЕ...

Отец, ты скитался по свету,
Ты счастье искал.
Но не было счастья и нету,
Ты горе лишь знал.

Ты верил: поможет молитва
В неравной борьбе.
Я ж верю: поможет лишь битва
И мне и тебе.

Ты дай мне великую силу,
Мне силу внуши,
Чтоб сделать ту силу мерилом
Мятежной души.

Ты дай мне великое сердце,
Без края, без дна,
Чтоб в сердце горела, как солнце,
Любовь лишь одна.

В том сердце, грустя и ликуя,
В том сердце сердец
С сыновней любовью вмещу я
Тебя, мой отец.

Тем сердцем согрею в дороге
Бессильных людей,
И песен спою я им много
О силе людей.

35. ЛЕСОРУБЫ

Вышли с ношей на дорогу
Лесорубы-батраки.
Груз несут, заводят песню,
Поднимая кулаки.

Что несете, лесорубы?
«Горе старое несем».
Что поете, лесорубы?
«Песню новую поем».

Вы кому несете горе,
Угрожая кулаком?
«Мы магнатам и буржуям
Наше горе отнесем».

Вы о чем поете песни
У подножья синих гор?
«О свободе тут поем мы
Наши песни с давних пор».

36. МОЙ ТОВАРИЩ

Кто любит молот,
Кто любит плуг —
Тот мой товарищ,
Мой брат и друг.

Кто ценит волю,
Кто ценит труд —
Мои призывы
Того найдут.

Кто проклял рабство,
Кто проклял гнет —
Тот путь к свободе
Со мной найдет.

37

Не помогут нам стоны,
Нас не выручит плач, —
Их не знают законы,
Их не слышит палач.

Не помогут молитвы,
О, поверь мне, бедняк!
Ты готовься для битвы,
Крепче стисни кулак!

Без борьбы нет победы,
Нет иного пути, —
За отцов и за дедов
Отплати, отомсти!

Без борьбы нет свободы,
Нет иного пути, —
За все кривды народа
Отплати, отомсти!

38. НЕ ЖДИ!

Ни врача нет, ни больницы,
Косит жизнь туберкулез.
У детей тускнеют лица
От горячих слез.

Нет ни радости, ни хлеба.
Горечь горькая в груди,
Ни от папы, ни от неба
Милости не жди!

Раз всему конец бывает, —
И обидам есть конец. . .
И тебя я проклинаяю,
Оккупант-подлец!

Ты не жди от нас пощады,
Мы пощады не даем.
Мы ломаем все преграды,
Нечисть всю сметем!

39. ЗАБАСТОВКА

Из трущоб выходит масса —
Тысячи людей.
Это вышла ярость класса
С фабрик и полей.

Масса хлынула, как море,
Двинулась вперед.
Это голод, это горе
На протест идет.

Дышат местью и угрозой
Взгляды батраков.
Это детский плач и слезы
В бой ведут отцов.

Ветер вдаль и вширь разносит
Песни бедняков:

Это массы хлеба просят
Для голодных ртов.

Над колонной знамя вьется,
Вьется красный флаг.
Гулким эхом отдается
Пролетарский шаг.

Этот шаг панов тревожит
В виллах и дворцах.
Этот звук им совесть гложет,
Нагоняя страх.

40

Отдает уже гнилью могильною
Разложившийся каторжный строй...
С жизнью пошлой, горбатой, бессильною
Мы выходим на бой.

Как вода с водопада искристого,
Как над бездной гремящие льды, —
На акул мы нагрянем неистово,
Что других пожирают труды.

Разгромив угнетателей начисто,
Мы — рабочих-товарищей класс —
Песню жизни так грянем размашисто,
Чтоб и звезды услышали нас!

41. ПАУТИНА

Ввел магнат свои порядки,
Всюду вывески сменил.
За подачки да за взятки
Ренегатов он купил.

Одному дал грядку пашни,
А другому — громкий чин.

И, сменив костюм вчерашний,
Тут продан не один.

Для неопытных — ловушку,
Для доверчивых — дурман,
Для пропившихся — пирушку
Расставляет интриган.

И магнаты, сея споры,
«Равновесье» берегут:
Где нет хода для раздоров,
Поднимают кнут.

42. СЛЕЗЫ

Слезы бессильные,
Слезы обильные
Льются в глуши.
С ними стекает,
С ними слетает
Горечь с души.

Слезы народные,
Слезы горячие
Льются-текут.
Слезы отчизны
К мести-расплате
Всех нас зовут.

Злоба святая
В сердце моем.
Я призываю
Ночью и днем:
Бей чем попало,
Бей топором!

43. СТРОЯТ...

Строят тюрьмы и казармы,
Держат в страхе край родной.
На село по два жандарма,
А читальни — ни одной.

Вместо школы — в селах церковь
С позолоченным крестом.
Стерегут, как псы, неволю
Староста с попом.

Вольно дышат в Закарпатье
Лишь епископ и магнат.
Чадом смерти и проклятьем
Веет от Карпат.

Всё добро магнат съедает,
Всё съедает с давних пор...
Лесоруб, кулак сжимая,
Точит свой топор!

44. Я БЬЮ ПЕРОМ!

Ты пьешь вино,
Я воду пью.
Ты пьешь коньяк,
Я горечь пью.

Что хвалишь ты,
То я браню,
Ты продал честь,
Я честь храню.

Ты любишь чин,
Я труд люблю.
Ты любишь грош,
Я жизнь люблю.

Ты любишь кнут,
Ты бьешь кнутом.
Я правдой бью,
Я бью пером.

Я на тебя
Недаром злюсь.
Однажды я
С тобой столкнусь!

45. ВПЕРЕД

Отчизна родная,
От края
 до края
Тебя
 облетаю.
Всё вижу,
 всё знаю:
Есть голод,
 есть горе.
Нет хлеба,
 нет воли.
Отчизна родная,
От края
 до края
Всё вижу,
 всё знаю.
Ношусь
 и летаю,
Прошу
 и взываю:
Восстаньте, рабы!
Не бойтесь судьбы!
От края
 до края
Лечу, залетаю,
Кричу,
 заклинаю:
Вставай, мой народ,
За вольность — вперед!

46. СЕНТЯБРЬ 1939 ГОДА

Мы этот час так долго ждали,
Так много, много лет. . .
И он идет в броне и стали, —
Привет тебе, привет!

Пишу я новую страницу,
И на душе легко, —
Приходят братья на границу,
Они недалеко.

Я верю: скоро день настанет,
Исчезнут рубежи,
И между братьями не станет
На севере межи.
1939 ?

47. ЧТО Я ЛЮБЛЮ

Алмаз мне нравится —
Он счень тверд;
Орел мне нравится —
Он смел и горд;
Мне лев бесстрашный нравится —
Он полон сил;
Мне взор подруги нравится —
Он ласков, мил.
Люблю я звезды беспокойные,
Что ярче всех;
Люблю мелодии я стройные —
В них стон и смех;
Люблю я сердце непокорное —
Свободный дух;
Люблю я счастье непритворное
Влюбленных двух.
Люблю я всё, что гармоничное,
Что — как она,
Всё, что простое,
Вечное,
Чем жизнь полна.

9 января 1941
с. Иза, Закарпатье

48. ЧАЙКА

Как чайка, которую ранил стрелок,
О солнце вздыхает, вся кровью залитая,
Так ты, моя Родина, горем убитая,
С надеждой глядишь на багряный восток.

Чудесные горы, долины, леса,
Озера, потоки и реки прекрасные, —
И рядом невежество, бедность ужасная,
И слезы невольно туманят глаза.

Тираны, тираны, конец недалек,
Погибнет, провалится власть ненасытная;
Восстанем на вас мы семьей однолитною,
Дадим вам последний смертельный урок! ..

Рабочий, студент, бокораш, селянин,
Как братья восстанем все общою силою,
И сразу над вражьей всеобщей могилою
Родится свободной страны гражданин.

*26—29 сентября 1942
Будапешт*

49

Немного лет пройдет,
и люди дружно, смело
Оковы сокрушат
и сбросят царство тьмы.
О, как бы мне
дожить до этого хотелось,
Чтобы не знать ни гнета,
ни тюрьмы!

*1942
Будапешт*

Леонид Вилкомир

Александр Гаврилюк

ЛЕОНИД ВИЛКОМИР

Леонид Вульфович Вилкомир родился в 1912 году в Старой Бухаре в семье служащего.

Леонид окончил в Москве среднюю школу и пошел рабочим на завод «Борец». Здесь вступил в литературный кружок «Штурм» и в литкружковском сборнике опубликовал свои первые поэтические опыты. В 1931 году Вилкомир с группой товарищей поехал в Нижний Тагил и стал сотрудником местной газеты. Так в его творчество вошла тема Урала, которому посвящены многие его очерки и стихотворения.

В 1934 году Вилкомир поступил учиться в Литературный институт им. Горького. В 1938 году был призван в армию, просился на Дальний Восток, но получил направление в редакцию «Красной звезды». За десять предвоенных лет Вилкомир немало путешествовал. В его дорожных блокнотах упоминается более пятидесяти городов. С начала Великой Отечественной войны Леонид Вилкомир — на фронте. «Красная звезда» публикует его очерк, написанный после полета на штурмовике, громившем вражеские объекты. Вилкомир летает на боевых самолетах, входит в состав танковых экипажей.

19 июля 1942 года в районе Новочеркасска был сбит наш штурмовик, на котором Леонид Вилкомир выполнял обязанности стрелка-радиста. В официальном сообщении командования части о гибели Л. Вилкомира говорится: «19 июля 1942 г. на аэродром, где дислоцируется 103 ШАП,¹ прибыл корреспондент «Красной звезды» старший политрук т. Вилкомир за получением информации о боевых действиях легчиков. Узнав о предстоящем вылете группы самолетов на боевое задание, тов. Вилкомир стал проситься взять его в полет.

¹ ШАП — штурмовой авиационный полк.

Командир и военком части отказали ему в просьбе. Тогда тов. Вилкомир обратился к находящемуся в то время на аэродроме командиру 216 ИАД¹ генерал-майору авиации тов. Шевченко. Генерал вначале отказал в просьбе, но потом вследствие настойчивой просьбы тов. Вилкомира он дал свое согласие. Тов. Вилкомир полетел на ведущем самолете, который пилогировал лейтенант тов. Маслов. При выполнении боевого задания самолет был подбит с танковой пушки противника на высоте 400 метров и упал на землю в районе станции Ермаковская — территория занята противником. Летчик лейтенант тов. Маслов и корреспондент тов. Вилкомир в часть не возвратились».

¹ ИАД — истребительная авиационная дивизия.

Как будто бы
В стальном тагильском тигле
Варились мы.
Суровою мечтой
Желанья наши лучшие возникли
И дуновенье молодости той.

Мы в этой плавке,
Как в доверьи лестном,
Тревогу видим о своей судьбе.
О родина!
Каким трудом чудесным
Мы благодарность выразим тебе?

1934
Свердловск

51. ВДОХНОВЕНИЕ

Пришло оно.
Свободно и покорно
Ложатся строчки. . .
Так растет листва,
Так дышит соловей,
Так звуки льет валторна,
Так бьют ключи,
Так стынет синева.

Его огонь и силу торопитесь
Вложить в дела.
Когда оно уйдет,
Почувствуешь, что ты —
Ослепший живописец,
Оглохший музыкант,
Низвергнутый пилот.

1934

52. ПРОШЕДШАЯ ЛЮБОВЬ

Холодное, как утренний рассвет,
Рукопожатье нас объединило.
Один вопрос, еще один ответ.
Как будто не было того, что с нами было. . .

И так всегда. Спеши иль не спеши,
Идя пешком; схитри и сядь на поезд,
Гони вовсю, но от ее души
Увидишь тень, воспоминанья то есть.

1935

53

От моих городов до пашен,
От пустынь до камней в горах
Мир на наших глазах и в наших
Чутких, умных, больших руках.

Я, чудак, изучаю климат,
Перемены погоды жду.
Я смотрю, как ветра поднимут,
Понесут надо мной звезду,

Как шумят сады молодые,
Сколько дней и ночей подряд,
Как в картине — в окне худые
И седые дожди висят.

Ты уходишь. Пусть вечер августа
Мирно светится впереди,

Только с верных путей, пожалуйста,
Не сворачивай, не сходи.

1935 ?

54

Жизнь моя не повторится дважды.
Жизнь не песня, чтоб снова спеть.
Так или иначе, но однажды
Мне придется тоже умереть.

Как бы я ни прожил свои годы,
Я прошу у жизни: подари
Вкус воды и запах непогоды,
Цвет звезды и первый взлет зари.

Пусть и счастье не проходит мимо,
Не жалея самых светлых чувств.
Если смерть и впрямь неотвратима,
Как я жить и думать разучусь?

1935
Москва

55

Чуть-чуть недоспать,
Чуть-чуть недоесть,
Но чтобы в руках гудело.
Это самое что ни на есть
Мое настоящее дело.

Как радостно видеть
Готовый пролет,
Первой вагранки литье
И чувствовать, что ежедневно растет
Настоящее дело мое!

1936
Нижний Тагил

56. У КОСТРА

С тех пор как ведется столетиям счет,
Была ли крепче погода,
Чем в зиму тысяча девятьсот
Тридцать второго года.

Ночами, бывало, в сырых дровах
Огонь добывали с бою.
Костер окрылялся.
О двух крылах
Он нас уносил с собою.

Нам чудилось, как самолет летит
Из цеха, который строим,
Как нашу машину в тучи стремится
Летчик, ставший героем,

Как над тайгой, где нет ничего,
Встал город, красив и весел,
Как солнце сияет,
Будто его
Дворник, как флаг, повесил.

1936

57. БЕССМЕРТИЕ

Мы ели хлеб и пили воду.
Не до веселья было нам.
Мы покоряли непогоду,
Считая годы по зубам.

Я сохраню былую ярость,
Войдя к потомкам поутру.
У них, как памятник, состарюсь,
Как память сдам, но не умру.

1936

58. НАШЕ ВРЕМЯ

Мы жаркою беседой согревались,
Мы папиросным дымом одевались
И у «буржуйки» сиживали так.
В такие дни покой невероятен,
А дым отечества и сладок и приятен,
Окутавший наш проливной барак.

Он сбит в осенней непогоде вязкой
С обычной романтической завязкой —
В лесу, в дождях, в надежде и в дыму.
Я потому об этом вспоминаю,
Что лучшего я времени не знаю,
По силе чувства равного ему.

Какое это было время, дети!
Мы жили в тьме и вместе с тем на свете,
На холоде у яростных костров.
Мы спали под открытым небом, в доме,
В кабинах экскаваторов и громе
Неугомонных наших тракторов.

А по утрам хлебали суп из сечки,
Приветливо дымящийся на печке,
И были этим сыты до зари.
Мы думали о вредности излишеств,
Роскошнее не ведали из пиршеств,
Чем с чаем подслащенным сухари.

Когда фундамент первый заложили,
От счастья замерли, а впрочем, жили
Невероятно гордые собой.
Мы день кончали песней, как молитвой,
Работу нашу называли битвой.
И вправду, разве это был не бой?!

Я не могу вам передать эпохи.
Нет слов других, а эти, может, плохи.
Я лучше случай расскажу один.
Пришел сентябрь — в округе первый медник, |

Одел он свой протравленный передник,
В его руках паяльник заходил.

Уже леса покрылись медным цветом,
Последняя гроза прощалась с летом,
Стремительнее двигалась вода.
А тут еще нагрянул дождь-подстёга.
Рекою стала главная дорога.
Так с непогодой к нам пришла беда.

Вода в плотину бешено вгрызалась.
Всю вражескую ненависть, казалось,
Она в себя вобрала в эту ночь.
Как мы тогда стремительно бежали,
Как выросли в ту ночь и возмужали,
Готовые погибнуть, но помочь!

К утру, измотанные трудным боем,
Мы поняли, что мы чего-то стоим.
Мы вышли победителем ее.
Белье сухое показалось негой,
А дом из досок — сладостным ночлегом,
Геройской славой — наше бытие.

1937

59

Я говорю себе: глазами
Не охватить дорог,
Которые прошел с друзьями
По-честному, как мог.

Но самой трудной и весенней
Была дорога та,
Что привела на новоселье
В уральские места.

Здесь, над горою, свод окрашен
Огнем литья в дыму.

И знаю я, что флаг над башней
Кремлевской — брат ему.

Попробуй пристальной взглядеться
И отличить сумеи
Свою работу от наследства
Отцов и матерей.

Сумеи, всмотревшись хорошенько,
В созданных молодых
Увидеть здесь — свою ступеньку,
А там — друзей своих.

Ну что ж! Под этим небосклоном
Я различаю гул
Турбины ТЭЦ. К ее колоннам
Я арматуру гнул.

Своим трудам большим и малым
Веду я твердый счет,
Я знаю, что под флагом алым
И мой пример живет.

Но даже с гор единым взглядом
Не охватить дорог,
Которые прошел солдатом
По-честному, как мог.

1937

60. ТАГИЛ

Меня влечет опять туда — в Тагил,
Где мерзли мы, где грелись у «буржуйки»,
Где падал я и, набираясь сил,
Сквозь вьюгу шел в своей худой тужурке.

Он в час тревоги твердый, как металл,
А в дни веселья
Песнями встревожен.

Я в этом трудном городе мечтал
Характером стать на него похожим.

1937

Москва

61. ОРДЖОНИКИДЗЕ В ТАГИЛЕ

Над городом Тагилом, почернелым
От копоти, заботы и огня,
Возник Серго,
Своим дыханьем смелым
Строителям ближайшая родня.

Он шел в забои на горе Высокой —
И горы расступались перед ним;
Он поднимался на Шихан, где сокол
Кичился одиночеством своим.

Мы шли вослед торжественно и гордо
И вместе с ним, взглянув на рудники,
Увидели живой набросок города
Из-под его приподнятой руки.

Но то не старый был, не деревянный,
Приземистый, оглохший и слепой,
Не город-миф, а мир обетованный,
Живой, как песня: подтяни и пой!

И мы тянули! В бури и метели
Смерзались губы, слушаясь едва.
Но мы работали и песни пели,
Мы выпевали радости слова!

Мы их лепили, строили, строга
И город-песню создали из них.
На площади — в граните и металле —
Орджоникидзе памятник возник.

1938

Москва

62. В ГОРАХ

И горных кряжей вертикали,
И красок полная река,
И шум дубравы привлекали
Меня еще издалека.

Природа мне открылась сразу,
В сиянии солнца, в цепи гор.
Как будто бы знаком Кавказу
Мой жадный к миру кругозор.

И возле этой громады
Не оставляла мысль одна:
Как тяжело поработать надо,
Чтоб сделать лучше, чем она.

1940
Тбилиси

63. ГОСТЕПРИИМСТВО

Когда по тропинкам узким
Я подъезжал к Батуми,
Видел: обычай русский
Здесь не остался втуне.

В золоте зорь красы полны,
Точно хлеба поджаренные,
Солью снегов посыпаны
Горы твои, Аджария.

Природа гостеприимно
Сразу меня заметила,
Ветра веселым гимном,
Хлебом и солью встретила.

И поднесла глубокую
Чашу, полную морем,
Будто дорогой далекою
Был я вконец изморен.

Природа нас дарит щедро,
Всё из земли повытряся:
От красноярского кедра
До черноморского цитруса.

1940
Батум

64

По тебе давно тоскую,
О судьбе твоей пекусь,
Потеряю тебя рискую,
Полюбить тебя учусь.

Дочь владимирской слободки,
Внучка выплаканных лет,
Громкий первенец молодки,
Вся в мамашу — спору нет.

Никому я так не верю,
Как тебе. В любой глуши
Быстрым взором я измерю
Глубину твоей души.

Никого я так не знаю,
Как тебя. И в грозный час
Вражья пуля нарезная
Разлучить не сможет нас.

Скован я с тобой на годы
Детством, верностью, судьбой.
В год военной непогоды
Повстречались мы с тобой.

1940
Владимир

Мы победим. Мои — слова,
Моя над миром синева,
Мои — деревья и кусты,
Мои — сомненья и мечты.

Пусть на дыбы встает земля,
Вопит, и злобствует, и гонит —
Меня к своим ногам не склонит,
Как в бурю мачты корабля.

Я буду жить, как я хочу:
Свободной птицею взлечу,
Глазам открою высоту,
В ногах травую прорасту,

В пустынях разольюсь водой,
В морях затрепещу звездой,
В горах дорогой пробегу.
Я — человек, я — всё могу!

1941

АЛЕКСАНДР ГАВРИЛЮК

Александр Акимович Гаврилюк родился в 1911 году в селе Заболотье, Бельского уезда, Седлецкой губернии, в Западной Украине. Когда отца в 1914 году мобилизовали в царскую армию, семья Гаврилюков эвакуировалась в Петроград, затем жила в Воронежской и Харьковской губерниях. После Октябрьской революции семья возвращается в родное село, где отец Гаврилюка возглавлял революционный комитет. Однако вскоре эти земли были оккупированы белополяками.

А. Гаврилюк в 20-е годы стал активным общественно-политическим деятелем в среде революционной молодежи, вступил в Коммунистическую партию. В 1929 году А. Гаврилюк был арестован и находился 5 месяцев в тюрьме. В 1937 году его бросили в концентрационный лагерь Береза Картузская. Вторично он попал в этот лагерь в 1939 году, его освободила Красная Армия.

Писать А. Гаврилюк начал в детстве. В 1929 году его стихотворение «Воспоминания политзаключенного» было переслано в Советский Союз и опубликовано. В том же году в западноукраинском революционном журнале «Окна» появился первый рассказ Гаврилюка «Прощайте». В 30-е годы А. Гаврилюк много писал, хотя подвергался постоянным преследованиям. После воссоединения Западной Украины с Советским Союзом вышел в свет его первый сборник «Стихи» (1941).

22 июня 1941 года А. Гаврилюк вместе со своим товарищем и другом по революционной и литературной работе С. Тудором погибли от фашистской бомбы.

Произведения А. Гаврилюка неоднократно выходили отдельными сборниками в переводах на русский язык, переведены на ряд других языков.

66. ПЛАКАТЫ

Рвутся слова, сплетаясь, ткуются песни-плакаты, —
Брошу я их сквозь решетку под кровлю крестьянской хаты,
А там их друзья подхватят, — сильней голосов раскаты,
И станет плакатом песня:
Кто снимет эти плакаты?

И песню признают люди, как будто сложили сами,
Как будто ее взрастили они под своими сердцами.
Не важно — кто песню создал, важнее — кто дал ей силу:
Товарищ — в могиле, а песня, как знамя, легла на могилу.

А смерть у самой кровати стоит и торопит глухо;
Ты видишь, я песню кончаю. Постой, подожди, старуха.
Ох, тяжко!.. В глазах темнеет... Костлявые руки сжаты.

Взлетели над селами песни!
Горят в вышине, как плакаты...

1933

67. ПЕСНЯ

Голова ты моя нелегальная,
Конфискует тебя прокурор.
Твоя память совсем нелойальная —
Потому над тобой и надзор.

Всё в тебе, голова, наизнанку —
Ты полна нецензурных идей.
Вспоминаешь о том нелегально,
Как легально терзают людей.

Кто ж о том тебе помнить позволил,
Как нас бросили в карцер в мороз,
Заковали нас, пятки кололи,
Скипидар лили силою в нос.

Как нас вешали вниз головами
И под ногти вгоняли иглу.
Отбивали печенку ногами,
Молотя на цементном полу.

Как купить нашу совесть хотели,
Чтоб мы стали друзей предавать.
Чтоб шпионскую службой сумели
Свой мещанский покой охранять.

И поныне мы харкаем кровью,
Жжет нас боль незаживших рубцов,
Как на память о подвиге смотрим
Мы с любовью на след от оков.

1934—1935

68. БЕРЕЗА

Не старый инвалид со ржавым самопалом,
А точный пулемет глядит из-за стены;
И проволокой мы кругом оплетены,
И полицейский взор грозит нам острым жалом.

Ты — дух Бастилии, виденье феодала,
Возникшее из тьмы ненастной порой.
Бастилии — лишь там, где пошатнулся строй,
Где больше нет путей, где гибели начало.

Ты, новая Бастилия, не в силе
Укрыться от суда среди глухих болот.

Подступит и сюда разгневанный народ,
И славен будет час, когда тебя разбили.

Отсюда, где сдались лишь слабые душой
(Пусть маска с них спадет и лица их откроет),
Мы вступим в новый день и для грядущих строек
Сумеем послужить опорой стальной.

1937

69. ПЕСНЯ ИЗ БЕРЕЗЫ

Как натянутый лук, до предела
Мысль моя напрягается снова.
Я хочу, чтоб к друзьям долетело
Это, может, последнее слово.

Простирается поле позора
За оградой глухой и высокой.
И штыки стерегут вокруг забора
Тайну двух краснокаменных блоков.
И не видно, как мы на рассвете
Тащим груз, обливаемся потом,
Как сознание теряем под плетью
На тяжелых шоссейных тропах,
Как, повергнуты диким приказом,
По болоту, к вечерней поверке,
Мы ползем на локтях. . . Но ни разу
Не был дух наш в трясину повергнут.
Наша верность навеки нетленна.
Палачи! Нас ничто не сломило.
Вам трусливое слово измены
Пыткой вырвать у нас не под силу.
Выше дух незапятнанный, светлый,
Чтобы мужество не иссякало!
Пусть звенит моя песня победно,
Словно сталь боевого закала.

. . . Враг труды мои ценит, однако. . .
Он сполна мне готовит расплату.

Вижу тени Ванцетти и Сакко
И себя — их третьего брата. . .
Я достойно погибнуть сумею —
Так, как нас эти двое учили.
Выше, песня! Звени всё сильнее,
До конца не складывай крылья!

Воют ветры надсадно и хрипло
В мире, скованном стужей морозной. . .
Сердце стиснуто, нежность погибла.
Может, песню будить уже поздно?
Но пробился ручей говорливый,
Жадно дышит воскресшее поле,
И болотам понурым на диво
К нам весна заглянула в неволю,
Птичьим щебетом, радостным гулом
Раня сердце, будя, беспокоя. . .
И опять для борьбы всколыхнулось
Неуемное сердце людское,
То, что, полное веры и страсти,
Вечно бьется с неистовой силой.
Я покорно раскрыл его настезь,
Чтобы сердце заговорило.

В каземате над нарами скупю
Лампа светит, мерцающая устало.
То не братьев замученных трупы,
Что под смертным лежат покрывалом,
То не воинов павших кладбище,
Хоть печальней надгробий солдатских
В головах именные таблички. . .
То обычный наш сон березняцкий.

Пусть мой голос услышат люди.
Напоследок себе я позволю
Встрепенуться, вздохнуть всей грудью,
Упиваясь тоской и болью.

Я, кто всех своих чувств кипенье
Переплавил в броню стальную,
Камень сердца в нежной купели,
В ароматах лип растворяю.
Все цветы призываю, все звуки.
Всем, чем юность моя пламенела,
Насладиться хочу... Будут муки,
Будут раны — приму их смело...

Вы, покрытые тьмою селенья,
Вы, друзья неподкупные наши,
Я над бездной измен и сомнений
Проносу свою верность, как чашу.
Знаю голос суровый, жестокий,
Знаю радость бойца-гражданина...
Но хочу я в ночи одинокой
Быть бойцом, и любимым, и сыном.
Из Березы, глубокой, беззвездной,
Всею душой к тебе, мама, стремлюсь я.

Слышишь, путник торопится поздний?
Это я, это сын твой, матуся...
Где, седая, ты слепнешь от плача?
Где немеешь от горя и боли?
Видишь, полную легкой удачи
Сын твой выбрал и высватал долю.
Выбрал долю — не сыщешь светлее,
Выбрал долю — дворцы да именья...
Как на старости мать он лелеет,
Всем на зависть и на удивленье.

...Кто же клад твой ценнейший, родная,
Кто дитя твое бросил в пучину?
Кто ножом твое сердце кромсает
С той поры, как лишилась ты сына?
Иль бродягой сама воспитала
Ты его, чтоб из дому ушел он
И не раз о житейские скалы
Расшибался в дороге тяжелой?

...Так прощай же, прощай же, родная,
И рожден я тобою, и отдан...
Материнская доля такая:
Не для матери сын — для народа.
Знай, что в сердце ушедшего сына
Больше ласки, любви, сострадания,
Чем у труса, что, дом не покинув,
Мать позорит и землю поганит.

И другая уже наплывает
Нежность, душу собою наполнив,
Как волна, набежавшая в полночь,
Как широкие воды Дуная.
Я к тебе обращаюсь, наследник,
С этой, может прощальной, речью,
Мой сынок, мой дружок пятилетний.
Видно, больше тебя я не встречу...
Вот от сердца завет мой последний.
Чтобы горечь сиротской судьбины
Не согнула тебя, я, отец твой,
Как родитель богатый, что сыну
Оставляет поместья в наследство,
Так тебе в завещании кратком,
Чтобы ты мою ласку почувял,
Чтоб ни в чем ты не знал недостатка,
Клад бесценный оставить хочу я.
С ним и в жизни не будешь ты сирым,
С ним и смерть не страшна никакая:
То любовь безграничная к миру, —
Ум и сердце она заполняет.
Страшен мир для трусливых, бескрылых —
Что живут лишь собою — калеки.
Потому и страшит их могила,
Что предаст их забвенью навеки.
Мы ж с усмешкою смерть принимаем,
Мы встречаем ее без боязни.
Мы — дорога в бессмертье прямая,
Та, что выше решеток и казней.

Как на ниве растут плодородной —
Окруженный моими друзьями,

Ты растешь средь борцов благородных,
Что высоко несут наше знамя.
Пусть ты мал — повидал ты немало,
Был свидетелем жатвы кровавой
Там, где наше восстание пало,
Где убийцы чинили расправу.
Стань же гневным и гордым трибуном,
Смело миру всему Расскажи ты
О повстанцах полесской коммуны,
Что в болотах тайком перебиты.
Тени виселиц детство затмили. . .
Без отца тебе, малому, худо.
Поклянись же, дитя, перед миром:
«Я на этом расту! Не забуду!»
Чистым сердцем ты рано почувешь
Правду дела, что начато нами.
Если в схватке жестокой паду я,
Твой черед понести наше знамя.
Вижу, как, подхватив его смело,
Побеждая любые невзгоды,
Продолжатель бессмертного дела,
Ты дойдешь, ты познаешь свободу.
Нету подвига выше, я знаю, —
Жизнь отдать за грядущее это.
Выше, песня! Разлейся без края!
Верю, сыном ты будешь допета.

Над уснувшей землей, словно песня,
Луч зари возникает, алея.
Позволяю: пусть в сердце воскреснет
Та любовь, что разлуки сильнее.
Это вновь над рассветною тишью
Я лечу к тебе, счастьем объятый.
Припадаю к ногам твоим — слышишь?
Весь я полон тобою. . . моя ты!
Да, моя! Океана бездонней
Встречи миг с ненаглядной, прекрасной.
Знай, тоска по любимым ладоням
И по ласке твоей не погаснет.
Пусть ограду колючую эту
Я сломать и прорвать не сумею,

Будто крик онемевший, в колючках безнадежно
запутались крылья.
Быстрой молнией птица сверкала в синеве, с облаками
бок о бок,
Жизнерадостным гордым полетом песню сердца она
выражала.
В лопухах, не заметив измены, позабыв о палаческой
злобе,
Вмиг разбила она свое сердце, разодрала колючкою
ржавой.
Что ей смысл этой мрачной ограды? Птицам трудно
поверить, наверно,
Что судьба человека прекрасна, словно доля порхающей
птицы,
Что, хоть кровь наших ног орошает путь
тернистый и трудный безмерно,
Всё ж мы видим, куда он ведет нас, и вперед
не устанем стремиться.
А ограду — скажу я пернатым — в гиблых топях
несчастливого края
Воздвигает презренное племя, мертвечиной пропахшая
стая,
И, бессильной сжираема злобой, за колючки она
загоняет
Тех, что в первых шеренгах похода шли, сердцами
наш путь озаряя.
Пусть дорога всё круче и круче, пусть идти нам,
измученным, тяжело,
Никогда не свернем, не отступим, обнимая
грядущее взглядом,
Хоть не раз мы, должно быть, как эта без оглядки
летевшая пташка,
Раздерем свою грудь о железо...
Вот фрагмент березняцкой ограды.

Там, где тащим мы с камнем фургоны,
Понукаемы вражеской злобой,
Есть еще один дом, отделенный
От соседних оградой особой.
Полицейский стоит с карабином,
Стережет гробовое затишье...
Тот, кто в карцере этом не сгинул,

Мир загробный спиритам опишет.
Тело стынет, избитое люто,
На холодном бетоне. . . Ты бредишь.
И ползет за минутой минута,
Приближая к бессмертью, к победе.
Может, мысли замерзнут живые.
В этих муках забвенье — отрада. . .
В дверь, сменяясь, стучат часовые.
«Есть!» — ответить мучителям надо.
Еще властвует разум над телом,
Еще мозг на посту, неумный. . .
Но сознание вдруг ослабело,
Растворилось в бесчувствии темном.
Лишь очнувшись, заметишь, товарищ,
Как ты только расшибся о стены
В час, когда ты метался в кошмаре,
Пропустив караульную смену.
Вновь минуты потянутся вяло,
И, всего тебя стужей пронзая,
Самый старший появится дьявол, —
Он придет, как на сбор урожая.
И на тело, почти неживое,
Молча опытным оком он глянет, —
Может, жертва бессильной рукою
Свою душу предаст поруганью?
«Подпиши, — искушает он снова, —
Я верну тебе юность хмельную. . .»
— Подлый мастер паденья людского,
Отойди, ничего не скажу я!
Искуситель, изменой чреватый,
Ты блага обещаешь? . . Не надо!
Не за благо из рук палача ты
Каждый день получаешь награду.
Ты меня соблазняешь напрасно.
Нет, тебе не лишит меня чести! —
. . . Снова ночь. И опять ежечасно
Стук сапог в твои двери: ты есть ли?
Ночь. . . Недвижно простертое тело
На холодном тюремном бетоне.
Но меж ребер, уже онемелых,
Сердце кровь еще гонит и гонит:
Тук-тук-тук. . . Как бы ни было худо.

Начеку мое сердце недаром.
Обещаю: я есть, и я буду
до последнего
твоего
удара!

Меж колючек ощеренных, словно
Злые жала, у стен, без движенья —
Два ряда номерованных, ровных, —
Мы стояли, готовы к мученьям.
А за нами, за каторжным полем,
Где трава порыжела от пыток,
Сердце снова стремилось на волю,
Порывалось к просторам открытым.
Лютый Питель глумился над нами,
А над карцера зданием хмурым
Тучи шли, собирались упрямо,
С юга, с севера двигались бури.
Тишина еще всюду стояла,
В небе краски заката горели.
Тучи, тронугы отсветом алым,
Шли, как мы в прошлогоднем апреле!
Словно рушились грозные скалы,
Повисая над тихой лазурью.
И стучало, стучало, стучало
Наше сердце, влюбленное в бурю.
И таким показался плюгавым
Строй жандармов, закон их позорный
Перед доблестью этой и славой,
Перед схваткой стихий непокорных.
И внезапно с небес этих гневных,
Обгоняя идущие тучи,
Словно радостный клич, прогремел нам
Первый гром, молодой и могучий.
Пали капли дождя, словно слезы
Не печали, а светлого счастья.
И вбирало все бури, все грозы
Наше сердце, открытое настежь.
Так мы слушали грома раскаты,
Свежесть ливня вдыхая всей грудью.
«Надо выдержать, выстоять надо,

Вы сильнее, чем стихия, вы — люди!
Мир прекрасен в борьбе и дерзанье.
Тот, что мира такого частица,
Тот пройдет через все испытанья,
Тот угроз и смертей не страшится».
...И хоть гнал нас охранник проклятый
И придумывал новые зверства,
Мы летели, как стая крылатых,
В мир на крыльях, растущих из сердца.

1937

70. НЕПРЕДВИДЕННЫЙ ЭПИЛОГ

Ты, запев мой, гневный и горячий,
До поры скрывавшийся во мгле,
Дождались и мы такой удачи,
Чтоб идти свободно по земле.

Не терял я твердости и воли,
Загнанный, как зверь, в одну из нор,
Мог писать я только лишь в подполье,
Но писал — врагам наперекор.

А когда война зловещей тенью
К нам пришла и принесла беду,
Я украдкой слов своих плетенью
Закопал под вербою в саду.

Пусть шумят паны, пока не сгинут,
Для меня их злоба не нова.
И тогда своей жене и сыну
Завещал сберечь я те слова.

«Вы не лейте слез, — сказал я глухо, —
Я прошу вас песню сохранить.
Пусть меня убьют они, но духа,
Что остался в песне, не убить!»

...И опять я с волею простился,
И опять я брошен был во мглу,

И опять в Березе очутился
На холодном каменном полу.

Тысячи людей сухих, как жерди,
Согнанных тюремщиком в ряды,
Шли неотвратимо в лапы смерти
Под плетью, без хлеба и воды.

Наконец однажды среди ночи,
Сквозь горячку голода и тьмы,
Услышали голоса рабочих
За колючей проволокой мы.

Это рухнул строй гнилой державы,
Это старый мир исчез, как сон.
А с востока, вся в сияньи славы,
К нам свобода шла через кордон.

Полицаи в дебрях укрывались,
Их душили ненависть и страх, —
Но уже победно развевались
Красные знамена на домах.

Двадцать лет судьбы моей суровой —
Двадцать книг, загубленных в огне.
Но уже слова поэмы новой
Возникали радостно во мне.

Люди улыбались нам сквозь слезы.
Мы в толпе, как призраки, брели.
И когда настал конец Березы,
Я достал тетрадку из земли:

С командиром Армии Червонной
Песни мной на свет извлечены
В день моей надежды воплощенной,
В осень, что милей любой весны,

Ты бурлил взволнованной толпою,
Морем стягов и людских голов,
В час, когда я встретился с тобою,
Милый мой, освобожденный Львов.

Поднимайся, песня, на свободе!
Ты жива, ты долго будешь жить,
Чтоб прикончить панское отродье
И могильным камнем привалить.

Я во вражье сердце это слово
Будто кол осиновый всадил,
Чтоб не смел видением бывшего
Панский дух являться из могил.

1940

МИРЗА ГЕЛОВАНИ

Мирза (Реваз) Гедеонович Геловани родился в 1917 году в местечке Тионети в семье служащего. В 1935 году окончил Тионетский педагогический техникум, работал в школе. В 1936 году семья Геловани переехала в Тбилиси. В 1936—1939 годах М. Геловани работал корректором в издательстве «Сабчота Мццрალი», затем в газете «Сабчота Абхазети» в Сухуми. Писать стихи начал в детстве. Первое его стихотворение «Белая земля» поэт Раджен Гветадзе включил в свой роман «Вечера в Лашаури». Во второй половине 30-х годов Геловани систематически печатается в журналах «Мнатоби», «Чвени Таоба» и др.

С 1939 по 1944 год Мирза Геловани служил в рядах Красной Армии. Он участник Великой Отечественной войны с первых же дней. М. Геловани погиб в 1944 году.

А на обрывах каменные груды
Лишь ветра ждут,
 чтоб покатиться вниз.
Скажи, река, о чем порою поздней
Лепечет ветер, прилетев с полей?
Скажи, какие сказки ночью звездной
Рассказывают листья тополей?

Я был мальчишкой озорным и звонким,
И по утрам
 с бузиновым ружьем,
Как взрослый, пояском затянут тонким,
Я с другом прибежал сюда.
И небеса над нами голубели,
И плыли облака издалека,
И ты была мне вместо колыбели,
Моя Иори,
 горная река.
Но годы...
 годы резвые промчались —
Желтели и ломались тростники,
Потом к деревьям листья возвращались,
И шел апрель по берегам реки...
Иори, здравствуй!
 Вновь пришел к тебе я,
За мною детство ходит по пятам.
О щедрости своей не сожалея,
Ты даришь воду травам и цветам.
Твой голос слышен зрячим и незрячим,
Тебе привычно чувство высоты...
Хочу и я
 дождем стихов горячим
Омыть сердца, и листья, и цветы.
Я по душам беседую с тобою,
Дай руку мне
 и сердце дай навек.
И, веришь ли,
 мне кажется порою,
Что ты, Иори,
 тоже человек.

Мирза Геловани

Кость Герасименко

Злые вьюги на пути тебе грозят,
И над узкою неверною тропой
Скалы ржавые тяжелые висят.
Потеряешься, заблудишься в глуши,
И никто тебя не сыщет между гор.
Не спеши, бичо Шавлего, не спеши,
В эту ночь назад вернуться не позор!

Но путника ведет тропинка волчья —
Петляет так, хоть дьявола зови,
Красивая чохя порвалась в клочья,
Кричи, зови,
но кто придет на помощь?
Плывет, как вечность,
время до утра,
В лицо швыряет горсти снега полночь —
Февраль, февраль,
бездомные ветра!
И там, где слабых остановит робость,
Где солнце зажигает новый день,
С короткого разбега через пропасть
Метнулась человеческая тень.

...Стихает ветер.

Вьюга замирает.
Вершины гор всё четче и белей.
А под скалою парень умирает,
И шорох губ всё глуше и слабей:
«Ах, ветер, ветер,
я ослаб от боли,
Мне не прожить сегодняшнего дня,
Ты отыщи отряд в мухранском поле,
Скажи Арсену, чтоб не ждал меня.
Скажи, что не упало слез ни капли
В селенье, где родился я и рос,
И мать по сыну не рыдает в сакле,
И девушка не распустила кос.
Скажи, что мне уже не нужен лекарь,
Что не сдержал я слова своего,
Что умер между скал бичо Шавлего
И лишь орлы оплакали его».

1938

73. АОН

Аон! Ты — часть угрюмого бога, защитник
горы и долины. Этот колокол пожертвовал
тебе я: Иоанне Бекаури. Помоги, Аон!

*Надпись на колоколе, который
называют «Отцом колоколов»*

1

Юнец хевсур вошел вооруженный,
Ружьем ударил в колокол...

И вот —

Старик монах, кощунством пораженный,
Помчался к теми

поднимать народ.

— Что так бежал?

— Что в беседах случилось?

Спросили поселяне у него.

— Ну что же ты молчишь,

Скажи на милость?

Допрашивали весело его.

— Алуды сын, безбожник и мятежник,

Ударил в древний колокол ружьем.

Где наш закон? Пускай страшится грешник —

Он осквернил высокий божий дом!..

Замолк монах

И ждал, что скажут люди,

Услышав про ужасный этот грех.

Но видно, все они погрязли в блуде:

Вокруг седого раздавался смех... .

Тогда старик, безумцев проклиная,

Побрел к себе, к своим колоколам.

А в горы тишина пришла ночная,

Ночная тьма с туманом пополам.

2

Друг к другу

Жмутся сосны вековые

И в темноту испуганно глядят.

На дне ущелья глыбы голубые,
По-человечьи скорчившись, сидят.
Сбегает вниз крученная тропинка,
Во тьму, в туман, в неведомый провал.
А там река — извечно, без заминки —
До блеска полирует щеки скал.
...Века, века!

Их прокатилось много,
Их облики пропали в вышине. . .
Седой старик ведет беседу с богом
В молельне, в тишине,

наедине. . .

Блеснет кометы искристая лента,
Рассыплется над самой головой.
И вдруг луна, испуганная чем-то,
Исчезнет с неба, скрывшись за горой.
Тогда в тумане мчатся чьи-то кони
И никнут стебли вымокшей травы,
Тогда в молельне на горе Аони
Раздастся крик разбуженной совы.

8

В старинной нише не бывает ветер:
Очаг,

котел для пива

да рога.

И колокол висит над всем над этим,
Как висельник, чья жизнь недорога.
Старик придет, худой, неутомимый,
Сухую землю долго мнет в руках. . .
И если кто пройдет случайно мимо,
Услышит бормотанье старика:
«Кто разрушает то,

что так привычно,

Что было мне основой всего?

Куда, Аон, твое ушло величье?

Зачем не видно света твоего?

Уж я старик. . . И мне невыносимо

Считать несправедливости твои.

Ты был силен,

но где бывала сила?

Любил тебя — но больше нет любви.
Не ты,
 так кто же вызволит из мрака
Твоих детей, что босы и наги? ..
Да, люди мы,
 но даже и собака,
На небо глядя, воеет:
 помоги!»
И, словно перед богом в оправданье,
Веревки в руку собирает он;
И вот плывет глухое, как рыданье,
Тяжелое:
 «Аон!
 Аон!
 Аон!»

4

Швырял и рвал свирепый ветер тучи,
А молния несла земле пожар;
Она была то
 белый бич летучий,
То занесенный над землей кинжал.
Гром по горам рассыпался картечью —
И вспыхнул дуб, угрюмый страж веков.
И по ущелью с криком человеческим
Пронесся ярый звон колоколов.
«Зачем не мстишь врагам своим исконным
И где души твоей огонь и пыл?» —
Старик сорвал священную икону
И топором на части изрубил.
А после,
 беспорядочно и гулко,
Звон колокольный плыл во тьме ночной,
И кто-то пробежал по переулкам —
Безумный, с непокрытой головой.
Бежал, как будто век его держали
И вот теперь порвались узы зла,
Как будто по пятам его бежали
Озлобленные им колокола.
Куда бежал?

И что во тьме искал он?
Но стихли вдалеке его шаги...
И люди поутру на острых скалах
Нашли лишь клочья от его чохи...

б

Рождались зори.

Отцветали зори.

Туман в ущелья приходил ночной.
Однажды принесла река Иори
Труп старика с седою головой.
...В предании рассказывают горцы,
Что по ночам,
Под тихий шум дождя,
Худой старик рыдает и смеется,
В молельню обветшалую войдя.
И говорят, что он ругает бога,
В пустую стену вперив мутный взгляд,
И руки у него дрожат немного,
И злобно губы тонкие дрожат.
Потом смолкают стариковы речи...
Но зря старик
Ответа с неба ждет.
И, вскинув тяжкий колокол на плечи,
Монах, качаясь,
в кузницу идет...

1939—1940

74. ПЛАЧ КНЯ

Однажды в штаб направили его,
К рассвету возвратиться приказали.
Он вывел аргмака своего,
Высокого, с печальными глазами;
Вскочил в седло и тронул удила,
И серый конь помчался как стрела.

Сужался путь, опасности тая,
А справа от дорсги, под обрывом,

Ущелье извивалось, как змея,
И всадник, наклоняясь к мягкой гриве,
Шептал коню: «Шальбой, не подведи. . .»
Ночная тьма сгущалась впереди.

Глаза обоим застигала мгла;
И так стряслось, что конь ли оступился,
Иль веткой кедра выбит из седла —
В глухую пропасть всадник покатился,
И одинокий человеческий крик
В сердца ночных, угрюмых гор проник.

И стихло всё. . . Дыханье затаив,
Деревья вниз испуганно смотрели,
Туда, где глубиной чернел обрыв, —
Но ничего увидеть не сумели.
А конь дорогу вниз искал, упрямя,
Скользил копытом звонким по камням.

Уже его хозяин не стонал —
Лежал в крови с погасшими глазами.
Конь подошел, над телом постоял,
Потрогал руку теплыми губами.
Но ничего хозяин не сказал,
Не взял поводья, сахару не дал.

Он всякий день, как жизнь, берег коня,
Кормил его душистою травсю
И по утрам, уздечкою звеня,
Водил его за рошу к водопою.
И две слезы, соленые чуть-чуть,
Упали вдруг хозяину на грудь.

С тех пор легенда ходит по земле
О всаднике и верном аргамеке,
О юности, промчавшейся в седле,
И в горных селах в синеватом мраке
Поют поэты, струнами звеня,
О дружбе человека и коня.

1940

75. БАЛЛАДА О СТРОИТЕЛЕ ВАРДЗИА

Вот я пришел через века и страны,
Я след твой легкий отыскать хочу.
Мне твой пустынный замок видеть странно,
Я чутким стенам о тебе шепчу.

Ни ждать, ни верить сердце не устало
Хотя годам минувшим нет числа.
Я в древности прорезал эти скалы,
Моя кирка Вардзиа создала.

Меня тогда совсем иначе звали.
Гранил я скалы и узоры вил.
А эти камни, мертвые вначале,
Своим горячим сердцем оживил.

И гордо башни вечные вставали,
Кура стучала в их крутую грудь...
Я лег у скал, но думы о Тамаре
Не дали мне забыться и уснуть.

Лежал я на земле, и свод лазурный
Снижался надо мною, как орел.
Я ждал любви, мечтал о славе бурной,
Но ни любви, ни славы не обрел.

Так проходили годы, годы, годы...
Моя царица, я тебя искал,
Не в силах позабыть твой облик гордый,
Который вдохновеньем вечным стал.

Приятны мне вардзийские пороги,
Которыми ступала прежде ты.
За семь веков не выцвели в дороге
Тугие паруса моей мечты.

И память, что навязчива, как старость,
Шла вслед за мной до замка твоего —
Твой город тих и гол, ему осталась
Одна лишь слава, больше ничего.

Народ я вижу шумный и свободный,
Народ совсем иных молитв и дум.
Мне стыдно за кинжал мой старомодный,
За мой смешной воинственный костюм.

Откуда свет над Картли ночью поздней,
Когда среди гор последний луч исчез?
Кто опустил на землю эти звезды
И поселил в домах жильцов небес?

... Не знаю, наградишь или осудишь,
По-царски своенравна и горда,
Но только знаю, ты прийти забудешь.
А годы мчатся, сладкие года...

76. ДОМ № 8

Ветки набухли
Солнечным соком,
Небо родило
Ясную просинь.

Вновь я у этих
Низеньких окон —
Улица Месхи,
Дом номер восемь.

Тонкие руки,
Смуглые плечи...
Я не забуду
Желтую осень!

Милая память,
Давние встречи —
Улица Месхи,
Дом номер восемь.

77. ЛЕНИН

Когда внезапно чувствую усталость,
Когда решенья я не нахожу,
Чтоб на душе сомнений не осталось,
Я к твоему портрету подхожу.
Перед твоей великою судьбою
Задумчивый и тихий я стою,
В таком большом долгу перед тобою,
Что стыдно мне

за молодость свою.

И через годы видятся мне снова
Тревожные Октябрьские дни,
И юнкера на площади Дворцовой,
И крейсеров сигнальные огни,
И броневик,

с которого бросаешь

В толпу солдат святую правду слов,
И вся Россия, нищая, босая,
Идущая в огне,

в дыму боев.

И снова жизнь моя полна надежды,
Усталость — прочь,

и я готов опять

Осуществлять задуманное прежде,
Не соглашаться,

пробовать,

дерзать.

1941

78. ЖДИ МЕНЯ

К тебе вернусь я поздно или рано,
Развею и туманы и дожди,
Своей улыбкой залечу все раны,
Ты только жди меня, родная, жди.

Я соберу друзей легко и скоро,
Их выстрелы с ветвей стряхнут росу.
Сниму я небо, раскачаю горы
И в дар тебе, родная, принесу.

И ты услышишь медленные песни
Своих подружек, названных сестер,
О юности, что скрылась в поднебесье,
О витязе, к тебе пришедшем с гор.

Зурна начнет твою улыбку славить,
Ей басом отзовется барабан,
И каждый, кто придет тебя поздравить,
От знойного маджари будет пьян.

...На скатерти небес я справлю свадьбу,
Но чтоб ее не омрачила ложь,
Мне лишь одно вдали хотелось знать бы,
Что ты меня не уставая ждешь.

1942

79. ПРОСТИТЕ

Меня умчала тряская теплушка,
А вы вдали остались на заре...
Но помню я печальную улыбку
И волосы, что листья в сентябре.

Я обещал, что возвращусь,
Что с фронта
Меня вернет к вам
Глаз печальных власть,
Но эти дни осенние,
 как воры,
Ту клятву собираются украсть.

И если сердце встретит пулю вражью
И упаду вперед я, как бежал,
Уж вы меня простите,
 да, простите,
Что не пришел и слова не сдержал.

1942

80. ТЫ

Ты помнишь,
 мины рвались то и дело .
И вся земля вокруг была черна?
Ты помнишь, пуля мимо пролетела,
Но сердце друга встретила она?
Лежал он у ограды церкви бывшей
В шинели непомерной ширины,
Еще не знавший счастья,
 не любивший,
Неделю не доживший до весны.
Взрывной волною сплюснен был и погнут
Его выдавший виды автомат...
И ты сказал, что главное —
 не дрогнуть
От скорби, испытаний и утрат.
Идем с боями...
 Медленные метры!
В глазах убитых — злых пожарищ медь...
Ничто и нас не оградит от смерти,
Коль не сумеем смерть мы одолеть.

1942

81. У БРАТСКОЙ МОГИЛЫ

Выстрелы, кровь и стенанья... Едва ли
Я позабуду их вечером мирным...
Как замерзали, о, как замерзали
Зори вечерние во поле минном!..

Прерваны мысли. Раскиданы роты.
Вечер похож на кровавую рану.
Финским ножом, перерезавшим тропы,
Стужа звенит на путях к Ленинграду...

Пули устали к победному часу.
Пушки охрипли. И танки застыли.

Мы подымали победную чашу —
Ты был так близко, но ты был — в могиле.

Десять ранений. И возле кювета
Братский ваш холмик, неровный и голый.
Всё было немо. . . И только у ветра
Был твой негромкий и медленный голос.

1942

82. ДРУГУ-ПОЭТУ

Дружили. . .

Но язвительные фразы
Я не прощал и за людей вступался,
И, может быть, поэтому ни разу
Добром и обо мне не отозвался.
Случайные сомненья и тревоги
Я никогда не разделял с тобою.
Судьба дала нам разные дороги,
И, кажется, довольны мы судьбою.
. . . Где ты сейчас?

О чем сегодня пишешь
Рукою, не державшей пистолета?
Открой окно, прислушайся. . .

Ты слышишь
Шаги войны, гуляющей по свету?
Мне ночью, настороженной и грозной,
Идти с разведкой к вражескому краю.
Мне сумерки принадлежат и звезды,
А вот рассвет увижу ли,

не знаю. . .
Но ты найди своим далеким взглядом
Моих друзей из лыжного отряда,
Что на снегу лежат со смертью рядом,
Щекой прижавшись к ложу автомата.
Из них любой тебя, поэт, осудит,
Не даст руки и не подарит взгляда,
Коль стих, тобой написанный,

не будет
Подобен пуле снайпера-солдата.

1943

83. ОТ МТАЦМИНДЫ ДО СМОЛЕНСКА

От Мтацминды до Смоленска путь далек:
Были горы, были степи и болота.
Помнишь ночь?
На минном поле ты залег
Под огнем неумолимых пулеметов.
Помнишь Днепр,
Холодный, мутный, как рассвет?
Осень листьями дороги устилала...
Был я ранен, а остался только след —
Небо Родины, как лекарь, исцеляло.
...Я твой дом своим письмом не огорчил:
Написал, что в битвах всякое бывает,
Что охотник из Пшави не отступил,
Сердце друга на войне не умирает.
Сердце, нет,
 не умирает, как боец,
Всё мне кажется теперь в огне похода,
Что отныне я
 владелец двух сердец,
Что к своим годам
 твои прибавил годы.

1943

84. НЕ ПИШИ

Ты не пиши мне, что расцвел миндаль,
Что над Мтацминдой небо, как атлас,
Что Грузии приветливая даль
Согрета солнцем ласковым сейчас.
Что Ортачала, как и ты, с утра
Надела платье из степных цветов
И что вздыхает гордая Кура,
Когда Метехи видит средь садов.

С огнем я этой ночью воевал,
И всё казалось мне в дыму атак,
Что за спиной Тбилиси мой стоял
И так смотрел!
 И улыбался так!

А в Ортачала расцветал миндаль,
Диск солнца плыл по черепицам крыш,
И ты пришла. И только было жаль,
Что вдалеке, любимая, стоишь.
Ты не пиши. . . Ведь знаю я и сам,
Что весь в цветах лежит проспект Шота
И кто-то ходит ночью по полям,
Их одевая в летние цвета.
И знаю,

 знаю, что сиянье дня
Хранишь ты в сердце трепетном своем,
И если пуля обойдет меня,
И если весны встретим мы вдвоем,
Тогда скажу я то, о чем молчал:
Что я навек пришел к глазам твоим,
А тот, кто солнце в битве отстоял,
Имеет право
 любоваться им.

1943

85. СОНЕТ

Нетрудно роль Отелло мне сыграть,
Но где она, вторая Дездемона? . .
Герои безымянные, вдоль склона
Мы шли. И повернуло утро вспять.

Ты на снегу легко и неуклонно
Укладываешь след. И вот опять
Грозит прогулка самоцелью стать,
И ссора громыхает отдаленно.

Потом — война. Я был убит в боях.
Ты не пришла, чтоб мой оплакать прах,
И прах простил тебя. Так в чем же дело?

Да я за тень свою не поручусь —
Она так одичала. Я боюсь,
Она с тобой поступит, как Отелло.

Фашист зарылся в темноту. А в наши лица бьет пурга,
 И превращается в мечту желание убить врага.
 Какая мокрая метель на неприкаянной земле!
 И верная моя шинель отказывает мне в тепле.
 Сырой неумолимый снег — как будто серая стена.
 И я не закрываю век, но явь не заслоняет сна...
 ...Я вижу снег, но он иной, и щепки яркие на нем.
 Соседский мальчик озорной готовит санки под окном.
 Мой брат в заснеженном саду шагнет то вправо,
 то левой,
 Освобождая на ходу от снега черточки ветвей...
 Камин вздыхает, как всегда, когда душа его в огне...
 С воробышком стряслась беда — он так пищит... И
 обо мне
 Горюет мать. И мой отец, добряк, умелец и шутник,
 Замучен думами вконец, над верстаком своим поник...
 Хочу вернуться... так хочу! Промерзший на чужом
 ветру,
 К камину, как больной к врачу, я кинусь, кинусь
 и замру.
 И счастья непочатый край откроется передо мной.
 И можно всё: и слушать зов соседской старенькой
 цепной,
 И по-мальчишески мечтать, и строить домик воробью,
 И у окошка наблюдать, как тают хлопья...
 Но стою,
 Как все. Кругом война. Пурга. И обе кончиться должны.
 Метет... Не кану ли в снега такой пурги, такой
 войны?..
 И что-то не к добру болит сегодня сердце у меня.
 Так наша Джавтия скулит, там, дома, на закате дня...

Мы за телом мертвой ивы на снегу
 Залегли, вонзив прицелы в бурелом.
 И единственная мысль жила в мозгу:
 О прошедшем, о минувшем, о былом.

День, который прошлым сделала война,
Был любовью, жизнью, солнцем... Оттого
И у пуль, летящих в пели, цель одна —
Возвращенье в настоящее его.

88

Впереди — неизвестность. И стало былым настоящее.
О, как Вы далеко — как то небо, ничем не грозящее.
Где глаза Ваши, волосы Ваши, оттенков загадочных,
Как у девушек, молча живущих в кирпичиках
карточных...
«Не умру, не увидев Вас», — я говорил на прощание;
День с утра, как бандит, караулит мое обещание.
«Не умру, не увидев...» Ни зги не видать
за разрывами.
Да простятся мне речи те, если окажутся лживыми...

89. КЛЯТВА

Картли милая! В смятенном
Мире, грозном и бессонном,
Алым знаменем священным
И девятиглазым солнцем
Я клянусь. И этим статным
Древом, на костях стоящим.
И спасительным остатком
Спирта в котелке бренчащем.
Я клянусь землей, где гряды
Гор над облачной грядою,
Ржавым сердцем Шавнабады,
Этой строчкой молодою
Я клянусь. Не быть мне сваном,
Никогда не петь мне «Лиле»,
Если силой иль обманом
Враг хотя бы горстку пыли
На земле моей присвоит.
За нее вступая в сечу,

Я, клянусь, как древний воин,
Встречу смерть — улыбкой встречу.
Пасть — так пасть не на колени
И подняться на закате, —
Как не первый, не последний
Тост за Родину, за Картли!

КОСТЬ ГЕРАСИМЕНКО

Константин Михайлович Герасименко родился в 1907 году в селе Приходьки на Полтавщине. Сын сельского учителя, окончив пирятинскую педагогическую школу, он сам стал учителем в Донбассе. С начала 30-х годов в донбасских газетах и альманахах печатаются стихи К. Герасименко; в 1933 году в Харькове выходит его первый сборник.

С 1935 года Кость Герасименко живет в Киеве. Вначале работает на кинофабрике, потом всецело отдается литературной деятельности. Одна за другой появляются его книги: «Сентябрь», «Память», «Дорога», «Портрет».

«Герасименко был поэт в подлинном смысле слова, — вспоминает М. Рыльский. — Он был простой, даже подчеркнуто простой, а иногда и немного суровый; он ненавидел всякую позу, аффектацию, остро чувствовал малейшую фальшь и в человеческих отношениях и в книгах».

Влюбленный в Тараса Шевченко, К. Герасименко не только посвятил ему многие свои стихотворения, но и написал на сюжет «Катерины» пьесу «На большой дороге», им же написано либретто оперы М. Вериковского «Наймычка».

В первые же дни Великой Отечественной войны К. Герасименко идет в армию. Он сотрудничает в газетах «Знамя Родины» и «Звезда Советов». Он пишет по-русски и по-украински, из-под его пера появляются стихи, статьи, очерки, фельетоны.

В сентябре 1942 года в боях на Южном фронте К. Герасименко был тяжело ранен и вскоре скончался.

90. КОНИ

Над синими над терриконами
Плывут и плывут журавли...
Ой, били, ой, били кони
Копытами в грудь земли.

Ой, били, ой, крепко били,
Грозой летя над землей,
И пылью густой покрыли
Давно уже образ твой.

Так вот, задремали детки.
И тихо я выйду в сад,
Где дымом зеленым ветки,
Покачиваясь, висят.

Я выйду туда и стану.
Я стану. А где же ты?
Шатаюсь, в тумане пьяном
И клены плывут, и кусты...

Ой, били, ой, били кони
Копытами по земле...
Куда-то, неугомонный,
Навеки ушел твой след.

Но вижу и ныне — над шляхом,
Над яром в степи глухой
Шальная твоя папаха
Горит боевой звездой.

То ж я ее так пришила,
То ж ласково гладила я,
Чтоб лучше, чем у Ворошилова,
Папаха была твоя.

И ты проскакал, желанный,
Под тихим моим окном. . .
Вот-вот и сейчас ты глянул,
Сейчас — как давным-давно. . .

И все говорят поныне:
Чуть снег растаял весной,
Ты славу над Доном синим
С моею пронес звездой.

Ждала я. . . И замуж вышла.
И там, где впервые след
Оставил ты свой, — там вишня
Цветет уж тринадцать лет.

А муж мой, ударник первый,
Он знает всё и молчит,
Он хочет на инженера
Меня в институте учить.

Когда-нибудь сяду в светлице,
Где планы и сизый дым,
Где голубые петлицы
И молодые сады.

И блещут бумаги на солнце,
Великим рассказом полны
О том, как летела конница
По далям родной страны!

1935

91. Я УТВЕРЖДАЮ!

М. Рыльскому

Протаивают дороги,
Качаются гнезда на ветвях,
Поет половодье в оврагах,
Как песня простая твоя.
Трава молодая с проталин
Встает, как ребенок, на ножки,
А девичьи станы березок
Набухли от соков весны.
Вставай, Уленшпигель!

С ветром

Лети сквозь прозрачность апреля,
Заглядывай в синие окна,
Читай человечьи улыбки,
Иди по стране моей вольной
Как самое светлое счастье,
Как луч сквозь весенний туман!
Вставайте простые герои
Всех сказок, легенд и поверий,
Уже на дворе неустанно
Стучит молодая капель.
Уже в голубом поднебесье
Журчит журавлиная песня,
И я утверждаю,
Что чудом
И счастьем наполнится день.
И нечего больше сказать мне...
Стоят тополя молодые,
Дороги бредут боевые
Сквозь ультрамарин лесов.
И сколько вас, самых обычных,
Но каждый из вас, как песня,
Идет на шахты, на стройки,
К постам, где стоят часовые,
К тискам, где стоят слесаря.
Земля просыхает,
Теплеет.
Прильните и скажете сами,
Как весело дышат травы,
Как соловьи звенят!

И я утверждаю всей кровью,
Всей правдой, всем сердцем, всем чувством:
Встают небывалые всходы.
За всё, что пережили предки,
За боль, неизвестную нам.
Встает молодая люцерна,
Как продолжение радостей
Их бедной, скупой любви.
И я утверждаю,
Что юность встала в лесах на вахте.
Я утверждаю,
Что песня в просторах Байкала идет.
Она поднимает знамя,
И движет она штыками,
Она на могучих танках
В лесу пролагает путь.
И наша советская слава
На крыльях своих соколиных
Парит над весенним прибоем,
Над белой кипенью моря,
А море ревет и стонет:
«Мы песню безумству храбрых
Поем, чтобы вечно жили
В сияньи великих дел».
Уснули полдневные травы,
Навытяжку встали деревья,
Сквозь заросли тихо,
Змеем,
К нам проползает шпион.
Беспечно смеется иволга. . .
По вражьей указке к границе,
По черным ярам и дорогам,
Безмолвно идут полки.
Быть выстрелу — я утверждаю,
Быть бою — я в этом уверен,
Из рук наших — я утверждаю —
Врагу не уйти никуда!
За кровь — он расплатится кровью,
За пули — получит он пули,
Свинец мы оплатим свинцом.
И встанут высокие травы,
И вырастут с ними легенды.

О нас, молодых и веселых,
Что песню несли и любовь.
Где шумно ступали танки,
Там выросла вольная мята,
Где конь быстроногий мчался,
Растет там любовь-трава.
Вставайте ж, простые герои,
Вставай, романтика солнца,
Уже набухают соком
Девичьи станы берез.
Уже над всею вселенной
Прносятся песни победы,
И это — я знаю —
Бессмертие!
И знаю я,
Что живу!

1938

92. УЧИТЕЛЬНИЦА

За стеною лесов
Затерялось село Прицепиловка:
На пригорке ветряк
Поднимает большое крыло.
В центре — здание школы.
Правленье артели. Развилка
Немощной дороги.
Ничем не приметно село.

Школу, детство, купанье
Не вызову в памяти заново.
Но, заслышав курлыканье
Первых в году журавлей,
О тебе только вспомню одной,
Анастасья Ивановна,
Постаревшей
На белой,
Ромашкой покрытой,
Земле.

Близорукая, добрая...
Вижу тебя в новом свете —
Вечно с пачкой тетрадок,
И в каждой — ошибки юнца.
Вот мы снова склонились
Над школьными партами. Дети.
Сколько милых морщинок
Струится с родного лица!
Разве их перечтешь?
Вот любовь, вот и горечь разлуки:
Леонида, студента,
Погнали далеко, в Сибирь.
После — письма оттуда, война,
Ожидания мўки, —
Что синью окрашена ширь
И что в лунные ночи
Не можешь уснуть ты... Разлука!
Вон в углу старый барский рояль,
Только струны молчат.
Сад, дорога.
И за школою тихо, ни звука.
А хотелось бы выйти, и ждать,
И услышать, как двери
Скрипят.

Снова годы. И громом —
Великая революция.
Много добрых вестей
Услыхать на селе
Довелось.
А студент не вернулся.
И слезы уже не прольются
Надо всем, что ждала ты
И что у тебя
Не сбылось.

В сельсовете работала.
Много, как в юности, пылко.
Не ждала за труды
Ни похвал, ни наград.
И другими увидела ты
И село Прицепиловку,

И четыре дороги,
И школу, и сад, и ветряк.

Я успел уже всё позабыть,
Анастасья Ивановна:
И взысканья, и двойки,
И первый негаданный стих;
Вот меня вызываешь
К доске ты, от гнева румяная,
А потом серебрится
Мороз в темных прядях твоих.

Долгожданных газет
Сторож дал тебе
Пачку немалую.
Ты читаешь их с жадностью
И забываешься.
Спи!..

Тишина. Спи спокойно,
Счастливая и усталая.
Над тобою на вахте
Стоят
Все питомцы твои.

Так эпоха встает:
По заводам, садам, Прицепиловкам.
Мы страну начинаем
Вести,
Как учила нас ты:
Проникаем мы в недра,
Парим над простором на крыльях,
И слагаем стихи,
И возводим большие мосты.

И меняется всё,
Всё вокруг, Анастасья Ивановна.
Вот и я бы теперь
На уроках спокойно сидел...
Из Головченка, знаешь,
Из того, из рябого Степана,
Бригадир вышел знатный,

Герой
Замечательных дел.

Так эпоха встает...
Жаль, что мы постепенно стареем.
Что ж, закон биологии.
Осень... Летят журавли...
Но над миром встает
Воплощенная наша идея —
На посыпанном пеплом
Просторе
Земли.
За нее мы ходили в Сибирь,
На этапах гремели металлом.
За нее из гимназии Настенька
Шла на работу в село,
Еще жизни не зная...
Лишь после она разгадала
Жизнь народа,
К которому счастье большое
Пришло!

Задремала ты в кресле своем,
Анастасья Ивановна...
Вот бы на руки взять,
До постели легко донести...
А над школой
Спокойно стоят голубые туманы,
И звенят вдалеке
Провода и стальные пути.
В это время в столице
Не спят.

Совещанье кончается...
Родина!
Слушай весть:
По лесам,
Полустанкам глухим
Телеграф загудел
Про учительницу в Прицепиловке,
Награжденную орденом,
Про весну,

И посевы,
И сотни
Неоконченных дел.
Сколько, сколько питомцев твоих
Пред тобою проходят парадом!
Ты с волнением глубоким
С ромашками в травах стоишь.

Только я не умею
Сказать во весь голос про радость
И про две —
От волнения и счастья —
Слезинки
Твои.

1940

93

Мы теперь привыкли на экране
Познавать событий стиль и план.
Моряки по площадям Восстанья
Двигутся колоннами в туман.

Двигутся, готовые на муки,
Бомбы падают
И разрывают строй.
Но уже сквозь дым вздымают руки
Над рядами стяг победный свой.

И когда в конце зовет с экрана
Гул «Авроры»
В смертный бой: «Пора!» —
От волнения прервано дыханье,
Мы не в силах выкрикнуть «ура».

Как же быть!
Жалеть, что опоздали,
Что не мы горели в том огне,
Что сегодня
Об октябрьском шквале
Мы читаем лишь на полотне?

Тосковать ли
По тому кипенью,
Где не мы кипели как назло?
Становись же, наше поколенье,
На поверку, коль на то пошло!

Разве мы на вахте в непогоду
Не стояли,
Родины сыны?
Разве мы не добывали воду
Молчаливым пашням
Ферганы?

Не от нас ли
В сопках удирали
Битые дивизии врагов
И не мы ли с песнями вступали
В наш родной, издревле братский Львов? '

Выходи же, наше поколенье,
На дорогу жизни,
Выходи,
По которой шел
Великий Ленин.
Дел еще немало
Впереди!

1939—1941

94. ИЗ ФРОНТОВОГО БЛОКНОТА

Ідіть, думи, на Україну.

Т. Шевченко

Батарей всю ночь грохотали,
А когда занялась заря,
Мы раскрыли и перечитали
Милый сердцу том «Кобзаря».
Фронтовые будни суровы.
Нежность. . . Некогда думать о ней,
Но Тарасово светлое слово

Ощущаешь сквозь бурю дней.
Прочитаешь — и вот приснится:
Жито, поле, над полем зной...
Иль весеннее марево, птицы
Возвращаются в край родной...
О земля моя, не пристало
Нам о тихих тропах мечтать,
Но меня ты заколдовала
И теперь — не могу я спать.
Только б встретить тебя, как друга,
Вновь к тебе, дорогая, прийти,
Там, где свищут буран и вьюга,
Вечный след кобзаря найти.
Только знать бы, что здесь, у тына,
Молодая вишня цвела,
Что Шевченкова Катерина
Здесь когда-то молча брела.
Тополь стройный обнять бы в поле
И сказать, что каждый из нас
Не изменит священной воле,
Для которой страдал Тарас.
Край родимый, хоть ветром синим
Из далекой земли повеи:
Ты под немцем не сгорбил спину,
Ты встаешь всей силой своей!
И Холодный Яр оживает,
На врага ополчась, как встарь,
Из концлагеря убегает
Непокорный слепой кобзарь.
Он заходит в каждую хату,
Он приносит привет от нас:
«Подымайтесь, близка расплата!
Бейте недруга, в добрый час!»
И о землю гремят оковы,
И сквозь пламя, за рядом ряд,
Партизаны выходят снова —
Это факелы их горят.
Батареи гремят, негодуя...
Край родимый, с прижатым к груди
«Кобзарем» вновь к тебе иду я,
С гордым словом родимым. Жди!..

1941

95. ПЕСНЯ

Нас атака ждала ночная,
А пока, дожидаясь тьмы,
Затянули, с чего — не знаю,
Невоенную песню мы.

В песне Ятрань-река петляла
И куда-то во мгле плыла.
Загляделся на реку малый —
Видно, в сердце тоска была.

Пули тихую песню скосили.
Ночь дымилась в разрывах бомб.
Мы в огонь и воду ходили,
Мы со смертью сходились в лоб.

И трава под ногами билась
Там, где вражья точилась кровь.
Песня нам на рассвете снилась,
Мы потом ее пели вновь.

Я прошел за врагом по следу
Много верст и в метель, и в зной,
И всегда, как вера в победу,
Ходит песня со мною в бой.

Так иди по спасенным селам
Нежной песнею соловья,
Гневной, ласковой и веселой,
Боевая отрада моя.

Ну, а если паду от раны,
Если сердце замрет в груди,
Ты на поле среди тумана,
Ты меня на жнивье найди.

Не веди ты меня к кринице,
Только весело зазвени,
Только словом простым, сестрица,
Ты тогда на меня дохни.

Расскажи мне, как Я́трань вьется
Там, на Киевщине родной,
Птицей сердце мое забьется,
Встану я и пойду на бой.

Встану я и от боя к бою
Понесу свой крылатый стяг.
Песня, будь же всегда со мною,
Будь подругой моей в боях!

1941

ТАТУЛ ГУРЯН

Татул Самсонович Гурян родился в 1912 году, в Западной Армении. Рано лишившись родителей, он переехал в Баку, где поступил на работу и одновременно начал учиться. Окончив среднюю школу, Гурян уехал в Москву. Его приняли на литературный факультет Редакционно-издательского института. По возвращении в Баку он включился в литературно-творческую работу.

Писать Гурян начал в детские годы, печатался с 1929 года. Первый поэтический сборник Гуряна «Кровь земли» вышел в 1932 году. В 1933 году азербайджанское государственное издательство «Азернешр» выпустило в свет его поэму «Днепр». В 1935 году увидел свет новый сборник поэта «Рост». Гурян написал драму в стихах «Фрик», ряд поэм, в том числе «Саят-Нова». Поэмы Т. Гуряна в 1941 году были изданы отдельной книгой. Т. Гурян выступал и как переводчик. Он переводил стихотворения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Самеда Вургуня и др. Когда началась Отечественная война, мужественный голос поэта зазвучал в рядах воинов Советской Армии. Татул Гурян погиб в 1942 году в дни обороны Севастополя.

Муса Джалиль

96. РОЖДЕНИЕ

Волны брызжут пеной на бегу,
Молния распарывает тучи,
Любо мне на этом берегу
Слушать, буря, голос твой могучий.

Всей душой люблю я с малых лет
Вихрь безумный, огненную вьюгу,
Не успел родиться я на свет —
Буря постучалась к нам в лачугу.

Молния рассыпала огни,
Тополь наш зеленый стал багряным,
И от бурь и пламени в те дни
Сделался я огненным —
Гуряном!

97. ВЫСОКО ЛЕТИ

Высоко всегда лети, мой стих,
Только всё высокое любя, —
Я на высях гор тебя взрастил,
На высотах вынянчил тебя.

Не спускайся с гордой вышины,
Помни — падь бескрылым лишь мила,
Благодарный радостям весны,
Берегись несчастья и зла.

И не унижай, мой стих, себя,
Не сбивайся с верного пути,
Только всё высокое любя,
Высоко
всегда лети!

98. ЗВЕЗДА

1

Ночного неба надо мной
Расцветенная арка...
То меркнут звезды надо мной,
То вспыхивают ярко.

Ковром разостлан небосвод
Прозрачный, бесконечный,
Прохлада ласковая льнет
К замешкавшимся встречным.

От звезд, от синей высоты
Не отвожу я взгляда:
О, если б вдруг воскресла ты,
Татик, моя отрада...

Когда родился я на свет
В избе своей убогой,
Седая, скорбная от бед,
Она молилась богу.

Когда родился я, она
Сказала через силу...
Та ночь была черным-черна,
И с неба моросило...

«Твоей звезды, родимый мой,
Не видно за ненастьем,
Твоя звезда покрыта тьмой —
Ты родился без счастья».

Я пережил, я перенес
Все горести недоли,
И стал я на ноги, подрос,
Как деревцо средь поля.

С отцом тащился за сохой,
Босой, полураздетый,
Во мраке той поры глухой
Мечтал о звездном свете.

Одна другой мрачней, страшней
Промчались те години,
И я дошел до светлых дней
Страны моей родимой.

2

Ночного неба надо мной
Расцветенная арка,
То меркнут звезды надо мной,
То вспыхивают ярко.

Ковром разостлан небосвод
Прозрачный, бесконечный,
Прохлада ласковая льнет
К замешкавшимся встречным.

От звезд, от синей высоты
Не отвожу я взгляда:
О если б вдруг воскресла ты,
Татик, моя отрада...

Моей звезды счастливый свет
Течет по всей вселенной,
Другой нигде на свете нет
Такой родной, бесценной.

Моя звезда — звезда Кремля
Горящая, вот эта,
Звезда, которой вся земля
Из края в край согрета.

101. ВОЗВРАЩЕНИЕ . . .

Отдав поклон больнице и палате
И медсестре, отнянчившей меня,
Пришел я вновь на линию огня,
Где льется кровь моих отважных братьев.

Как вражеская пуля ни лиха —
Невмоготу ей одолеть поэта,
Чья жажда жить теперь так велика,
Что смерть ничто в сравненьи с жаждой этой.

Сразимся же, друзья мои! Весь мир
Коричневой чумою атакован;
А нам . . . нам легче лечь в бою костями,
Чем променять свободу на оковы.

Вот враг опять лавиной огневой
Рванулся к нам; он лезет вон из кожи. . .
Пренебрежем же смертью, уничтожим
Прожорливые полчища его!

За мной, друзья! Всею грудью на врага!
Вперед, на зов армянского поэта!
Да будет наша честь нам дорога!
Да сгинет враг! Да здравствует победа!

Свинцовый дым густеет на холмах,
Гремит и содрогается Малахов,
Парят орлы, не знающие страха,
Поблескивая звездами впотьмах.

И огненные наши бастионы
Позор и смерть пророчат вам, тевтоны!
И каждый наш корабль береговой
Выносит вам свой смертный приговор!

Крепки ряды друзей моих суровых, —
Они встают и падают, но снова
Встают и устремляются вперед,
Святая месть сквозь пламя нас ведет.

С победной песней, поступью широкой
Шагаешь, Севастополь наш, и ты,
Перед тобой кровавые потоки
И вражьих тел зловещие хребты.

И в этот час нам смерть не тяжела,
О нас потомки скажут без печали:
Они дрались за Родину и пали,
Чтоб Родина любимая жила!

1942

102

Снова застит завеса дыма
Крымских высей седую даль,
Стоит биться за горы Крыма,
Погибать ради них не жаль.

Как в декабрьской эпоее,
Здесь до смерти — подать рукой,
Враг беснуется, свирепеет,
Кровь сраженных течет рекой.

Враг безжалостен, нагл, бездушен,
Жизнь мраком своим накрыв,
Отовсюду — с воздуха, с суши —
Надвигается он на Крым.

Пламя мчится, преград не зная,
Мины в каждом таятся рву,
Ширь небесная и земная —
Раскаленный ад наяву.

Черноморцы грозны, как вихрь,
И неистовы в жаркой схватке,
Чужеземцы при виде их
Разбегаются без оглядки.

Не страшит нас орудий вой,
Смерть не ставит нас на колени,

Рядом с павшим встает живой,
Чтобы ринуться в наступленье.

Обессиленная вконец,
Смерть уж пятится шаг за шагом;
Наше мужество и отвага
Возлагают на нас венец.

Снова застит завеса дыма
Крымских высей седую даль,
Стоит биться за горы Крыма,
Погибать ради них не жаль.

1942

МУСА ДЖАЛИЛЬ

Муса Мустафиевич Джалилов (Муса Джалиль) родился в 1906 году в деревне Мустафа, Оренбургской губернии. Начальное образование получил в деревенской школе, затем учился в медресе «Хусаиния» в Оренбурге, позднее в Казани на рабфаке, а в 1931 году окончил Московский государственный университет.

Муса Джалиль работал в татаро-башкирском бюро ЦК Комсомола, редактировал детские журналы «Кечкенэ иптөшляр» («Маленькие товарищи») и «Октябрь баласы» («Дитя Октября»), принимал активное участие в создании Татарского государственного театра оперы и балета, написал для этого театра либретто опер «Алтынчеч» и «Ильдар». Опубликовал несколько поэтических сборников. Накануне Великой Отечественной войны Муса Джалиль возглавлял Союз писателей Татарии.

В первый же день войны Муса Джалиль ушел в ряды действующей армии и в июне 1942 года на Волховском фронте, тяжело раненый, был взят в плен. В концентрационном лагере он вел активную подпольную работу, за что был брошен в фашистский застенок — тюрьму Моабит. В тюрьме Муса Джалиль создал цикл стихотворений, слава о котором вышла далеко за пределы нашей Родины.

В 1944 году моабитские палачи казнили поэта.

Друзья по застенку сохранили его записные книжки. Одну из них передал советским представителям в Брюсселе бельгийский антифашист Андре Тиммерманс, товарищ Джалиля по моабитскому застенку. Позднее Союз писателей Татарии получил и вторую записную книжку поэта.

Мусе Джалилю посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

108. КОГДА ОНА РОСЛА

Родилась беспомощным комочком.
Но растет и крепнет с каждым днем.
Голосок ее звенит звоночком,
В сердце откликается моем.

А бывает, иногда спросонок
Вдруг застонет бедный мой ребенок, —
Я дрожу, как будто надо мной
Разразился ливень ледяной.

Сорока болезнями готов я
Сам переболеть, перестрадать,
Только бы сберечь ее здоровье.
За нее мне жизнь не жаль отдать.

Улыбнется — всё вокруг лучится,
А когда она каким-нибудь
Новым достиженьем отличится,
Радость так и распирает грудь.

Нынче вот сама дошла до двери
В первый раз... И я так горд теперь,
Будто бы она по меньшей мере
Мне открыла полюс, а не дверь.

С голубым сиянием во взоре,
До чего малютка хороша!

Как жемчужина в глубоком море,
Светится в глазах ее душа.

Этого сокровища хранитель,
Перед всем народом и страной
Я как гражданин и как родитель
Отвечаю за ее покой.

Пусть растет здоровой и цветущей!
Наши дети — родины весна,
Светлая надежда, день грядущий,
Нашего бессмертья семена.

В чистом сердце и в головке ясной,
В светло-голубых ее глазах
Вижу я полет мечты прекрасной,
Будущего силу и размах.

Мы покинем мир. . .

Но наши дети
Сберегут сердец замолкших жар,
Пронесут сквозь даль десятилетий
Стяг побед — отцов и дедов дар.

Так, от поколенья к поколенью,
Тянутся единой цепи звенья, —
Здесь трудиться будет, как и я,
Дочь моя, кровиночка моя.

Не умру, дыханье краткой жизни
В ней я обновлю и повторю. . .
И приблизят юные к отчизне
Коммунизма светлую зарю.

Потому-то девочка родная
Мне дороже самого себя.
Как цветок, от стужи укрывая,
Берегу, ращу ее, любя.

1937

104. КАСКА

Если сердце не камень, то ясно для вас —
Не из камня и сердце солдата.
Трудно даже с одеждой расстаться подчас,
Если с нею ты сжился когда-то.

Я в сраженьях сберег свой запал боевой,
Силу рук, одолевших усталость,
И отвагу. . .

Но каска моя со звездой
У далекой траншеи осталась.

Перед нами песок. . .

Батареи врага
Навалились волной огневою,
И багровая соединила дуга
Запылавшее небо с землею.

Я привстал, чтобы лучше взглядеться в лесок,
И мгновенно две злобные пули
Просвистели, едва не пробив мне висок,
По стальной моей каске скользнули.

Значит, вражеский снайпер пробрался вперед
И следит терпеливо за целью. . .
Даже на две секунды, подлец, не дает
Приподняться над узкою щелью!

Снял я каску,
на бруствере перед собой
Положил ее тихо, с опаской.
И сейчас же противник мой точной стрельбой
Поднял пыль над пробитою каской.

Погоди-ка, голубчик, напрасен твой пыл,
Проживешь ты недолго на свете!
Я успел заметить, откуда он бил,
И без промаха пульей ответил. . .

А немного спустя мы в атаку пошли.
Громовое «ура» раздавалось.

А пробитая пулями каска в пыли
Возле старой траншеи валялась. . .

Отслужила бедняжка. . .
И всё же, друзья,
Что-то дрогнуло в сердце солдата:
И с одеждой без боли расстаться нельзя,
Если в ней воевал ты когда-то!

Не предмет снаряженья — оружие в бою,
Ты со мною сражалась повсюду.
Друг безгласный, ты жизнь сохранила мою,
Я тебя никогда не забуду.

1941

105

Былые невзгоды,
И беды, и горе
Промчатся, как воды,
Забудутся вскоре.

Настала минута,
Лучи засияли,
И кажется, будто
Не знал ты печали.

Но ввек не остудишь
Под ветром ненастья,
Но ввек не забудешь
Прошедшего счастья.

Живете вы снова,
И нет вам забвенья,
О, счастья людского
Часы и мгновенья!

1942

106. ПРОСТИ, РОДИНА!

Прости меня, твоего рядового,
Самую малую часть твою.
Прости за то, что я не умер
Смертью солдата в жарком бою.

Кто посмеет сказать, что я тебя предал?
Кто хоть в чем-нибудь бросит упрек?
Волхов — свидетель: я не струсил,
Пылинку жизни моей не берег.

В содрогающемся под бомбами,
Обреченном на гибель кольце,
Видя раны и смерть товарищей,
Я не изменился в лице.

Слезинки не выронил, понимая:
Дороги отрезаны. Слышал я:
Беспощадная смерть считала
Секунды моего бытия.

Я не ждал ни спасенья, ни чуда.
К смерти взывал: приди! добей! ..
Просил: избавь от жестокого рабства!
Молил медлительную: скорей! ..

Не я ли писал спутнику жизни:
«Не беспокойся, — писал, — жена,
Последняя капля крови капнет —
На клятве моей не будет пятна».

Не я ли стихом присягал и клялся,
Идя на кровавую войну:
«Смерть улыбку мою увидит,
Когда последним дыханьем вздохну».

О том, что твоя любовь, товарищ,
Смертный огонь гасила во мне,
Что родину и тебя любил я,
Кровью моей напишу на земле.

Еще о том, что буду спокоен,
Если за родину смерть приму.
Живой водой эта клятва будет
Сердцу смолкающему моему.

Судьба посмеялась надо мной:
Смерть обошла — прошла стороной.
Последний миг — и выстрела нет!
Мне изменил
 мой пистолет. . .

Скорпион себя убивает жалом,
Орел разбивается о скалу.
Разве орлом я не был, чтобы
Умереть, как подобает орлу?

Поверь мне, родина, был таким я, —
Горела во мне орлиная страсть!
Уж я и крылья сложил, готовый
Камнем в бездну смерти упасть.

Что делать?
 Отказался от слова,
От последнего слова, друг-пистолет.
Враг мне сковал полумертвые руки,
Пыль занесла мой кровавый след. . .

. . . Вновь заря над колючим забором.
Я жив, и поэзия не умерла:
Пламенем ненависти исходит
Раненое сердце орла.

Вновь заря над колючим забором,
Будто подняли знамя друзья!
Кровавой ненавистью рдеет
Душа полоненная моя!

Только одна у меня надежда:
Будет август. Во мгле ночной
Гнев мой к врагу и любовь к отчизне
Выйдут из плена вместе со мной.

Тут, в каземате, при звоне замка,
Понял я, как свобода сладка!
Если обрадует душу судьба,
Если я сброшу оковы раба,
Воля моя, одной лишь тебе
Силы отдам я в священной борьбе.

Июль 1942

108. ПЛАТОК

Платочек в руку на прощанье
Вложила мне моя любовь,
И вот его к открытой ране
Прижал я, чтоб не била кровь.

Отяжелел платок дареный,
От крови стал горяч и ал.
Платок, любовью озаренный,
Ослабил боль и кровь унял.

Я шел на смерть за счастье наше
И не боялся ничего.
Пусть кровью мой платок окрашен,
Но я не запятнал его.

Июль 1942

109. ПТАШКА

Колючей проволоки частоколом
Окружены бараки и пески.
Вот здесь и копошимся мы в неволе,
Как будто мы навозные жуки.

Восходит солнце за оградой где-то,
Поля в лучах купаются давно,
Но почему-то кажется, что светом
Нас солнце не коснулось всё равно.

Недальний лес, луга. . .

И то и дело

Отбивка кос поблизости слышна.
Оттуда прилетев, вчера нам пела
С ограды нашей пташечка одна.

Коль и позвать, неведомая птаха,
Ты не влетишь по доброй воле к нам.
И не влтай!

Как здесь в крови и прахе
Сгораем мы, ты видишь по утрам.

Но пой нам, пой, хотя б через ограду,
Вот через эту, проклятую, — пой!
Ведь даже в том для нас уже отрада,
Что души напоишь нам песней той.

Ты, может, в край мой полетишь прекрасный:
В свободных крыльях столько быстроты!
Но лишь скажи мне: не в последний раз ли
Ко мне, певунья, прилетаешь ты?

Коль это так, то слушай, непоседа,
Последнюю мечту моей души:
Лети в отчизну!

Пленного поэта
Любви и гнева песнею спеши!

По песне-зорьке и по крыльям-стрелам
Тебя легко узнает мой народ
И скажет:

«Это, погибая, пел он,
Из битвы песнь последнюю нам шлет».

И скажет:

«Хоть колючие оковы
Смогли поэта по рукам связать,
Но нет еще таких оков суровых,
Чтоб думы сердца жгучего сковать!»

Лети же, пташка, песней полнокровной,
В которой сила прежняя звучит.

Пусть плоть моя останется тут, — что в ней? —
Но сердце пусть на родину летит!

Август 1942

110. НЕОТВЯЗНЫЕ МЫСЛИ

Шальнойю смертью, видно, я умру:
Меня прикончат стужа, голод, вши.
Как нищая старуха, я умру,
Замерзнув на нетопленной печи.

Мечтал я по-солдатски умереть
В разгуле ураганного огня.
Но нет! Как лампа, синим огоньком
Мерцаю, тлею. . . Миг — и нет меня.

Осуществления моих надежд,
Победы нашей не дождался я.
Напрасно я писал: «Умру, смеясь».
Нет! Умирать не хочется, друзья!

Уж так ли много дел я совершил?
Уж так ли много я на свете жил?
Ох, если б дальше жизнь моя пошла,
Прошла б она полезней, чем была.

Я прежде и не думал, не гадал,
Что сердце может рваться на куски,
Такого гнева я в себе не знал,
Не знал такой любви, такой тоски.

Я лишь теперь почувствовал вполне,
Что может сердце так пылать во мне, —
Не мог его я родине отдать,
Ах, как обидно это сознавать!

Не страшно знать, что смерть к тебе идет,
Коль умираешь ты за свой народ.
Но смерть от голода. . . Нет, нет, друзья,
Позорной смерти не желаю я.

Я жить хочу, чтоб родине отдать
Последний сердца движущий толчок,
Чтоб я и умирая мог сказать,
Что умираю за отчизну-мать.

Сентябрь 1942

111. ПОЭТ

Всю ночь не спал поэт, писал стихи,
Слезу роняя за слезою.
Ревела буря за окном, и дом
Дрожал, охваченный грозою.

С налету ветер двери распахнул,
Бумажные листы швыряя,
Назад отпрянув, яростно завыл,
Тоскою сердце надрывая.

Идут горами волны по реке,
И молниями дуб расколот.
Смолкает гром.

В томительной тиши
К селенью подползает холод.

А в комнате поэта до утра
Клубились грозовые тучи,
И падали на белые листы
Живые молнии созвучий.

В рассветный час поэт умолк и встал.
Собрал и сжег свои творенья
И дом покинул.

Ветер стих. Заря
Алела нежно в отдаленьи.

О чем всю ночь слагал стихи поэт?
Что в этом сердце бушевало?
Какие чувства высказав, он шел,
Обласканный зарею алой?

Пускай о нем расскажет бури шум,
Ваш сон вечерний прерывая,
Рожденный бурей чистый луч зари
Да в небе тучка огневая. . .

Сентябрь 1942

112. ЗВОНОК

Однажды на крыльце особняка
Стоял мальчишка возле самой двери,
А дотянуться пальцем до звонка
Никак не мог — и явно был растерян.

Я подошел и говорю ему:
«Что, мальчик, плохо? Не хватает роста? . .
Ну, так и быть, я за тебя нажму.
Один звонок иль два? Мне это просто».

— «Нет, пять!» — Пять раз нажал я кнопку.
А мальчик мне: «Ну, дяденька, айда!
Бежим! Хоть ты большой смельчак, а трепку
Таковую хозяин даст, — беда!»

Декабрь 1942

113. ВОЛКИ

Люди кровь проливают в боях:
Сколько тысяч за сутки умрет!
Чуя запах добычи, вблизи
Рыщут волки всю ночь напролет.

Разгораются волчьи глаза:
Сколько мяса людей и коней!
Вот одной перестрелки цена!
Вот ночной урожай батарей!

Волчьей стаи вожак матерой,
Предвкушением пира хмелен,
Так и замер:
его пригвоздил
Чуть не рядом раздавшийся стон.

То, к березе припав головой,
Бредил раненый, болью томим,
И береза качалась над ним,
Словно мать убивалась над ним.

Всё, жалеючи, плачет вокруг,
И со всех стебельков и листков
Оседает в траве не роса,
А невинные слезы цветов.

Старый волк постоял над бойцом,
Осмотрел и обнюхал его,
Для чего-то в глаза заглянул,
Но не сделал ему ничего. . .

На рассвете и люди пришли;
Видят: раненый дышит чуть-чуть,
А надежда-то всё-таки есть
Эту искорку жизни раздуть.

Люди в тело загнали сперва
Раскаленные шомпола,
А потом на березе, в петле,
Эта слабая жизнь умерла. . .

Люди кровь проливают в боях:
Сколько тысяч за сутки умрет!
Чуя запах добычи вблизи,
Рыщут волки всю ночь напролет.

Что там волки! Ужасней и злей —
Стаи хищных двуногих зверей.

Март 1943

114. ВАРВАРСТВО

Они с детьми погнали матерей
И яму рыть заставили, а сами

Они стояли, кучка дикарей,
И хриплыми смеялись голосами.

У края бездны выстроили в ряд
Бессильных женщин, худеньких ребят.
Пришел хмельной майор и медными глазами
Окинул обреченных. . . Мутный дождь
Гудел в листве соседних рош
И на полях, одетых мглюю,
И тучи опустились над землею,
Друг друга с бешенством гоня. . .

Нет, этого я не забуду дня,
Я не забуду никогда, вовеки!
Я видел: плакали, как дети, реки,
И в ярости рыдала мать-земля.

Своими видел я глазами,
Как солнце скорбное, омытое слезами,
Сквозь тучу вышло на поля,
В последний раз детей поцеловало,
В последний раз. . .
Шумел осенний лес. Казалось, что сейчас
Он обезумел. Гневно бушевала
Его листва. Сгущалась мгла вокруг.
Я слышал: мощный дуб свалился вдруг,
Он падал, издавая вздох тяжелый.
Детей внезапно охватил испуг, —
Прижались к матерям, цепляясь за

подолы.

И выстрела раздался резкий звук,
Прервав проклятье,
Что вырвалось у женщины одной.
Ребенок, мальчуган больной,
Головку спрятал в складках платья
Еще не старой женщины. Она
Смотрела, ужаса полна.
Как не лишиться ей рассудка!
Всё понял, понял всё малютка.
«Спрячь, мамочка, меня! Не надо
умирать!» —
Он плачет и, как лист, сдержать не может дрожн.

Дитя, что ей всего дороже,
Нагнувшись, подняла двумя руками мать,
Прижала к сердцу, против дула прямо. . .
«Я, мама, жить хочу. Не надо, мама!
Пусти меня, пусти! Чего ты ждешь?»
И хочет вырваться из рук ребенок,
И страшен плач, и голос тонок,
И в сердце он вонзается, как нож.
«Не бойся, мальчик мой. Сейчас
вдохнешь ты вольно.
Закрой глаза, но голову не прячь,
Чтобы тебя живым не закопал палач.
Терпи, сынок, терпи. Сейчас не будет больно».
И он закрыл глаза. И заалела кровь,
По шее красной лентой извиваясь.

Две жизни наземь падают, сливаясь,
Две жизни и одна любовь!

Гром грянул. Ветер свистнул в тучах,
Заплакала земля в тоске глухой.
О, сколько слез, горячих и горючих!
Земля моя, скажи мне, что с тобой?

Ты часто горе видела людское,
Ты миллионы лет цвела для нас,
Но испытала ль ты хотя бы раз
Такой позор и варварство такое?

Страна моя, враги тебе грозят,
Но выше подними великой правды знамя,
Омой его земли кровавыми слезами,
И пусть его лучи пронзят.

Пусть уничтожат беспощадно
Тех варваров, тех дикарей,
Что кровь детей глотают жадно,
Кровь наших матерей. . .

Октябрь 1943

115. НЕ ВЕРЬ!

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Устал он, отстал, упал он», —
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если верят в меня.

Кровью со знамени клятва зовет:
Силу дает мне, движет вперед.
Так вправе ли я устать и отстать?
Так вправе ли я упасть и не встать?

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Изменник он! Родину предал», —
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если любят меня.

Я взял автомат и пошел воевать,
В бой за тебя и за родину-мать.
Тебе изменить? И отчизне моей?
Да что же останется в жизни моей?

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Погиб он. Муса уже мертвый», —
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если любят тебя.

Холодное тело засыплет земля, —
Песнь огневую засыпать нельзя!
Умри, побеждая, и кто мертвецом
Тебя назовет, если был ты борцом?!

29 ноября 1943

116. СЛУЧАЕТСЯ ПОРОЙ

Душа порой бывает очень твердой.
Пусть ветер смерти яростный жесток,
Цветок души не шевельнется, гордый,
Не дрогнет даже слабый лепесток.

Нет скорби на твоём лице ни тени,
Нет в строгих мыслях суеты мирской.
Писать, писать — одно тогда стремленье
Владеет ослабевшею рукой.

Беситесь, убивайте — страха нету.
Пусть ты в неволе, но вольна душа.
Лишь клоч бумаги чистой бы поэту,
Огрызок бы ему карандаша.

Ноябрь 1943

117. ПАЛАЧУ

Не преклоню колен, палач, перед тобою,
Хотя я узник твой, я раб в тюрьме твоей.
Придет мой час — умру. Но знай: умру я стоя,
Хотя ты голову отрубишь мне, злодей.

Увы, не тысячу, а только сто в сраженье
Я уничтожить смог подобных палачей.
За это, возвратясь, я попрошу прощенья,
Колена преклонив, у родины моей.

Ноябрь 1943

118. ДУБ

При дороге одиноко
Дуб растет тысячелетний,
На траве зеленой стоя,
До земли склоняя ветви.

Легкий ветер на рассвете
Между листьев пробегает,
Будто время молодое
Старику напоминает.

И поет он о минувшем,
Про безвестного кого-то,

Кто вскопал впервые землю,
Проливая капли пота.

Кто зажег в нем искру жизни?
Кто такой? Откуда родом?
Государем был великим,
Полеводом, садоводом?

Кем он был — не в этом дело:
Пот его в земле — от века,
Труд его — в стволе могучем:
Дуб живет за человека!

Сколько здесь прошло народу —
Проходившим счета нету!
Каждый слышал песню дуба,
Каждый знает песню эту.

Путник прячется в ненастье
Под навес зеленолистый;
В зной работников усталых
Дуб зовет во мрак тенистый;

И недаром лунной ночью
Он влечет к себе влюбленных,
Под шатром соединяя
Тайной страстью опаленных;

Заблудившимся в буране
Путь укажет самый краткий;
Тех, кто жнет, горячим летом
Напоит прохладой сладкой. . .

Преклонюсь перед тобою,
Счастлив ты, земляк далекий.
Памятник тебе достойный
Этот старый дуб, высокий.

Стоит жить, чтоб в землю врезать
След поглубже, позаметней,
Чтоб твое осталось дело,
Словно дуб тысячелетний.

10 декабря 1943

119. ПРОСТУЖЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Влюбился я. Давно случилось это —
В былые годы юности моей.
Любви цветок, как говорят поэты,
Раскрылся даже в стужу зимних дней.

И вдруг судьба послала наказание,
Я насморк на морозе получил.
Но к девушке любимой на свиданье
К назначенному часу поспешил.

Сидим вдвоем. Ищу платок в кармане
И, как назло, не нахожу его.
Кружится голова в сплошном тумане,
Течет ручей из носа моего. . .

Я духом пал. Как поступить, не знаю.
Язык не произносит нежных слов.
С трудом шепчу: «Люблю тебя, родная», —
А сам чихаю и чихаю вновь.

Сидел бы я спокойно, не чихая,
Как рыба был бы нем. Но вот беда:
Когда влюбленно, глубоко вздыхаю,
Мой нос свистит протяжно, как дуда.

Какой позор! Не в силах передать я
Всё то, что было в памятной ночи.
Дивчину заключив в объятья,
Я говорил: «Апчхи. . . тебя. . . апчхи!»

В смешные рассуждения пускался,
С ее руками я свои сомкнул.
Неосторожно вдруг расхохотался
И на нее, на милую,чихнул.

От гнева вспыхнуло лицо любимой.
Она платком закрылась. Понял я,
Что лучшие деньки невозвратимы,
Что лопнет, как пузырь, любовь моя.

Не плача, не смеясь, она сказала
И всколыхнула боль в моей груди:

«Молокосос!
Ты нос утри сначала!
Ко мне на километр не подходи!»

Она ушла, сверкнув прощальным взглядом,
Ушла, не думая простить.
В аптеку я направился за ядом,
Считая, что не стоит больше жить.

Бежал не чуя ног, чтобы навеки
Забиться в безмятежном сне,
И труд мой даром не пропал — в аптеке
От насморка лекарство дали мне.

С тех пор не грезил я о кареглазой,
Мы не встречались после. Всё прошло.
Избавиться от двух болезней сразу
Аптечное лекарство помогло.

Я коротаю старость на чужбине.
Года промчались, жар остыл в крови.
Эх, дайте ту, простуженную! Ныне
Тоскую даже по такой любви.

1943

120. ПОСЛЕДНИЙ СТИХ

Сияет прелесть мира,
Ликует вдалеке, —
В тюрьме темно и сыро,
И двери на замке.

Птенец летит, теряясь
В веселых облаках, —
Я на полу валяюсь
В тяжелых кандалах.

Цветок растет на воле,
Обрызганный росой, —

А я увял от боли,
Задушенный тюрьмой.

Я в жизнь влюблен, я знаю
Кипенье чувств живых, —
И вот я умираю,
Мой стих — последний стих.

1943

121. СОН В ТЮРЬМЕ

Дочурка мне привиделась во сне.
Пришла, пригласила мне чуб ручонкой.
«Ой, долго ты ходил!» — сказала мне,
И прямо в душу глянул взор ребенка.

От радости кружилась голова,
Я крошку обнимал, и сердце пело.
И думал я: так вот ты какова,
Любовь, тоска, достигшая предела!

Потом мы с ней цветочные моря
Переплывали, по лугам блуждая;
Светло и вольно разлилась заря,
И сладость жизни вновь познал тогда я.

Проснулся я. . . Как прежде, я в тюрьме,
И камера угрюмая всё та же,
И те же кандалы, и в полутьме
Всё то же горе ждет, стоит на страже.

Зачем я жизнью сны свои зову?
Зачем так мир уродует темница,
Что боль и горе мучат наяву,
А радость только снится?

1943

122. ЛЮБИМОЙ

Быть может, годы будут без письма,
Без вести обо мне.
Мои следы затянутся землей,
Мои дороги зарастут травой.

Быть может, в сны твои, печальный, я приду,
В одежде черной вдруг войду.
И смоет времени бесстрастный вал
Прощальный миг, когда тебя я целовал.

Так бремя ожиданья велико,
Так изнурит тебя оно,
Так убедит тебя, что «нет его»,
Как будто это было суждено.

Уйдет твоя любовь,
 а у меня,
Быть может, нету ничего сильней.
Придется мне в один неожиданный день
Уйти совсем из памяти твоей.

И лишь тогда, вот в этот самый миг,
Когда придется от тебя уйти,
Быть может, смерть тогда и победит,
Лишит меня обратного пути.

Я был силен, покуда ты ждала,
Смерть не брала меня в бою:
Твоей любви волшебный талисман
Хранил в походах голову мою.

И падал я. Но клятвы: «Поборю!»
Ничем не запятнал я на войне.
Ведь если б я пришел не победив,
«Спасибо» ты бы не сказала мне.

Солдатский путь извилист и далек,
Но ты надейся и люби меня,
И я приду: твоя любовь — залог
Спасенья от воды и от огня.

1943

123. ДРУГУ

А. А.

Друг, не горюй, что рано мы уходим.
Кто жизнь свою, скажи, купил навек?
Ведь годы ограничены той жизнью,
Которую избрал сам человек.

Не время меж рождением и смертью
Одно определяет жизни срок, —
Быть может, наша кровь, что здесь прольется,
Прекрасного бессмертия исток.

Дал клятву я: жизнь посвятить народу,
Стране своей — отчизне всех отчизн.
Для этого, хотя бы жил столетья,
Ты разве бы свою не отдал жизнь?

Как долгой ночью — солнечного света,
Так жду в застенке с родины вестей!
Какое счастье — даже на чужбине —
Дыханье слышать родины своей!

Чем, шкуру сохранив, забыть о чести,
О, пусть я лучше стану мертвецом!
Какая это жизнь, когда Отчизна,
Как Каину, плюет тебе в лицо!

Такого счастья мне совсем не надо.
Уж лучше гибель — нет обиды тут!
Не стану чужаком в краю родимом,
Где даже мне воды не подадут.

Мой друг, жизнь наша — это только искра
Всей жизни родины — страны побед.
Пусть мы погаснем — от бесстрашной смерти
В отчизне нашей ярче вспыхнет свет.

И этой смертью подтвердим мы верность,
О смелости узнает вся стража.
Не этими ли чувствами большими,
О друг мой, наша молодость сильна?!

И если молодости ствол подрубят,
В народе корни не исчезнут ввек.
И скажут юные:

вот так отважно

Смерть должен встретить каждый человек!

1943

124. ЛЮБОВЬ

Любовь так долго юношу томила,
Что как-то раз, дыханье затая,
«Люблю», — шепнул он робко. Но от милой
Капризницы не услышал: «И я!»

Была ли то уловка страсти скрытой,
Иль вправду был он безразличен ей, —
Не всё ль равно? Любовь в душе

джигита

Всё ярче разгоралась, всё сильней.

Пришла война и увела неожиданно
Джигита в пламя и водоворот.
Любовь жила и заживляла раны,
И за руку вела его вперед.

Сражался на переднем крае воин
За дом родной, за девушку свою.
Ведь имени джигита недостойн
Тот, кто не дышит мужеством в бою.

Любовь была и силой и опорой, —
Со страстной верой в битву шел боец.
Когда зажглась заря победы скорой,
Свалил джигита вражеский свинец.

Последнее дыханье в нем боролось
С угаром смерти. Бредил он, хрипя.
«Люблю...» — сказал он и услышал голос
Своей возлюбленной: «И я!»

1943

125. ПЕСНИ МОИ

В душе взрастил я песенные всходы.
Цветите ж, песни, на полях страны.
Я вас взрастил в честь мира и свободы,
Права на жизнь за это вам даны.

Вам, песни, я вверяю вдохновенье.
Вы — жизнь моя, где пятен темных нет.
Умрете вы — я отойду в забвенье.
Живете — буду жить и я, поэт.

Когда мне долг и сердце приказали,
Как факел, я воспламенил свой стих.
Друзей я песней утешал в печали
И песней же разил врагов своих.

Пусть не прельщают низкие соблазны,
Я их отверг и сердцем чище стал!
Живу затем, чтоб стих, прямой и ясный,
Лучами правды ярко засверкал.

Пришли последние минуты жизни —
Со славой завершить бы мне борьбу.
Я отдаю народу и отчизне
Порывы, вдохновение, судьбу.

Я пел в бою. Не думал никогда я,
Что пленником умру в чужом краю.
На плахе песнь последнюю слагаю.
Вот заблестел топор, но я пою.

Меня на битву песня призывала,
Она учила смело умирать.
Призывной песней жизнь моя звучала,
И будет, будет смерть моя звучать.

1943

126. ОДИН СОВЕТ

(О человечности)

Людей-слонов нередко я встречал,
Дивился их чудовищным телам,
Но я за человека признавал
Лишь человека по его делам.

Вот, говорят, силач — железо гнет,
Вода проступит там, где он пройдет.
Но будь ты слон, а я не признаю,
Коль дел твоих — по горло воробью.

Пускай во всем, что совершаешь ты,
Проступит след душевной чистоты.
Ведь сила не во внешности твоей,
А только в человечности твоей.

В твоих делах проявится сама
И справедливость твоего ума,
И то, что сильным сердцем наделен,
Что ты любовью к родине силен.

Жить бесполезно — лучше уж не жить:
На ровном месте кочкою служить.
Свети потомкам нашим как маяк.
Свети как человек, а не светляк!

Железо не ржавеет от труда,
И глина обожженная тверда,
Оценит мужа по делам народ
И затоптать не даст его следа.

1943

127. ВОЛШЕБНЫЙ КЛУБОК

Как волшебный клубок из сказки,
Катился мой жизненный путь.
На закате у этого дома
Остановился я отдохнуть.

Как владыка дивов из сказки,
Вышел хозяин навстречу мне:
Мертвый орел вместо шапки,
Топор висит на ремне.

Железные двери, как в сказке.
В железе дыра, и в нее
Смотрит див ежедневно —
Добро проверяет свое.

На ста кострах ежедневно
Жарят шашлык из людей. . .
И сюда меня черная доля
Завела из отчизны моей!

Эх, сказки моей бабушки,
Тягаться с правдой не вам!
Чтоб рассказать о страшном,
К каким обращаюсь словам?

Здесѣ всюду стоят капканы,
Чтоб ты убежать не мог.
Тень смерти на всех переулках,
На каждой двери замок.

У дива такой порядок:
Умному — голову с плеч!
А матерей и младенцев —
В стальной каземат — и сжечь!

А чернобровым джигитам,
А девам, подобным хурме, —
Без пищи, без воли зачахнуть
На тяжелой работе в тюрьме! . .

Видеть, как плачет юность,
Видеть цвет увяданья на ней —
Страшной сказки страшнее,
Тяжкого сна тяжелей.

И мой черед скоро настанет,
Но песни мои повторяют для вас

Ягоды, и цветы, и груши, и сосны,
И всё, что ласкал я в пути не раз...

Как волшебный клубок из сказки,
Песни — на всем моем пути...
Идите по следу до самой последней,
Коль захотите меня найти!

1943

128. В СТРАНЕ АЛМАН

И это страна великого Маркса?
Это бурного Шиллера дом?
Это сюда меня под конвоем
Пригнал фашист и назвал рабом!
И стенам не вздрогнуть от «рот фронта»?
И стягу спартаковцев не зардеть?
Ты ударил меня, германский парень,
И еще раз ударил... За что? Ответ!...
Тому, кто любил вольнодумца Гейне
И смелой мысли его полет,
В последнем жилище Карла и Розы
Пытка зубы не разожмет.
Тому, что был очарован Гете,
Ответ: таким ли тебя я знал?
Почему прибор симфоний Бетховена
Не сотрясает мрамора зал?
Здесь чужая пыль заслоняет солнце,
И я узнал подземную дверь,
Замки подвала, шаги охраны...
Здесь Тельман томился.

Здесь я теперь...

Неужто и мне, как Розе и Карлу,
Смерть суждена от своры борзых?
И меня поведут, и меня задавят,
И сбросят с моста, как сбросили их?!
Кто Цеткиной внук?
Кто Тельмана друг?
Есть среди вас такие, эй?
Услышите голос стальной воли —

Откройте наши тюрьмы скорей!
С песней придите.

Придите так же,
Как в девятнадцатом шли году:
С кличем «рот фронт»

колоннами,
маршем,

Правый кулак подняв на ходу!
Солнцем Германию осветите!
Солнцу откройте в Германию путь!
Тельман пусть говорит с трибуны!
Маркса и Гейне отчизне вернуть!
Кто Цеткиной внук?
Кто Тельмана друг?
Есть среди вас такие, эй?
Услышите голос великой правды!
Наши тюрьмы откройте скорей!

1943

129. МОЙ ПОДАРОК

*Моему бельгийскому другу Андре,
с которым познакомился в неволе.*

Когда б вернуть те дни, что проводил
Среди цветов, в кипеньи бурной жизни,
Дружище мой, тебе б я подарил
Чудесные цветы моей отчизны.

Но ничего тут из бывшего нет —
Ни сада, ни жилья, ни даже воли.
Здесь и цветы — увядший пустоцвет,
Здесь и земля у палачей в неволе.

Лишь, не запятнанное мыслью злой,
Есть сердце у меня с порывом жарким.
Пусть песня сердца, как цветы весной,
И будет от меня тебе подарком.

Коль сам умру, так песня не умрет,
Она, звеня, свою сослужит службу,

Поведав родине, как здесь цветет
В плененных душах цвет прекрасной дружбы.

130. ПУЧИНА

Луна стремнину серебрила.
И девушка, в волнах речных
Резвясь, то лебедем скользила,
То рыбкой исчезала в них,

Играла пеной белоснежной,
Как лепестками белых роз...
А по плечам ее небрежно
Рассыпались шелка волос.

Луна к сопернице счастливой
Тянулась ласковым лучом.
Притих камыш, умолкла ива,
Любуясь девушкой тайком.

Но за шальной волной гоняясь,
Она попала в быстрину.
Над ней пучина вод, смыкаясь,
Уже влекла ее ко дну.

Крича и простирая руки,
Она спасителя звала...
Случайно путника к излучке
В ту ночь дорога привела...

Борясь с бушующим потоком,
На берег выплыл он с трудом.
И девушка, вздохнув глубоко,
Остановила взор на нем.

Зачем же, сердце опаяя,
Огонь в глазах ее сверкнул?
Я сам, прекрасную спасая,
В пучине страсти потонул.

Отраду я забыл и горе,
Когда меня ты позвала.
Быть может, родилась ты в море?
Русалкой сказочной была?

А помнишь, как тогда с тобою
В волнах прокладывал я путь?
Сказав «спасибо», ты стрелою
Любви мою пронзила грудь.

Подобна жизнь морской пучине,
И я в твоей любви тону.
Протянешь ли мне руку ныне,
Чтоб не пошел джигит ко дну?

131. ПОВОГОДНИЕ ПОЖЕЛАНИЯ

Андре Тиммермансу

Здесь нет вина. Так пусть напитком
Нам служит наших слез вино!
Нальем! У нас его с избытком.
Сердца насквозь прожжет оно.
Быть может, с горечью и солью
И боль сердечных ран пройдет...
Нальем! Так пусть же с этой болью
Уходит сорок третий год.

Уходишь, борода седая,
Навеки землю покидая?
Ты крепко запер нас в подвал.
Прощай! На счастье уповая,
Я поднимаю мой бокал.
Довольно жизням обрываться!
Довольно крови утекло!
Пусть наши муки утолятся!
Пусть станет на душе светло!

Да принесет грядущий Новый
Свободу сладкую для нас!

Да снимет с наших рук оковы!
Да вытрет слезы с наших глаз!
Согрев целебными лучами,
Тюремный кашель унесет!
И в час победы пусть с друзьями
Соединит нас Новый год!

Пусть будут жаркие объятия
И слезы счастья на очах!
Пускай в честь нас печет оладьи
В родном доме родной очаг!
Да встретятся жена и дети
С любимым мужем и отцом!
И чтобы в радостной беседе,
Стихи читая о победе
И запивая их вином,
Истекший год мы провожали
И наступающий встречали
За пышным праздничным столом!..

1 января 1944

Владислав Леонидович Занадворов родился в 1914 году в Перми. В 1929 году он окончил в Свердловске среднюю школу-восьмилетку с геологоразведочным уклоном и поступил в геологоразведочный техникум. «С 1930 года, — говорится в автобиографии поэта, написанной в 1939 году, — я начал странствовать самостоятельно — в геологических партиях, в экспедициях. Это были годы первой пятилетки, когда нас — подростков — властно влекла к себе жизнь, и нам, конечно, не сиделось дома. Потрепанные учебники были закинуты в угол, на ноги обуты походные сапоги, и ветер скитаний обжигал щеки».

Не окончив техникума, Занадворов уехал в Ленинград, где работал в геологоразведочном тресте. В 1933—1934 годах он побывал в экспедициях на Кольском полуострове, на Крайнем Севере, за Полярным кругом, в Казахстане.

В 1935 году Занадворов поступил на геологический факультет Свердловского университета, затем перевелся в Пермь, где в 1940 году, окончил университет с отличием и правом поступления в аспирантуру при Геологической академии. Но Занадворов остается геологом-практиком и уезжает на работу в город Верх-Нейвинск. Увлекаясь геологией, Занадворов одновременно пишет стихи и прозу. В 1932 году в Свердловском журнале «Штурм» впервые были напечатаны его стихи из цикла «Кизел» и поэма «Путь инженера». В 30-е годы Занадворов входил в литературную группу «Резец», его стихи печатались в журнале того же названия, в альманахах «Уральский современник» и «Прикамье». В 1936 году отдельной книгой для юношества вышла повесть Занадворова «Медная гора». Первый сборник стихотворений «Простор» увидел свет в 1941 году в Перми.

В феврале 1942 года Занадворов был призван в ряды Советской

Армии. Он был участником великой битвы на Волге и погиб геройской смертью в ноябрьских боях 1942 года.

Посмертно в 1946 году вышел сборник Занадворова «Преданность», подготовка которого была начата еще при жизни поэта, в 1941 году. В 1945 году был выпущен сборник «Походные огни», в 1953 году вышли «Избранные стихи и рассказы», в 1954 году — книга «Ветер мужества».

132. РОДИНА

Вот она — лесная родина:
Над рекой падучая гроза,
Наливная черная смородина,
Черная, как девичьи глаза.

А в лесах, за горными вершинами,
Травы стынут в утренней росе,
И березы с лопнувшими жилами
Падают, подвластные грозе.

И навек плененная просторами,
Выбегает узкая тропа.
Дальнее село за косогорами,
В воздухе повисли ястреба.

И потайно за густыми травами
Сказывали парням молодым,
Как по Волге с Емельяном плавали,
Жили с атаманом Золотым.

Над крестами, над моими предками,
Над крутыми строками стиха
Снова машет огненными ветками
Дикая заречная ольха.

И хоть сколько бы дорог ни пройдено,
Ни отмерено далеких верст —

Хлебом-солью повстречает родина,
Улыбнется тысячами звезд.

А меж гор, что с тучами обвенчаны,
Кама силу пробует свою.
Я ни друга, ни отца, ни женщины
Не любил, как родину мою.

1936

133

Я искал тебя у вод падучих
На далекой родине ветров,
У гнездящихся на снежных кручах
Белокрылых северных бродов.

Узнавал я по примятым травам,
По следам, оставленным в росе,
По каким тяжелым переправам
Ты прошла в девической красе.

И кочевника с оленьим стадом
В полдень настигал я на тропе,
С ним делился крепким самосадом,
Спрашивал всю правду о тебе.

И скитался вновь, чтоб тем же летом,
В горе, в одиночестве, в тоске,
Рядом с маленьким девичьим следом
След мужской увидеть на песке;

Чтобы за полночь простой охотник,
На медведя ладя самострел,
О тебе сказал бы неохотно,
На меня б спокойно посмотрел;

Чтоб я понял ночью равнодушной,
Как дымятся горы впереди,
Что тебя разыскивать не нужно,
Если ты стучишь в моей груди!

1937

134. ЩИТ

Мы щит нашли на поле Куликовом
Среди травы, в песке заросших ям.
Он медью почерневшей был окован
И саблями изрублен по краям.

Безвестный ратник здесь расстался с жизнью,
Подмят в бою татарским скакуном,
Но всё же грудь истерзанной отчизны
Прикрыл он верным дедовским щитом.

И перед ним в молчании глубоком
Мы опустили шапки до земли,
Как будто к отдаленнейшим истокам
Могучего потока подошли.

...Что станет думать дальний наш потомок
И чем его наполнится душа,
Когда штыка трехгранного обломок
Отыщет он в курганах Сиваша?

<1940>.

135

Всё было таким особым
Той сказочной дикой весной —
И бег ручьев по сугробам,
И солнечный свет сквозной.

В предчувствии близкого лета
Черемухи пышно цвели,
Их ветви под тяжестью цвета
Сгибались до самой земли.

Одна лишь под солнцем весенним
Стояла суха и грустна,
И белым безумным цветеньем
Совсем не блистала она.

Она в полуночную темень
Ветвями стучала в окно,

В ответ под ударами теми
Слегка дребезжало оно.

И я выходил, босоногий,
Из комнатной духоты
И видел: бежали дороги
Под светом неверной звезды.

Пустынная полночь! А где-то
В песках Каракумов, в пыли,
Пылало в сто градусов лето,
Но люди Турксиб вели.

Земля на заре дымилась,
Гудели в ночи трактора,
Сезонникам ражим на милость
Сдавалась Магнит-гора.

Трубила на севере битва,
Входили во льды суда,
И было до слез обидно,
Что им не зайти сюда.

Любя, ненавидя и мучась,
И бредя во сне высотой,
Я понял печальную участь
Завядшей черемухи той.

Ее не касалось веток
Паденье вечерних рос,
И рядом с черемухой этой
И я, задыхаясь, рос.

А там, за окном, коростели
Сходили с ума в ночи,
Просторы земли синели,
К озерам неслись ручьи.

Весь мир я увидел воочью —
Он звал на сотни ладов,
Такой незабвенной ночью
Покинул я отчий кров.

Рубашка, тужурка, ботинки —
Немудрое барахло!
И вдаль уводили тропинки,
Чтоб сердце назад не влекло,

Чтоб Родину видеть и всюду
Встречать мне родные края...
Тебя никогда не забуду,
Подруга лесная моя.

Но как-то я сверстника встретил,
Сказал он, слезая с седла:
«На том незабвенном рассвете
Черемуха вдруг зацвела».

1940

136. ПОХОДНЫЙ РЮКЗАК

Над моею кроватью
 все годы висит неизменно
Побуревший на солнце,
 потертый походный рюкзак,
В нем хранятся консервы,
 одежды запасная смена,
В боковом отделении —
 завернутый в кальку табак.
Может, завтрашней ночью
 прибудет приказ управления
И, с тобой не простившись,
 рюкзак я поспешно сниму...
От ночлега к ночлегу
 лишь только дорога оленья
Да в мерцании сполохов
 берег, бегущий во тьму.
Мы извели в жизни
 так много бессрочных прощаний,
Что умеем разлуку
 с улыбкой спокойной встречать,
Но ни разу тебе
 не писал я своих завещаний,

Да, по совести,
 что я сумел бы тебе завещать?
Разве только, чтоб рукопись
 бережно спрятала в ящик
И прикрыла газетой
 неоконченный лист чертежа,
Да, меня вспоминая,
 склонялась над мальчиком спящим,
И отцом бы, и матерью
 сразу для сына служа.
Но я знаю тебя, —
 ты и рукопись бережно спрячешь,
От людей посторонних
 прикроешь ревниво чертеж,
И, письма дожидаясь,
 украдкой над сыном поплачешь,
Раз по десять, босая,
 ты за ночь к нему подойдешь.
В непрерывных походах
 нам легче шагать под метелью,
Коль на горных вершинах
 огни путевые видны,
А рюкзак для того
 и висит у меня над постелью,
Чтобы сын в свое время
 убрал бы его со стены.

<1941>

137. ЖАЖДА

Среди песков нам третий вечер
Сводило судорогой рты,
И третий день меха овечьи
На солнце сохли без воды.

Мы губы, черные от жажды,
Не в силах были приоткрыть,
А в душном зное с часом каждым
У лошадей стихала прыть.

Уже и сердце забывало
Стучать о выжженную грудь,
Какая сила диктовала
Нам этот мужественный путь!

Но в этот миг в седле высоком
Привставши из последних сил,
Наш проводник трахомным оком
За взлетом беркута следил.

А там, за дымкою, лежали
В дремоте низкие холмы, —
И наши кони задрожали,
И в седлах вытянулись мы.

И как певучий голос девы,
Среди палящей тишины
Ручья прохладные напевы
Нам были явственно слышны.

Как безраздельно полюбили
Мы детский строй его речей,
Мы только пили, пили, пили,
Боясь, что высохнет ручей.

А он в песке лишь разливался,
На солнце только студенел,
Но чем я больше напивался,
Тем всё сильнее пить хотел.

Потом арыками покрыли
Мы эти мертвые бугры,
Мы ночью скважины бурили,
А днем сдыхали от жары.

Остались трое в пекле ада,
Под солнцем коротая дни;
Мы схоронили их как надо,
В шурфах, что вырыли они.

Но мощной жаждой ожиданья
Прониклось наше бытие,

А жалкой смерти притязанья
Лишь служат почвой для нее!

С тех пор, как верная подруга,
Мне жажда спутницей была,
Меня кружила, словно вьюга,
По тропкам севера вела.

Она со мной одежду шила,
Под лыжи подбивала мех,
И с кем она сильней дружила,
Те проходили дальше всех.

И, сразу же в седом просторе
Теряясь точкой, сквозь пургу,
Спешили в тишь аудиторий,
Собак меняя на ходу.

Еще в снегах костры дымились,
А мы в смешных мешках своих
За парты низкие садились
И трудно горбились на них.

Мы спотыкались, шли наощупь,
Блуждали в книгах, как в тайге,
И лампы жгли глубокой ночью,
И спали, сжав тетрадь в руке.

Пред нами, как с вершины птичьей
Всё видно, что б ни оглядел,
Открылся мир во всем величьи
Еще не завершенных дел.

Он звал нас, ясный и влекущий,
Он был податлив, как руда,
Расцвет предчувствуя грядущий
В дыханьи нашего труда.

И жажда снова нас бросала
В водоворот его крутой,
Пока что, влажная, не стала
И нашей жизнью, и судьбой.

И мне тот день других дороже,
Что завтра должен наступить,
И с каждым днем, чем дольше прожил,
Тем всё сильнее хочу я жить.

<1941>

138. МОЙ ГОРОД

Я знал тебя, город, в мерцании сварок,
В кольце голубом автогенных лучей,
Входил ты, как юность, порывист и жарок,
В разгул сумасшедших метельных ночей.

В грязи котлованов, в лесах новостроек
Мужали и крепи мы вместе с тобой.
Еще не доделан, еще не устроен,
Ты был уже завтрашней нашей судьбой.

Я знал тебя, город, в дни празднеств народных:
Гирляндой огней ты из мрака возник —
В кипении танцев и песен свободных
'Асфальтовых улиц раскрытый дневник.

Разлет площадей и движенье кварталов
Как будто сошли со страниц чертежа,
Казалось, что радуг стоцветье вобрала
Твоя озаренная светом душа.

Я знал, что военная форма, мой город,
Мой каменный сверстник, придется к лицу:
Таким ты по-новому близок и дорог,
Как мужеству — сила, как слава — бойцу.

Без жеста ненужного, тверд и спокоен,
Ты каждую полночь уходишь во мрак,
Встаешь на рассвете подтянут, как воин,
Как будто кварталы сжимаешь в кулак.

На улицах гулких в туманном пространстве
Сверкают винтовки твоих сыновей,

И каждый уносит в брезентовом ранце
Частицу любви беспредельной твоей.

И снова — с работой стахановской дружен —
В привычной спецовке встаешь ты к станку,
Удар за ударом куешь ты оружие,
Всё глубже копаешь могилу врагу!

1941

139. КУСОК РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Кусок земли, он весь пропитан кровью.
Почернел от дыма плотный мерзлый снег.
Даже и привыкший к многословью,
Здесь к молчанью привыкает человек.

Впереди лежат пологие высоты,
А внизу — упавший на колени лес.
Лбы нахмутив, вражеские дзоты
Встали, словно ночь, наперерез.

Смятый бруствер. Развороченное ложе.
Угол блиндажа. Снаряды всех смели.
Здесь плясала смерть, но нам всего дороже
Окровавленный кусок чужой земли.

Шаг за шагом ровно три недели
Мы вползали вверх, не знавшие преград.
Даже мертвые покинуть не хотели
Этот молнией опаленный ад.

Пусть любой ценой, но только бы добраться,
Хоть буравя снег, но только б доползти,
Чтоб в молчаньи страшно и жестоко драться,
Всё, как есть, сметая на своем пути.

Под огнем навесным задержалась рота,
Но товарищ вырвался вперед. . .
Грудью пал на амбразуру дота —
Сразу кровью захлебнулся пулемет!

Мы забыли всё... Мы бились беспощадно...
Мы на лезвиях штыков наш гнев несли,
Не жалея жизни, чтобы взять обратно
Развороченный кусок родной земли.

1941—1942

140. РОДНОЕ

В траве по колено леса
И стежки, родные для взора,
И чистые, словно слеза,
За желтым обрывом озера.

И кажется, дремлют они
В суровые, трудные дни
С вечерней зари до рассвета...
По-новому смотришь на это.

И юности вечной родник,
Тропа босоногого детства!
Посмотришь — сливаются в миг
Удары винтовки и сердца.

1941—1942

141. ВОЙНА

Ты не знаешь, мой сын, что такое война!
Это вовсе не дымное поле сраженья,
Это даже не смерть и отвага. Она
В каждой капле находит свое выраженье.
Это — изо дня в день лишь блиндажный песок
Да слепящие вспышки ночного обстрела;
Это — боль головная, что ломит висок;
Это — юность моя, что в окопах истлела;
Это — грязных, разбитых дорог колеи;
Бесприютные звезды окопных ночевок;
Это — кровью омытые письма мои,
Что написаны криво на ложе винтовок;

Это — в жизни короткой последний рассвет
Над изрытой землей. И лишь как завершенье —
Под разрывы снарядов, при вспышках гранат —
Беззаветная гибель на поле сраженья.

1942

142. ПАМЯТЬ

Когда и в жилах стынет кровь,
Я грелся памятью одной.
Твоя незримая любовь
Всегда была со мной.

В сырой тоске окопных дней,
В палящем, огненном аду
Я клялся памятью моей,
Что я назад приду.

Хотя б на сломанных ногах,
На четвереньках приползу.
Я в окровавленных руках
Свою любовь несу.

Как бьется сердце горячо,
Летя стремительно на бой!
Я чувствую твое плечо,
Как будто ты со мной.

Пусть сомневается другой,
А я скажу в последний час,
Что в мире силы нет такой,
Чтоб разлучила нас!

1942

143. ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Лишь губами одними,
бессвязно, всё снова и снова
Я хотел бы твердить,
как ты мне дорога. . .

Но по правому флангу,
по славным бойцам Кузнецова,
Ураганный огонь
открывают орудья врага.
Но враги просчитались:
не наши —
фашистские кости
Под косыми дождями
сгниют на ветру без следа,
И леса зашумят
на обугленном черном погосте,
И на пепле развалин
поднимутся в рост города.
Мы четвертые сутки в бою,
нам грозит окруженье:
Танки в тыл просочились,
и фланг у реки оголен. . .
Но тебе я признаюсь,
что принято мною решение,
И назад не попятится
вверенный мне батальон!
. . . Ты прости, что письмо,
торопясь, отрываясь, небрежно
Я пишу, как мальчишка — дневник
и как штурман — журнал. . .
Вот опять начинается. . .
Слышишь, во мраке кромешном
С третьей скоростью мчится
огнем начиненный металл?
Но со связкой гранат,
с подожженной бутылкой бензина
Из окопов бойцы
выползают навстречу ему.
Это смерть пробегает
по корпусу пламенем синим,
Как чудовища, рушатся
танки в огне и дыму.
Пятый раз в этот день
начинают они наступление,
Пятый раз в этот день
поднимаю бойцов я в штыки,

Пятый раз в этот день
лишь порывом одним вдохновения
Мы бросаем врага
на исходный рубеж у реки!
В беспрестанных сраженьях
ребята мои повзрослели,
Стали строже и суше
скуластые лица бойцов. . .
. . . Вот сейчас предо мной
на помятой кровавой шинели
Непривычно спокойный
лежит лейтенант Кузнецов.
Он останется в памяти
юным, веселым, бесстрашным,
Что любил по старинке
врага принимать на картечь.
Нам сейчас не до слез —
над товарищем нашим
Начинают орудья
надгробную гневную речь.
Но вот смолкло одно,
и второе уже замолчало,
С тылом прервана связь,
а снаряды приходят к концу.
Но мы зря не погибнем!
Сполна мы сочтемся сначала.
Мы откроем дорогу
гранате, штыку и свинцу! . .
Что за огненный шквал!
Всё сметает. . .
Я ранен вторично. . .
Сколько времени прожито:
сутки, минута ли, час?
Но и левой рукой
я умею стрелять на «отлично». . .
Но по-прежнему зорок
мой кровью залившийся глаз. . .
Снова лезут! Как черти,
но им не пройти, не пробиться.
Это вместе с живыми
стучатся убитых сердца,

Это значит, что детям
 вовек не придется стыдиться,
Не придется вовек им
 украдкой краснеть за отца! ..
Я теряю сознание. . .
 Прощай! Всё кончается просто. . .
Но ты слышишь, родная,
 как дрогнула разом гора!
Это голос орудий
 и танков железная поступь,
Это наша победа
 кричит громовое «ура».

1942

ЮРИЙ ИНГЕ

Юрий Алексеевич Инге родился в 1905 году в Стрельне. Пятнадцати лет пошел на завод «Красный Треугольник», вначале был чернорабочим, потом резинщиком. На «Треугольнике» проработал до 1929 года. В 1930 году начал печататься, а в 1931-м выпустил первую книгу «Эпоха».

Он участвовал в боевых походах балтийских кораблей против белофиннов, в десантных операциях (зима 1939—1940 года).

22 июня 1941 года застаёт Ю. Инге в Таллине. Он пишет стихотворение «Война началась», которое в тот же день передает радио Ленинграда. С большой активностью Ю. Инге включается в работу краснофлотской печати, из-под его пера появляются призывные стихи, стихотворные фельетоны, подписи к сатирическим плакатам, а также рассказы, очерки, фельетоны.

28 августа 1941 года фашисты торпедировали корабль «Вальдемарас». Ю. Инге находился на его борту. В этот день газета «Красный Балтийский флот» напечатала его последнее стихотворение.

Юрия Инге знали и ненавидели гитлеровцы. Впоследствии в освобожденном Таллине были обнаружены документы гестапо, — имя Инге значилось в списке заочно приговоренных к смерти.

Придет пора: заплесневает порох,
Потухнет злоба, мир изменит вид,
И всё, что нынче побеждало в спорах,
Лишь в сказках превосходство сохранит.

Наступит день, и, может быть, мой правнук
Закончит дело, начатое мной,
И наших дней торжественную правду
Он назовет последнею войной.

Не зная, как на поле битвы горек
Вкус бьющей горлом крови и слюны,
Он подойдет бесстрастно, как историк,
К неповторимым ужасам войны.

Всё это взяв как массу перегноя,
На коем мир спокойствие воздвиг,
Он всё сегодня конченное мною
Использует как первый черновик.

Наступит день — и труд мой, как основа
Или чертеж, понадобится дням,
Я мысль свою, заверстанную в слово,
Как эстафету в беге передам.

И потому мы побеждаем в спорах,
Что вместе с песней в будущем стоим.

Придет пора . . .

Но нынче нужен порох,
Сегодня он вдвойне необходим.

1933

145. ПОГРАНИЧНАЯ ЗОНА

Под снегом спят дорожки и газоны,
Седые ели окружили сад,
И чуткой ночью пограничной зоны
Сосновый край Финляндии объят.

В последний раз замрут и разойдутся
На полустанке сонном поезда,
И с облака, широкого, как блюдо,
Скользнет на землю легкая звезда.

Знакомый путь. Чужие не отыщут
Среди сугробов, сосен и дорог
Обычный признак нашего жилища —
Затеplенный тобою огонек.

Я раскрываю двери, как страницы . . .
Ты спишь, не слыша, я тебя зову . . .
Мне захотелось вдруг тебе присниться
И лишь потом возникнуть наяву.

Чтоб над тобой снегами Калевалы
Синела эта мерзлая земля,
Чтоб ты меня, проснувшись, целовала,
Как жизнь, как сон, с чужими не деля.

Где, Млечный Путь прожекторами тронув,
Сверкает ночь геральдикою звезд,
Где часовым недремлющих кордонов
Сжигает щеки бешеный норд-ост.

Огни, огни качаются на рострах,
Полночный час протянут, как рука,

И шлет бессонный, зоркий Белоостров
Маячный свет на край материка.

<1935>.

146. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Сыну Сергею

Вся столица спит давно,
Ночь пути завьюжила,
И морозное окно
В серебристых кружевах.

Спи спокойно, мой сынок,
Шороха не слушая,
Спит давно без задних ног
Медвежонок плюшевый.

Я спою тебе, дружок,
Песнь тебе доверю я,
Как среди больших дорог
Мчалась кавалерия.

Ты не бойся... Я с тобой...
Ночи были жуткими,
Стычка утром, в полночь бой,
Мы не спали сутками.

И теперь, в ночную тишь,
Как же мне не вспомнить их,
Если ты спокойно спишь
В нашей мирной комнате.

Не подпустим мы врага
И на выстрел пушечный,
Ну, так спи, сынок, пока
С саблей игрушечной.

А ударит гром опять,
Вспомнишь ты, как пели мы,

Да и сам не будешь спать
Целыми неделями.

Вьюга легкая, кружись,
Вьюга-перелетчица.
За окном такая жизнь,
Что и спать не хочется.

За окном такая тишь...
Спи, меня не слушая,
Моя гордость, мой малыш,
Медвежонок плюшевый!

1936

147. СТРАНСТВИЕ

В незапамятное утро
Я услышал хор пернатых
За отрогами Урала,
Где весною птичий слет.
Золотыми косяками
Шел сазан на перекатах,
Дед с тяжелого баркаса
В речке ставил перемет.

Он сказал мне: «Оставайся,
Дорогой товарищ, с нами.
У земли пшеницы хватит,
Рыбой хвалится вода.
Край наш светлый и богатый,
Корабли плывут по Каме...»
Я послушал и остался,
Но солгал, что навсегда.

Поселился на рыбалке,
Рыбакам чинил мережи,
С фонарями на баркасах
В устье Камы выезжал.
Белозубые пермячки
На меня глядели строже,

Если я их на гулянке
Невниманьем обижал.

Но под осень, в душный август,
Я ушел с плотовщиками
Из зеленого затона
На шумливый нижний плес.
Вышли девушки на пристань
И махали мне платками,
Их печальные улыбки
Я под Астрахань увез.

Так я странствовал всё лето
По колхозам и станицам,
И везде гостеприимно
Открывали двери мне.
В городах меня встречали
Улыбавшиеся лица,
И не мог я стать бродягой
В нашей солнечной стране.

Побывал на Черноморье,
Видел город на Сураме,
Дагестанские селенья
И Донбасса рудники.
И везде мне говорили:
«Поживи, товарищ, с нами», —
Я повсюду знал пожатье
Крепкой дружеской руки.

И когда настало время
Мне к пенатам возвращаться,
Я не знал: куда же ехать
С этих розовых полей?..
Люди все меня встречали,
Как друзья и домочадцы,
И везде я видел счастье
Славной Родины своей.

1939

148. СКАЗАНИЕ О ВЕРЕСКЕ

Лучшего коня под ним убили
В это утро горькое и злое.
Ярость битвы встала кучей пыли
Над холодной черствою землею.
Каменные ядра на поляну
Сыпались, как спелые орехи,
И от крови, вытекшей из раны,
У бойца заржавели доспехи.
Враг ворвался в дом к его невесте,
Надругался над своей добычей,
И боец не смог убить на месте
Хищника, как требует обычай.
Стал он ветра зимнего суровой,
Зубы сжал, чернея от бессилья,
Поднял руки, смоченные кровью,
Как орел пораненные крылья.
Промолчал, охваченный печалью, —
Воин этот никогда не плакал,
Уж скорей бы камни зарыдали
Иль запел бы бронзовый оракул.
Но когда пронзили сердце брата
Восемь стрел с багровым опереньем,
Он заплакал от такой утраты
И упал на стойбище оленьем.
Ни ветра, ни северные грозы
Не касались этих мест поныне,
Лишь печали мужественной слезы
Тронули бесплодную пустыню.
Разлилось по высохшему краю
Скорби разгоревшееся пламя,
И проснулась почва, прорастая
Жесткими лиловыми цветами.
И сказал боец дружине: «Верю,
Что цветет пустыня в знак расплаты!..»
И шуршал на поле битвы вереск,
Отливая кровью в час заката.
Враг метался, вытоптав посевы,
Подымал дикорастущий вереск
Грозный стяг возмездия и гнева.
Так, цветами горя пламеня,

Юрий Инге

Давид Каневский

Поле брани стало полем чести,
Потому что в мире нет страшнее
Слез бойца, взывающих о мести.

1940

149

Я нашел на улице подкову
И повесил дома на стене.
В этом смысла нету никакого,
Просто так понадобилось мне.

Но порой рассказывают ярко
О делах давно минувших лет
Серый камень, раковина, марка
И пригоршня бронзовых монет.

Серым камнем высекали пламя,
В раковине слышен гул морей,
А за деньги, стертые веками,
Шкуры продавал гиперборей.

Так и речь рождается. По слову
Соберешь — и мыслям нет конца...
Я ударю об стену подкову —
И услышу песню кузнеца...

1941

150

В картине были воздух и пространство,
А в легких клокотала пустота.
Он отдал всё — любовь и постоянство —
Куску одушевленного холста.

Другой шел в бой, не кланяясь шрапнели,
Брал города, одетые в бетон,

И гордые полотнища знамен,
Пред ним склоняясь, покорно шелестели.

Они погибли оба на рассвете:
Один в своей постели, а другой
На поле битвы умер, как герой.

И к их могилам подходили дети,
И бились одинаково сердца
Над прахом живописца и бойца.

1941

151. ПЕСНЯ О ПОДВОДНИКАХ

Застыли морские просторы,
И сумрак над Балтикой лег,
Погасли маяки и створы,
Для флота не стало дорог.
Суровы слова командира, —
Коль нужно, то, значит, пройдем,
Докажем, товарищи, миру,
Что можно проплыть подо льдом.

Припев:

О тех, что в боях победили
И пламя, и лед, и туман,
Про эти достойные были
Пой, краснофлотский баян.

Казалось, нам выпала доля
Коснуться скалистого дна,
Но лодку сквозь минное поле
Спокойно вели штурмана.
И гибель увидели сами
Враги, пораженные в лоб,
Когда над плавучими льдами
Наш зоркий возник перископ.

Припев.

На грозной дороге немало
Гремело торпедных атак,
Так вейся ж, победный и алый,
Простреленный пулями флаг.
Мы вражью прорвали границу,
Закрыли залив на замок,
Сквозь наши дозоры пробиться
Никто не посмел и не смог.

Припев.

Когда ж над ледовою кромкой
Смолк ветер, утихла пурга,
Лишь волны качали обломки
Погибшей эскадры врага.
На выстрел ответим мы втрое,
Готовые ночью и днем,
И славной дорогой героев
За родину снова пойдём.

1941

152. ПРОБИЛ ЧАС

Наши пушки вновь заговорили,
Пробил час. Мы выступили в бой!
Мерно лаг отсчитывает мили,
Чайки выются низко над водой.

И родимой Балтики просторы
Бороздят эскадры кораблей.
Миноносцы, лидеры, линкоры
По волнам проходят без огней.

Враг настигнут меткостью зениток
И поспешно замечает след,
Всё длиннее бесконечный свиток
Наших замечательных побед.

Каждый слог оперативной сводки
Дышит мощью точного огня,

Лижет море перископ подлодки,
Гордое спокойствие храня.

Грозного похода якорь выбран,
Дым войны над Балтикой опять,
Бьют орудья главного калибра.
Пробил час. Врагу несдобровать!

22 июня 1941

153. МОРСКИЕ ОХОТНИКИ

И ночью и днем, непрестанно
По синему морю скользя,
В дозорах морская охрана,
Ее не бояться — нельзя.

Как быстрая гончая стая,
Идут на врага катера,
Повсюду его настигая,
Как бурь беспощадных ветра.

В движеньи уверенно скором
Бегут за кормой берега,
И залпы звучат приговором
Подводной эскадре врага.

Ведет боевая отвага,
Товарищи! Полный вперед!
И вьется полотнище флага,
Волна за винтами встает.

И четким звучит приказаньем,
Подводную лодку накрыв,
Глубинного бомбометанья
Единый и грозный порыв.

Отбой. . . Нападение отбито,
Над морем опять тишина.
Урок получили бандиты,
За всё получили сполна.

И вновь за врагами охотясь,
Дозором идут боевым.
Так зорче смотри, краснофлотец,
За морем Балтийским своим.

1941

154. ТРАЛЬЩИКИ

Седое море в дымке и тумане,
На первый взгляд такое как всегда,
Высоких звезд холодное мерцанье
Колелет на поверхности вода.

А в глубине, качаясь на минрепах,
Готовы мины вдруг загрохотать
Нестройным хором выкриков свирепых
И кораблям шпангоуты сломать.

Но будет день. . . Живи, к нему готовясь, —
Подыметесь с протраленного дна,
Как наша мысль, достоинство и совесть,
Прозрачная и чистая волна.

И потому мы, как велит эпоха,
Пути родного флага бережем,
Мы подсечем ростки чертополоха,
Зовущегося минным барражом.

Где бы противник мины ни поставил —
Всё море мы обыщем и найдем.
Согласно всех обычаев и правил,
Мы действуем смекалкой и огнем.

В морских просторах, зная все дороги,
Уничтожаем минные поля.
Свободен путь. Звучи, сигнал тревоги,
Дроби волну, форштвень корабля.

1941

Это грозные цитадели
Неприступных советских вод,
Здесь сегодня бои кипели,
Задыхаясь, строчил пулемет.

Не прорваться к заливам нашим,
Не пробиться на материк,
Грозен залп корабельных башен,
И остер краснофлотский штык.

И глядят на врага сурово
Амбразуры бетонных стен, —
Что ж, пускай попытаются снова
Взять атакою остров «Н».

Натыкаясь во тьме на скалы,
С каждым часом бандиты злей.
Это место кладбищем стало
Протараненных кораблей.

Снова мертвая зыбь диверсий
И воздушных боев пора,
Бьют без промаха, прямо в сердце,
Краснофлотские снайпера.

И когда говорят орудья
И дрожат голоса сирен,
На защиту покоя грудью
Подымается остров «Н».

В клочьях пены, огня и дыма
Тонет трижды отбитый враг.
Славный остров стоит нерушимо,
Гордо реет багровый флаг.

1941

157. НАВСЕГДА

Окаймленный горестной тенью,
Видит мир, от ярости дрожа,
Как с пальбой врываються в селенья
Рыцари отмычки и ножа.

Трупов исковерканные груды,
Города, спаленные дотла. . .
Всюду кровь горячая, и всюду
Ржавый след насилия и зла.

Это смерти, рабства и позора
Злобою сведенное лицо,
Плюнь в него — и вражескую свору
Захвати в железное кольцо!

Враг ведет на смерть перед собою
Наших братьев, девушек, детей,
И померкло небо голубое
От проклятых дьявольских затей.

Кровью набухающее море
Кажется суровым и седым,
Вдовьих слез, насилия и горя
Никогда врагу мы не простим!

Мечь страшна — пусть молит враг:
«Не надо»,
Хлынув в исступлении назад,
Говорим — бандитам нет пощады,
Не забыть расстрелянных ребят.

Близок день, когда в глубокой бездне,
Не оставив грязного следа,
Свастика кровавая исчезнет
И земля воскликнет — навсегда!

1941

ХАЗБИ КАЛОВ

Хазби Калоев родился в 1921 году в селении Зака (Северная Осетия). В 1934 году, после неполной средней школы, Калоев поступил на рабфак, который окончил в 1937 году. В дальнейшем Калоев учился на русском отделении Тбилисского государственного университета, а оттуда перевелся в Североосетинский педагогический институт. Завершить образование ему помешала война.

Писать Хазби Калоев начал еще школьником, в 30-е годы. С 1936 года его стихи публиковались в газетах и журналах. Писал он на осетинском и на русском языках. Накануне войны Калоев написал драму «Сыновья Бата» и принялся за драму «Кровавый путь», которую заканчивал уже на фронте.

В самом начале Великой Отечественной войны Калоев со студенческой скамьи ушел в армию.

Командир танка Хазби Калоев был убит в бою под Белгородом в 1943 году.

В 1957 году в Орджоникидзе вышел сборник стихов Хазби Калоева «Луч солнца» на осетинском языке.

158. ОЗЕРО

Отошли луны страданья,
Степь в ее сияньи спит.
Ветра легкое дыханье
Гладь озерную рябит.

Но над зыбью очерк мрачный
Черной тучи узнаю.
С этим озером прозрачным
Я судьбу сравню свою.

1939

159. УЛЫБАЕТСЯ НЕБО

Улыбнулось светло и немо
Надо мною ночное небо. . .
Я к груди твоей прикасаюсь,
Я сгореть в любви опасуюсь. . .

Чаша счастья — она бездонна,
Чаша жизни — полна до срока. . .
Только ветер скулит бездомный,
Без тебя ему — одиноко.

Но всей дрожью сиюминутной
И дыханья горячей тайной
Огражден я от мысли смутной,
Защищен от тоски случайной.

И опять сердце бьется чаще,
В цепь мечтаний включая ток. . .
Чтобы тотчас новое счастье
Я очами окинуть мог.

Август 1940

160

Улетел соловей — и веселье затихло.
В свежих лужицах зябнет вода.
Вот и рыжую осень настигли
Белозубые крошечки льда.
И холодное небо застыло.
Лес замолк, соловей улетел.
Над холмами и рощами, пробуя силу,
Ветер сумрачно вдруг загудел.

1940

161

Цветок увидал я на сломанном древе.
Цветок улыбался, кивал головой,
Здоровался с птицами, солнцем, травой,
И радость звенела в его лепестках!
Цветок увидал я на сломанном древе.

Цветок увидал я на сломанном древе,
И рядом журчащий бежал ручеек.
И жизнь я увидел, как свежий цветок,
Согретый лучами, омытый росой,
Цветок увидал я на сломанном древе.

Цветок увидал я на сломанном древе.
Губами соцветие я наклонил
И сердце я в чашу цветка уронил. . .
Но ветер, но буря сорвет лепестки!
Цветок увидал я на сломанном древе.

1940

Ночная темнота, и тайно лист дрожит,
 Ночная темнота и гулкие удары,
 Доносит ветер жалобы гитары,
 Которая над сердцем ворожит.

Ночная темнота, а я с тобой вдвоем,
 Смущенный взгляд ловлю во тьме я
 И губы нахожу твои, робея,
 И весь горю неведомым огнем.

Ночная темнота над головой.
 На крыльях белых мы над тишиной
 Летим с тобой в далекие владенья,
 Куда манили нас виденья.

1940

В ущелье — холодная, черная ночь,
 На облако с неба упала луна. . .
 Я милой писал бы — да что-то невмочь,
 Меня ведь и вспомнить не хочет она.

Грохочет, волнуется горный ручей,
 И с берега пена сползает, седа. . .
 От кос твоих черных, от черных очей
 Влюбленной душе не уйти никуда.

Обмануто сердце, в нем черная ночь,
 Уходит оно, а разлука страшна. . .
 Я милой писал бы, да что-то невмочь,
 Меня ведь и вспомнить не хочет она.

1940

Найдется ли такой, кто смерти ждет,
 Кому земли наскучила краса? . .
 С утра свой путь я правлю на восход —
 Туда, где солнце, травы и роса.

Вселенной счастье встало надо мной,
 Его лучи приветно машут мне. . .
 Не мудрено — ведь движут шар земной
 Те смертные, что ходят по земле.

И в будущее властно я стучусь:
 Скорей откройте! Я нетерпелив! . .
 Вперед, друзья! И я по жизни мчусь —
 С собой одну лишь песню прихватив.

1940

Когда, твоим подобна косам,
 Темнеет ночь, и горы спят,
 И рощу покрывают росы,
 Как слезы — утомленный взгляд, —

Тогда, объят мечтой живою,
 Я мысль в душе храню одну:
 Когда бы каплей дождевою
 Сбежать по твоему окну!

1941

168. К ВОЛГЕ

Спит Волга, легкая волна
 Покачивает сонно.
 Напиток нартов пьет она,
 Ей ветром поднесенный.
 Луна в воде дрожит слегка,
 Как чаша золотая.

В алмазном поясе река
Уходит вдаль, блистая.
Слезами радости омыв,
Возьми меня с собою!
Ведь я — твой благодушный див
С похожею судьбою!
Как волны, я впадаю в гнев
И не терплю обиды,
Мне отдал ветер свой напев, —
Но я спокоен с виду.
Хочу смеяться. . . и молчать. . .
Манит простор вселенной!
Ты можешь вдаль меня умчать
Волною белопенной.
Тебя навек я полюбил,
Склонился пред могучей, —
Так тополь стан свой наклонил
Под бурею летучей.

1941

169. ТЫ ГОВОРИЛА. . .

Говорила:

«Я Кавказ не знаю,
Нет, я не видала
Грозных ледников!
Я поля родные
Вспоминаю,
Как же я любила
Тот простор лугов!»

Говорила.

Я тебя не слушал,
Месяц рыжебровый
Взгляд мой приковал,
Мне береза волновала душу.
Сиротою гнулась — вихрь
ее качал.

Говорила.

Вспыхнула, смутилась,
Отвернулась вдруг

И от меня ушла. . .
Сердце мое к месяцу стремилось,
Черноокая к себе его звала.

1941

170. ПЕРВОЕ УТРО ВОЙНЫ

. . . Не вовремя. . .
Под утро
Пришел огонь, коснулся мирных крыш.
И всё-таки я знаю —
Как ни трудно,
О родина моя,
Ты устоишь. . .
Ты победишь! . .

Пес-рыцарь, стой! . .
Посланец смерти,
Смерть тебя настигнет.
Ты обезумел,
Ты ослеп!
О, как несовместимы —
Чело высокое земли и твой
Кровавый след.

Остановись!
Ты, порожденье грязи и обмана,
Агония ведет тебя сюда. . .
Ты видишь — из тумана
Взошла пятиконечная звезда.
Еще — как дальняя комета,
А тучи наглы и спесивы. . .
И всё-таки она — сама победа
И сила!
Пес-рыцарь, стой!
Рискуешь головой!

22 июня 1941

Когда спускается тьма по ночам,
 Точно косы твои по плечам,
 Когда в лесу выпадает роса,
 Как на сонные очи слеза,
 Тогда я сам с собой говорю:
 Если б увидеть тебя, как зарю,
 Росинкой прозрачной коснуться окна,
 Твоего не встревожив сна! . .

*Сентябрь 1941
 Камышин*

Не пожалею жизни, ибо знаю:
 Жизнь схожа с водопадом. . . Грянет бой —
 Паду, быть может, землю обнимая,
 Но гордо встречусь с трудною судьбой.

Подруга лира, ты покрылась пылью,
 Уже забыл осанку я твою. . .
 На боевом ветру, расправив крылья,
 Я, как орел, что бури ждет, стою.

*Сентябрь 1941
 Камышин*

173. ВОРОТЯСЬ С ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Воротясь с великой войны,
 Я у дома сижу своего.
 Я живым воротился с войны,
 Но, увы, не забыл ничего:
 Это шепчут муки мои —
 Матеньки мои!

Всю неделю — всё марш, марш. . .
 Был тот край непохож на наш —

Неизвестный клочок земли,
За который мы бой вели. . .
Враг коварен и враг жесток,
Только нас он сломить не смог.

. . . А потом всходила луна,
Я вверял ей судьбу свою,
Стисни зубы — война, война,
И с рассветом — опять в строю. . .
И шептали губы мои —
Матеньки мои! . .

Человек, живая душа,
Здесь не стоишь ты ни гроша,
И не жаль тебя никому. . .
Как я выжил — сам не пойму!
Враг коварен и враг жесток,
Только нас он сломить не смог.

Я вернулся с великой войны,
Я у дома сижу своего,
Я живым воротился с войны,
Но, увы, не забыл ничего.
Это шепчут муки мои —
Матеньки мои!

*Октябрь 1941
Камышин*

174. ПРОЩАЛЬНЫЙ ПРИВЕТ

Гнула буря дерево сурово —
Вся в росе, лежит под ним земля. . .
Скакуна оседлываю снова
И скачу в далекие поля.

Мне нельзя сворачивать с дороги —
Счастье добывается в бою. . .
Не гляди так мрачно, друг мой строгий,
Лучше разверни гармонь свою!

Требую я мужества большого,
Дружбы настоящей, навсегда...
Кто коня удержит вороного?
Вот упала ранняя звезда...

После нас ты будешь жить на свете —
Дорог нам прощальный твой привет...
Одного хочу в мгновенья эти:
Подари улыбки свет!

1941

175. МЕЧ

(Баллада)

Тень мрачная упала на страну,
И уходили юноши — джигиты...
Мать сына провожала на войну:
«Отцовский меч в сраженьях сбереги ты!

Из боя он прислал его тебе —
На нем еще алели крови пятна...
Я верю: будешь стоек ты в борьбе,
С победою вернешься ты обратно».

Как птицы, мчались быстрые года,
И дерево засохло понемногу...
Мать опустила голову, седа,
Она глядела долго на дорогу.

И услышала голос: «Жизнь сберечь
Не смог твой сын — сберег он честь солдата...
Он, падая, мне передал свой меч,
И я его храню в сраженьях свято!»

1941

ДАВИД КАНЕВСКИЙ

Давид Исаакович Каневский родился в 1916 году в Лохвице на Полтавщине в семье служащего. С 1931 года живет в Харькове. Окончив школу ФЗО, работал на Харьковском электромеханическом заводе. Писал заметки, корреспонденции, а потом и стихи, которые публиковались в местных газетах. В 1937 году Каневский поступает на исторический факультет Харьковского университета, окончить который ему не дала война.

В 1939 году вышел сборник стихотворений Давида Каневского «Родная улица» (на украинском языке). В этой книге, как и в следующей «Летчики» (1940), Каневский посвящает многие стихотворения наиболее близкой ему теме защиты Родины.

С началом Великой Отечественной войны Каневский вместе с другими поэтами-харьковчанами участвует в выпуске агитплакатов, а вскоре уходит добровольцем в армию. В армейской газете «Мужество» часто публикуются очерки и баллады Каневского, прославляющие героев сражений. Почти все фронтовые стихотворения Каневского написаны на русском языке и лишь немногие — на родном украинском.

Летом 1944 года капитан Каневский был переведен в газету авиационного соединения. Выполняя задание редакции, он погиб 26 декабря 1944 года в воздушном бою над Будапештом.

Если ночью вышел в час тревоги,
Ты иди и не гляди назад.
Будет ветер звать нас у дороги,
Будет простирать к нам руки сад.

Вся земля пойдет к тебе на помощь,
Дождиком приветит горячо,
Сладкий дым жилища — только вспомнишь, —
Как родной, обнимет за плечо.

Не поддайся ни тоске, ни горю —
Память душу плавит, только тронь.
Видишь, звезды блещут на просторе?
То не звезды — пушечный огонь.

Ты иди и твердым будь, как камень,
Пусть огни рассвета далеки.
Чечь отцов, их заревое знамя —
Лучшее наследье — сбереги.

По земле пройди дорогой боя,
Так, как должно, — из конца в конец.
Пусть не разлучается с тобою
Лишь победа. Помни: ты — боец.

1941

179. ЯБЛОКИ

Остановились на краю села,
Где хаты в шубы снежные одеты,
А может, гусли заиграли где-то,
А может, песня где-то проплыла,

А может, плач. . .

Старушки в том селенье
Встречали нас, и каждая несла
Гостинец нам. Боец от удивленья
Аж закричал: «Румянец — загляденье!
Где ж ты такие яблоки взяла?»

В февральский день такая новина,
Такой подарок — очень необычен!
Они прозрачны были, как весна,
И сладки, словно поцелуй девичий. . .

А ты — что ж ты не удивился тут?
Пришел на память август, полный света,
И сердце вдруг откликнулось ответно:
Не опасайся, всё здесь сберегут
В краю родимом, в дальней хате этой.

Пушкой судьбу сковал жестокий лед,
Пусть ветви гнуло ветром так сурово, —
Мы сохранили яблоневый плод,
И жар души, и песенное слово.

1941

180

Тебя, кто пал на поле боя,
Не оскорбили плачем, нет, —
В последний раз мы шли с тобою,
Как бы с живым, во цвете лет.

Ты был водитель танка, — этим
Судьбу свою с огнем связал.

Тебя убили на рассвете,
Ты слов прощальных не сказал.

Твою мы прочитали волю
На лбу упрямом в полумгле,
И на раздолье в чистом поле
Тебя мы отдали земле,

Ветрам полынным, чистым рекам,
Мерцанию тополиных крыл:
Ты настоящим человеком,
Отважным человеком был.

1942

181. ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ СОРОК ТРЕТИЙ

Подымите заздравные чаши, друзья!
Он родился уже, он идет, —
За него и непьющим не выпить нельзя —
Сорок третий сверкающий год!

И какую судьбу этот год мне сулит,
Я не знаю, но верит народ:
Будет год молодой на века знаменит,
Коль выходит со словом «Вперед!»

Это слово незыблемо, как закон, —
Поднялися и Волга, и Дон.
На знаменах бессмертною славой горят
Севастополь, Москва, Сталинград.

Подымите заздравные чаши, друзья!
Чтоб вела нас к победе стезя.
Чтобы стяг заалел далеко-далеко,
Чтобы стало на сердце легко.

За победу, друзья! Не простое число
Отрывается с календаря —
Это с нашей земли выжигается зло
Раскаленным штыком января.

Это белый рассвет, а не белый листок.
Это Родина гонит врага.
Это близкого счастья заветный росток
Пробивается сквозь снега.

1943

182. ЗНАМЯ

Если вышел ты на поле боя,
Где б ты ни был, близко ль, далеко,
Помни — знамя реет над тобою
И в твоих руках его древко.

Неспроста оно тебе досталось, —
Честь большая Родиной дана.
Если дрогнул ты хотя бы малость,
Это сразу чувствует она.

Будь же матери своей достоин,
За нее на битву выходя.
Доблесть предков, слава предков, воин,
Сам Суворов смотрит на тебя!

Бей в упор, бери врага за горло!
Знамя славы озарит чело. . .
Это Родина твоя простерла
Гордое орлиное крыло.

Это ласка и любовь отчизны.
Если хочешь ею быть любим,
Расставайся с кровью, даже с жизнью,
Только не со знаменем своим!

1943

183. ЛЕНИНГРАД

Есть в молодой моей отчизне.
Былинные богатыри.
Их имена еще при жизни
Навеки входят в словари.

Есть на земле моей богатой
Невиданные города —
Неразрешимую загадкой
Они останутся всегда.
Какие грозы их взрастили
И кто им дал разбег такой?
Кто дал тебе такую славу,
Красавец гордый над Невой?
О, Ленина бессмертный город!
Суровой Балтики прибой!
Твой первый гром был залп «Авроры»,
И гром вчерашний — тоже твой.
Была в огне и в дыме осень,
Была голодная зима.
К тебе, преграды все отбросив,
Спешила Родина сама.
Мы знали: легче сдвинуть горы,
Из камня легче вырвать стон,
Чем одолеть тебя, который
Вождя величьем озарен!
Черны от злобы вражьей тучи —
Тем ближе наше торжество,
Тем громче слышатся, могучий,
Удары сердца твоего.

1943

184. ФЕВРАЛЬ

Снега, снега... В полях бушует выюга —
Еще сильны законы февраля.
Но погляди: воспрянула земля
От Севера до солнечного Юга.
Огня и льда преодолев преграды,
Немецкой черной злобе вопреки,
Идут вперед железные полки,
Плывут к Днепру знамена Сталинграда.

1943

185. БАЛЛАДА О ТИМОФЕЕ ЩЕРБАКОВЕ

От темных лесов Красноярского края
Спешит он, походный мешок поправляя,
Сдвинуты брови и стиснуты губы,
Упрямой походкою лесоруба
Не из лесу, кажется — из веков,
Из преданий идет Тимофей Щербаков.
Взгляд его тверд, и широк его шаг,
Парень — косая сажень в плечах.
Молод, но слава его стара,
Рожденная во времена Петра,
Добытая русскими пушкарями,
Слава, гремевшая за морями,
Доблесть, что, словно железный щит,
Сердце героя в бою хранит.

... Вот он идет с уральскою пушкой,
Располагается за опушкой,
Он начинает свой первый бой,
Первого видит врага пред собой.
Друзьям-комсомольцам он говорит:
«Будет сегодняшний день знаменит!»
Рядом наводчик выходит из строя,
Но Тимофей только ярость утроил.
Сжалось сердце, стало как камень,
Он выкатил пушку своими руками.
И немцы бежали, оторопев,
И северный ветер понес напев:
«Там, где идет Щербаков Тимофей,
Немцам вовек не собрать костей!
Пусть они знают, что гнев дровосека
Неукротим, как сибирские реки,
Пусть они помнят, каких сыновей
Рождает на свет седой Енисей!»

Танки врага к переднему краю
Рвутся, стреляя и громыхая.
Заслышав их, поднялся Тимофей
С друзьями своими, с пушкой своей.
Заминка вдруг на пути небольшая —
Дом по танкам стрелять мешает.

Здесь некогда долго решать вопрос.
Здесь выход по-русски хитер и прост:
Берет Тимофей снаряд бронебойный,
Дом насквозь пробивает спокойно.
Р-раз! — амбразура сделана чисто,
Он видит в нее наглеца-фашиста,
Немец за сталью серо-зеленой
Морщится, выбритый и холеный,
И Тимофей говорит снаряду:
«Бей, дружок, по фашистскому гаду!»
Полетел снаряд, машину поджег,
Тимофей кричит: «Молодец, дружок!»
И сосны, восторженно заскрипев,
Снова знакомый поют припев:
«Там, где идет Щербаков Тимофей,
Немцам вовек не собрать костей!»
Идет он вперед, широк его шаг,
Парень — кося сажень в плечах,
Молод, но слава его стара,
Рожденная во времена Петра,
Добытая русскими пушкарями,
Слава, гремящая за морями,
Доблесть, что, словно железный щиг,
Сердце героя в бою хранит!

1943

ФАТЫХ КАРИМ

Фатых Карим (Фатых Валеевич Каримов) родился в 1909 году в деревне Ает, Бишбуликского района, Башкирской АССР. Начальное образование получил в родной деревне; в 1925 году поступил на подготовительные курсы при педагогическом техникуме в г. Белебе. С 1926 по 1929 год учился в землеустроительном техникуме в Казани.

Первые стихи и рассказы Фатых Карим пишет в 1926—1927 годах, печатается на страницах республиканских газет. По окончании техникума сотрудничает в редакциях газет и журналов: «Молодой ленинец», «Крестьянская газета», «Атака», «Освобожденная женщина». В 1931—1933 годах Фатых Карим, находясь на действительной службе в рядах Советской Армии, активно участвует в работе газеты «Комсомолец». По возвращении из армии становится ответственным секретарем редакции юношеско-детской литературы Татгосиздата. Первый сборник стихов Фатыха Карима — «Песня начинается» (на татарском языке) — вышел в 1931 году. Большой популярностью пользовались его поэмы «Седьмая новь», «Пятьдесят джигитов», «Свет молнии», «Аникин» и др.

В 1941 году он ушел на фронт рядовым солдатом-сапером. Впоследствии стал офицером. В годы войны выходят в свет два сборника его стихов — «Любовь и ненависть» (1943), «Мелодия и сила» (1944). Наряду со стихами, Фатых Карим создал в военные годы повести «Записки разведчика» (1942), «В весеннюю ночь» (1944) и пьесу «Шакир Шигаев» (1944), написал ряд произведений для детей.

Фатых Карим пал смертью храбрых незадолго до победы — в феврале 1945-го — на подступах к Кенигсбергу.

186. КАК АРБУЗ

Хочу схватить я Землю, как арбуз,
И, раскроив продольно пополам,
Ударить полушариями, чтоб
В одну помойку ссыпался весь хлам.

Собрать бы мне на площади большой
Всех подхалимов и клеветников,
Тупым ножом отрезать языки
И бросить их голодной своре псов!

1940

187

Не повторяй: «Люблю, люблю»,
Признания — пустяк,
А сердце первую любовь
Почувствует и так.

Оно почувствует само —
Ты любишь или нет.
Оно не ожидает слов,
Без слов дает ответ.

Ты даже не заметишь сам,
Опомнясь лишь потом,
Как губы сблизятся твои
С ее безмолвным ртом.

Коль полюбил — не разлюби.
Не любит — не тоскуй. . .
О, буря вешняя любви
И первый поцелуй!

1941

188. ЖЕЛАНИЕ

В любви к прекрасному со мной,
Не знаю, кто сравним.
В стремленьи к радости земной
Я был непобедим.

Я был земле своей родным,
Лесам и водам — брат. . .
Теперь желанием одним
В бою мой ум объят.

Врага сжигающим, святым
Огнем я стать бы рад,
Как песня — смелым и простым,
Не знающим преград!

1942

189. ШУТКА

По деревне вашей пыльной
Нам пришлось на фронт идти.
А джигитов очень сильно
Жажда мучает в пути.

Ты, как водится, водицу
Подала мне сквозь забор,
Я же, прежде чем напиться,
На тебя взглянул в упор.

Ты зачем, смутившись вроде,
Отвела глаза в тот миг?

Павел Коган

Борис Котов

Правда ли, что в переводе
На девичий ваш язык

Это значит: «Нету мочи
На тебя смотреть тайком.
Если смеешь, если хочешь,
Властвуй в сердце ты моем».

1942

190. НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

Качаемый яростно бурей, разбит
Корабль на морском берегу,
А я — часовой — на прибрежной скале
Богатства страны стерегу.

И море, что бешено бьется у ног,
И туч грозовую гряду,
Большие дома средь туманных низин
В огромном цветущем саду.

Дорогу, что, сталью сверкая, ушла
Сквозь горы в бескрайнюю даль,
Свободу людских благородных сердец
И песен восторг и печаль.

Всё то, что мы с детства привыкли любить,
Крик птицы и шелест листвы, —
Враг дерзостно ныне грозитя отнять...
Не склоним пред ним головы!

Я должен стоять на вершине крутой
И на море зорко глядеть,
Следя, как огромную гонит волну
Ветров бесноватая плеть.

И вот неожиданно горный орел,
Который над тучей летел,
Раскинув над миром два мощных крыла,
На камне у берега сел.

Он взором властителя смотрит вокруг,
Спокоен, бесстрашен и сед,
И виден в суровых орлиных очах
Сверкающей молнии след.

Орел и стихия! Взлетают, шипя,
На скалы волна за волной.
Как грозно моя закипевшая кровь
Клокочет в груди молодой!

И вдруг задрожала скала, чтоб меня,
Подбросив, взметнуть к облакам.
Кипит моя кровь, и хочу я парить
Над тучей, подобно орлам.

От вас я не скрою заветной мечты,
Родившейся в буре войны:
Я верю, что молнию руки мои
Схватить дерзновенно должны.

Тогда бы взмахнул я двуострым клинком,
Себя не жалея в борьбе.
Страна, я под знаменем вырос твоим,
Навеки я верен тебе.

Ведь клятвенно Родине я обещал
Просторы ее охранять,
Чтоб вражий не смел ни один самолет
Над нашей отчизной летать.

1942

191. ДОМА, НАВЕРНО, ВЕСНА

Наверно, к вам пришла весна:
Ручьи веселые бегут,
И по-над Волгою в садах
Скворцы залиvisto поют.

От птичьих песен над окном
Проснулась ранним утром ты

И одиноко смотришь вдаль
Сквозь занавеску и цветы.

А тут у нас в кромешной тьме,
Где бой идет за право жить,
Нет малой пташки, чтоб она
Могла бойца повеселить.

Разбит и покорежен лес
Тяжелой поступью войны,
И кровью, льющейся кругом,
Луга давно обогрены.

Фашисты людям смерть несут,
На небо жадно я смотрю,
Но дым горящих деревень
Закрыл весеннюю зарю.

На небе молнией пишу
От имени своей страны:
Ты не имеешь права жить,
Фашизм — заклятый враг весны.

1942

192. ДИКИЕ ГУСИ

Голубыми небесными тропами
Из-за моря, где жили зимой,
Снова гуси летят над окопами,
По весне возвращаясь домой.

Здесь озера у нас в изобилии.
Сколько заводей в чаще лесной!
И на них распускаются лилии,
Удивляя своей белизной.

Над лугами и чащею мгlistою
Пролетая в весенние дни,
Мне в подарок стрелу шелковистую,
Дикий гусь, на лету урони.

Я возьму твоё перышко серое,
В блеск весенней зари окуну,
Песню звонкую с пламенной верою
Напишу про родную страну.

Не впервые на поле сражения,
В грозной схватке, в кровавом бою,
Мой народ, словно солнце весеннее,
Согреваешь ты душу мою.

Пусть погибну, но песни останутся, —
В них любовь и надежда моя.
. . . Снова дикие гуси потянутся
Вереницей в родные края.

1942

193. ЗА ОТЧИЗНУ

Пишу письмо перед началом боя.
Заговорят орудия сейчас.
И может быть, на солнце золотое
Сегодня я гляжу в последний раз.

Но я пойду, уверенный в победе,
Расстреливать без промаха врага.
Коль сам погибну — живы будут дети,
Моя отчизна будет жить века.

Бессмертен мир, и, пестротой сверкая,
Среди лугов останутся цветы.
Надолго сохранит земля родная
И песнь мою, и ног моих следы.

Мне умереть не страшно. Я спокоен,
Идя в огонь под стягом боевым.
За славную отчизну павший воин
Рождает песню подвигом своим.

1942

194. МОЯ СЕРАЯ ШИНЕЛЬ

Я шинелью во сне укрываюсь —
Так тепла, и мягка, и плотна.
А когда на врага я бросаюсь,
Превращается в крылья она.

Пусть войною ее опалило,
В ней прошел я сквозь море огня:
Мне отчизна шинель подарила,
Окрылила, как сына, меня.

1943

195. НАРОДНАЯ МЕСТЬ

Немцы отступили под напором
Наших сил, но город подожгли:
Белый город с каменным собором
На реке, синеющей вдали.

Всё занесено слоистой сажей.
Очаги разрушили враги.
Женщины торопятся с поклажей,
Новые возводят очаги.

Вражеские каски и патроны
Смятые — на каждой мостовой. . .
Город, никогда не покоренный,
Немцами сожженный, но живой!

Дым, как знамя черное, полощет,
Но, как дым, развеялась беда.
Люди направляются на площадь,
Ждут они решения суда.

Привели преступника. Сухое,
Красное лицо. Недобрый глаз. . .
Что-то в нем чужое, нелюдское,
Что-то непонятное для нас.

Связанное с кровью, с хищным когтем.
И доска недаром на груди:
Все его злодейства черным дегтем
На доске записаны. Гляди:

Кровь твоих детей хотел он выпить,
Он — палач, и душегуб, и вор!
Но шумит, гремит сегодня Припять
И выносит смертный приговор.

Чтоб душа народа ликовала,
Чтоб сияло правды торжество!
Властно говорит: казнить его!

Тонконогий, длинный, сухопарый,
Он трепещет, ежится, как пес,
Что, не хочется народной кары?
А хотелось материнских слез?

И когда свершился правый жребий
И качнулся душегуб в петле,
Солнце улыбнулось нам на небе
И светлее стало на земле.

1944

196. ЛУНА УСЛЫХАЛА

Я поздней ночью шел в разведку,
Как тишина по тишине,
И, через холм переползая,
Сказал с досадою луне:

Зачем ты светишь так, луна?
Тут не гулянье, а война.

Луна, наверно, услышала
Тот шепот мой издалека,
А то иначе отчего бы
Она ушла за облака?

1944

ЛЕВАРСА КВИЦИНИЯ

Леварса Квициния родился в 1912 году в селе Атара, Очемчирского района, Абхазской АССР. После окончания начальной школы учился в Сухуми.

Печататься начал с 1928 года. В 1932 году выходит сборник поэтических произведений Л. Квициния «Страна растет», включающий поэмы «Ткварчелстрой», «Ленин», «Миллионы голосов», «Комсомол» и др. Через год публикует поэму «Шаризан», в 1936 году — поэму «Даур». В 1935 году издает сборник стихов «Хорошее время». Одновременно занимается переводами из русской и грузинской литературы.

В 1938 году Л. Квициния поступил в Литературный институт им. Горького. Работал в редакции газеты «Апсны Капш», был ответственным секретарем Союза писателей Абхазии.

Леварса Квициния погиб в 1941 году в самом начале Великой Отечественной войны, сражаясь на границе (в районе Белостока) в составе пограничного отряда.

197. ЧЕТВЕРТОЕ МАРТА

Сегодня песнями и пляской
Шумит веселая Апсны,
Цветы венчают край абхазский,
И небеса его ясны.

Врагов презренных бита карта,
Навек умолкла старина,
И, как лучом, четвертым марта
Моя страна озарена.

С утра построенный в колонны,
Ликует праздничный народ.
Неустрасимо непреклонный,
Он шумно движется вперед.

Абхазец старый обновляет
Национальный свой наряд.
Зима прошла, сады сияют,
И волны искрятся, горят.

Сегодня смуглые абхазцы,
Грузин, и сван, и осетин
Сошлись опять, чтобы поклясться,
Что их союз навек един.

И титанический Эрцаху,
Примкнуть к их шествию готов,
Надвинув белую папаху,
Глядит на радостных сынов.

1928

198. БРИГАДИР АРСАНА

В это раннее утро прекрасны поля и долины,
Расступается мрак и сверкает на листьях роса.
Угасает звезда, расплывается луч ее длинный,
Просыпаются травы, и птички звучат голоса.

На востоке торжественно стяг подымается алый,
Розовеет вода и пастушеский слышен рожок,
А луна не сдается и свет разливаает усталый,
Но тускнеет и тает беспомощный бледный кружок.

Подымается солнце. Природа объята дремотой,
По горам и ущельям еще разлита тишина.
Небосклон за горами тончайшей покрыт позолотой,
Между двух кипарисов бледнеет и гаснет луна.

Раньше всех застучала Арсаны упрямая тоха,
На участке Арсаны растет первосортный табак.
И сегодня успел он уже поработать неплохо, —
Бригадиру под утро не спится никак.

Лишь проснется с рассветом веселая стая пернатых,
Он выходит из дома. Прохладой повеяло с гор.
Поредевший туман, оседая, клубится на скатах,
А деревья и травы невнятный ведут разговор.

У Арсаны литые, широкие, крепкие плечи.
Он настойчив и сметлив, он ловок и жаден к труду,
Он в страду иногда возвращается с поля под вечер,
А берется за труд, предрассветную видя звезду.

Вскоре вслед за Арсаной выходит большая бригада,
Дружно дело спорится, колхозная песня слышна,
Пахнет сладко табак, веет запахом луга и сада,
И еще ослепительней горных вершин белизна.

Растворился туман. Встало раннее солнце над морем,
И мотыга из камня опять высекает огонь.
Мы упрямую землю упорным трудом переспорим.
Пусть рубаха в поту и горит от мотыги ладонь.

Каменистую почву к покорности полной приучим.
Всё возьмем у земли — от горючего до табака,
Чтобы дружным трудом и единым порывом
Сделать в несколько лет то, что делалось раньше
века.

1931

199. В ГОРАХ

Прибрежной горы вековую громаду
Рассвет озарил, разгоняя туман.
И жадно впивает ночную прохладу
Густая трава серебристых полян.

Редет в ложине тумана завеса.
Клубится и стелется облачный пар.
Овец вдоль опушки зеленого леса
С веселыми песнями гонит Отар.

Разбуженный утренней светлой звездой,
Пастух поднялся на заре неспроста.
Земля его силой дарит молодую,
А ветер морской освежает уста.

Отринув заботы, не зная печали,
Отар поутру отправляется в путь.
Неужто в горах вы его не встречали?
Он ловок, силен и подвижен, как ртуть.

Прибой набегают, шумя равномерно...
По камню звенят и лепечут ключи...

Товарищ его бескорыстный и верный,
С ним бродит собака и днем и в ночи.

Средь чаши дремучей, пастушья отрада,
Высоко зальется его ачарпын,
Отар охраняет колхозное стадо,
Как стадо отцовское — преданный сын.

Сверкает в руке у него алабаша,
Висит неизменно ружье за плечом,
Недаром вода родниковая наша
Вспоила Отара холодным ключом.

Овеяно прелестью горного мира
Могучее сердце его навсегда.
...Колхозные овцы лоснятся от жира,
От пищи обильной тучнеют стада.

Коровы подобны резвящимся турам,
Вечерней прохладой сменяется жар...
По сытой повадке, по шелковым шкурам
Питомцев своих отличает Отар.

Сияя улыбкой своей белозубой,
Пастух на стоянку идет не спеша.
Приветливо светятся новые срубы
На месте пастушеского шалаша.

1934

200. ВОДОПАД

С каким грохочущим весельем
С горы крутой, со скал-громзд
Свергающийся водопад
Гром эха катит по ущельям!
Как брызги с пеною летят!

От этой лестницы зеркальной,
Что — за отвесами отвес —
Летит почти что вертикально

Вглубь с вышины, с немых небес, —
Зверье бежит поглубже в лес.

Рази, мой стих, с такой же силой,
Как эта грозная вода,
Чтоб мощь твоя врага скосила
И даже след его следа
С планеты смысла навсегда!

1935—1940

201. МОЯ АПХЯРЦА

Звенела ты, был молод звук крылатый.
Звенела ты в ночи трубой солдата,
Звенела на морях, на склонах гор,
И с долами вела ты разговор.
И в дни войны, отваги полон юной,
Был с меткой пулей схож ваш голос, струны.

Твой звон на битву поднимал героя,
В ночном саду пленяла ты игрою
Все молодые чистые сердца.
Очарованью звуков нет конца,
И ты от сна будила даже старца,
Мечтания тревожа, апхярца.

Твой звон любимый слышен и поныне:
В тени деревьев, в солнечной долине
Он радует счастливый мой народ,
Он на заре над родиной плывет,
Как смелый сокол. И средь ночи лунной
В садах звенят, поют поныне струны.

1935—1940

202. ГОРЫ

Люблю я взлет родимых гор,
Их снеговые в небе кровли,
Потоков шумных разговор,
Несущих мой привет сыновний
Родному морю. Я средь вас
Творил и песни пел недавно.
Пред взором сердца и сейчас
Встает вдали ваш образ славный,
Пещеры, где я гостем был,
Ущелья гор, где я бродил.
Смотрел я вдаль с крутой вершины —
Какой простор! Массив лесной,
Морская ширь и ширь долины —
Как на ладони предо мной.

И вспомнил я певца — поэта, —
Он вашим другом, горы, был,
Боролся с тьмой за царство света
И много горя пережил.
Твой мрак, «немытая Россия»,
Потоки бурные смели,
И вы, под солнцем золотые,
Как сад роскошный расцвели.
Пусть ваш поэт поник устало —
Пришли другие. Нас немало.
Мы за стихом заносим стих,
И песнями звенит страница.
Мы от души слагаем их,
Любовью каждая лучится. . .
Лети же вдаль, певучий стих, —
Ты множишь славу гор моих.
Цветите, милые просторы!
Когда б вернулся Коста, он
Не написал бы «плачьте, горы»,
А, гордым счастьем вознесен,
Воскликнул бы: «Ликуйте, горы!»

1935—1940

203. ВЕСНА

Настал конец угрюмым холодам,
Рассветам поздним и ночам морозным.
Весна пройдет, как песня, по садам,
По нашим виноградникам колхозным.

Устав от зимних тягот и обид,
Теперь вздохнет природа полной грудью.
Как прежде, оживится Шоудыд,
К безмолвию не склонный и к безлюдью.

Опять зазеленеет нежный пух,
Покрыв его ущелья и долины,
В простой шалаш на высоте орлиной
До осени уйдет тогда пастух.

Весною очертанья в небесах
Седых вершин двурогого Эрцаху
Подобны крыл серебряных размаху.
По склонам дичь скрывается в лесах.

Охотник чутко ловит каждый звук:
Он понимает горную природу
И знает, кем надломлен острый сук,
Кто пил в ущелье ключевую воду.
Его ружье начищено к походу,
Вином наполнен кожаный бурдюк.

Весною, как бушующее море,
Взыграют воды бурного Кодора.
Чем звонче побегут потоки с гор,
Чем яростней река в своем напоре,
Тем гуще будет зелени ковер.

Зальются птицы, зашумит листва,
Лучами солнца южного согрета.
Слепить глаза мне будет синева
Потоками немеркнувшего света.

Идет весна... По горным склонам вскоре
Раскинутся зеленые поля.

И ветер заиграет на просторе,
Колосья, словно волны, шевеля.

И рядом, на плантациях табачных,
Крылатый плотный лист качнет слегка,
Коснется маслянистых и невзрачных
Цветов на прочном стебле табака.

Подняв пласты могучей целины,
Прошелся трактор по полям страны.
День ото дня растут просторы пашен,
И ежегодным праздником весны
Колхозный труд отмечен и украшен.

1938

204. ОЗЕРО РИЦА

Суровой горною дорогой
К тебе не шел я, а летел.
Волнуем радостной тревогой,
Я жадно на тебя смотрел.
Над рябью вод носился ветер,
И птицы реяли над ней,
И тихо осеняли ветви
Красу Абхазии моей.
Манящее прохладной лаской,
Возникло ты давным-давно.
Но можно ль верить старым сказкам
О том, что здесь погребено?
Ужель и впрямь земля раскрылась
И поглотила пастуха?
Тут сказка в песню превратилась,
В дыханье моего стиха...
Шумели старые деревья,
Горели юные глаза,
Над снегом гор скалистых, древних
Сияла неба бирюза.
И озеро меж скал лежало
Подобьем синего цветка.
На берегу его немало

Приехавших издалека
Находит отдых. Смех искрится,
И речи дружные текут,
Всё удается здесь на Риге:
Слова и мысль, покой и труд.

1939

205. ПЕСНЯ О ХАБИДЖЕ

От твоей отчизны милой
Не смогли тебя отвлечь.
Махаджиров гнали силой,
Но за них ты поднял меч.

День и ночь, не уставая,
Ты сражался за Агсны
И сынов родного края
Звал на выручку страны.

Пусть твою отчизну вскоре
Обездолил грозный рок
И с орлом своим в нагорье
Ты остался одинок, —

Но везде ты след оставил,
Цепи сбросил твой народ.
Ты навек себя прославил,
И страна твоя цветет.

1939

206

Ты хлопотливо бродишь по двору
Или грустишь, лишаась покоя, мама?
Ты в полдень, перед сном и поутру
Всё сына ждешь с тоскою, мама?

Счастливым, я обрел бы крепкий сон,
Когда бы знал, что ты здорова, мама,

И, если б весть принес мне почтальон,
Я ожил бы душою снова, мама.

О, знать бы, что сейчас, когда цветет
Весь мир, — проходишь ты по саду, мама,
Или спокойно полешь огород, —
Как сердце сына было б радо, мама!

Вот на струнах лежит твоя рука —
Под пальмой в жаркую погоду, мама,
Поешь ты... И видны издалика
Дымок и трубы парохода, мама.

Цела ли вишня посреди двора,
Где мы сидели каждый вечер, мама?
А кипарис близ дома? Всё ль с утра
С ним спорит говорливый ветер, мама?

Взгляни — с портрета в комнате моей
Твой сын по-прежнему смеется, мама...
Ты не горюй о нем и слез не лей —
С победой он к тебе вернется, мама!

1941

ПАВЕЛ КОГАН

Павел Давидович Коган родился в 1918 году в Киеве. В 1922 году семья переехала в Москву. Будучи школьником, Павел дважды отправлялся пешком по России, желая собственными глазами увидеть жизнь только что коллективизированной деревни.

В 1936 году Коган поступил в Институт истории, философии и литературы (ИФЛИ), в 1939 году перешел в Литературный институт им. Горького, продолжая заочно учиться в ИФЛИ. В поэтическом семинаре И. Сельвинского, где собралась группа талантливых молодых поэтов, Коган принадлежал к числу наиболее одаренных.

Весной 1941 года Коган в составе геологической экспедиции отправился в Армению. Здесь и застала его Отечественная война.

Вернувшись в Москву, Коган пытается попасть в армию, но получает отказ, так как по состоянию здоровья был снят с учета. Тогда он поступает на курсы военных переводчиков, окончив которые едет на фронт. Здесь назначается переводчиком, потом помощником начальника штаба стрелкового полка по разведке.

23 сентября 1942 года лейтенант П. Коган, возглавлявший разведгруппу, был убит на сопке Сахарная Голова под Новоросийском.

Неустойчивый мартовский лед
 Пешеходами изувечен.
 Неожиданно вечер придет,
 До усталости милый вечер.
 Мы останемся наедине —
 Я и зеркало. Понемногу
 В нарастающей тишине
 Я начну различать тревогу.
 Поболтаем. Закрыта дверь.
 И дороги неповторимы.
 О дорогах: они теперь
 Не всегда устремляются к Риму,
 И о Риме, который, поверь,
 Много проще и повторимее.
 Но дороги ведут теперь
 Либо к Риму, а либо от Рима.

Март 1936

208. МОНОЛОГ

Мы кончены. Мы отступили.
 Пересчитаем раны и трофеи.
 Мы пили водку, пили «ерофеич»,
 Но настоящего вина не пили.
 Авантюристы, мы искали подвиг,
 Мечтатели, мы бредили боями,

А век велел — на выгребные ямы!
А век командовал: «В шеренгу по два!»
Мы отступили. И тогда кривая
Нас понесла наверх. И мы как надо
Приняли бой, лица не закрывая,
Лицом к лицу и не прося пощады.
Мы отступали медленно, но честно.
Мы били в лоб. Мы не стреляли сбоку.
Но камень бил, но резала осока,
Но злобою на нас несло из окон
И горечью нас обжигала песня.
Мы кончены. Мы понимаем сами,
Потомки викингов, преемники пиратов:
Честнейшие — мы были подлецами,
Смелейшие — мы были ренегаты.
Я понимаю всё. И я не спорю.
Высокий век идет высоким трактом.
Я говорю: «Да здравствует история!» —
И головою падаю под трактор.

5—6 мая 1936

209

Ночь пройдет по улицам
До нездешних улиц.
Как она сутулится —
Кофточка на стуле.
Стали тени прочными,
Сжали, окружая.
Спишь, моя нарочная,
Спишь, моя чужая.
Полночь ветер мимо вел,
Тишью запорошенный,
Спишь, моя любимая,
Спишь, моя хорошая.
Можно сердце выложить.
На! Чтоб стужу плавил!
Не было! Было же!
Не взяла — оставила.
Дым плывет по комнате,
Гарью темень полнит.

Я с детства не любил овал!
Я с детства угол рисовал!

1936

211

Мы сами не заметили, как сразу
Сукном армейским начинался год,
Как на лету обугливалась фраза
И черствая романтика работ.
Когда кончается твое искусство,
Романтики падучая звезда,
По всем канонам письменно и устно
Тебе тоскою принято воздать.
Еще и строчки пахнут сукровицей,
Еще и вдохновляться нам дано,
Еще ночами нам, как прежде, снится
До осязанья явное Оно.
О, пафос дней, не ведавших причалов,
Когда, еще не выдумав судьбы,
Мы сами, не распутавшись в началах,
Вершили скоротечные суды!

1937

212. ЗВЕЗДА

Светлая моя звезда.
Боль моя старинная.
Гарь приносят поезда
Дальнюю, полынную.
От чужих твоих степей,
Где теперь начало
Всех начал моих и дней
И тоски причалы.
Сколько писем нес сентябрь,
Сколько ярких писем...
Ладно — раньше, но хотя б
Сейчас поторопиться.

В поле темень, в поле жуть —
Осень над Россией.
Поднимаюсь. Подхожу
К окнам темно-синим.
Темень. Глухо. Темень. Тишь.
Старая тревога.
Научи меня нести
Мужество в дороге.
Научи меня всегда
Цель видать сквозь дали.
Утоли, моя звезда,
Все мои печали.
Темень. Глухо.
Поезда
Гарь несут полынную.
Родина моя. Звезда.
Боль моя старинная.

1937

213. ПОЭТУ

Эта ночь раскидала огни,
Неожиданная, как беда.
Так ли падает птица вниз,
Крылья острые раскидав?
Эта полночь сведет с ума,
Перепутает дни — и прочь.
Из Норвегии шел туман.
Злая ночь. Балтийская ночь.
Ты лежал на сыром песке,
Как надежду обняв песок.
То ль рубин горит на виске,
То ль рябиной зацвел висок.
Ах, на сколько тревожных лет
Горечь эту я сберегу!
Злою ночью лежал поэт
На пустом, как тоска, берегу.
Ночью встанешь. И вновь и вновь
Запеваешь песенку ту же:
Ах ты ночь, ты моя любовь,

Он станет девушкой надменной,
Пенснишки тронет на носу.
И голосом, где плещет клизма,
Пенснишки вскинув, как ружье,
Он мне припишет десять «измов»
И сорок «выпадов» пришьет.
Я рассмеюсь, я эту рожу
Узнаю всюду и всегда,
Но скажет милая: «Быть может»,
И друг мне руку не подаст,
И будет утро... На рассвете
Мне скажет Александр Блок:
«Иди, поэт, ищи по свету,
Где оскорбленному есть чувству
уголок».

Иди, доказывай алиби,
Алиби сердца, или вот —
Вполне достаточный калибр
Мелкокалиберки «франкот».

22 октября 1937

215. БРИГАНТИНА

(Песня)

Надоело говорить и спорить,
И любить усталые глаза...
В флибустьерском дальнем море
Бригантина поднимает паруса...

Капитан, обветренный, как скалы,
Вышел в море, не дождавшись нас...
На прощанье подымай бокалы
Золотого терпкого вина.

Пьем за яростных, за непохожих,
За презревших грошевой уют.
Вьется по ветру веселый Роджер,
Люди Флинта песенку поют.

Так прощаемся мы с серебристою,
Самою заветною мечтой,

Флибустьеры и авантюристы
По крови, упругой и густой.

И в беде, и в радости, и в горе
Только чуточку прищурь глаза.
В флибустьерском, в дальнем море
Бригантина поднимает паруса.

Вьется по ветру веселый Роджер,
Люди Флинта песенку поют,
И, звеня бокалами, мы тоже
Запеваем песенку свою.

Надоело говорить, и спорить,
И любить усталые глаза...
В флибустьерском дальнем море
Бригантина подымает паруса...

1937

216

Люди не замечают, когда кончается детство,
Им грустно, когда кончается юность,
Тоскливо, когда наступает старость,
И жутко, когда ожидают смерть.
Мне было жутко, когда кончилось детство,
Мне тоскливо, что кончается юность,
Неужели я грустью встречу старость
И не замечу смерть?

1937

217. ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ «ЩОРС»

Я открываю окна в полночь.
И, полнясь древней синевой
И четкостью граненой полнясь,
Ночь проплывает предо мной.
Она плывет к своим причалам,

Тиха, как спрятанный заряд,
Туда, где флаги раскачала
Неповторимая заря.
Я слушаю далекий грохот,
Подпочвенный, неясный гуд,
Там поднимается эпоха,
И я патроны берегу.
Я крепко берегу их к бою.
Так дай мне мужество в боях.
Ведь если бой, то я с тобою,
Эпоха громкая моя.
Я дни, отплавленные в строки,
Твоим началам отдаю,
Когда ты шла, ломая сроки,
С винтовкою на белый юг.
Я снова отдаю их прозе,
Как потрясающие те —
В несокрушающих морозах
И в сокрушающей мечте.
Как те, что по дороге ржавой,
В крови, во вшах, в тоске утрат,
Вели к оскаленной Варшаве
Полки, одетые в ветра.
Так пусть же в горечь и в награду
Потомки скажут про меня:
«Он жил. Он думал. Часто падал.
Но веку он не изменял».

1937

218

Девушка взяла в ладони море,
Море испарилось на руках.
Только соль осталась, но на север
Медленные плыли облака.
А когда весенний дождь упал
На сады, на крыши, на посевы,
Капли те бродячие впитал
Белый тополиный корень.
Потому, наверно, ночью длинной

Снится город девушке моей,
Потому от веток тополиных
Пахнет черноморской тишиной.

1938

219. ТИГР В ЗООПАРКЕ

Ромбическая лепка мускула
И бронза — дьявол или идол,
И глаза острого и узкого
Неповторимая обида.
Древней Китая или Греции,
Древней искусства и эротики,
Такая бешеная грация
В неповторимом повороте.
Когда, сопя и чертыхаясь,
Бог тварей в мир пустил бездонный,
Он сам создал себя из хаоса,
Минуя божии ладони.
Но человек — создание божие —
Пустое отражение бога
Свалил на землю и стреножил,
Рукой уверенно потрогал.
Какой вольнолюбивой яростью
Его бросает в стены ящика,
Как никнет он, как жалко старится.
При виде сторожа кормящего,
Как в нем неповторимо спаяны
Густая ярость с примиренностью.
Он низведенный и охаянный,
Но бог по древней одаренности.
Мы вышли. Вечер был соломенный,
Ты шел уверенным прохожим,
Но было что-то в жесте сломанном
На тигра пленного похожим.

19 ноября 1939

220. ПЕРВАЯ ТРЕТЬ

(Роман в стихах)

...Треть пути за кормой,
И борта поседели от пены...

(Из ранних стихов Владимира)

ГЛАВА I

...Современники сядят сады.
Воздух в комнаты! Окна настезь!
Ты стоишь на пороге беды,
За четыре шага от счастья...

(Из ранних стихов Владимира)

1

В последних числах января
Он дописал свою поэму.
Из дебрей вылезшая тьма,
Трактую горе и моря,
Любовь, разлуку, якоря,
Ломала ноги о коряги.
Едва ль он тему покорял,
Скорее тема покоряла.
Но как бы ни было, она,
Поэма то есть, стала пачкой
Листов исписанных.
Финал,
однако ставящий задачи.

В тот день он получил письмо
В тонах изысканно любезных.
Олег писал, что-де восьмой
Проходит месяц,
Что-де бездна
Стихов, обид и новостей,
Что нету поводов для злости,
Что он сегодня ждет гостей,
Когда желает сам быть гостем.

Взбежав по лестнице на третий,
 Знакомый с стародавних пор,
 Он понял, что спокойно встретит
 Там предстоящий разговор.
 Что тут помочь, похоже, нечем,
 Но трудно было отвыкать
 От тех стихов

и от дощечки —

«Н. С. Заречин, адвокат».

Отец Олега, адвокатом,
 Забыв в тринадцатом Уфу,
 Лысел, жил в меру, небогато,
 Но с Цицероном на шкафу...

Квартиры юности и детства,
 Куда нам деться от тоски,
 Пройдись, пересчитай наследство,
 Стихов и нежности ростки.
 Подруги наши нам простили
 Всю сумму дорогих примет.
 Мы руки милые, простые
 Случайно жали в полутьме.
 Мы первый раз поцеловали,
 Мы спорили до хрипоты.
 Потом мы жили, забывали,
 Мы с жизнью перешли на «ты»...
 Но отступленья вязнет в датах,
 И если сваливать вину —
 Сам Пушкин так писал когда-то,
 А я ж не Пушкин, *entre nous*.
 Итак, оставим это, право,
 Добавим, что Марины нет,
 По коридору и направо
 Пройдем с Олегом в кабинет.

Уже дочитаны стихи.
 Олег, закуривая, стоя:
 «Ну что ж, пожалуй, не плохи,
 А только и плохих не стоят.
 А пахнут, знаешь, как тарань, —
 Приспособленчеством и дрянью.
 Того гляди и трактора
 Бравурной песенкою грянут.
 И тут же, «не сходя с местов»,
 Безвкусицей передовицы
 Начнут высказывать восторг
 Орденоносные девицы.
 Ты знаешь сам — я им не враг,
 Ты знаешь, папа арестован.
 Но я не вру и я не врал,
 И нету времени простого,
 Он адвокат, он наболтал,
 Ну, анекдотец — Брут на воле.
 В них стержня нет, в них нет болта.
 Мне лично больно, но не боле.
 Но транспортиром и мечом
 Перекроив эпоху сразу,
 Что для искусства извлечет
 Опальный человеческий разум!
 Боюсь, что ничего. Взгляни:
 Французы, что ли?
 Ну лавина!
 А что оставили они —
 Недопеченного Давида.
 Ну что еще? Ружье де Лиль?
 Но с тиною бурбонских лилий
 Его навеки отдалил
 Тот «Ягуар» Леконт де Лиля.
 Искусство движется теперь
 Горизонтально. Это горько,
 Но выбирай, закрывши дверь, —
 «Виргиния» или махорка.
 Ну что же, опростись пока,
 Баб щупай да подсолнух лускай,
 А в рассужденьи табака

Лет через сто дойдем до «Люкса».
Без шуток. Если ты поэт
Всерьез. Взаправду. И надолго.
Ты должен эту сотню лет
Прожить по ящикам и полкам,
Росинкой. Яблоком. Цветком.
Далеким переплеском Фета,
Волос девичьих завитком
И чистым маревом рассвета.
А главное, как ни крути,
Что делал ты и что ты сделал?
Ты трактористку воплотил
В прекрасной Афродиты тело.
Ты не понятен им, поверь,
Как Пастернак, как громы Листа.
Но Листа слушают — помёр,
А ты — ты будешь вновь освистан.
А выход есть.

Портьеры взмах —
И мир уютом разграничен,
Мы сядем к огоньку. Зима.
Прочтем Рембо, откроем Ницше.
И вот он маленький, но наш,
Летит мечтой со стен и окон,
И капли чистого вина
Переломляют мир высокий».

5

Владимир встал.
Теперь он знал,
Что нет спокойствия. Пожалуй,
Лишь ощущений новизна
Его от крика удержала.
Он оглянулся.

Что же, тут
Он детство прожил, юность начал,
Он строчек первых теплоту
Из этих дней переиначил.
Но медной ярости комок
Жег губы купоросом. . .
Проще

Уйти, пожалуй,
Но порог?
Но всех тревог последний росчерк?
Нет, отвечать! И на лету,
Когда еще конца не ведал,
Он понял — правильно!
И тут
Пределной честности победа.

6

«Пока внушительны портьеры,
Как русский довод — «остолоп»,
И мы с тобой не у барьера,
Мы говорим. Мы за столом.
И лунный свет налит в стекло,
Как чай. И чай налит как милость,
И тень элегий и эклог
В твоих строках переломилась.
Я знаю всё. И как ты куришь,
А в рассужденье грез и лир,
Какую точно кубатуру
Имеет твой особый мир.
И как ты скажешь: «В январе
Над городом пылает льдинка,
Да нет, не льдинка, погляди-ка,
Горит как шапка на воре».
И льдинка вдрызг. И на осколках
Ты это слово надломил,
От этой вычурности колкой
Мне станет холодно на миг.
Философ. Умница. Эстет,
Так издевавшийся над щами.
Ты знаешь, что на свете нет
Страшней, чем умные мещане.
Чем чаще этот род за нас,
Чем суть его умнее лезет,
Тем выше у меня цена
На откровенное железо.
Да, транспортиром и мечом
Перекроив эпоху сразу,
Он в первой грусти уличен,

Опальный человеческий разум.
Так, сам не зная почему,
Забыв о верности сыновней,
Грустит мальчишка. И ему
Другие горизонты внове.
Горизонтально, говоришь?
Быстрее, чем ты напорожил,
Он дочитает буквари,
Он голос обретет и почерк.
Профессор мудрый и седой,
Колумб, который открывает
Цветенье новое садов, —
Его никто не понимает.
Но метод, стиль его побед —
В нем стиль и метод твой, эпоха.
Его не понимают? — Плохо,
Как плохо, если десять лет.
А ты, ты умненьким чижом
В чижинном маленьком уютце,
Ты им враждебный и чужой,
Они пройдут и рассмеются.
И что ты можешь? Что ты мог?
Дымок по комнате протащишь,
В стихах опишешь ты дымок
И спрячешь в сокровенный ящик.
Души, душе, душой, душа —
Здесь мысль к пошлости околышек!» —
«Ты этим воздухом дышал!» —
«Дышал, но не желаю больше!
Есть гордость временем своим,
Она мудрей прогнозов утлых,
Она тревогой напоит,
Прикрикнет, если перепутал,
И в этой гордости простой
Ты не найдешь обычной темы:
«Открой окно — какой простор!
Закрой окно — какая темень!»
Есть мир, он, право, не чета
Твоей возвышенной пустыне,
В нем так тревога начата,
Что лет на триста не остынет.

Крушение личности и Трой,
суровая походка грома!
Суровый мир, простой, огромный,
Распахнутый для всех ветров...

ГЛАВА II

... Можно сердце выложить —
На! — чтоб стужу плавил.
Не было? Было же!
Не взяла, — оставила...

(Из ранних стихов Владимира)

1

Ну что ж, похоже в самом деле,
Я победитель. Значит — быть.
Как мы тревогу не разделим,
Как мне ее не разлюбить,
Так от победы этой грустной
Не закружится голова —
Здесь начинается искусство,
И здесь кончаются слова.
Но даже если ты уверен,
Что не напутано в «азах»,
Ты одинок в огромной мере,
Как Женька некогда сказал.

2

Буран, буран. Такая стужа.
Да лед звенит. Да тишина.
О, молодость! Вино, да ужин,
Да папиросы, да Она —
Ну, чем, голодная и злая,
Ты бредишь полночью такой?
Гудки плывут, собаки лают
С какой-то зимнею тоской.

Так возвращается Владимир
 К весьма условной теплоте.
 Не соразмерив пыл и имя,
 Он только комнатой владел.
 Семиметровая обитель
 Суровой юности! Прости,
 Коль невниманием обидел
 Иль раньше срока загрустил.
 Там так клопы нещадно жрали,
 Окурки дулися в лото,
 Там крепко думалось, едва ли
 Нам лучше думалось потом.

Он жил тогда за Белорусским,
 И, от Заречиных бредя,
 Он думал с царственным и узким
 Презреньем истинных бродяг
 Об ужине и о портьерах.
 И сам того не замечал,
 Что это детство или ересь
 И повторение начал.
 Но это так легко вязалось
 С мечтой об ужине, что он,
 Перебродив совсем, к вокзалу
 Был просто очень утомлен.

Да вот и дом. Такою ночью
 Ему в буран не улететь,
 Он фонарями приторочен
 К почти кромешной темноте.
 В подъезде понял он и принял, —
 То беспокойство, что ловил,
 Звалось Заречиной Мариной
 И безнадежностью в любви.

— Фу, видно, всё-таки дождалась.
 — Марина?
 — Я.
 — Какой судьбой?
 Какими судьбами?
 — Ты талый,
 Ты каплешь весь. Да ну, стой.
 — Да нет, откуда?
 — Ну уж, знаешь,
 Ты не излишне *comme il faut*.
 Ты, видно, вправду не считаешь
 Меня особенной лафой.
 А ларчик просто — я к подруге.
 Ночую. Рядом. За углом.
 Да то ли детством, то ли вьюгой,
 Как видишь, в гости примело.

Пока с необъяснимым рвением
 Он снег сбивает с рукавов,
 Ругает стужу, ищет веник
 И постигает — «каково!»,
 Марина смотрит, улыбаясь, —
 Мальчишка. Рыцарь и аскет.
 И только жилка голубая
 Просвечивает на виске.
 Но комната его убила, —
 Была такая чистота,
 Что запах детства или мыла
 Висел и ноздри щекотал...

... 12

О мальчики моей поруки!
 Давно старьевщикам пошли
 Смешные ордерные брюки,
 Которых нам не опозлить.
 Мы ели тыквенную кашу,
 Видали Родину в дыму,

В лице молочниц и мамыши
Мы били контру на дому.
Двенадцатилетние чекисты,
Принявши целый мир в родню,
Из всех неоспоримых истин
Мы знали партию одну.
И фантастическую честность
С собой носили как билет,
Чтоб после, в возрасте известном,
Как корью ей переболеть.
Но, правдолюбцы и аскеты,
Всё путали в пятнадцать лет.
Нас честность наша до рассвета
В тревожный выводила свет.
На Украине голодали,
Дымился Дон от мятежей,
И мы с цитатами из Даля
Следили дамочек в ТЭЖЭ.
Но как мы путали. Как сразу
Мы оказались за бортом,
Как мучились, как ум за разум,
Как взгляды тысячи сортов.
Как нас несло к чужим. Но нету
Других путей. И тропок нет.
Нас честность наша до рассвета
В тревожный выводила свет.
О Родина! Я знаю шаг твой,
И мне не жаль своих путей.
Мы были совестью абстрактной,
А стали совестью твоей.

13

Еще о честности. Ты помнишь,
Плечом обшарпанным вперед
Огромный дом вплывал в огромный
Дождя и чувств круговорот.
И он навеки не запятнан,
Тот вечер. Дождик моросил
На Александровской. На пятом
Я на руках тебя носил.
Ты мне сказала, что не любишь,

И плакала. Затем что так
Любить хотелось, что губы
Свела сухая маета.
Мы целовались. Но затем ли,
Что наша честность не могла,
Я открывал тебя, как земли,
Как полушарья Магеллан.
Я целовал твои ресницы,
Ладони, волосы, глаза,
Мне посегодня часто снится
Солоноватая слеза.
Но нет, не губы. Нам в наследство,
Как детства запахи и сны, —
Что наша честность вне последствий
И наши помыслы ясны.

14

Он должен ей сказать, что очень...
Что он не знает, что сказать.
Что можно сердце приурочить
К грозе. И вот потом гроза.
И ты ни слова не умеешь
И ходишь не в своем уме,
И все эпитеты из Мея,
А большее нельзя уметь...
Он должен ей сказать всю эту
Огромную как мир муру,
От часа сотворенья света
Бытующую на миру.
Не замуруй ее. Оплошность
В другую вырастет беду.
Она придет к тебе как пошлость,
Когда отвергнешь высоту.
Он должен ей сказать, что любит,
Что будет всё, что «будем жить».
Что будет всё. От первой грубой
До дальней ласковой межи.
И в медленные водопады
Стекают секунды.
Тут провал.
Тут что-то передумать надо.

Здесь детской честности права.
Здесь брат. Ну да, Олег. И, зная,
Что жизнь не ребус и кроссворд,
Он, путая и запинаясь,
Рассказывает ей про спор.
Про суть. Про завязь. Про причины.
Про следствия и про итог.
Сам понимая, что мужчина
Здесь должен говорить не то,
Но верит, что поймет, что счас он
Окончит. Скажет про любовь.
Что это нужно. Это частность,
И он тревогою любой,
Любою нежностью отдышит
Ладони милые. Ну да!

И всё-таки он ясно слышит,
Как начинается беда.
Она пуховым полушалком
Махнет, чтоб спрятать дрожь рукой:
— Какой ты трус! Какой ты жалкий!
И я такого! Боже мой! . . . —
И с яростью и с сожаленьем
Отходы руша и ходы:
— Ничтожество. Приспособленец.
Ты струсил папиной беды! —
И хлопнет дверью. И растает
В чужой морозной темноте.

15

О молодость моя простая,
О чем ты плачешь на тахте?

ГЛАВА III

1

Зимой двадцать второго года
От Брянского на Подвески
Трясет по всем Тверским-Ямским

На санках вымершей породы,
На архаичных до пародий,
Семейство Роговых. А снег
Слепит и кружит. И Володе
Криницы снятся в полусне,
И тополей пирамидальных
Готический собор в дыму
За этой далью, дальней-дальней,
Приснится в юности ему.

2

Что вклинивалось самым главным
В прощальной суеты поток,
Едва ль Надежда Николавна
Сама припомнила потом.
Но опостылели подруги,
И комнаты, и весь мирок,
И все мороки всей округи
До обморока. До морок.
И что ни говори — за двадцать.
Ну, скажем, двадцать пять. Хотя
И муж и сын, но разобраться —
Живешь при маме, как дитя.
Поэтому, когда Сережа
Сказал, что едем, что Москва,
Была тоска, конечно; всё же
Была не главной тоска.

3

Сергей Владимирович Рогов,
Что я могу о вас сказать:
Столетье кружится дорога,
Блюстителей вводя в азарт.
Но где-то за «Зеленой лампой»,
За первой чашей круговой,
За декабристами — «Сатрапы!
Еще посмотрим кто кого!»,
За петрашевцами, Фурье ли,
Иль просто нежность затая, —
«Ну где нам думать о карьере,

Россия, родина моя!»
Вы где-то за попыткой робкой
Идти в народ. Вы арестант.
Крамольник в каменной коробке,
В навеки проклятых Крестах.
И где-то там за далью дальней,
Где вправду быть вы не могли,
По всей Владимирке кандалной
Начала ваши залегли.
Да лютой стужею сибирской
Снегами замело следы,
И мальчик в городе Симбирске
Над книгой за полночь сидит.
Лет на сто залегла дорога,
Блюстителей вводя в азарт,
Сергей Владимирович Рогов,
Что я могу о вас сказать?
Как едет мальчик худощавый,
Пальтишко на билет продав,
Учиться в Питер. Пахнет щами
И шпиками по городам.
Решетчатые тени сыска,
В гороховом пальто, одна
Над всей империей Российской
Столыпинская тишина.
А за московскою, за старой
По переулкам ни души.
До полночи гремят гитары,
Гектограф за полночь шуршит.
И пробивалась сквозь плесень,
И расходилась по кругам
Гектографированной прессы
Конспиративная пурга.

4

Вы не были героем, Рогов,
И вы чуждались газет,
Листовок, сходок, монологов
И слишком пламенных друзей.
Вы думали, что этот колосс

Не свалит ни одна волна.
Он задушил не только голос,
Он душу вытрясет сполна.
Но, родина моя, ведь надо,
Ведь надо что-то делать? Жди!
Возьми за шиворот и на дом
Два тыщелетья приведи.
Давай уроки лоботрясам.
В куртенке бегай в холода.
Недоедай. Зубами лязгай.
Отчаивайся. Голодай.
Но не сдавай. Сиди над книгой
До дворников. До ломоты.
Не ради теплоты и выгод,
Но ради благ и теплоты,
Чтоб через сотни лет жила бы
Россия лучше и прямей.
Затем, что Пестель и Желябов
До ужаса простой пример.

5

Но трусом не были. И где-то
Сосало всё же, что скрывать.
Ругаясь, прятали газеты
И оставляли ночевать
В той комнатенке на четвертом,
На койке с прозвищем «шакал»,
Каких-то юношей в потертых,
В благонадежных пиджаках.
И жили, так сказать, помалу
(Ну гаудеамус на пай),
И числились хорошим малым,
Без кругозора, но своим.

6

Так жили вы. Тащились зимы,
Летели весны. По утрам
Вас мучили неотразимой
Тоской мальчишеской ветра.

Потом война. В воде скопной,
В грязи, в отбросах и гною,
Поштучно, рознично и скопом
Кровавый ростбиф подают.
Он вшами сдобрен. Горем перчен.
Он вдовьею слезой полит.
И молодость отцов, как смерчем,
Как черной оспой, опалит.
Лабазники рычали «Славу»
Не в тон, и всё же в унисон.
Восторженных оваций лава.
Облавы. Лавку на засов —
И «бей скубентов!». И над всею
Империей тупой мотив.
И прет чубатая Расея,
Россию вовсе замутив.

7

Ну что же, к вашей чести, Рогов,
Вы не вломились в «порыв».
Звенят кандалные дороги —
Товарищей ведут в Нарым.
И в памяти висит как запон,
Всё прочее отгородив,
Махорки арестантский запах
И резкий окрик: «Проходи!»
И где-то здесь, сквозь разговоры
Пробившись, как сквозь сор лопух,
То качество, найдя опору,
Пробьет количеств скорлупу.
Здесь начинался тонкий оттиск,
Тот странный контур, тот наряд,
Тех предпоследних донкихотов
Особый, русский вариант.

8

Я не могу без нежной злобы
Припомнить ваши дни подряд.
В степи седой да гололобой

Ночь отбивался продотряд.
Вы шли мандатом и раздором,
Кричали по ночам сычи.
На всех шляхах, на всех просторах
«Максим» республике учил.
И что с того, что были «спецом»
И «беспартийная душа».
Вам выпало с тревогой спеться,
Высоким воздухом дышать.
Но в партию вы не вступили,
Затем что думали и тут,
Что после боя трусы или
Прохвосты в армию идут.
Так вы остались вечным «замом»,
И как вас мучило порой
Тоской ущербною, той самой
Тоской, похожей на порок.
Наивный выход из разлада:
Чтоб ни уюта, ни утех,
Чтоб ни покоя, ни оклада,
Когда партмаксимум у тех.

9

Итак, зимой двадцать второго
Трясет извозчик легковой
Седой, заснеженной Москвой
К еще не обжитому крову
Семейство Роговых. По брови
Укутанный в худой азиям,
Уходит ветер. Он озяб.
Снега крутят до самых кровель.¹

¹ Откинувшись назад, назад,
Он шел на марь, на мад,
И вдруг запутался в домах,
Как пономарь в «азах».
А день побыл, и день иссяк
Раскосый, как якут.
Дожди над городом висят,
А капли не текут.

Итак, зимой двадцать второго
Вы едете с семьей в Москву,
Привычность города родного
Менять на новую тоску.

10

Поскольку вы считались самым
Своим среди чуждых наотрез,
Вас посылали важным замом
В столицу. В центр. В новый трест.
И, зная вас, вам предложили
В Москву поехать и купить
Себе квартиру, дабы жили,
Как спецам полагалось жить.
И вы купили. На Миусской
(Чтоб быть народу не внаклад)
Достаточно сырой и узкий,
Достаточно невзрачный склад.
И, приведя его в порядок
И в относительный уют,
Вы приготовились к параду
И спешно вызвали семью.

11

«Да деньги ж не мои — народа!»
— «О боже, право, тонкий ход.
И как я вышла за урода?
Ханжа, святоша, Дон-Кихот!»
Мир первый раз смещен. Володя
Заснет сегодня в темноте.
Среди рогож, среди полотен,
Болотом пахнущих и тем,
Чего он не видал ни разу.
А мама плачет. По углам
Шуршит в тазах и лезет в вазу
И чуть потрескивает мгла.

Детство милое. Как мне известен
Запах твой, твой дым, твое тепло.

(Из ранних стихов Владимира)

1

Купили снегиря на пару,
Но не пошли пока домой.
Тяжелый гам, как мокрый парус,
Чуть провисал над головой.
Рыдали ржавые лисицы,
Цыган на скрипке изнывал,
И счастье пряничным девицам
Ханжа веселый продавал.
И пахло стойбищем, берлогой,
Гнилой болотною травой.
И мокрый гам висел полого
Над разноцветною толпой.
Миусский рынок пел и плакал,
Свистел, хрипел и верещал,
И солнце проходило лаком
По всем обыденным вещам.
И только возле рей и крынок
Редел, плевался и сорил
Охотничий и птичий рынок. . .

2

. . . О, проливные снегири. . .
О, детства медленная память,
Снегирь, как маленький огонь,
Как «взять на зуб», как пробный камень.
Пройдите у чужих окон
И вспомните. Не постепенно —
Захлеблой памятью сплошной
Те выщербленные ступени,
Тот привкус резкий и блатной.
Там густо в воздухе повисли,
Прямой не видя на пути,
Начало хода, контур мысли,
Поступков медленный пунктир.

Но это сжато до предела
В малюсенький цветастый мир,
Но там начало пролетело.
Пройди неслышно... Не шуми...

8

Его возила утром мама
На трех трамваях в детский сад,
Далеко, за заводом АМО,
Куда Макар гонял телят.
Где в арестантские халаты
Часов на восемь водворят,
Где даже самый дух халатен,
О «тетях» и не говоря,
Но где плывут в стеклянных кубах
В воде общественной, ничьей
К хвосту сходящие на убыль
Отрезки солнечных лучей;
Где верстаком нас приучали,
Что труд есть труд и жизнь — труд,
Где тунеядцев бьют вначале,
А после в порошок сотрут;
Где на стене, как сполох странный
Тех неумеренных годов,
На трех языках иностранных
Изображалось: «Будь готов!»
О, мы языков не учили,
Зато известны были нам
От Индонезии до Чили
Вождей компартий имена.

4

В те годы в праздники возили
Нас по Москве грузовики,
Где рядом с узником Бразилии
Художники изобразили
Керзона (нам тогда грозили,
Как нынче, разные враги).
На перечищенных, охрипших
Врезались в строгие века

Империализм, Антанта, рикши,
Мальчишки в старых пиджаках.
Мальчишки в довоенных валенках,
Оглохшие от грома труб,
Восторженные, злые, маленькие,
Простуженные на ветру.
Когда-нибудь в пятидесятых
Художники от мух сопреют,
Пока они изобразят их,
Погибших возле речки Шпрее.
А вы поставьте зло и косо
Вперед стремящиеся упрямо,
Чуть рахитичные колеса
Грузовика системы «АМО»,
И мальчишки моей поруки
Сквозь расстояние и изморозь
Протянут худенькие руки
Людам
коммунизма.

5

А грузовик не шел. Володя
В окно глядел. Губу кусал.
На улице под две мелодии
Мальчишка маленький плясал.
А грузовик не шел, не ехал.
Не ехал и не шел. Тоска.
На улице нам на потеху
Мальчишка ходит на носках.
И тетя Надя, их педолог,
Сказала: «Надо полагать,
Что выход есть и он недолог,
И надо горю помогать.
Мы наших кукол, между прочим,
Посадим там, посадим тут.
Они — буржуи, мы — рабочие,
А революции грядут.
Возьмите все, ребята, палки,
Буржуи платят нам гроши;
Организованно, без свалки
Буржуазию сокрушим».

Сначала кукол били чинно,
И тех не били, кто упал,
Но пафос бойни беспричинной
Уже под сердце подступал.
И били в бога и в апостола
И в христофор-колумба-мать,
И невзначай лупили по столу,
Чтоб просто что-нибудь сломать.
Володя тоже бил. Он кукле
С размаху выбил правый глаз,
Но вдруг ему под сердце стукнула
Кривая ржавая игла.
И показалось, что у куклы
Из глаз, как студень, мозг ползет,
И кровью набухают букли,
И мертвечиною несет,
И рушит черепа и блюдца,
И лупит в темя топором
Не маленькая революция,
А преуменьшенный погром.
И стало стыдно так, что с глаз бы,
Совсем не слышать и не быть,
Как будто ты такой, и грязный,
И надо долго мылом мыть.
Он бросил палку и заплакал,
И отошел в сторонку, сел,
И не мешал совсем. Однако
Сказала тетя Надя всем,
Что он неважный октябренок
И просто лживый эгоист,
Что он испорченный ребенок
И буржуазный гуманист.
(...Ах, тетя Надя, тетя Надя,
По прозвищу «рабочий класс»,
Я нынче раза по три на день
Встречаю в сутолоке вас...)

6

Домой пошли по 1-й Брестской,
По зарастающей былзем.
В чужих дворах с протяжным треском
Сушилось чистое белье.

И солнце падало на кровли
Грибным дождем, дождем косым,
Стекало в лужу у «Торговли
Перепетусенко и сын».
Володя промолчал дорогу,
Старался не глядеть в глаза,
Но возле самого порога,
Сбиваясь, маме рассказал
Про то, как избивали кукол,
Про «буржуазный гуманист»...
На лесенке играл «Разлуку»
Слегка в подпитьи гармонист.
Он так играл, корявый малый,
В такие уходил баса,
Что аж под сердце подымалась
Необъяснимая слеза.

7

А мама бросила покупки,
Сказала, что «теряет нить»,
Сказала, что «кошмар» и — к трубке,
Скорее Любочке звонить.
(Подруга детства, из удачниц,
Из дачниц. Всё ей нипочем,
Образчик со времен задачников,
За некрасивым, но врачом).
А мама, горячась и сетуя,
Кричала Любочке: «Позор,
Нельзя ж проклятою газетою
Закрывать ребенку кругозор.
Ведь у ребенка «табуль раса»
(Да ну из фребелевских, ну ж),
А им на эту «табуль» — классы,
Буржуев, угнетенных. Чушь.
Володя! Но Володя тонкий,
Особенный. Не то страшит.
Ты б поглядела на ребенка —
Он от брезгливости дрожит.
Всё мой апостол что-то ищет.
Ну, хватит — сад перемену.
Ах, Надя — толстая бабища,
Безвкуснейшая парвеню».

Володя слушал, и мокрица
 Между лопаток проползла,
 Он сам не ведал, что случится,
 Но губы закусил со зла.
 Какая-то чужая сила
 За плечи тонкие брала,
 Подталкивала, выносила...
 Он крикнул: «Ты ей наврала.
 Вы обе врете. Вы — буржуи.
 Мне наплевать. Я не спрошу.
 Вы — клеветуньи. Не дрожу и
 Совсем от радости дрожу».
 Он врал. Да так, что сердце екнуло.
 Захлебываясь счастьем, врал.
 И слушал мир. И мир за окнами
 «Разлуку» тоненько играл.

221. ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Есть в наших днях такая точность,
 Что мальчики иных веков,
 Наверно, будут плакать ночью
 О времени большевиков.
 И будут жаловаться милым,
 Что не родились в те года,
 Когда звенела и дымилась,
 На берег рухнувши, вода.
 Они нас выдумают снова —
 Сажень косая, твердый шаг —
 И верную найдут основу,
 Но не сумеют так дышать,
 Как мы дышали, как дружили,
 Как жили мы, как впопыхах
 Плохие песни мы сложили
 О поразительных делах.
 Мы были всякими, любыми,
 Не очень умными подчас.
 Мы наших девушек любили,

Сквозь бестолочь
Слышно самое то,
То самое, —
Как гудок за полями.
Вот и ты —

товарищ красноармеец муззвода,
Воду пьешь по утрам из заболоченных речек.

А поля между нами,
А леса между нами и воды.

Человек ты мой,
Человек ты мой,
Дорогой ты мой человек!

А поля между нами,
А леса между нами.

(Россия!

Разметалась, раскинулась
По лежбищам, по урочищам.

Что мне звать тебя?

Разве голосом ее осилишь,

Если в ней, словно в памяти, словно в юности:

Попадешь — не воротисься.)

А зима между нами.

(Зима ты моя,

Словно матовая,

Словно рósшитая,

На большак, большая, хрома ты,

На проселочную горбата,

А снега по тебе, громада,

Сине-синие, запорошенные.)

Я и писем писать тебе не научен.

А твои читаю,

Особенно те, что для женщины.

Есть такое в них самое,

Что ни выдумать, ни намучить,

Словно что-то поверено,

Потом потеряно,

Потом обещано.

(. . . А вы всё трагической героиней,

А снитесь — девочкой-неспокойкой.

А трубач — тáри-тáри-тá — трубит:

«по койкам!»

А ветра сухие на Западной Украине.)

Ведь я понимаю,
Трубач «та́ри-та́ри-та́» трубит: «по койкам!»
И ветра сухие на Западной Украине.

Декабрь 1940

223

Нам лечь, где лечь,
И там не встать, где лечь.

..... :

И, задохнувшись «Интернационалом»,
Упасть лицом на высохшие травы.
И уж не встать, и не попасть в анналы,
И даже близким славы не сыскать.

Апрель 1941

БОРИС КОСТРОВ

Борис Алексеевич Костров родился в 1912 году в семье конторского служащего Путиловского завода. Еще учась в средней школе, начал писать стихи, которые читал на школьных вечерах.

Закончив учение, поступил на фабрику им. Володарского. Вскоре комсомольская организация направила его на работу в один из совхозов Ленинградской области.

В 1933 году Борис Костров возвращается в Ленинград. Его первые стихи публикуются в журналах «Резец» и «Звезда». Однако молодой поэт решает продолжить учебу. Он поступает в Рабочий литературный университет, окончив который, уезжает в Островский район, где работает в редакции газеты «За колхоз».

Вернувшись в 1937 году в Ленинград, Борис Костров печатается в периодических изданиях, а в 1941 году выпускает первую книгу лирических стихов — «Заказник».

24 июня 1941 года Борис Костров добровольно пошел в армию. Принимал участие в боях под Ленинградом, воевал в Карелии, на Калининском фронте, был трижды ранен. В 1943 году его направили в танковое училище. Окончив училище, в звании младшего лейтенанта вернулся на фронт вместе с полученной на заводе самоходной артиллерийской установкой.

11 марта 1945 года командир самоходки офицер-коммунист Борис Алексеевич Костров был тяжело ранен при штурме Крейцбурга в Восточной Пруссии и через три дня умер. Похоронен с воинскими почестями на центральной площади города.

224. БЕССОННИЦА

Ветер ветку ивы клонит,
Ни тумана,
Ни росы.
Частокол ломая, кони
Пробираются в овсы.

Чуть осока шевелится,
Берег, омель, нсвода.
Не читается,
Не спится
И не тянет никуда.

На столе коврига хлеба,
Соль да кринка молока.
В эту горницу тебе бы
Залететь издалека.

Я бы скатертью льняною
Застелил сосновый стол...
Баяниста бы с женою
В полночь темную привел.

Мы бы спели и сплясали,
Подружились бы с тобой.
Люди добрые сказали б:
«Свадьба здесь —
не за горой».
Только это — небылица,

Далека ты, как звезда,
Не читается,
Не спится
И не тянет никуда.

1938

225. В ЛЕСУ

А. Решетову

Лесные озера, долины,
Бугры и сосняк без конца.
К берлогам и норам звериным
Тропинки ведут от крыльца.

Бери патронташ и двустволку,
Потертую сумку и нож,
Не встретишь поджарого волка —
Лису золотую убьешь.

А если, усталый немного,
Почувствуешь жажду в груди,
На дно комариного лога
К ручью по обрыву сойди.

И слушай, как шелкают птицы,
Напейся воды ледяной,
И девушку вспомнив,
лисицу

Погладь осторожно рукой.

1939

226. ЗАКАЗНИК

Заросший земляничником курган.
Таскают хвою муравьи на спинах.
Растет и зреет ярая малина.
Клыкастый пенёк
Стоит как истукан.

Шумят чуть слышно ели над обрывом,
Стучит пернатый труженик в дупле...
И я хочу любить и быть любимым
На светлой нашей, солнечной земле!

1939

228. РАЗДУМЬЕ

Над мхом зарастающим тыном
Всю ночь — от зари до зари —
Багряные гроздья рябины
Качаются, как снегири...
И в озере плещутся рыбы.
А дальше — долина, и в ней —
Камней седоватые глыбы
Похожи на груды костей.
Здесь ветер размашистый жестче,
Кричит коршунье на заре.

...Опять — осыпаются рощи
И шорох листвы на дворе.

Что делать мне в пору такую,
Податься к кому и куда,
Коль друг мой мою дорогую
Увел от меня навсегда?
Мы все, видно, в жизни неожиданно
Бываем отвергнуты вдруг...

...Опять — листопад и туманы,
И выпала книга из рук.

<1940>

229. В ПОЛНОЧЬ

Мы у окна,
А за окнами — белое
Поле, и в поле — метет метель.

Видишь,
 в сугробы звезда полетела
И одинокая вздрогнула ель.
Где-то умолк колокольчик, —
То кони
 сбились с дороги...
О, мне в этот час
Хочется взять твои щеки в ладони
И никогда
Не сводить с тебя глаз!

1940

230. ПРИЗНАНИЕ

Ни песни, ни шума, ни ветра.
Взойду на щербатый утес.
Отрадно смотреть до рассвета
На россыпи млеющих звезд.

Мне хочется просто и ясно
Признаться кому-то порой,
Что я проживу не напрасно,
Но буду не понят тобой.

Любуюсь сиянием лунным,
Один поджидая зарю,
Я часто и старым и юным
В стихах нараспев говорю:

Что верю и в счастье и в дружбу,
И пусть был отвергнут не раз,
В жестокую синюю стужу
Больших с поволокою глаз.

Они мне — всегда и отныне —
Нужнее немеркнущих звезд...
Туман. Тишина. По равнине
Я тихо иду на утес.

1941

231. РОДИНА

Шумная,
Бескрайная, как море,
Все твои дороги в Кремль ведут.
И в твоих долинах и на взгорьях
Труд и доблесть
Запросто
Живут.
Ты такая,
Что не сыщешь краше,
Хоть всю землю трижды обойди.
Ты — как море,
Нет, как сердце наше,
Вечно с нами,
Родина,
В груди!

<1941>

232. У ПЛЕТНЯ

Ну что же, прощай,
И коня вороного
Ко мне подведи от плетня,
Я скоро вернусь,
И у камня седого
В долине ты встретишь меня.

Никто, моя радость,
Тебя не осудит —
Ни добрый, ни злой человек,
Обнимемся, что ли,
Как близкие люди,
И будем друзьями навек.

Я скоро вернусь,
Но зачем ты прикрыла
Глаза голубые? Рассвет. . .

Ведь ты же сама
И коня напоила,
И в гриву вплела горлицвет.

1941

233. У МОГИЛЫ БОЙЦОВ

Отдав салют,
Товарищей останки
Торжественно мы предали земле,
И по команде
Боевые танки
Пошли вперед к сверкающей заре.

И я подумал вслух:
Не на чужбине —
Под сенью звезд далеких и родных
Друзья лежат...
Когда-нибудь долине
Присвоят имя одного из них.

1941

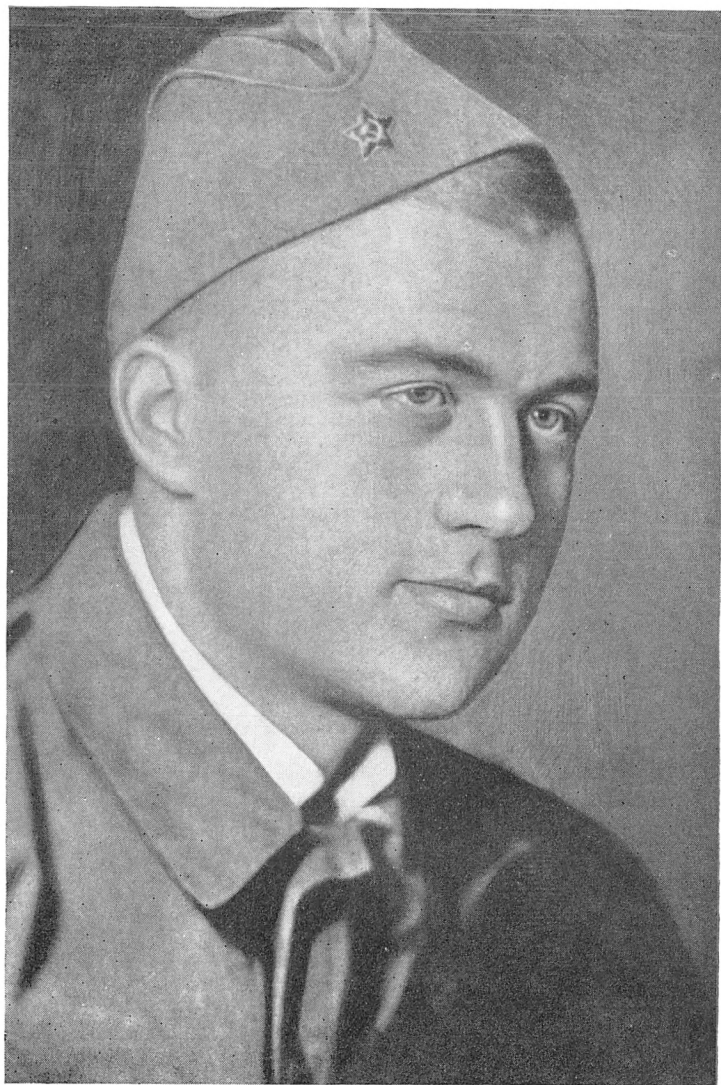
234

Пусть враг коварен —
Это не беда.
Преград не знает русская пехота.
Блестят штыки,
Грохочут поезда,
К победе рвутся вымпелы Балтфлота.

А в небе,
Сделав круг и высоту
Набрав, вступают в бой орлы.
И сразу
Мы слышим сердца учащенный стук,
Но действуем — спокойно,
По приказу.

Василий Кубанев

Михаил Кульчицкий

Мы знаем все,
Что нет таких врагов,
Чтоб волю русских преклонить и скомкать.
Мы — это мы.
Да будет наша кровь
Такой же чистой и в сердцах потомков.

1941 ?

235

Только фара мелькнет в отдаленье
Или пуля дум-дум прожужжит —
И опять тишина и смятенье
Убегающих к югу раки... .

Но во тьме, тронув гребень затвора,
От души прокликает связист
Журавлиную песню мотора
И по ветру чуть слышимый свист.

Ну а я, прочитав Светлова,
Загасив в изголовье свечу,
Сплю в походной палатке и снова
Лучшей доли себе не хочу... .

1941

236. В РАЗВЕДКЕ

Во фляге — лед.
Сухой паек.
Винтовка, пять гранат.
И пули к нам наискосок
Со всех сторон
Летят.

Быть может, миг —
И
Тронет сердце
Смерть.

Нет, я об этом не привык
Писать стихи
И петь.

Я говорю,
Что это бред!
Мы всех переживем,
На пик немеркнущих побед,
На пик судьбы
Взойдем!

А то, что день
И ночь — в бою,
Так это не беда.
Ведь мы за родину свою
Стоим горой
Всегда!

Винтовка, пять гранат,
Пурга.
Рвет флягу синий лед.
Непроходимые снега,
Но путь один —
Вперед!

1942

237. ПОСЛЕ БОЯ

Портянки сохнут над трубой,
Вся в инее стена. . .
И, к печке прислонясь спиной,
Спит стоя старшина.

Шепчу: «Товарищ, ты бы лег
И отдохнул, солдат;
Ты накормил как только мог
Вернувшихся назад.

Ты не поверил нам. Ну что ж,
В том нет большой беды.

Метет метель. И не найдешь
На небе ни звезды.

Твоей заботе нет цены,
Ляг между нами, брат.
Они снежком занесены
И не придут назад».

1943

238

Когда в атаке отгремит «ура»,
В ночи звезда скользнет
по небосводу, —
Мне кажется, что ты еще вчера
Смотрела с моста каменного в воду.

О чем, о чем ты думала в тот миг?
Какие мысли сердце полонили?
Окопы. Ночь. Я ко всему привык,
В разведку мы опять сейчас ходили.

Но как до счастья далеко! Река
Бежит на запад по долине смело,
А то, что шлем прострелен у виска,
Так это ведь обыденное дело.

1944

239. ПЕРЕД ПОДЪЕМОМ

Проснулись, курим, седой
Дым гоним прочь от глаз.
У каждого под головой
В траве — противогаз.

Такое утро, что и сон
Не в сон, как говорят. . .

323

Сейчас, наверно, почтальон
Порадует ребят.

Он каску снимет. Голубой
Прижмет к виску платок.
Сверкает солнце над землей,
Как медный котелок.

И слышно, как бежит ручей,
Как листья шелестят,
И с полотенцем на плече
Идет к реке комбат.

А над туманною водой
Такая синь и тишь,
Что, разгоняя дым рукой,
О прожитом грустишь.

1944

240

Красный крест на сумке цвета хаки,
Где они, твои шестнадцать лет?
До войны с тобой на «ты» не всякий
Говорить осмелился б поэт. . .

А теперь сидим мы вот и курим,
Под рукой у каждого наган. . .
Помню, как-то в огненную бурю
Первая моих коснулась ран.

Я не знал тебя тогда, Мария,
Но, прощаясь с жизнью, может быть,
Обнял землю и сказал: «Россия,
Ты ее не можешь позабыть».

Ну, а дальше — белая палата
Да повязки тяжкие в крови,
В темной биографии солдата
Светлая страница о любви.

Что еще? Про ненависть и славу
До зари беседа, а потом
Наизусть читаешь ты «Полтаву»,
Битвы вспоминаешь под Орлом.

Да меня украдкой даришь взглядом,
Дым табачный гонишь от лица...
Так всю ночь. И всё за то, чтоб рядом
Быть со мною вечно. До конца.

1944

241

Такой, как все, — в треухе, полушубке,
Не по годам заросший бородой, —
Шутил солдат. А дым валил из трубки,
И он его отмахивал рукой...

И говорил отдельно и негромко:
«Ну разве, други, в том моя вина,
Что русская беспечная девчонка
В меня под Омском где-то влюблена.

Спасенья нет от писем и открыток,
От самых веских в многоточьях строк...
У юности всегда большой избыток
Душевных чувств, догадок и тревог.

Спасенья нет! А началось всё просто:
Пришла посылка... Экая беда!
Но если б я, примерно, был Матросов,
Тогда понять всё можно без труда.

А то — сапер!..» Все улыбнулись. Мирно
Горел костер. Дул южный ветерок.
Смолистый пень в сугробе, как мортира,
Стоял. И ночь трубила в лунный рог.

Преодолев молчанье, выпив водки,
Он встал: пора! Снег падал с высоты.

Вздохнули все. Но он пошел по тропке
Ломать мостам железные хребты.

1944

Восточная Пруссия

242

Солдатское солнышко — месяц,
Осенняя черная ночь. . .
Довольно. Подохнешь без песен,
Не нам воду в ступе толочь.

Любовь стала проще и строже,
А ненависть трижды сильней.
За тех, кто до этого дожил,
Как пили отцы наши, — пей!

Нелегок наш путь, не изведен,
Но кто, мне скажите, когда
Сказал, что приходит победа
В терновом венке без труда?

Нам жить — не тужить! Но без песен
Душа ни к чему не лежит.
Солдатское солнышко — месяц
Над нашей землянкой горит.

1945

БОРИС КОТОВ

Борис Александрович Котов родился в 1909 году в селе Пахотный Угол, Тамбовской области. Его отец — народный учитель. Окончив школу второй ступени, Б. Котов работал в селе Сторожевские Хутора секретарем сельсовета и преподавал на курсах по ликвидации неграмотности. В 1931 году переехал в Ново-Горловку и поступил на шахту.

Первые стихи Б. Котова были напечатаны в 1928 году в районной газете. В дальнейшем его стихи публиковались в газетах «Кочегарка», «Социалистический Донбасс», в альманахе «Литературный Донбасс», в коллективных сборниках «Сдаем пробу», «Комбайн», «На-гора».

Будучи очень требовательным к себе, Б. Котов печатался сравнительно немного. В архиве его обнаружена не публиковавшаяся проза. Незадолго до войны поэт подготовил свой первый сборник, которому не суждено было увидеть свет. Все написанное Б. Котовым (стихи, эпиграммы, песни, отрывки из повести «Записки ликвидатора», несколько фронтовых писем) вошло в книгу «Недопетая песня», изданную в Донецке в 1960 году.

Весной 1942 года Борис Котов ушел в армию и стал минометчиком в одной из стрелковых частей. 29 сентября 1943 года он погиб в бою на днепровском плацдарме.

Указом Президиума Верховного Совета СССР сержанту Борису Александровичу Котову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

243. НАСТУПЛЕНИЕ НОЧИ

Когда засыпают грачи, успокоясь,
И воздух от сумерек влажен и чист,
С проверенной скоростью угольный поезд
Выводит донецкий седой машинист.

В раскрытую степь, в голубые просторы
По переплетам упрямых мостов
И мимо зеленых огней семафоров
Протянется уголь донецких пластов.

Трамвай, простучав по мосту с опозданием,
Сквозь парк разноцветной ракетой плывет,
И низко над крышею шахтного здания
Знакомую трассой спешит самолет.

Мы вместе выходим, два брата, два друга,
Мы встретим в забое весеннюю ночь,
Чтоб рухнул веками спрессованный уголь,
Который не в силах людей превозмочь.

Чтоб глухо гудела под натиском лава,
Металась зажата в лавах жара
И добрая наша шахтерская слава,
Пройдя по ходкам, поднялась «на-гора»,

Где ночь беспокойна от гула моторов,
Где лязг вагонеток и песни побед...
И вот по туманным заречным просторам
Идет торопливый весенний рассвет.

1937

Горловка

24. ПОЛДЕНЬ

Прыгай с разбегу быстрее,
Чтоб под ногами, чернея,
Вдруг закипела вода!
Выжми короткие косы.
Ветлы с крутого откоса
Тоже стремятся сюда!
Зной, торопясь, убывает.
Грудью волну разбивая,
Пену вскружи за собой.
Смейся над солнцем, девчонка!
Смейся над сонным галчонком
И над моей худобой!
Ветер могучим напором
Чайку качает, которой
Чудится где-то беда.
Яростно, властно и грубо
В полураскрытые губы
Бьет ледяная вода.
Встань над волной голубою!
Видишь: кипящим прибоем
Выбелен старый откос?
Снова бросайся навстречу,
Чтоб на упрямые плечи
Хлынула пена волос!

1938

Горловка

245. У МОРЯ

Здесь ветер крепче и грубей,
Деревья яростней и выше!
И воркованье голубей
Под низкою зеленой крышей.

А утром, чуть шагнешь на мол,
И море гулкое встречает
Ударом ветра, плеском волн
И криком беспокойных чаек.

К знакомым скалам повернув,
Сядишься на широкий камень,
Голубоватую волну
Встречаешь жаркими руками.

Но в гулкой тишине, дробясь,
Ударит взрыв каменоломни,
И сразу вспомнишь про Донбасс,
Про шахту номер девять вспомнишь.

И подступившей песне рад,
Вдруг запоешь, забыв усталость:
«Товарищ, выходи, пора...»
До смены полчаса осталось...»

1938 ?

246. ДОЖДЬ

Ожидаю два часа
Твой спокойный легкий шаг.
Засыпает знойный сад
Под гудки далеких шахт.
Над цветами колеся,
Шмель взволнованно гудит.
Чудо-яблоки висят
Сверху, сбоку, впереди.
Зреет солнечный ранет,
И желтеющий анис,

Точно в нежный пух одет,
Над антоновкой повис.
Но, ломая тишь в саду,
Песня хлынула на дождь.
Улыбаясь на ходу,
Ты с подругами идешь.
А навстречу (сдунув зной
Взмахом черного крыла)
Туча грозною стеной
Из-за яблонь поднялась.
Развернувшись широко,
В жарких листьях задрожав,
Теплый дождик босиком
По деревьям пробежал.
Ты спешишь: «Я так ждала...»
И смеешься, подходя.
Укрывает нас шалаш
От веселого дождя.
И твоим подругам я
Благодарность приношу:
Ждут под брызгами, смеясь,
Не подходят к шалашу.

1938

Горловка

247. ШУТОЧНАЯ ПЕСНЯ

При такой погоде —
Не сидеть на месте.
Мы с тобой выходим
За калитку вместе.
По дорожкам парка
Бродит полдень яркий.
Песня. Ветер зыбкий
Смех пронесит мимо...
На эстраде скрипки
Вальс поют любимый,
И в широком круге
Ждут тебя подруги.
В сад тыходишь смело,
Шутишь над собою:

«Для тебя надела
Платье голубое. . .»
На груди повыше —
Ветка белых вишен. . .
Смелых птичек стая
Для тебя запела. . .
Пчелка золотая
На плечо присела,
В майках полосатых
Машут нам ребята.
Ты кивнешь им только
Да махнешь с пригорка:
«Кто станцует польку
С знатною шахтеркой?
Что ж, решайся, парень,
Выйдем в первой паре!»
Солнце. Дремлют клены
У аллей знакомых.
Улицей зеленой
Подойдем мы к дому.
К твоему, под белым цветом,
Саду молодому.

1940
Горловка

248. УТРО

Еще в полутьме тихо дождик стучит. . .
Но, словно взрываясь, ложатся лучи
На крыши, на зелень садов.
И утро, в пути зажигая листву,
Уходит на север, на Курск, на Москву,
До мурманских дремлющих льдов.

И где-то за речкой, где зябликов свист,
Где, выключив фары, поет тракторист,
Закрывшись рукой от луча,
Сбегает по склону зеленая рожь.
И ты на прополку с бригадой идешь,
С ватагой ровесниц-девчат.

За гумнами луг от реки голубой
Исхожен, изъезжен и мной и тобой,
Он свеж и до боли знаком. . .
Он в памяти — зеленую солнечных дней,
Порой сенокосной и храпом коней,
Ночным беспокойным костром. . .

В зеленой косынке, веселой, босой,
Ты ходишь по-прежнему майской росой?
С кем вечером выйдешь, по-детски кружась,
Кто ходит тебя до крыльца провожать,
Счастливец какой из ребят?

Наверно, он лучший в селе агроном,
Наверное, запросто входит в твой дом,
Смеется и шутит легко!

. . . Мы выросли вместе, расстались, дружа,
И мне в это утро тревожно и жаль,
Что ты от меня далеко. . .

1940
Горловка

249. У ДОНЦА

Здесь тишине полесья
И полутьме — конец.
Прохладой, солнцем, песней
Встречает нас Донец.

И сосны строем четким
Спускаются с горы.
Как чайки, дремлют лодки,
Толкутся комары.

Дай руку мне, товарищ, —
Скорей к простору вод!
Сейчас веслом ударишь —
Веселость пропадет.

Мы брали с бою уголь,
Несли в забой огни,
Чтоб счастье, словно друга,
Найти и сохранить.

Прошли ходки и штреки,
Как тысячи дорог,
Чтоб голубые реки
Легли у наших ног.

Что нам быть может проще
Для отдыха дано —
Бродить дубовой рощей,
Искать речное дно,

Следить, как веток тени
Таит в себе река,
И наблюдать с волнением
За дрожью поплавка.

Встречая волн удары,
Не отступать в борьбе.
И песнь нести в подарок,
Седой Донец, тебе.

1940
Святогорск

250. СЕНТЯБРЬ

Ветер вскинул пыль повыше,
И немного погода
Вдруг ударили о крышу
Две дробиночки дождя.
И, качая подорожник,
Заставляя травы лечь,
Обложной осенний дождик
Начинает землю сечь.
Это снова ранний вечер
Тенью встанет у окон,
И в туман оденет плечи
Потемневший террикон.

Выйдет позднею порою
Вновь соседка на крыльцо,
От дождя платком закроет
Моложавое лицо.
Дым осядет полновесный,
Листья ринутся во тьму...
И опять подступит песня
Близко к сердцу моему.

1940

Горловка

251. ГАРМОНИСТ

Окованная медью по углам,
Гармонь казалась недоступно строгой.
...А парень брал ее по вечерам,
Ладов стекляшки осторожно трогал.
Он, как ребенок новые слова,
Искал в ладах могучие звучанья
И каждый звук, как тайну, открывал,
Берег, терял и находил случайно.
К холодной планке прижимал ладонь,
Сжимал меха, задумавшись нередко,
Но под его суровую гармонь
Не пели песни девушки-соседки.
А парню так хотелось песнь найти!
Простую песнь, без фальши и тревоги.
Но на каком ее искать пути
И где лежат к ней верные дороги?
Недосыпая, он встречал рассвет,
Весь в поисках неслыханных мелодий,
И слушал птиц, кузнечика в траве,
И песенку в случайном хороводе,
Веселый шум разбуженных квартир,
Запев сирен, прибой ветров горячих...
И словно шире раскрывался мир
При каждой, даже крохотной, удаче.
Гремели звуки, скрытые в ладах,
Сливались и неслись широким валом,
И под гармонь в частушках иногда
Грустил и улыбался запевала.

А он всё строил неустанно песнь,
Широкою и светлую, как счастье.
Весь в поисках, в волненьи жарком весь,
Неугомонный беспокойный мастер.
И песнь росла, звенела, как прибой,
Шла с хороводами в широком круге.
Ее несли и в парки, и в забой,
Встречали, как потерянного друга,
Крылатую, ловили на лету,
При встречах гармонисту жали руки.
А он не верил, что свою мечту
Смог уложить в игру горячих звуков,
Что трудный путь до песни пройден весь,
Начатый незаметною тропинкой,
Пока не услышал родную песнь,
Звучащую с сверкающей пластинки.
Узнав знакомый, молодой напев
И музыку гармонии голосистой,
Он, песенку взволнованно допев,
Признал себя впервые гармонистом!

1940
Горловка

252. У САМОГО МОРЯ

Всё с маху переборет
Волны широкий бег...
Чем так волнует море
И что таит в себе?
Я море брал в ладони,
Держал у самых глаз.
Шальную от погони
Ловил волну не раз.
Но робко и несмело,
Спокойная всегда,
В пригоршнях зеленела
Покорная вода.

...А там, взрывая дали,
Решимости полны,

Ворочались, взлетали
И рушились валы.
На миг не затихая,
На берег шли спеша,
Скрипели, задыхаясь,
На мокрых голышах,
Чтоб вновь с тревожным свистом
Стеной упрямой встать,
Идти на дерзкий приступ
Опять, опять, опять,
Без сна и без покоя
В ночах звенеть сильней.
Упорство мне б такое
Да песенке моей.

1940

253. НА ДАРСАНЕ

Мне говорят: «Дарсан», — и я смотрю
с волненьем
На светлый профиль сказочной горы.
Каких цветов здесь радует горенье?
Какой здесь клад неведомый зарыт?
Ночуют на плечах Дарсана грозы,
Спит тишина, задумчивость храня,
И бродят непричесанные козы
В обветренных, облизанных камнях.
Огни цветов мне просятся в ладони,
Ползет к ногам широкая трава...
И... «Розпрягайте, хлопцы, коней
Та й лягайте спочивать»...
Откуда взяться этой песне в горах?
Ее в Донбассе напевал я сам!
И что за люди, с песенным задором
Штурмующие солнечный Дарсан?
И, не успев в волненьи удивиться,
Я тоже улыбаюсь и пою.
По бронзовым и вдохновенным лицам,
По песне, без конца готовой литься,
Я земляков-шахтеров узнаю.
Так вот в чем тайна строгого Дарсана!

Ее не в зелени берег апрель:
Он мне друзей на горную поляну
Привел сюда, за тридевять земель.
И песнею, как дружбою, согреты,
Мы вниз идем в расплавленный закат.
Воркует море. И ко мне с приветом
Протянута знакомая рука.

1940

254

В полночь холодно, в полдень жарко.
Ветер хочет всю пыль смести.
Остается рабочий Харьков
Вехой, пройденной на пути.

Войны слева и войны справа,
В центре — смертная карусель.
И задумчивая Полтава
Перед нами лежит, как цель.

Плач старухи и крик девчурки
На развалинах изб стоит,
Я завидую нынче Шурке,
Что в Донбассе ведет бои.

28 августа 1943

ВАСИЛИЙ КУБАНЕВ

Василий Михайлович Кубанев родился в 1921 году в Воронежской области. В 1938 году окончил среднюю школу и начал работать в острогожской районной газете «Новая жизнь». В 1940 году поехал учительствовать в село Губаревка. Затем снова вернулся в Острогожск, в редакцию той же газеты. Писать Василий Кубанев начал рано, с 14 лет, печатался в районной газете. Перед войной его произведения появлялись в сборниках местных поэтов и в альманахе «Литературный Воронеж».

У Кубанева уже зрели большие планы, складывались свои собственные взгляды на жизнь, на искусство. Он работал над большой статьей об искусстве, которую рассматривал для себя как «тактическую программу на всю жизнь», вынашивал замысел большого эпического полотна, которое в письмах и дневниках поэта именуется «Целое». «Я готов трудиться всю жизнь не покладая рук, чтобы создать свое Целое», — писал Кубанев в одной из дневниковых записей.

В августе 1941 года В. Кубанев ушел добровольцем на фронт. Через несколько месяцев он вернулся в Острогожск. Из армии Кубанев пришел тяжело больным человеком, и в марте 1942 года его не стало. В войну квартира Кубанева была разрушена, рукописи его погибли.

Друзья собрали многое из литературных проб, стихотворений поэта, обнародовали его письма и дневники. В 1955 году в Воронеже вышел сборник стихов, составленный Б. Стукалиным, — «Перед восходом». В 1958 году издательство «Молодая гвардия» выпустило более расширенный сборник произведений поэта. Эта книга, пополненная новыми находками, была переиздана в 1960 году.

Мой детский разум неразлучен
С тоской, рожденной им самим.
Сомненьем тягостным томим,
Брожу средь жизненных излучин.
От вековых однообразий
Стремлюсь укрыться в мир иной —
Неощутимый, неземной,
В мир вдохновений, в мир фантазий,
Чтоб мир земной извне постигнуть
И, не покорствуя судьбе,
Как вечный памятник себе,
Святую истину воздвигнуть. . .
Тогда встает передо мной
Воздушный, чистый, невесомый
Ваш облик, взгляду незнакомый,
Но сердцу близкий и родной.
И в это жуткое мгновенье
В кровоточащем сердце вдруг
Родится радостный испуг
И угасает вдохновенье.
Как новы, как приятны мне
Земные краски, страсти, звуки!
Мир после длительной разлуки
Душе дороже стал вдвойне.

1936

256. КАТАНЬЕ

На поля, где желтела пшеница,
Вдаль направив волнистый разбег,
Пеленою пушистой ложится
Серебристый, искрящийся снег.

Щеки парней горят от мороза,
Щеки девушек — мака красней.
Разрешил председатель колхоза
На катанье им взять лошадей.

Понеслись, словно лебеди, сани,
Вихрем кружится около снег.
И от речки далекой с катанья
Вдаль задорный разносится смех.

Ветерок треплет конские гривы,
И пылает в жару голова.
Как во сне, улыбаясь счастливо,
Шепчет девушка парню слова.

1936

257. НАПУТСТВИЕ

По этой знакомой дороге,
Мимо мазанок белых,
Нам суждено напоследок
К поезду спешно пройти.
Отсюда, от этих березок,
Началось наше детство,
Отсюда, как от околицы,
Наши идут пути.

Мы «до свидания» скажем,
Вещи снесем в вагоны,
Руки друзьям горячие
Через окно подадим.
Поезд рванется с места,
И замелькают окна,

И закружится поле,
И понесется дым.

Машут с перрона товарищи
Шапками и платками.
Мы сквозь колеса услышим
Их привет живой.
«Пусть большущее счастье
Свешивается над вами
И сверкает, как небо
Звездное, над головой.

Пусть будут частыми-частыми
Ваши дальние письма,
Пусть же течет ваше дело
Ровно, словно река.
Пусть будет много окон
В вашей квартире чистой,
Пусть будет ваша работа
Радостна и легка!»

Поезд летит по откосам,
Птицы летят за поездом,
Мост грохочет, и снова
Поле, и грохота нет.
Кто-то рассказ продолжает,
В окна врывается ветер,
Деревья назад убегают
И машут ветвями вслед.

1939

258. В ДНИ РАЗЛУКИ

Исходи весь город
Поперек и вдоль —
Не умолкнет сердце,
Не утихнет боль.

В чьих-то узких окнах
Стынет звон и свет,

А со мною рядом
Больше друга нет.

Сколько недосказано
Самых нежных слов,
Сколько недосмотрено
Самых нужных снов!

Если б сил хватило,
Можно закричать:
На конверте белом
Черная печать.

И знакомый почерк
Поперек и вдоль.
Чем письмо короче,
Тем длиннее боль.

В дни разлуки дальней
Письменная весть —
Самое большое
Из всего, что есть.

1939

259. О МОЕМ ГЕРОЕ

Как мой герой себе прискучил!
И мне прискучил. Вечно шал,
Немножко зол, немножко ал
В бенгальском блеске фраз трескучих.
Как мой герой меня изводит!
Он — неживой, а я — живой.
Я жду его, зову его.
Когда ж явиться он изволит?
Как мой герой меня пленяет!
Он мой и вместе с тем не мой.
Между прохожими и мной
Он запросто себя вклиняет.
Как мой герой со мною резок!
Я мысли сам поразолью

И на него вину свалю.
Он не обидчив, хоть и дерзок.
Как мой герой со всеми родствен,
Хоть тем, что не похож на всех,
И тем, что огорченный смех
Его сопровождает в росте.
Как мой герой везде влипает,
Во всё влюбляется, всему
Дает советы, и ему
Звенит приветом вещь любая.
Как мой герой меня не любит,
Как будто сердцем он скупой,
Как будто он совсем живой,
И он меня совсем не любит.

1939

260

По полю прямому
В атаку идут войска,
Штыки холодеют,
Колотится кровь у виска.

Из дальнего леса,
Из темного леса — дымок.
Один покачнулся,
К земле прижался и лег.

— Товарищ, прости нас,
Чуток полежи, погоди,
Придут санитары,
Они там идут позади.

— Я знаю. Спасибо.
Ребята, вот эту шинель
Потом отошлите
В деревню на память жене.

А кончится битва —
Солдат не судите чужих.

Прошу, передайте:
Я с ними боролся за них.

1940

261. ТЫ ДОЛЖЕН ПОМОГАТЬ

Ты тоже просился в битву,
Где песни поют пулеметы.
Отец покачал головою:
«А с кем же останется мать?
Теперь на нее ложатся
Все хлопоты и заботы.
Ты будешь ей опорой,
Ты должен ей помогать».
Ты носишь воду в ведрах,
Колешь дрова в сарае,
Сам за покупками ходишь,
Сам готовишь обед,
Сам починяешь радио,
Чтоб громче марши играло,
Чтоб лучше слышать, как бьются
Твой отец и сосед.
Ты им говорил на прощанье:
«Крепче деритесь с врагами!»
Ты прав. Они это знают.
Враги не имеют стыда.
Страны, словно подстилки,
Лежат у них под ногами.
Вытоптаны посевы,
Уведены стада.
Народы в тех странах бессильны,
Как птицы в железной клетке.
Дома развалены бомбами,
Люди под небом сидят.
Дети бегут к казармам
И выпрашивают объедки,
Если объедки останутся
В котелках у чужих солдат.
Всё это видят люди.
Всё это терпят люди.

Зверь пожирает живое,
Жаден, зубаст, жесток.
Но недолго разбойничать
Среди людей он будет:
Наши трубы пропели
Зверю последний срок!
Отец твой дерется с врагами —
Тяжелая это работа.
Все люди встают, защищая
Страну, как родную мать.
У нее большие хлопоты,
Большие дела и заботы.
Ей будет трудно порою —
Ты должен ей помогать.

1941

262. УРОЖАЕМ УГРОЖАЕМ

Чтоб наша жизнь была крепка,
Зерном чувалы пятило,
Покоя не давай рукам,
Работай втрое, впятеро.
Друзья идут на фронт. Они
Стоят за наше дело.
Подруга, друга замени,
Иди к машине смело!
Чтоб у бойцов у наших был
Обед сытнее сытного,
Скорей сдавай в поставку, тыл,
Зерно для хлеба ситного.
Врагу богатство колет глаз,
Колхозный каждый сажень.
Враг губит всё, что есть у нас,
Секретно с неба ссажен.
Чтоб диверсант, в хлебах засева,
Бедою не набаловал,
Следите за полями все,
От старого до малого.
К нам лезут, всё сметая в дым,
Непрошенные гости.

Но мы им сразу говорим:
«Не вырвете ни горсти!»
Для тех, кто к нам затеял лезть
Бандитскими отрядами,
У нас другая пища есть:
Накормим их снарядами.

1941

263. СТАРИКИ

У советского народа —
Богатырская порода.
Человек живет два века
И пройдет огонь с водой,
А душа у человека
Остается молодой.
Как герой, так сразу вот он,
У артели на виду.
И деды дают работу
С молодыми наряду.
Руки, ноги не ослабли:
Хоть сейчас в шеренгу стать,
И опять рванутся сабли
Над противником свистать.
Старых схваток не забыли:
Разметайтесь, вороны!
Так кололи, так рубили —
Только щепки в стороны!
Храбрость — сложная наука.
Мы детей вскормили рать,
Ну а дети храбрость внукам
Постарались передать.
А теперь настало время
Постоять за честь земли,
В бой пошло другое племя,
Как и мы когда-то шли.
Только сразу видно — ныне
Не минувшие лета:
Сами стали мы иные
Да и армия не та.

Не с дубинкой в перебранки
Станет войско наше лезть —
Самолеты, пушки, танки,
Корабли у войска есть.
И пехота, взвив знамена,
В бой идет, за рядом ряд.
Никакие легионы
Перед ней не устоят.
Будет нужно, мы в охоту
Стариной в бою тряхнем.
А покуда на работу
Поприлежней налегнем.
Мы тут тоже не зевали:
Кормим скот и косим хлеб,
Чтоб бойцы нужды не знали,
Чтобы фронт всё время креп.
Будет вдоволь мяса, масла,
Вдоволь сала и муки.
Наша сила не погасла,
И легки в руках крюки.
Молодцы — старики!

1941

264. ВАЛЕ

Ты вздыхаешь в подушку, и тут
Сновиденья садами цветут,
И не счесть и не счесть за окном
Алых роз на лугу голубом.
Вот ракета, рассыпавшись, вниз
Покатилась одна, и горнист
Вдалеке за безмолвным холмом
Ей в ответ прохрипел петухом.
Он других будоражит собой,
Он живых созывает на бой.
Тут и там, тут и там за холмом
Все готовятся к схватке с врагом.
Из-за края земли сквозь туман
Краснобокий ползет барабан.
И солдаты — им всё нипочем —

Бьют в него раскаленным лучом.
Толпы пеших и конных чуть свет,
Тучей пыли скрывая свой след,
Предстоящим кипя торжеством,
За твоим прогрохочут углом.
Провожая печально их в путь,
Ты не сможешь вторично уснуть.
И у двери и ночью и днем
Будешь ждать их в жилище своем.
Ты разыскивать ринешься их,
Неизвестных знакомых своих.
Тем кровавым, корявым путем
Мы с тобой, спотыкаясь, пройдем.
Твою резвую жизнь сторожа
От чужого и злого ножа,
Я хочу в путешествии том
Послужить тебе верным щитом.
Но пока не собрались войска
И секунда борьбы далека,
Словно елка блестят высотой
Стаи звезд над густой темнотой.
Сон твой сладкий, последний храня
У преддверия бурного дня,
Я б хотел на окошке твоём
Зазвенеть на заре соловьем.

1941 ?

МИХАИЛ КУЛЬЧИЦКИЙ

Михаил Валентинович Кульчицкий родился в 1919 году в Харькове. Отец его, профессиональный литератор, погиб в 1942 году в немецком застенке.

Михаил Кульчицкий, окончив десятилетку, некоторое время работал плотником, потом чертежником на Харьковском тракторном заводе. Проучившись год в Харьковском университете, перевелся на второй курс Литературного института им. Горького. Одновременно давал уроки в одной из московских школ.

Писать и печататься Кульчицкий начал рано. Первое стихотворение опубликовал в 1935 году в журнале «Пионер». В Литературном институте сразу обратил на себя внимание масштабностью таланта, поэтической зрелостью, самостоятельностью мышления. Преподаватели и товарищи видели в Кульчицком сложившегося поэта, связывали с ним большие надежды.

С первых дней Великой Отечественной войны Кульчицкий в армии. В декабре 1942 года он окончил пулеметно-минометное училище и в звании младшего лейтенанта отбыл на фронт.

Михаил Кульчицкий погиб под Сталинградом в январе 1943 года.

Стихотворения, созданные Кульчицким в армии, о которых он упоминает в письмах, не сохранились.

В. В.

Друг заветный! Нас не разлучили
Ни года, идущие на ощупь,
И ни расстояния-пучины
Рощ и рек, в которых снятся рощи.
Помнишь доску нашей черной парты —
Вся в рубцах, и надписях, и знаках,
Помнишь, как всегда мы ждали марта,
Как на перемене жадный запах
Мы в окно вдыхали. Крыши грелись,
Снег дымил, с землей смешавшись теплой,
Помнишь — наши мысли запотели
Пальцами чернильными на стеклах.
Помнишь столб железный в шуме улиц,
Вечер... огоньки автомобилей...
Мы мечтали, как нам улыбнулись,
Только никогда мы не любили...
Мы — мечтали. Про глаза-озера.
Неповторные мальчишеские бредни.
Мы последние с тобою фантазеры
До тоски, до берега, до смерти.
Помнишь — парк. Деревья лили тени.
Разговоры за кремнями грецких.
Помнишь — картами спокойными. И деньги
Как смычок играли скрипкой сердца.
Мы студенты. Вот семь лет знакомы
Мы с тобою. Изменилось? Каплю.

Всё равно сидим опять мы дома,
Город за окном огнится рябью.
Мы сидим. Для нас хладеет камень.
Вот оно, суровое наследство.
И тогда, почти что стариками,
Вспомним мы опять про наше детство.

Февраль 1939

266. КРЕСТЫ

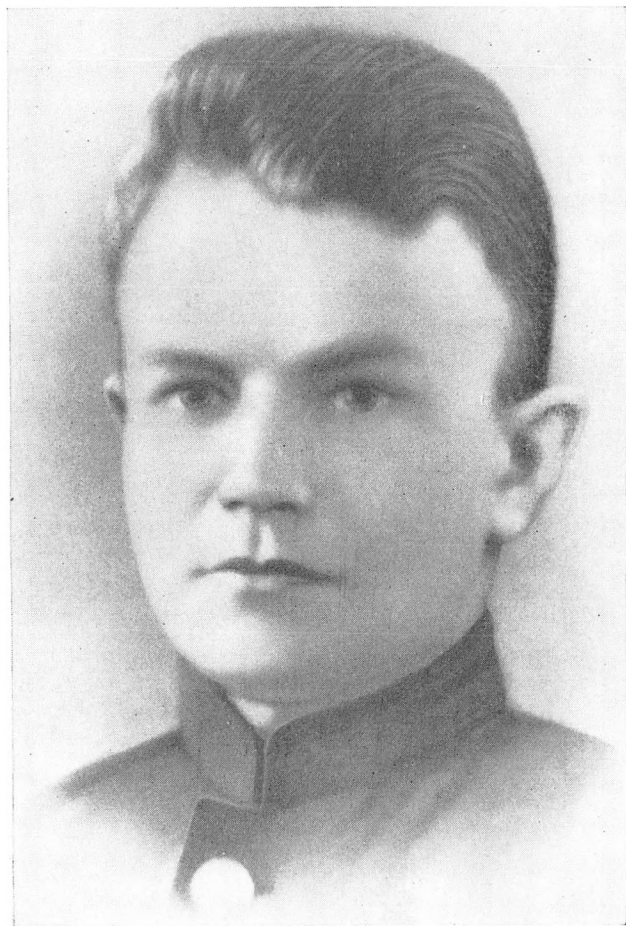
М. Шолохову

На Кубани долго не стареют,
Грустно умирать и в сорок лет.
Много раз описанный, сереет
Медленный решетчатый рассвет.
Казачьи безвестного отряда
(Рожь двадцатый раз у их могил)
Песню спели, покурили рядом,
Кое-кто себя перекрестил.
Самый молодой лежал. И ясно
Так казалось, что в пивной подвал
Наркомпрод царицынский, вглядыся,
Зубы стиснув, руку подавал.
То не стон зубов — еще нет срока.
То не ключ охранника в замке.
То не сумасшедшая сорока
На таком же взбалмошном дубке.
Да и то не сердца стук. То время
Близит срок шагами часовых.
Легче умирать, наверно, в темень.
И наверное, под плач совы.

.....
Чистый двор, метенный спозаранок,
И песок, посыпанный в зигзаг.
Рукавом отерши с глаз туманок,
Выстроиться приказал казак.
И построились две шеренги отдаль,
Соревнуясь выправкой своей.
Каждый пил реки Кубани воду,

Борис Лапин

Алексей Лебедев

Все — кубанских золотых кровей.
Есаул тверезый долго думал.
Три креста светились на груди.
Все молчали. Он сказал угрюмо:
«Кто с крестом на сердце — выходи».
Пленные расхристывали ворот:
«Нет, нас не разделит жизнь и смерть!
Пусть возьмет их ворон или ворог!» —
И бросали золото и медь.
И топтали крест босые ноги.
Всех ворон гром снял со всех дубков.
И плыли глазницы над дорогой
Без креста впервые казаков.

1939

267. КРАСНЫЙ СТЯГ

Когда я пришел, призываясь, в казарму,
Товарищ на белой стене показал
Красное знамя — от командарма,
Которое бросилось бронзой в глаза.

Простреленный стяг из багрового шелка
Нам веет степными ветрами в лицо...
Мы им покрывали в тоске, замолкнув,
Упавших на острые камни бойцов...

Бывало, быть может, с древка он снимался,
И прятал боец у себя на груди
Горячий штандарт... Но опять он взвивался
Над шедшею цепью в штыки,
вперед!

И он, как костер, согревает рабочих,
Как было в повторности спасских атак...
О, дни штурмовые, студеные ночи,
Когда замерзает дыханье у рта!

И он зашумит!.. Зашумит — разовьется
Над самым последним из наших боев!
Он заревом над землей разольется,
Он — жизнь, и родная земля, и любовь!

1939

268

Самое страшное в мире —
Это быть успокоенным.
Славлю Котовского разум,
Который за час перед казнью
Тело свое граненое
Японской гимнастикой мучил.

Самое страшное в мире —
Это быть успокоенным.
Славлю мальчишек смелых,
Которые в чужом городе
Пишут поэмы под утро,
Запивая водой ломозубой,
Закусывая синим дымом.

Самое страшное в мире —
Это быть успокоенным.
Славлю солдат революции,
Мечтающих над строфою,
Распиливающих деревья,
Падающих на пулемет!

Октябрь 1939

269. БЕССМЕРТИЕ

(Из незавершенной поэмы)

Далекий друг! Года и версты,
И стены книг библиотек
Нас разделяют. Шашкой Щорса
Врубиться в твой далекий век

354

Хочу. Чтоб, раскроивши череп
Врагу последнему и через
Него перешагнув, рубя,
Стать первым другом для тебя.

На двадцать лет я младше века,
Но он увидит смерть мою,
Захода горестные веки
Смежив. И я о нем пою.
И для тебя. Свищу пред боем,
Ракет сигнальных видя свет,
Военный в пиджаке поэт,
Что мучим мог быть — лишь покоем.

Я мало спал, товарищ милый!
Читал, бродяжил, голодал. . .
Пусть: отоспишься ты в могиле —
Багрицкий весело сказал. . .
Одно мне страшно в этом мире:
Что, в плащ окутавшись мглой,
Я буду — только командиром,
Не путеводною звездой.

Военный год стучится в двери
Моей страны. Он входит в дверь.
Какие беды и потери
Несет в зубах косматый зверь?
Какие люди возметнутся
Из поражений и побед?
Второй любовью Революции
Какой подымется поэт?

А туча виснет. Слава ей
Не будет синим ртом пропета.
Бывает даже у коней
В бою предчувствие победы. . .
Приходит бой с началом жатвы.
И гаснут молнии в цветах.
Но молнии — пружиной сжаты
В затворах, в тучах и в сердцах.

Наперевес с железом сизым
И я на проволоку пойду,

И коммунизм опять так близок,
Как в девятнадцатом году.

...И пусть над степью, роясь в тряпках,
Сухой бессмертник зацветет
И соловей, нахохлясь зябко,
Вплетаясь в ветер, запоеет.

8-9 ноября 1939

270. МАЯКОВСКИЙ

(Последняя ночь государства Российского)

Как смертникам жить им до утренних звезд,
И тонет подвал, словно клипер.
Из мраморных столиков сдвинут помост,
И всех угощает гибель.
Вертинский ломался, как арлекин,
В ноздри вобрав кокаина,
Офицеры, припудрясь, брали Б-Е-Р-Л-И-Н,
Подбирая по буквам вина.
Первое — пили борщи Бордо,
Багрового, как революция,
В бокалах бокастей, чем женщин бедро,
Виноградки щипая с блюда.
Потом шли: эль, и ром, и ликер —
Под маузером всё есть в буфете.
Записывал переплативший сеньор
Цифры полков на манжете.
Офицеры знали — что продают.
Россию. И нет России.
Полки. И в полках на штыках разорвут.
Честь. (Вы не смейтесь, Мессия.)
Пустые до самого дна глаза
Знали, что ночи — остаток.
И каждую рюмку — об шпоры, как залп
В осколки имперских статуй.
Вошел

человек

огромный,
как Петр,

Петроградскую

ночь

стряхнувши,

Пелена дождя ворвалась с ним.

Пот

Отрезвил капитанские туши.

Вертинский кричал, как лунатик во сне:

«Мой дом — это звезды и ветер. . .

О черный, проклятый России снег —

Я самый последний на свете. . .»

Маяковский шагнул. Он мог быть убит.

Но так, как берут бронепоезд,

Воздвигнулся он на мраморе плит

Как памятник и как повесть.

Он так этой банде рявкнул: «Молчать!» —

Что слышно стало:

пуст

город.

И вдруг, словно эхо, в дале-е-еких ночах

Его поддержала «Аврора».

12 декабря 1939

271. БУДНИ

Мы стоим с тобою у окна,

Смотрим мы на город предрассветный.

Улица в снегу, как сон, мутна,

Но в снегу мы видим взгляд ответный.

Этот взгляд немеркнущих огней

Города, лежащего под нами,

Он живет и ночью, как ручей,

Что течет, невидимый, под льдами.

Думаю о дне, что к нам плывет

От востока, по маршруту станций.

Принесет на крыльях самолет

Новый день, как снег на крыльев глянце.

Наши будни не возьмет пыльца.

Наши будни — это только дневка,

Чтоб в бою похолодеть сердцам,
Чтоб в бою нагрелися винтовки.

Чтоб десант повис орлом степей,
Чтоб героем стал товарищ каждый,
Чтобы мир стал больше и синей,
Чтоб была на песни больше жажда.

1939 ?

272. ХЛЕБНИКОВ В 1921 ГОДУ

В глубине Украины,
На заброшенной станции,
Потерявшей название от немецкого снаряда,
Возле умершей матери — черной и длинной —
Окоченевала девочка
У колючей ограды.

В привокзальном сквере лежали трупы;
Она ела веточки и цветы,
И в глазах ее, тоненьких и глупых,
Возник бродяга из темноты.

В золу от костра,
Розовую, даже голубую,
Где сдваивались красные червячки,
Из серой тюремной наволочки
Он вытряхнул бумаг охапку тугую.

А когда девочка прижалась
К овалу
Теплого света
И начала спать,
Человек ушел — привычно устало,
А огонь стихи начинал листать.

Но он, просвистанный, словно пулями роща,
Белыми посаженный в сумасшедший дом,
Сжигал
Свои

273. ДОЖДЬ

Дождь. И вертикальными столбами
Дно земли таранила вода.
И казалось, сдвинутся над нами
Синие колонны навсегда.

Мы на дне глухого океана.
Даже если б не было дождя,
Проплывают птицы сквозь туманы,
Плавниками черными вода.

И земля лежит как Атлантида,
Скрытая морской травой лесов,
И внутри кургана скифский идол
Может испугать чутливых псов.

И мое дыханье белой чашей,
Пузырьками взвилось туда,
Где висит и видит землю нашу
Не открытая еще звезда.

Чтобы вынырнуть к поверхности, где мчится
К нам, на дно, забрасывая свет,
Заставляя сердце в ритм с ней биться,
Древняя флотилия планет.

1940

274. ДУЭЛЬ

Вороны каркали, и гаркали грачи,
Березы над весною, как врачи
В халатах узких. Пульс ручьев стучит.
Как у щенка чумного.
Закричи,
Февраль! И перекрестные лучи
Пронзят тебя. И мукам той ночи —
Над каждой строчкой бейся, — но учись.

.....
Каждая строчка — это дуэль, —
Площадка отмерена точно.

И строчка на строчку — шинель на шинель,
И скресты двух шпаг — рифмы строчек.
И если верх — такая мысль,
За которую сжегся Коперник,
Ты не сможешь забыть, пусть в бреду приснишь,
Пусть пиши без бумаги и перьев.

Май 1940 ?

275. ДОСЛОВНАЯ РОДОСЛОВНАЯ

Как в строгой анкете —
Скажу не таясь —
Начинается самое
Такое:
Мое родословное древо другое —
Я темнейший грузинский
Князь.
Как в Коране —
Книге дворянских деревьев —
Предначертаны
Чешуйчатые имена,
И
Ветхие ветви
И ветки древние
Упирались терниями
В меня.
Я немного скрывал это
Все года,
Что я актрисою-бабушкой — немец.
Но я не тогда,
А теперь и всегда
Считаю себя лишь по внуку:
Шарземец.
Исчерпать
Инвентарь грехов великих,
Как открытку перед атакой,
Спешу.
Давайте же
раскурим
эту книгу —
Я лучше новую напишу!

Потому что я верю,
и я без вериг:
Я отшиб по звену
и Ницше,
и фронду,
И пять
Материков моих
сжимаются
Кулаком Ротфронта.
И теперь я по праву люблю Россию.

276. БЕЛОШИЦЫ

(Песня о Щорсе)

Дуют ветры дождевые
Над речной осокой.
Щорса цепи боевые
Держат фронт широкий.
Над хатами тучи дыма
Смертельной отравы,
Меж бойцами молодыми
Побурели травы.
За спиною батальона
Белошицка хаты,
Где в заре огнистой тонут
Тополы крылаты.
Крайний тополь в зорях ярых
По грудь утопает. . .
Из-за дыма, из-за яра
Банда наступает.
Загустело небо хмурью,
Ветер всполошился. . .
Пулеметчики Петлюры
Строчат Белошицы.
За кустом, где листьев ворох,
Щорс приникнул к «цейсу»,
Больно руки жгут затворы
У красноармейцев.
Шевеля со злобой просо,
Пули ближе рылись. . .

Пулеметчик вражий косит,
Из окопа вылез.
Туч лохматая папаха,
Где лесок простерся...
Кровью вышита рубаха
Командира Щорса.
Дыма горькая отрава,
Ветер опаленный...
Щорс лежит на красных травах,
Будто на знаменах.
Поднята порывом мести
Штурмовая лава!
Имя Щорса звало песней
И в глазах пылало.
И пошли бойцы за песней,
Щорсовы герои,
Шли, смыкаясь строем тесным
В пулеметном вое,
По росистому болоту,
Сквозь огонь проклятый...
Захлебнулись пулеметы —
Петлюровцы смяты!
Поскакали сквозь туманы
До Польши бандиты...
На задымленной поляне
Щорс лежит убитый.
Грустный тополь наклонился
Со знаменем вместе,
Под которым Щорс рубился
За Родину-песню.
...Это имя в бой водило,
Этот зов не стерся —
Смелый голос командира
Николая Щорса!

277. ТВОРЧЕСТВО

Я видел, как рисуется пейзаж:
Сначала легкими, как дым, штрихами
Набрасывал и черкал карандаш

Траву лесов, горы огромный камень.
Потом в сквозные контуры штрихов
Мозаикой ложились пятна краски,
Так на клочках мальчишеских стихов
Бесилась завязь — не было завязки.
И вдруг картина вспыхнула до черта —
Она теперь гудела как набат.
А я страдал — о, как бы не испортил,
А я хотел — еще, еще набавь!
Я закурил и ждал конца. И вот
Всё сделалось и скучно и привычно.
Картины не было — простой восход
Мой будний мир вдруг сделал необычным.

Картина подсыхала за окном.

278. НОВЕЛЛА

От рожденья он не видел солнца.
Он до смерти не увидит звезд.
Он идет. И статуй гибких бронза
Смотрит зачарованно под мост.
Трость стучит слегка. Лицо недвижно.
Так проходит он меж двух сторон.
У лотка он покупает вишни
И под аркой входит на перрон.
Поезда приходят и уходят,
Мчит решетка тени по лицу.
В город дикая идет погода
Тою же походкой, что в лесу.
Как пред смертью — душным-душно стало.
И темно, хоть выколи глаза.
И над гулким куполом вокзала
Начался невидимый зигзаг.
Он узнал по грохоту. И сразу,
Вместе с громом и дождем, влетел
В предыдущую глухую фразу —
Поезд, на полметра от локтей.
А слепой остался на перроне.

И по скулам дождь прозрачный тек.
И размок в его больших ладонях
Из газеты сделанный кулек.
[Поезд шел, скользящий весь и гладкий,
В стелющемся понизу дыму.]
С неостановившейся площадки
Выскочила девушка к нему.
И ее лицо ласкали пальцы
Хоботками бабочек. И слов —
Не было. И поцелуй — прервался
Глупым многоточием гудков.
Чемодан распотрошив под ливнем,
Вишни в чайник всыпали. Потом
Об руку пошли, чтоб жить счастливо,
Чайник с вишнями внести в свой дом.

.....
И, прикуривая самокрутку,
У меня седой носильщик вдруг
Так спросил (мне сразу стало грустно):
«Кто еще встречает так сестру?»
Только б он соврал, старик носильщик.

279

Высокохудожественной
Строчкой не хромаете,
Вы отображаете
Удачно дач лесок.
А я — романтик.
Мой стих не зеркало —
Но телескоп.
К кругосветному небу
Нас мучит любовь:
Боев
За коммуны
Мы смолоду ищем.
За границей
В каждой нише
По нищему;

Там небо в крестах самолетов —
Кладбищем,
И земля вся в крестах
Пограничных столбов.
Я романтик —
Не рома,
Не мантий,
Не так.
Я романтик разнаипоследних атак!
Ведь недаром на карте,
Командармом оставленной,
На еще разноцветной карте
за Таллином,
Пресс-папье покачивается, как танк.

280. САМОЕ ТАКОЕ

(Поэма о России)

Русы! Ты вся — поцелуй на морозе.
Хлебников

1. С ИСТОКА ВОСТОКА

Я очень сильно
люблю Россию,
но если любовь
разделить
на строчки —
получатся — фразы,
получится
сразу:
про землю ржаную,
про небо про синее,
как платье.
И глубже,
чем вздох между точек...
Как платье.
Как будто бы девушка это:
с длинными глазами речек в осень,

и Расея мужичилася по нем,
почти что Едзиною Недзелимой,
от разве с Красной Звездой,
а не с белым конем.¹

Он, вестимо, допрежь лгал
про дичь Россиеву,
что, знамо, под знамя
врастут кулаки.
Окромя — мужики

опосля тоски.

И над кажною стрехой

(по Павлу Васильеву)

разныя рязанския б пяташки.

Потому что я русский наскрозь —

не смирюсь

со срамом

наляпанного а-ля-рюс.

8. НЕИСТОВАЯ ИСПОВЕДЬ

В мир, раскрытый настежь
Бешенству ветров.

Багрицкий

Я тоже любил
петушков над известкой.

Я тоже платил

некурящим подростком

совсем катерининские пятаки²

за строчки

бороздками

на березках,

за есенинские

голубые стихи.

Я думал — пусть

и грусть,

и Русь,

¹ «На белом коне под малиновый звон» — фраза Деникина.

² Медные монеты 1924 г.

в полтора березах не заблужусь.
И только потом
я узнал,
 что солонки,
с навязчивой вязью азиатской тоски,
размалева русацкова
в клюкву
аль в солнце, —
интуристы скупают,
 но не мужики.
И только потом я узнал,
 что в звездах
куда мохнатее
Южный Крест,
а петух-жар-птица-павлин прохвостый —
из Америки,
с картошкой русской вместе.
И мне захотелось
такого
простора,
чтоб парусом
 взвились
 заштопанные шторы,
чтоб флотилией мчался
с землею город
в иностранные страны,
 в заморское
 море!

Но я продолжал любить Россию.

4. я продолжал Россию

Не тот этот город и полночь — не та.

Пастернак

А люди
с таинственной выправкой
 скрытой
тыкали в парту меня,
как в корыто.
А люди с художественной вышивкой
 Россию

(инстинктивно зшиток¹ подъяв, как меч) —
отвергали над партой.

Чтобы нас перевлечь —
в украинские школы —
ботинки возили,

на русский вопрос —
«не розумию»,²

на собраниях прерывали
русскую речь.

Но я всё равно любил Россию.

(Туда...
улетали...

утки...

Им проще.

За рощами,
занесена,

она где-то за сутки,
за глаз,
за ночью,

за нас она!)

И нас ни чарки
не заморочили,

ни поштовые марки
с «шаг»ающими³ гайдамаками,

ни вирши —
что жовтый воск
со свечи заплаканной

упадет
на Je⁴

блакитные очи.

Тогда еще спорили —
Русь или

Запад.
в харьковском
кремле.

А я не играл роли в дебатах,

¹ Тетрадь (укр.). — *Ред.*

² Не понимаю (укр.). — *Ред.*

³ Шаг — денежная единица Центральной Рады, равнялась 1/2 коп.

⁴ Желто-блакитный флаг украинских националистов от Скоропадского до Петлюры.

а играл
 в орлянку
на спорной земле.
А если б меня
и тогда спросили,
я продолжал — всё равно Россию.

5. ПОКОЛЕНИЕ ЛЕНИНА

Где никогда не может быть ничья.
Турочкин

...И встанут
 над обломками Европы
прямые,
 как доклад,
конструкции,
 прозрачные, как строфы
из неба,
 стали,
 мысли и стекла.
Как моего поколения мальчики
фантастикой Ленина
заманись —
работа в степени романтики —
вот что такое
коммунизм!
И оранжевые пятаки
 отсверкали,
как пятки мальчишек,
 оттуда
в теперь.
И — как в кино —
проявились медали
на их шинелях.
И червь,
финский червь сосет
у первых трупы,
плодя — уже для шюцкоров —
червят.
Ведь войну теперь начинают
 не трубы —
сирена.
И только потом — дипломат.

Уже опять к границам сизым
 составы
 тайные
 идут,
 и коммунизм опять
 так близок —
 как в девятнадцатом году.
 Тогда
 матросские продотряды
 судили корнетов
 револьверным салютцем.
 Самогонщикам —
 десять лет.
 А поменьше гадов
 запирали
 «до мировой революции».
 Помнишь — с детства —
 рисунок:
 чугунные пути
 Человек сшибает
 с земшара
 грудью! —
 Только советская нация
 будет
 и только советской расы люди...
 Если на фуражках нету
 звезд,
 повяжи на тулью —
 марлю...
 красную...
 Подымай винтовку,
 кровью смазанную,
 подымайся
 в человечесий рост!
 Кто понять не сможет,
 будь глухой —
 на советском языке
 команду в бой!
 Уже опять к границам сизым
 составы тайные идут,
 и коммунизм опять так близок,
 как в девятнадцатом году.

сухие глаза,
хоть, может, в тумане,
хоть, может,
согнется

плечо над огнем.

Но это нельзя.

А можно —

долго

мечтать

про коммуноу.

А надо думать —

только о ней.

И необходимо

падать

юным

и — смерти подобно —

медлить коней!

Но не только огню

сожженных тетрадок

освещать меня

и дорогу мою:

пулеметный огонь

песню пробовать будет,

конь в намете

над бездной Европу разбудит —

и хоть я на упадничество

не падох,

пусть не песня,

а я упаду

в бою.

Но если я

прекращусь в бою,

не другую песню

другие споют.

И за то,

чтоб, как в русские,

в небеса

французская девушка

смотрела б спокойно —

согласился б ни строчки

в жисть

не писать. . .

.....
А потом взял бы
и написал —
тако-о-ое...

1941

281

Я вижу красивых вихрастых парней,
Что чехвостят казенных писак.
Наверно, кормильцы окопных вшей
Интендантов честили так.

И стихи, что могли б прокламацией стать
И свистеть, как свинец из винта,
Превратятся в пропыленный инвентарь
Орден, что сукну не под стать.

Золотая русская сторона!
Коль снарядов окончится лязг,
Мы вобьем в эти жерла свои ордена,
Если в штабах теперь не до нас.

1941

282

Мечтатель, фантазер, лентяй-завистник!
Что? Пули в каску безопасней капель?
И всадники проносятся со свистом
Вертящихся пропеллерами сабель.

Я раньше думал: лейтенант
Звучит «налейте нам»,
И, зная топографию,
Он топает по гравию.

Война ж совсем не фейерверк,
А просто — трудная работа,

377

БОРИС ЛАПИН

Борис Матвеевич Лапин родился 9 июня 1905 года в Москве. Подростком вместе с отцом, военным врачом, попал на гражданскую войну.

Шестнадцати лет Борис Лапин начал писать стихи; в 1922 году вышел его сборник «Молниянин», в 1923 — «1922-я книга стихов».

Закончив в 1924 году Брюсовский институт, Лапин выбрал жизнь путешественника и очеркиста. Работал переписчиком Статистического управления на Памире, служил в пушной фактории на Чукотке, участвовал в археологических и геоботанических экспедициях, колесил по Средней Азии, в качестве штурмана-практиканта побывал в портах Турции, Греции и других стран, ездил в Японию, дважды побывал в Монголии. Самостоятельно изучил несколько языков.

Путешествия дали материал не только для многочисленных газетных очерков, подписываемых «Пограничник», но и для таких книг, как «Повесть о стране Памир», «Тихоокеанский дневник», «Набег на Гарм», «Подвиг» и др. С начала 30-х годов Б. Лапин обычно писал в содружестве с З. Хацревиным («Сталинабадский архив», «Дальневосточные рассказы», «Путешествие», «Рассказы и портреты»). Произведения талантливых писателей пользовались большой популярностью. Б. Лапин не выпускал больше стихотворных сборников, но в книгах, написанных совместно с З. Хацревиным, иногда встречались стихотворные вставки и отрывки.

В 1939 году Б. Лапин, став сотрудником армейской газеты, участвовал в боях на Халхин-Голе.

В июле 1941 года Б. Лапин и З. Хацревин уехали на фронт в качестве корреспондентов «Красной звезды». В сентябре 1941 года они оба погибли под Киевом.

283. НЕДАЛЕКО ОТ ОРЕНБУРГА

Мы ехали в скотском вагоне
В далекий и сытный Ташкент,
И наши тифозные руки
Сжимали холодный брезент.

У края последнего леса
Разобраны были пути.
На склон выходили казаки,
Чтоб нас, безоружных, вести.

Когда нас вели на закате
Казаки в багровый овраг,
Мы пели, что смертью заплатит
Наш Деспот, Мучитель и Враг.

Когда нас потом хоронили
В холодной осклизкой земле,
Ни бабы по нас не вопили,
Ни девки в соседнем селе.

Погасшие тучи дымили
Над белой казачьей землей
В тот час, когда нас хоронили
На свалке, на темной, лесной.

Товарищей теплились знаки
На дальней багровой горе.
На степь выезжали казаки,
Убившие нас на заре.

1923

284. ОТЪЕЗД

Из белой ограды, задолго до дня,
Я вывел гнедого коня.
Железный засов на стене загремел,
Полкан завопил на меня.

И я оглянулся на каменный дом
С тоскливым холодным стыдом.
Так вот — это всё, чем я в жизни владел
И вывез теперь на гнедом.

Высокое дуло винтовки блестит.
Сшибаются тени копыт.
Луна рассыпает свой призрачный мел
На темные ветви раки.

Вокруг — зацветающий шорох земли
И бульканье кочек вдали.
Ты помнишь ли — песни когда-то я пел
О тех, что навеки ушли.

И мысль, что уж мне не вернуться назад,
Томит мой рассудок седой,
Как давний — привычный и вяжущий — яд,
Разбавленный теплой водой.

1924

285. СТЕПЬ

Я в последний раз поглядел на степь.
Как туманна степь, широка!
Травяных лугов голубая цепь,
Под холмами лес и река!

Эта жизнь, как степь — твоя и моя —
Как свободна жизнь, широка!
Как печальна степь — на ее края
В черной мгле бегут облака.

1924

286. СЕВЕРНЫЙ ЛАНДШАФТ

Пускай лопарь уйдет от нас
За выгон трех великих рек,
Но будет час, но будет час —
И мы придем сюда навек!

Среди болотистых кустов
Синеют гуси горных жил,
Сюда полдневный рыболов
Свои тропинки проложил.

Здесь перекресток всех дорог!
И не страшен ни гром, ни чох...
Стремясь беспечно, как поток,
В худой гранит и в красный мох...

И судорожно хрустнет день,
Под ветром — северная ночь,
И робкий, как туман, олень
По насту понесется прочь.

Склонился тундровый компас,
Лопарь уходит с зимних рек,
Но близок час, но близок час —
И мы придем сюда навек!

1924

287. РАЗГОВОР С ПОТОКОМ

Он вечно пляшет на краю
Зеленого обрыва.
И у ручья, где я стою,
Воды взлетает грива,
И галька мечется по дну,
Шуршит, перебегая...
В последний раз на них взгляну
И выйду на луга я...

И я своим рукомеслом
Займусь, неосторожный, —
Следить, как за твоим веслом
Взлетает шум безбожный.

1924

288. ПОЛЕ БОЯ

Мертвые зарыты;
Вспахана земля;
Травами покрыты
Жирные поля;
Кое-где лопатой
Вскопаны луга
Да торчит измятый
Кончик сапога.

1925

289. ПРЕДИСЛОВИЕ К БИОГРАФИИ

Было мне шестнадцать лет.
Поглядите на меня —
Я приехал в Самарканд
В розовом начале дня,
Я пришел в редакцию
«Азиатского огня»,
И редактор В. Степанов
Взял наборщиком меня.

Было это в ноябре,
В месяц пыли и ветров.
В небе плыли облака —
Яркой пышностью ковров.
Важно плыли облака.
Мой характер был суров.
Я готов был вечно жить.
Я был счастлив и здоров.

1925

Всё скучной вечностью грозит,
Здесь скукой воздух заражен.
Пойдешь назад — нога скользит.
Вперед? — не лезть же на рожон.

Так успокой же естество.
Перед тобой стакан и сыр!

Нет, хуже нету ничего,
Чем жить с тобою, старый мир!

1925

Прощай! Я уйду из дома
В лесную глушь родной земли.
Я снова вышел в свист заката,
В туман и в грусть сырых полей.
О, как мне страшно, как мне странно
Босой ногой ступать в пыли,
В осколках солнца, без дороги,
Среди неведомых людей.

Здесь, дома, я оставил скромный,
Уютный мир домашних книг,
Себя, диван, любовь, и деньги,
И сослуживцев, и друзей —
Всё то, чем я был жив и честен,
Чем я был весел и велик,
Упряма, уверен, неподкупен,
Заносчив, ясен и силен.
Меня твое хранило войско,
Семейный мир, веселый сон,
Гардины осеняли счастье,
Как пустота сырых знамен...

1925

Всеволод Лобода

Николай Майоров

Прекрасней Владивостока
Не видел я городов!
Мартын, взлетевший высоко
Над пеной белых валов,
Шальной бубнеж водостока
И красный блеск вымпелов,
Стена плавучего дока,
Кирпичный Дом моряков
(Когда смолкают удары
Винта в тяжелых волнах,
Туда идут кочегары
В потертых дождевиках),
Построечные заборы,
Взбежавшие на холмы.
И гавани коридоры,
Где жили некогда мы,
Подводы с бочками рыбы,
Туман портовой зари,
Мешков зеленые глыбы,
Картонные фонари,
Платформы, верфи, ворота
Таможенного поста,
Инспекторы Совторгфлота
У маленького моста,
Уроки в штурманской школе,
Баркас, ползущий за мол,
И дети, в ветреном поле
Играющие в футбол, —
Всё то, что мы здесь увидим
Лежащим у наших ног,
Всё это и есть великий
Советский Владивосток.

Сегодня в дальние воды
Направят твердый штурвал
Двухтрубные пароходы
«Дзержинский» и «Камчадал».
Они пройдут океаном
(Вокруг — морская трава),
Останутся за туманом

Курильские острова.
Волны разрезая складки,
Идут они ночи и дни,
Пока не зажгутся Камчатки
Мигающие огни.

1928

293. ЖУРНАЛИСТСКАЯ ЗАДУШЕВНАЯ

(На мотив «Раскинулось море широко...»)

Погиб журналист в многодневном бою
От Буга в пути к Приднепровью,
Послал перед смертью в газету свою
Статью, обогренную кровью.

Редактор суровый статью прочитал
И вызвал сотрудницу Зину,
Подумал, за ухом пером почесал
И вымолвил мрачно: «В корзину».

Наутро уборщицы вымыли пол,
Чернильные пятна замыли,
А очерк его на растопку пошел,
И все журналиста забыли.

И только лишь старый седой метранпаж
Печально и тихо заметил:
«Я помню, остер был его карандаш,
И честно он смерть свою встретил».

А жизнь по дорогам проторенным шла,
Как будто ни в чем не бывало,
И новый товарищ поехал туда,
Где вьюга войны бушевала...

1941

АЛЕКСЕЙ ЛЕБЕДЕВ

Алексей Алексеевич Лебедев родился в 1912 году в Суздале, в семье заводского служащего. Мать — учительница.

В 1927 году Лебедевы переехали в Иваново. После окончания средней школы Алексей одно время работал подручным слесаря-водопроводчика. Мечта о море заставила его поехать на Север, поступить матросом. После трехлетнего плавания на судах Севрыбтреста и торгового флота А. Лебедев вернулся в Иваново, работал и одновременно учился в вечернем строительном техникуме. В 1933 году ушел служить на флот. Был радистом, подводником.

С 1936 по 1940 год А. Лебедев учился в Высшем военно-морском Краснознаменном училище им. Фрунзе (Ленинград).

В 1939 году вышел сборник стихотворений А. Лебедева «Кронштадт», в 1940 году — «Лирика моря». Последние годы жизни он печатался в газете «Красный Балтийский флот» и в газете балтийских подводников «Дозор».

Накануне войны А. Лебедев закончил училище и был назначен штурманом подводной лодки.

В ноябре 1941 года подводная лодка, на которой служил лейтенант Алексей Лебедев, при выполнении боевого задания в Финском заливе наскочила на мину. Поэт погиб вместе со своим кораблем.

294. МЫ ИЗ КРОНШТАДТА

Так вот эта хмурая осень,
Уже отдающая верпы
В Кронштадта гранитную гавань,
Где грозно спят корабли.
Отмечены склянками восемь,
Скуп хлеб, разделенный шкертом.
Эскадрам чужим не плавать
У берега нашей земли!

Ну да, мы мальчишками были,
Когда подходил Юденич,
Британских эсминцев пушки
Грозили тебе, Кронштадт;
Но наши отцы служили,
Вели корабли на сближенье,
И запах штормов ревущих
Отцовский впитал бушлат.

Товарищ, ты видишь эту
Сухую полынь и скалы,
Гремящую воду ниже
И связанных моряков,
Ты слышишь взнесенную ветром
Последнюю речь комиссара
И раздающийся ближе
Отчетливый лязг штыков.

Республика! Мы окрепли,
Пришли на твои границы

Счастливые, гордые честью
Быть посланными во флот.
Пускай нас штормами треплет,
Но в море идут эсминцы,
И вахты стоят на месте,
Когда засвистят в поход.

<1939>

295. УСЛОВИЯ ПОБЕДЫ

Что же нужно для побед на море?
Это — чтоб со стапелей земли,
Пеною пушистой борт узоря,
Выходили в море корабли.
И во славу берегов покоя
Нам нужна солидная броня,
Точное оружие морское,
Мощь артиллерийского огня.
Нужно знать нам кораблевожденье
Так, чтобы уметь пройти везде,
Знать науку мудрую сражений
На соленой вспененной воде.
Это есть! Дает страна родная,
Верфи действуют на полный ход,
Крепнет сила твердая морская,
Словно лес, растет советский флот.
И еще дает страна родная
Качество ценнейшее в боях
Всем сынам, которым поручает
Вахту в океанах и морях, —
Это — смелость в час суровой жизни,
Это — волю, что всего сильнее,
Это — сердце, верное отчизне
И не изменяющее ей.

<1939>

Из дедовских вотчин, из всех захолуствий,
Куда не доходят морские ветра,
Барчат загребли и теперь не отпустят
Железная воля и руки Петра.

Сюда в Петербург, в мореходную школу,
И дальше на Лондон или Амстердам,
Где пестрые флаги трепещут над молом,
Где в гаванях тесно груженым судам.

И тот, кто воздвиг укрепленья Кронштадта,
Чьи руки в мозолях, что тверже камней,
Он делал водителей русского флота
Из барски ленивых и косных парней.

Читали указы в примолкнувших ротах:
«Чтоб тем, кто учебе бездельем претит,
Вгоняли науку лозой чрез ворота,
Которыми лодырь на парте сидит».

И многих терзала телесно обида,
И многие были, наверное, злы,
Зубря наизусть теоремы Эвклида,
С трудом постигая морские узлы.

А в будущем — кортик, привешенный косо,
И мичмана флота лихая судьба:
«Лупи по зубам, не жалея, матроса» —
На то его доля слуги и раба.

С командой жесток, с адмиралами кроток,
Нацелься на чин — и проделай прыжок
Поближе к дворцу и под крылышко теток,
На невский, желанный всегда бережок.

Но были и те, кто не знал унижений,
Кто видел в матросе товарища дел,
Кто вел корабли сквозь пожары сражений,
Кто славы морской для отчизны хотел,

С кем флот проходил по пяти океанам,
Кто в битвах с врагом не боялся потерь:

И шведы разбиты, и нет англичанам
Охоты соваться к Кронштадту теперь.

Об этом я думал полуночным часом,
О славе, о бурных дорогах ее. . .
Звезда высока над картушкой компаса,
Касается румбов лучей острие.

1939

298

Или помните, или забыли
Запах ветра, воды и сосны,
Столб лучами пронизанной пыли
На подталых дорогах весны? . .
Или вспомнить уже невозможно,
Как виденья далекого сна,
За платформой железнодорожной
Только сосны, песок, тишина.
Небосвода хрустальная чаша,
Золотые от солнца края.
Это молодость чистая ваша,
Это нежность скупая моя.

299

Возможно ли, чтоб годы эти
Щадили нас! Но вновь встает
Апреля горьковатый ветер,
Тревожный шум воскресших вод.
Возможно ли в разлуке дальней,
В тревогах, в помыслах, в крови
Хранить огонь первоначальной
Наивно-горестной любви!
А я, как ива в пору злую
Осенних бешеных ветров,
Клонюсь под вихрем поцелуев,
Горячечных и нежных слов.

392

За нами бури и походы,
И можно ли, мой милый друг,
Вознаградить себя за годы
Былых и будущих разлук?
О, потеплевший под руками
Гранит скамейки ледяной!
Нет, не смеюсь я над слезами,
В тот вечер пролитыми мной.
Теперь мне легче и свободней.
Отбушевал внезапный гром.
...Я не могу писать сегодня
Тебе о чем-нибудь другом.

300

В июне, в северном июне,
Когда излишни фонари,
Когда на островерхой дюне
Не угасает блеск зари,
Когда, теплу ночей доверясь,
Под кровом полутемноты
Уже раскрыл смолистый вереск
Свои лиловые цветы,
А лунный блеск опять манил
Уйти в моря на черной шхуне, —
Да, я любил тебя, любил
В июне, в северном июне.

301. ТОВАРИЩУ

На Черноморье шторм десятибалльный,
В Новороссийске буйствуют ветра.
Товарищ мой, отдай салют прощальный,
Давно с тобой нам свидеться пора.

Давно пора, преграды далей руша,
Спать сердца и руки заодно,

Шторма изрядно высушили душу,
Но дружбе в них иссохнуть не дано.

Ложись на норд с предгорий знойных Крыма,
И мы тогда, в безмолвии ночном,
Окутавшись котельным синим дымом,
Поговорим о счастье боевом.

И выйдем в ночь, где сумрачные воды
Дробят о камень черную струю,
Где в зареве немеркнущем заводы
Морскую мощь республики куют.

Спешу, товарищ, — море стало нашим,
И пусть походы холодны и злы,
Форштевнями стремительными вспашем
За Галлином балтийские валы.

На Черноморье шторм десятибалльный.
Пора вернуться в бухту кораблю.
Я жду тебя упрямым, беспечальным,
Таким, какого знаю и люблю.

<1940>

302. ПЕСНЯ

Пускай во тьме бушует вьюга
И снег летит на паруса, —
Не плачь, не плачь, моя подруга,
Не слушай ветра голоса.
Зажгла звезда мне нынче трубку
Своею искрой голубой.
Кладет волнами на борт шлюпку,
Но не погибнем мы с тобой.
Не видно дали бирюзовой,
Дорога в море нелегка,
Но привыкать к борьбе суровой
Должна подруга моряка.
Уже мигнул огонь зеленый,
Маяк на горной высоте,

И берег, снегом заметенный,
Забрезжил смутно в темноте.
И пусть взмывают чайки, плача,
К метельно-снежной вышине, —
Не изменяет мне удача,
Пока ты помнишь обо мне.

<1940>

303. ПЕРЕД ПОХОДОМ

Мы вместе курили, дул ветер осенний,
Уже холодела вода,
И серые тучи над нами висели,
И плыли над морем года.

Трещал пулемет над пустынным заливом,
Кричали в выси журавли.
Они улетали на юг торопливо
От грозной балтийской земли.

Хотелось раскрыть исполинские крылья
И ринуться в дальний простор,
Лететь, осыпаемым солнечной пылью,
Над синими гребнями гор.

Лететь, разрывая завесы тумана,
Ломать горизонта кольцо,
Чтоб пламенный ветер широт океана
С размаху ударил в лицо.

Окончена трубка и высыпан пепел,
Команда по вахтам идет.
И грохот по клюзу стремящейся цепи
Уже предвещает поход.

Сигналы трепещут на мачтах треногих,
Горит боевая заря.
Пред нами ведущие к славе дороги,
Союза большие моря.

1940

Метет поземка, расстилаясь низко,
 Снег лижет камни тонким языком,
 Но красная звезда над обелиском
 Не тронута ни инеем, ни льдом.
 И бронза, отчеканенная ясно,
 Тяжелый щит, опертый на гранит,
 О павших здесь, о мужестве прекрасном
 Торжественно и кратко говорит.

1941

305. СОНЕТ

Когда владеет морем мертвый штиль,
 Мы видим часто бухты и маяки, —
 То лжет мираж, приподнимая знаки,
 А берег наш за сорок с лишком миль.

Но видно всё: седеющий ковыль,
 Кроваво пламенеющие маки,
 Прибрежной пены охряную накипь
 И бота перевернутого киль.

Мечты мои, неуловимой тенью
 Возникшие на грани сновиденья,
 Коротким блеском прорезают тьму.

И в этот миг глазам открыты снова
 Пути в морях тревожных и суровых.
 Но берег есть. И я пробьюсь к нему!

1941

306. ТЕБЕ

Мы попросаема в Кронштадте
 У зыбких сходен, а потом
 Рванется к рейду серый катер,
 Раскалывая рябь винтом.

Под облаков косою тенью
Луна подернулась слегка,
И затерялась в отдаленье
Твоя простертая рука.

Опять шуметь над морем флагу,
И снова, и суров и скуп,
Балтийский ветер сушит влагу
Твоих похолодевших губ.

... И если пенные объятя
Назад не пустят ни на час
И ты в конверте за печатью
Получишь весточку о нас —

Не плачь, мы жили жизнью смелой,
Умели храбро умирать, —
Ты на штабной бумаге белой
Об этом можешь прочитать.

Переживи внезапный холод,
Полгода замуж не спеши,
А я останусь вечно молод
Там, в тайниках твоей души.

А если сын родится вскоре,
Ему одна стезя и цель,
Ему одна дорога — море,
Моя могила и купель.

Август 1941

307. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ПОХОДА

Когда мы подвели итог тоннажу
Потопленных за месяц кораблей,
Когда, пройдя три линии барражей,
Гектары минно-боновых полей,

Мы всплыли вверх, — нам показалось странно
Так близко снова видеть светлый мир,

Костер зари над берегом туманным,
Идущий в гавань портовый буксир.

Небритые, пропахшие соляром,
В тельняшках, что зараз не отстирать,
Мы твердо знали, что врагам задаром
Не удалось у нас в морях гулять.

А лодка шла, последний створ минуя,
Поход окончен, и фарватер чист.
И в этот миг гармонику губную
Поднес к сухим губам своим радист.

И пели звонко голоса металла
О том, чем каждый счастлив был и горд:
Мелодию «Интернационала»
Играл радист. Так мы входили в порт.

1941

308. НА ДНЕ

Лежит матрос на дне песчаном,
Во тьме зелено-голубой.
Над разъяренным океаном
Отгромыхал короткий бой,
А здесь ни грома и ни гула. . .
Скользнув над илистым песком,
Коснулась сытая акула
Щеки матросской плавником. . .
Осколком легкие пробиты,
Но в синем мраке глубины
Глаза матросские открыты
И прямо вверх устремлены.
Как будто в мертвенном покое,
Тоской суровую томим,
Он помнит о коротком бое,
Жалея, что расстался с ним.

1941

ВСЕВОЛОД ЛОБОДА

Всеволод Николаевич Лобода родился в 1915 году в Киеве. Его отец — преподаватель русского языка и литературы, мать кончила консерваторию и была оперной певицей.

Любовь к литературе проявилась у Всеволода еще в детстве. Десяти лет он писал стихи, сочинял рассказы. В 1930 году Лобода закончил среднюю школу, переехал в Москву и вскоре поступил учиться в ФЗУ Щелковского учебно-химического комбината. В это же время Лобода начал печататься.

В 1932—1934 годах В. Лобода на Мытищинском вагоностроительном заводе редактировал газету-многотиражку «Кузница». С сентября 1934 года работал в журнале «Высшая техническая школа».

В 1935 году Лобода поступил в Литературный институт им. Горького. В последующие годы сотрудничал в журналах «Литературная учеба» и «Костер», выступал со статьями, писал стихи.

В первые месяцы войны В. Лобода работал на радио, а потом ушел на фронт. Был пулеметчиком, артиллеристом, воевал под Ленинградом и Старой Руссой, под Великими Луками и в Прибалтике. Одно время работал в дивизионной газете. В годы войны не переставал писать стихи, которые печатались в дивизионной многотиражке или хранились в записных книжках друзей.

Всеволод Лобода погиб 18 октября 1944 года в Латвии, неподалеку от города Добеле.

309. ИЗ ЦИКЛА «ВОЙНА»

Вступление

Ночной зефир
Струнт эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

А. С. Пушкин

На берегах Гвадалквивира,
Купаясь в травах, загорать.
Окончив день труда и мира,
В кругу товарищей дышать
Весельем солнечного пира.
И тронуть нежной песни лад,
Когда расцветится закат
На тишине Гвадалквивира.
В ночной глуши двоим добро.
Всплесни веслом.
Нам серебро
Чеканит гладь Гвадалквивира,
Нам нержавеющей лира
Поет бессмертие реки.

Взорвали сон Гвадалквивира
В крови погрязшая мортира,
От крови черные полки.

1937—1938 ?

810. ДОЛГ

Невесел в дыме канонады
сугубо штатский человек.

Дрожи.

Повелевает век
запомнить —

как звенят снаряды,
как завывает самолет,
огнем одаривая землю,
как пьют удушливое зелье,
как рвутся в панике вперед.

Век не под стать страстям квартирным
и пенью птичьему.

А ты

писал стихи,
вдыхал цветы
под небом розовым и мирным.

Теперь положено черстветь
рукам,

сжимающим винтовку,
и смерть берет на изготовку,
хотя ты прожил только треть.

Ну что ж, погодки молодые,
посуровеет —

и не жаль:

ведь нам видения седые,
как полю град на урожай.

Заголосят витые трубы,
и ты —

во мраке и в крови —
забыв о нервах,
стиснув зубы,
как ветер,
тучу изорви.

Не под луной прогулка —

встретить

на расстояньи локтя бой.
Еще не мы,
но наши дети
задышат радостью одной.

Чтоб им легко в беседы птичьи
вникалось,
ты
имей в виду
гадюку, жившую в саду,
змеиной жизни двуязычье,
под зданье дней твоих подкоп,
любовь, несущую проказу.
Пристрастным пришлых меряй глазом
на стыках дел, ночей и троп.

Коль не зияют сзади бреши,
растает скоро бранный дым.
Умрешь
иль выйдешь постаревшим,
но сильным,
светлым
и большим.

Умрешь иль нет —
тебе по праву
поэта первая строка,
непререкаемая слава,
сплошное солнце на века.

Конец 30-х годов

811. ПАРТИЗАН УХОДИТ В РАЗВЕДКУ

Неприятель прорвался к Дону.
Сталью вытоптаны поля,
Заскрипели возы бездомных,
По дорогам степным пыля.

Над гремящей землей томится
Темнота.

Ни луны, ни звезд.

Как пылает твоя станица,
Ночью видно за много верст.

Уходя с боевым отрядом
За реку, где ярится враг,
На пожарище долгим взглядом,
Сжав поводья,
 глядит казак.

Где вчера еще цвел пригорок —
Яма круглая —
 смерти след.
Дым сраженья сер и горек,
Но другого исхода нет.

Ветер голосом человека
Тихо стонет в ветвях раkit.
Задыхаясь,
 как после бега,
Командиру казак твердит:

«Я стреляю довольно метко,
И отточен, востер клинок. . .
Отпустите меня в разведку. . .
За беду посчитаться срок. . .»

Командир отвечает:
«С богом,
 поезжай».

 Погоди немного,
Мы добьемся погожих дней, —
Утро вечера мудреней!

В трудном деле станичник весел;
На плечо автомат повесил,
Снарядился в опасный путь
Ради завтрашних легких песен,
Чтобы ровно дышала грудь.

. . . Громыкнула зенитка где-то.
Пронеслась на восток ракета,
Завиляла хвостом летучим

313. НАСТУПЛЕНИЕ

Это было у села Износки, —
Враг терял орудья и повозки,
Эшелон пылал на полустанке,
Стыли перевернутые танки.

В окруженьи грохота и дыма,
Как сама судьба, неотвратимо
Боевые двигались порядки.
И поля трясло как в лихорадке,
Горькой гарью веяли пожары.
Пушка щедро сыпала удары,
Скрежетала, словно в иступленьи,
Все заслоны вражеские руша.
(Мы ее, царицу наступленья,
Звали по-семейному: «Катюша»).

Под огнем, в метель, на холодине
Заметались немцы по равнине,
Побросали теплые берлоги.
Лишь в Заречье, справа у дороги,
Напрягая тающие силы,
Огрызались правнуки Аттилы.
Броневые чудища рычали,
Венгры лошадей переседлали,
«Сдайся, рус!» — фельдфебели орали.
С голоду свирепые солдаты
На весу держали автоматы,
Не желали пятиться по-рачьи
И беды не ждали.

Вдруг навстречу
Эскадроны хлынули казачьи,
Завязали яростную сечу,
С лету смяли всадников и пеших,
Лезущих в непрошенные гости.
Бронейбойщик, в битвах преуспевший,
Перебил ползучих танков кости,
И казалось — воздух закипевший
Плавил сталь, ревущую от злости.

Апрель 1944

316. ПАВЛОВСКАЯ, 10

Не в силах радость вымерить и взвесить,
Как будто город вызволен уже,
Я в адрес:

«Киев, Павловская, десять» —

Строчу посланье в тесном блиндаже.
Письмо увидит ночи штормовые,
Когда к Подолу катятся грома,
Когда еще отряды штормовые
Прочесывают скверы и дома. . .
По мостовым, шуршащим листопадом,
Придет освобожденье. Скоро. Верь. . .
Впервые за два года не прикладом,
Без окрика,

негромко стукнут в дверь.

Мой хворый дед поднимется с кровати.
Войдет веселый первый почтальон.
От рядового с берега Ловати
Привет вручит заждавшемуся он.
Старик откроет окна.

В шумном мире

Осенний день, похожий на весну.
И солнце поселится в той квартире,
Где я родился в прошлую войну.

1944

317. ПОГИБ ТОВАРИЩ

Во вражьем стане цели он разведаль,
Мечтал о встрече с милой над письмом,
Читал статью про скорую победу,
И вдруг —

разрыв,

и он упал ничком.

Мы с друга окровавленного сняли
Осколком просверленный партбилет,
Бумажник,

серебристые медали.

А лейтенанту было

двадцать лет. . .

Берст перо,
согбен и озабочен,
Бумажный демон, писарь полковой.
О самом страшном пишет покороче
Привычную, недрогнувшей рукой.
Беду в письмо выплескивая разом,
Он говорит:
«Ведь надо понимать,
Что никакой прочувствованной фразой
Нельзя утешить плачущую мать».
Она в слезах свое утопит горе,
Покуда мы,
крещенные огнем,
Врага утопим в пенящемся море,
На виселицу Гитлера сведем.
И женщина инстинктом материнским
Отыщет сына дальние следы
В Курляндии,
под елью исполинской,
На скате безымянной высоты.
Седая мать увидит изумленно
На зелени могилы дорогой
Венок лугов,
как яркая корона,
Возложенный неведомой рукой.
Блеснут в глаза цветы,
еще живые,
От латышей — сынку — сибиряку...
И гордость вспыхнет в сердце
и впервые
Перехлестнет горячую тоску.

1944

Николай Петрович Майоров родился в 1919 году в семье ивановского рабочего. Еще в десятилетке начал писать стихи, которые читал на школьных вечерах, публиковал в стенной газете. Окончив в Иванове школу, переехал в Москву и поступил на исторический факультет МГУ, а с 1939 года стал кроме того посещать поэтический семинар в Литературном институте им. Горького. Писал много, но печатался редко, да и то, как правило, в университетской много-тиражке.

Руководитель поэтического семинара П. Г. Антокольский писал о Майорове: «Николаю Майорову не приходилось искать себя и свою тему. Его поэтический мир с самого начала был резко очерчен, и в самоограничении он чувствовал свою силу. Его лирика, повествующая об искренней мужской любви, органична в этом поэтическом мире».

Д. Данин, вспоминая о Н. Майорове, друге студенческих лет, говорит: «Он знал, что он поэт. И, готовясь стать историком, прежде всего утверждал себя как поэт. У него было на это право.

Незаметный, он не был тих и безответен. Он и мнения свои защищал, как читал стихи: потрясая перед грудью кулаком, чуть вывернутым тыльной стороной к противнику, точно рука несла перчатку боксера. Он легко возбуждался, весь розовея. Он не щадил чужого самолюбия и в оценках поэзии был резко определен. Он не любил в стихах многоречивой словесности, но обожал земную вещность образа. Он не признавал стихов без летящей поэтической мысли, но был уверен, что именно для надежного полета ей нужны тяжелые крылья и сильная грудь. Так он и сам старался писать свои стихи — земные, прочные, годные для дальних перелетов».

В 1939 и 1940 годах Н. Майоров пишет поэмы «Ваятель» и «Семья». Сохранились лишь отрывки из них, а также немногие сти-

хотворения этой поры. Чемодан с бумагами и книгами, оставленный Н. Майоровым в начале войны у кого-то из товарищей, до сих пор не удалось найти.

Летом 1941 года Н. Майоров вместе с другими московскими студентами роет противотанковые рвы под Ельней. В октябре его просьба о зачислении в армию была удовлетворена.

Полигрук пулеметной роты Николай Майоров был убит в бою на Смоленщине 8 февраля 1942 года.

318. ВЗГЛЯД В ДРЕВНОСТЬ

Там — мрак и гул. Обломки мифа.
Но сказку ветер окрылил:
Кровавыми руками скифа
Хватали зори край земли.

Скакали взмыленные кони,
Ордой сменялася орда.
И в этой бешеной погоне
Боялись отставать года. . .

И чудилось — в палящем зное
Коней и тел под солнцем медь
Не уставала над землею
В веках событиями греметь.

Менялось всё: язык, эпоха,
Колчан, кольчуга и копье.
И степь травой-чертополохом
Позарастала до краев.

. . .Остались пухлые курганы,
В которых спят богатыри,
Да дней седые караваны
В холодных отблесках зари.

Ветра шуршат в высоких травах,
И низко клонится ковыль.

Когда про удаль Станислава
Ручей журчит степную быль —

Выходят витязи в шеломах,
Скликаая воинов в набег.
И долго в княжеских хоромах
С дружиной празднует Олег.

А в полночь скифские курганы
Вздымают в темь седую грудь.
Им снится, будто караваны
К востоку держат долгий путь.

Им снятся смелые набеги,
Скитанья, смерть, победный рев,
Что где-то рядом печенеги
Справляют тризну у костров.

Там — мрак и гул. Обломки мифа.
Простор бескрайный, ковыли. . .
Глухой и мертвой хваткой скифа
Хватали зори край земли.

1937

319. ЛЕНИН

Вот снова он предстанет в жестах,
Весь — наша воля. Сила. Страсть. . .
Кругом — народ. И нету места,
Где можно яблоку упасть.

Матрос. И женщина. С ней рядом,
Глаза взведя на броневик,
Щекой небритою к прикладу
Седой путиловец приник.

Он рот открыл. Он хочет слышать,
Горячих глаз не сводит он
С того, о ком в газетах пишут,
Что он вильгельмовский шпион.

Он знает: это ложь. Сквозная.
Такой не выдумать вовек.
Газеты брешут, понимая,
Как нужен этот человек

Ему. Той женщине. Матросам,
Которым снился он вчера,
Где серебром бросают осыпь
В сырую ночь прожектора. . .

И всем он был необходим.
И бредила — в мечтах носила, —
Быть может, им и только им
В тысячелетиях Россия.

И он пришел. . . Насквозь прокурен
В квартирах воздух, кашель зим.
И стало сразу ясно: буря
Уж где-то слышится вблизи.

Еще удар. Один. Последний. . .
Как галька, были дни пестры.
Гнусавый поп служил обедни.
Справляли пасху. Жгли костры.

И ждали. Дни катились быстро.
Уж на дворе октябрь гостил,
Когда с «Авроры» первый выстрел
Начало жизни возвестил.

1937

320. ПАМЯТНИК

Им не воздвигли мраморной плиты.
На бугорке, где гроб землей накрыли,
Как ощущение вечной высоты,
Пропеллер неисправный положили.

И надписи отгранивать им рано —
Ведь каждый, небо видевший, читал,

Когда слова высокого чекана
Пропеллер их на небе высекал.

И хоть рекорд достигнут ими не был,
Хотя мотор и сдал на полпути, —
Остановись, взгляни прямее в небо
И надпись ту, как мужество, прочти.

О, если б все с такою жаждой жили,
Чтоб на могилу им взамен плиты,
Как память ими взятой высоты,
Их инструмент разбитый положили
И лишь потом поставили цветы!

1938

321. ОТЦАМ

Я жил в углу. Я видел только впалость
Отцовских щек. Должно быть, мало знал.
Но с детства мне уже казалось,
Что этот мир неизмеримо мал.

В нем не было ни Монте-Кристо,
Ни писем тайных с желтым сургучом.
Топили печь, и рядом с нею пристав
Перину вспарывал литым штыком.

Был стол в далекий угол отодвинут.
Жандарм из печки выгребал золу.
Солдат худые, сгорбленные спины
Свет заслонили разом. На полу —
Ничком отец. На выцветшей иконе
Какой-то бог нахмурил важно бровь.

Отец привстал, держась за подоконник,
И выплюнул багровый зуб в ладони,
И в тех ладонях застеклилась кровь.

Так начиналось детство. . .
Падая, рыдая,

Как птица, билась мать. И, наконец,
Запомнилось, как тают, пропадают
В дверях жандарм, солдаты и отец. . .

А дальше — путь сплошным туманом застлан.
Запомнил только пыли облака,
И пахло деревянным маслом
От желтого, как лето, косяка.

Ужасно жгло. Пробило всё навывлет
Жарой и ливнем. Щедро падал свет.
Потом войну кому-то объявили,
А вот кому — запомятовал дед.

Мне стал понятен смысл отцовских вех.
Отцы мои! Я следовал за вами
С раскрытым сердцем, с лучшими словами,
Глаза мои не обожгло слезами,
Глаза мои обращены на всех.

1938

322. В ВАГОНЕ

Пространство рвали тормоза.
И пока ночь была весома,
Все пассажиры были за
То, чтоб им спалось как дома.

Лишь мне не снилось, не спалось.
Шла ночь в бреду кровавых марев
Сквозь сон, сквозь вымысел и сквозь
Гнетущий привкус дымной гари.

Всё было даром, без цены,
Всё было так, как не хотелось, —
Не шел рассвет, не снились сны,
Не жглось, не думалось, не пелось.

А я привык жить в этом чреве:
Здесь всё не так, здесь сон не в сон.

И вся-то жизнь моя — кочевье,
Насквозь прокуренный вагон.

Здесь теснота до пота сжата
Ребром изломанной стены,
Здесь люди, словно медвежата,
Вповалку спят и видят сны.

Их где-то ждут. Для них готовят
Чай, постели и тепло.
Смотрю в окно: ночь вздохи ловит
Сквозь запотевшее стекло.

Лишь мне осталось грустить.
И, перепутав адрес твой,
В конце пути придумать стих
Такой тревожный, бредовой. . .

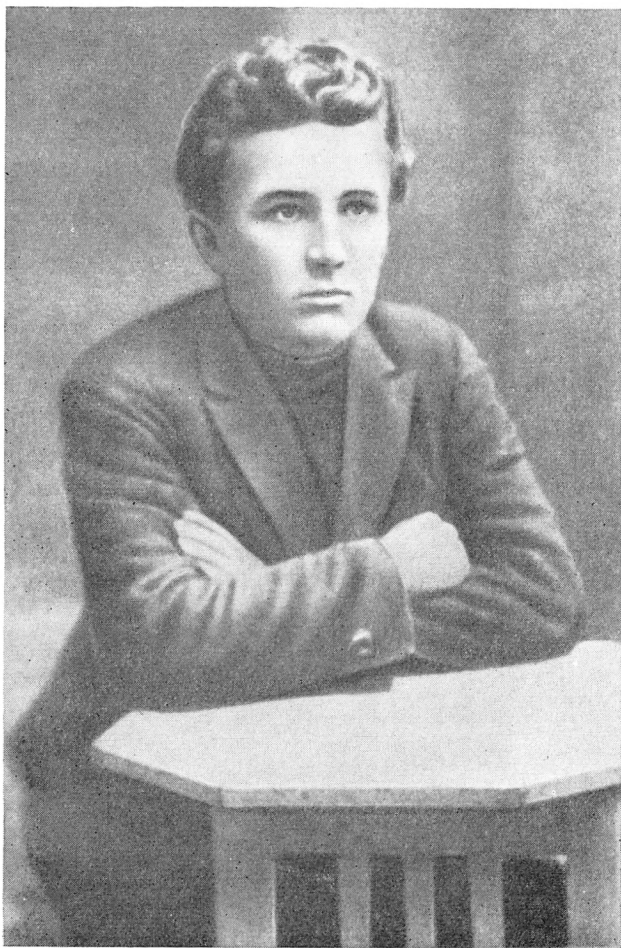
Чтоб вы, ступая на перрон,
Познали делом, не словами,
Как пахнет женщиной вагон,
Когда та женщина не с вами.

1939

323

Тогда была весна. И рядом
С помойной ямой на дворе,
В простом строю равняясь на дом,
Мальчишки строились в каре
И били честно. Полагалось
Бить в спину, в грудь, еще — в бока.
Но на лицо не подымалась
Сухая детская рука.

А за рекою было поле.
Там, сбившись в кучу у траншей,
Солдаты били и кололи
Таких же, как они, людей.
И мы росли, не понимая,

Витаутас Монвила

Варвара Наумова

Зачем туда сошлись полки:
Неужли взрослые играют,
Как мы, сходясь на кулаки?
Война прошла. Но нам осталась
Простая истина в удел,
Что у детей имелась жалость,
Которой взрослый не имел.
А ныне вновь война и порох
Вошли в большие города,
И стала нужной кровь, которой
Мы так боялись в те года.

1939

324. ЧТО ЗНАЧИТ ЛЮБИТЬ

Идти сквозь вьюгу напролом.
Ползти ползком. Бежать вслепую.
Идти и падать. Бить челом.
И всё ж любить ее — такую!
Забыть про дом и сон,
Про то, что
Твоим обидам нет числа,
Что мимо утренняя почта
Чужое счастье пронесла.
Забыть последние потери,
Вокзальный свет,
Ее «прости»
И кое-как до старой двери,
Почги не помня, добрести,
Войти, как новых драм зачать.
Нащупать стены, холод плит. . .
Швырнуть пальто на выключатель,
Забыв, где вешалка висит.
И свет включить. И сдвинуть полог
Крамольной тьмы. Потом опять
Достать конверты с дальних полок,
По строчкам письма разбирать.
Искать слова, сверяя числа.
Не помнить снов. Хотя б крича,
Любой ценой дойти до смысла.
Понять и сызнава начать.

Не спать ночей, гнать тишину из комнат,
Сдвигать столы, последний взять редут,
И женщин тех, которые не помнят,
Обратно звать и знать, что не придут.
Не спать ночей, не досчитаться писем,
Не чтить посулов, доводов, похвал
И видеть те неснившиеся выси,
Которых прежде глаз не достигал, —
Найти вещей извечные основы.
Вдруг вспомнить жизнь.
В лицо узнать ее.
Прийти к тебе и, не сказав ни слова,
Уйти, забыть и возвратиться снова.
Моя любовь — могущество мое!

1939

325. АВГУСТ

Я полюбил весомые слова,
Просторный август, бабочку на раме
И сон в саду, где падает трава
К моим ногам неровными рядами.

Лежать в траве, желтеющей у вишен,
У низких яблонь, где-то у воды,
Смотреть в листву прозрачную
И слышать,
Как рядом глухо падают плоды.

Не потому ль, что тени не хватало,
Казалось мне, вселенная мала?
Движения замедлены и вялы,
Во рту иссохло. Губы как зола.

Куда девать сгорающее тело?
Ближайший омут светел и глубок.
Пока трава на солнце не сгорела,
Войти в него всем телом до предела
И ощутить подошвами песок!

И в первый раз почувствовать так близко
Прохладное спасительное дно.

Вот так, храня стремление одно,
Вползают в землю щупальцами корни,
Питая щедро алчные плоды, —
А жизнь идет, — всё глубже и упорней
Стремление пробиться до воды,
До тех границ соседнего оврага,
Где в изобилье, с запахами вин,
Как древний сок, живительная влага
Ключами бьет из почвенных глубин.

Полдневный зной под яблонями тает,
На сизых листьях теплой лебеды.
И слышу я, как мир произрастает
Из первозданной матери — воды.

1939

326. ТВОРЧЕСТВО

Есть жажда творчества,
Уменье созидать,
На камень камень класть,
Вести леса строений.
Не спать ночей, по суткам голодать,
Вставать до звезд и падать на колени.
Остаться нищим и глухим навек,
Идти с собой, с своей эпохой вровень
И воду пить из тех целебных рек,
К которым прикоснулся сам Бетховен.
Брать в руки гипс, склоняться на подрамник,
Весь мир вместить в дыхание одно,
Одним мазком весь этот лес и камни
Живыми положить на полотно.
Не дописав,
Оставить кисти сыну,
Так передать цвета своей земли,
Чтоб век спустя всё так же мяли глину
И лучшего придумать не смогли.

1939

327. ГОГОЛЬ

...А ночью он присел к камину
И, пододвинув табурет,
Следил, как тень ложилась клином
На мелкий шашечный паркет.

Она росла и, тьмой набухнув,
От желтых сплюснутых икон
Шла коридором, ведшим в кухню,
И где-то там терялась. Он
Перелистал страницы снова
И бредить стал. И чем помочь,
Когда, как черт иль вий безбровый,
К окну снаружи липнет ночь,
Когда кругом — тоска безлюдья,
Когда — такие холода,
Что даже мерзнет в звонком блюде
Вечор забытая вода?

И скучно, скучно так ему
Сидеть, в тепло укрыв колени,
Пока в отчаянном дыму,
Дрожа и корчась в иступленьи,
Кипят последние поленья.

Он запахнул колени пледом,
Рукой скользнул на табурет,
Когда, очнувшись от бреда,
Нащупал глазом слабый свет

В камине. Сердце было радо
Той тишине. Светает — в пять.
Не постучавшись, без доклада
Ворвется в двери день опять.

Вбегут докучливые люди,
Откроют шторы, и тогда
Всё в том же позабытом блюде
Чуть вздрогнет кольцами вода.

И с новым шорохом единым
Растает на паркете тень,

И в оперенье лебедином
У ног ее забьется день...

Нет, нет, — ему не надо света!
Следить, как падают дрова,
Когда по кромке табурета
Рука скользит едва-едва...

В утробе пламя жажду носит
Заметить тот порыв один,
Когда сухой рукой он бросит
рукопись в камин.

...Теперь он стар. Он всё прощает
И, прослезясь, глядит туда,
Где пламя жадно поглощает
Листы последнего труда.

1939 ?

328. ПРЕДЧУВСТВИЕ

Неужто мы разучимся любить,
И в праздники, раскинувши диваны,
Начнем встречать гостей и церемонно пить
Холодные кавказские нарзаны.

Отяжелеем. Станет слух наш слаб.
Мычать мы будем вяло и по-бычьи.
И будем принимать за женщину мы шкап
И обнимать его в бесполом безразличьи.

Цепляясь за разваленный уют,
Мы в пот впадем, в безудержное мленье.
Кастратами потомки назовут
Стареющее наше поколение.

Без жалости нас время истребит.
Забудут нас. И до обиды грубо
Над нами будет кем-то вбит
Кондовый крест из тела дуба.

За то, что мы росли и чахли
В архивах, в мгле библиотек,
Лекарством руки наши пахли
И были бледны кромки век.

За то, что нами был утрачен
Сан человеческий; что, скопцы,
Мы понимали мир иначе,
Чем завещали нам отцы.

Нам это долго не простится,
И не один минует век,
Пока опять не народится
Забывтый нами Человек.

1939 ?

329. ВЕСЕННЕЕ

Я шел веселый и нескладный,
Почти влюбленный, и никто
Мне не сказал в дверях парадных,
Что не застегнуто пальто.

Несло весной и чем-то теплым,
А от слободки, по низам,
Шел первый дождь,
Он бился в стекла,
Гремел в ушах,
Слепил глаза,
Летел,
Был слеп наполовину,
Почти прямой. И вместе с ним
Вступала боль сквозная в спину
Недомоганием сплошным.

В тот день еще цветов не знали,
И лишь потом на всех углах
Вразбивку бабы торговали,
Сбывая радость второпях.
Ту радость трогали и мяли,

Просили взять,
Вдыхали в нос,
На грудь прикладывали,
Брали
Поштучно,
Оптом
И вразнос.
Ее вносили к нам в квартиру,
Как лампу, ставили на стол, —
Лишь я один, должно быть, в мире
Спокойно рядом с ней прошел.

Я был высок, как это небо,
Меня не трогали цветы, —
Я думал о бульварах, где бы
Мне встретилась случайно ты,
С которой я лишь понаслышке,
По первой памяти знаком, —
Дорогой, тронутой снежком,
Носил твои из школы книжки. . .

Откликнись, что ли!
Только ветер
Да дождь, идущий по прямой. . .
А надо вспомнить —
Мы лишь дети,
Которых снова ждут домой,
Где чай остыл,
Черствеет булка. . .
Так снова жизнь приходит к нам
Последней партой,
Переулком,
Где мы стояли по часам. . .

Так я иду, прямой, просторный,
А где-то сзади, невпопад,
Проходит детство, и валторны
Словами песни говорят.
Мир только в детстве первозданен,
Когда, себя не видя в нем,
Мы бредим морем, поездами,
Раскрытым настезь в сад окном,

Чужою радостью, досадой,
Зеленым льдом балтийских скал
И чьим-то слишком белым садом,
Где ливень яблоки сбивал.

Пусть неуютно в нем, неладно,
Нам снова хочется домой,
В тот мир простой, как лист тетрадный,
Где я прошел, большой, нескладный
И удивительно прямой.

330. ДЕД

Он делал стулья и столы
И, умирать уже готовясь,
Купил свечу, постлал полы
И новый сруб срубил на совесть.

Свечу поставив на киот,
Он лег поблизости с корытом
И отошел. А черный рот
Так и остался незакрытым.

И два громадных кулака
Легли на грудь. И тесно было
В избенке низенькой, пока
Его прямое тело стыло.

331. РОЖДЕНИЕ ИСКУССТВА

Приду к тебе и в памяти оставлю
Застой вещей, идущих на износ,
Спокойный сон ночного Ярослава
И древний запах бронзовых волос.
Всё это так на правду не похоже
И вместе с тем понятно и светло,
Как будто я упрямее и строже
Взглянул на этот мир через стекло.

И мир встает — столетье за столетьем,
И тот художник гениален был,
Кто совершенство форм его заметил
И первый трепет жизни ощутил.
И был тот час, когда, от стужи хмурый,
И грубый корм свой поднося к губе,
И кутаясь в тепло звериной шкуры,
Он в первый раз подумал о тебе.

Он слушал ветра голос многоустый
И видел своды первозданных скал,
Влюбляясь в жизнь, он выдумал искусство
И образ твой в пещере изваял.
Пусть истукан массивен был и груб
И походил скорей на чью-то тушу,
Но человеку был тот идол люб:
Он в каменную складку губ
Всё мастерство вложил свое и душу.

Так, впроголодь живя, кореньями питаюсь,
Он различил однажды неба цвет.
Тогда в него навек вселилась зависть
К той гамме красок. Он открыл секрет
Бессмертья их. И где б теперь он ни был,
Куда б ни шел, он всюду их искал.
Так, раз вступив в соперничество с небом,
Он навсегда к нему возревновал.
Он гальку взял и так раскрасил камень,
Такое людям бросил торжество,
Что ты сдалась, когда, припав губами
К его руке, поверила в него.
Вот потому ты много больше значишь,
Чем эта ночь в исходе сентября.
Мне даже хорошо, когда ты плачешь,
Сквозь слезы о прекрасном говоря.

Мне только б жить и видеть росчерк грубый
Твоих бровей, и пережить тот суд,

Когда глаза солгут твои, а губы
Чужое имя вслух произнесут.

Уйди, но так, чтоб я тебя не слышал,
Не видел, чтобы, близким не грубя,
Я дальше б жил и подымался выше,
Как будто вовсе не было тебя.

333

Я с поезда. Непроспанный, глухой.
В кашне, затянутом за пояс.
По голове погладь меня рукой,
Примись ругать. Обрато шли на поезд.
Грозись бедой, невыгодой, концом.
Где б ни была ты — в поезде, вагоне, —
Я всё равно найду,
Уткнусь лицом
В твои, как небо, светлые
Ладони.

334

Как жил, кого любил, кому руки не подал,
С кем дружбу вел и должен был кому —
Узнают всё, раскроют все комоды,
Разложат дни твои по одному.

335

Когда умру, ты отошли
Письмо моей последней тетке,
Зипун залатанный, обмотки
И горсть той северной земли,
В которой я усну навеки,
Метаясь, жертвуя, любя

Всё то, что в каждом человеке
Напоминало мне тебя.
Ну а пока мы не в уроне
И оба молоды пока,
Ты протяни мне на ладони
Горсть самосада-табака.

1940

336. МЫ

Это время
трудновато для пера.
Маяковский

Есть в голосе моем звучание металла.
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не всё умрет. Не всё войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.

Мы жгли костры и вспять пускали реки.
Нам не хватало неба и воды.
Упрямой жизни в каждом человеке
Железом обозначены следы —
Так в нас запали прошлого приметы.
А как любили мы — спросите жен!
Пройдут века, и вам солгут портреты,
Где нашей жизни ход изображен.

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах читаете как миф
О людях, что ушли не долюбив,
Не докурив последней папиросы.
Когда б не бой, не вечные исканья
Крутых путей к последней высоте,
Мы б сохранились в бронзовых ваяньях,
В столбцах газет, в набросках на холсте.

Но время шло. Меняли реки русла.
И жили мы, не тратя лишних слов,
Чтоб к вам прийти лишь в пересказах устных
Да в серой прозе наших дневников.
Мы брали пламя голыми руками.
Грудь раскрывали ветру. Из ковша
Тянули воду полными глотками
И в женщину влюблялись не спеша.

И шли вперед, и падали, и, еле
В обмотках грубых ноги волоча,
Мы видели, как женщины глядели
На нашего шального трубача.
А тот трубил, мир ни во что не ставя
(Ремень сползал с покатога плеча),
Он тоже дома женщину оставил,
Не оглянувшись даже сгоряча.

Был камень тверд, уступы каменисты,
Почти со всех сторон окружены,
Глядели вверх — и небо стало чисто,
Как светлый лоб оставленной жены.

Так я пишу. Пусть неточны слова,
И слог тяжел, и выраженья грубы!
О нас прошла всесветная молва.
Нам жажда зноем выпрямила губы.

Мир, как окно, для воздуха распахнут,
Он нами пройден, пройден до конца,
И хорошо, что руки наши пахнут
Угрюмой песней верного свинца.
И как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому вовек,
Что, всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово «Человек»!

1940

Я не знаю, у какой заставы
 Вдруг умолкну в завтрашнем бою,
 Не коснувшись опоздавшей славы,
 Для которой песни я пою.
 Ширь России, дали Украины,
 Умирая, вспомню. . . И опять —
 Женщину, которую у тына
 Так и не посмел поцеловать.

1940

Нам не дано спокойно сгнить в могиле —
 Лежать навтыжку и приоткрыв гробы, —
 Мы слышим гром предутренней пальбы,
 Призыв охрипшей полковой трубы
 С больших дорог, которыми ходили.

Мы все уставы знаем наизусть.
 Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
 В могилах мы построились в отряд
 И ждем приказа нового. И пусть
 Не думают, что мертвые не слышат,
 Когда о них потомки говорят.

Витаутас Монтвила родился в 1902 году в Чикаго, куда его отец, рабочий, переехал с семьей из Литвы. Но надежды спастись в Америке от нищеты и безработицы не сбылись, и за несколько лет до первой мировой войны семья Монтвилы вернулась на родину.

Недолго проучившись, Витаутас бросил школу и пошел в пастухи, позже — в каменотесы. В 1924 году он поступает в Мариампольскую учительскую семинарию. Вскоре полиция задерживает его за участие в антивоенной демонстрации. В тюремной камере Монтвила знакомится с революционно настроенной молодежью.

Так начинается тяжелая жизнь пролетария и революционера — нужда, бездомность, тюрьма.

После освобождения Монтвила некоторое время учится в Каунасском университете. Но в 1929 году его арестовывают по подозрению в «антигосударственной деятельности», обвиняют в подготовке покушения на премьера Вольдемараса и приговаривают к десяти годам каторги. Межпартийная свара тогдашних хозяев Литвы избавляет Монтвилу от каторжной тюрьмы. Он становится дорожным рабочим, потом наборщиком, потом продавцом в книжном магазине, секретарем союза шоферов...

На дорогах Литвы, в тюремной камере, в наборном цехе создает Монтвила свои гневные, зовущие к борьбе стихотворения. С 1923 года они печатаются на страницах прогрессивной прессы. Позже выходят его сборники «Ночи без ночлега» (1931), «На широкую дорогу» (1940).

По духу своему, по поэтическому строю многие произведения В. Монтвилы близки Маяковскому, которого он переводил на литовский язык. По свидетельству Ю. Балтушиса, статья Маяковского «Как делать стихи?» служила для В. Монтвилы «библией».

Витаутас Монтвила горячо приветствовал вступление Литвы в

семью советских республик (1940). И хотя недолго прожил в освобожденной Литве, считал этот период самым плодотворным. Он стал одним из наиболее активных, боевых литовских поэтов.

«За эти девять месяцев я написал больше, чем за всю свою жизнь», — говорил В. Монвила, имея в виду стихи о Ленине, о революции, о Красной Армии, о Коммунистической партии, созданные накануне Великой Отечественной войны. Свой последний стихотворный цикл, объединяющий эти стихи, он назвал «Венком Советской Литве».

Война застала В. Монвилу за переводом поэмы Маяковского «Хорошо». Едва гитлеровцы ворвались в Советскую Прибалтику, они бросили Монвилу в тюрьму. Поэт стойко перенес нечеловеческие пытки. Фашисты не добились от него никаких сведений, не добились отречения. Вскоре Витаутас Монвила был расстрелян.

339. СВЕТЛЫЙ ДЕНЬ ПРИДЕТ!

Тому не испытать блаженства рая,
Кто духом пал, кто потерял мечту.
Не для него звезда горит, сверкая,
Не для него стремленье в высоту.

Пусть в сердце буря вызреет; бесчестье —
Часами хныкать, как дитя в ночи.
Пора ковать железное возмездье
И плыть туда, где солнце, где лучи.

И если б нам судьба определила
Одних лишь вековечных стонов гнет,
И если бы все радости затмила —
Мы будем верить: светлый день придет!

1923

340. В ТЮРЬМЕ

Всё та ж тюрьма,
Всё те же стены, двери,
Всё то же подземелье,
Где ты страдал и верил.

Всё те же камеры,
Которым отдал годы.
Всё те же решетчатые окна,
Где присягал ветрам свободы.

И те же кандалы достались мне,
И те же стражники меня сопровождали.
Твоею кровью пахли коридоры,
Когда меня в тюрьму пригнали.

Расстрелян ты. . .
Здесь песнь мою сгибали — не согнули.
По нашим трупам буря новых лет
Идет, шагает в грозном гуле.

1931

341. СТОИТ ЖИТЬ!

Вся ты хороша, не преклсловѣ!
А глаза. . . таких на свете нету.
Это в них цвела твоя любовь
Нежным цветом.

Да, твоя любовь мне так мила,
Но не всё решают в мире ею.
Как сильна она бы ни была,
Я — борец — сильнее.

Голодаю я по тюрьмам снова —
Я за счастье на земле в ответе.
Пусть сегодня жизнь еще сурова, —
Стоит жить на свете!

Стоит жить не для того, конечно,
Чтоб глаза твои мне одному светили.
Нас беда прикрыла мглой крошечной,
Танки окружили.

Стоит жить в боренье неустанном:
Ведь в борьбе любви всего полнее. . .
Для меня, мой свет, ты станешь
Всех милее.

1932

342. ЛЮБИМЕЙШАЯ СТРАНА

Страна из любимых любимая —
Взволнованная Испания.
Там полыхают знамена
Невиданного сияния.

Вдали мы склоняем головы
Перед твоими знаменами.
Вся страна — с нами,
В огне борьбы закаленными.

Быть не хотим под властью
И властвовать не хотим.
Тюрьмы народов завтра
Мы разрушим, развеем, как дым.

Если хотим, чтобы солнце наше
Было без пятен, — нужно
Пожаром зажечь поднебесье,
Землю встряхнуть дружно.

И тогда, потрясенная до глубин,
Наша страна, как Испания,
Поднимет свободную леснь,
Песнь невиданного сияния.

Да будет свобода свободным дана,
Мы силой насилью ответим.
Крепкие сваи в землю вобьем,
Чтобы их не сорвал ветер.

1936—1937

343. МОИ СЛОВА

Не последние слова вот эти,
Сказанные ночью в тишине.
Много слов на беспокойном свете
Выросло во мне.
Их растя, я и любил в тревоге,

И страдал, и вместе с ними рос.
И слова мои сулили многим
Ясность путеводных звезд.
Свет такой, чтоб и слепого даже
Провожали в путь огни.
Слов моих вам не найти в продаже —
Сердца часть они.
Тот, кто в горьком мире правду ищет,
И себя в моих словах найдет,
Тот, кто вырос в горе, в доме нищем, —
Тот меня поймет.

1938

344. МОЯ ОТЧИЗНА

Отчизна у меня — поля, леса и горы.
Дубиса, Неман и Шешупе — наши реки.
Я полюбил давно ее просторы,
Людей труда я полюбил навеки.

Отчизна милая, ее люблю я. Очень.
Всё счастье личное ничто пред нею.
С ней не страшусь я самой темной ночи,
Ее страданьем давним пламенею.

Отчизна милая: она — мое спасенье.
Мне без нее, как узнику, томиться,
Не жить, как вырванному из земли растению,
Не взмыт^ь в высоты, как бескрылой птице.

Отчизна милая, я с нею связан кровно.
Никто, ничто не встанет между нами:
Ни наглый пан, ни дармоед чиновный,
Ни рабство с плетками и кандалами!

1938

345. НЕ ВИНОВЕН Я...

Не виновен я, что люди
В рабстве мучались жестоком,
Что лилась порою лютой
Кровь по улицам потоком.

Не виновен я, что почва
Эту кровь в себя впитала,
Но не вырастила сочный
Плод, который обещала.

Не виновен я, что грустно
Лес шумит, лишенный света,
Что сухие листья с хрустом
Ветер злой срывает с веток.

Не виновен я, что хочет
Сердце жить не зная смерти,
Хоть его, как черви, точит
Жизнь в безжалостном усердьи.

Может, в том лишь я виновен,
Что слова в душе сгорают,
Что они весною новой
Розами не расцветают.

1938

346. БЫЛ БЫ Я...

Звездочка ночной порою
Упадает с высоты.
Так вот что-то дорогое
Каждый миг теряешь ты.

Ты плетешься в мастерскую,
Ты домой идешь как тень.
Радостѣ бытия простую
Ты теряешь что ни день.

Как цветок, что под забором
В городской пыли зачах,
Ты тоскуешь: ведь нескоро
Утро расцветет в лучах!

Был бы я великим богом,
Всё тебе послал бы я:
Города, луга, дороги,
Радость бытия.

Солнце в высях небосвода
Не давало б места мгле.
Безграничную свободу
Даровал бы я земле.

Но не быть мне этим богом,
Никакого бога нет. . .
Наша жизнь темна, убога,
Но в борьбе добудем свет!

1938

347. ПИСЬМО

Милый мой, чем открываешь шире
Ты глаза — тем боль острее в груди,
Тем всё больше подлостей ты видишь в мире,
Тут и там — куда ни погляди.

Ты сочувствие найти в других мечтаешь,
Человеческой ответной доброты,
Но поймешь, когда людей узнаешь,
Что не много есть таких, как ты.

Может, равного не встретив друга,
От людей задумаешь уйти,
Вырваться из замкнутого круга
Тех, с кем было по пути.

Может, скажешь: мне совсем не жутко,
Пусть погибнет мир, я жду конца,

Потому что жизнь — пустая шутка,
И надежда — выдумка глупца.

Но, сказав, поймешь ты: это — ветер,
Ложно шелестящие слова.
Поживем еще с тобой на свете,
Пусть в тяжелых тучах синева.

1939

348. БОГОМ ПОКИНУТАЯ ОВЕЧКА

В закатных отсветах, как свечка восковая,
Стояла башня вековая,
И колокольный звон,
Как подневольный стон,
Тоскливо плыл, —
Темнеющие дали
Его назад не отдавали.

Пред алтарем —
Старушка сгорбленная
На коленях
Стоит скорбная,
В черном платке,
Черные четки держит в руке.
«Ах, господи,
Одолела беда.
Помоги, Христос,
Надоела нужда!..»

Ее слова — что звон колоколов.
Как этот звон, дробятся звуки слов.
Глаза старухи
Смотрят ввысь
На господу, —
Под золото окрашен он.
Алтарь как будто золотым дождем
Обильно окроплен.
Ах, дождиком кропило,
Тут-то привалило

И Христу, и Марии,
И прислужнику со всей братией,
Но больше всего — настоятелю.

А покинутая богом овечка,
Старушенция,
Словно оплывшая свечка,
Стоит себе на коленях,
Четки перебирая,
Дождидается рая
И шепчет о любви и терпенье.

Божьи глаза
От вина
Овальны
И от золота
Словно зеркальны.
Господь спокоен, он смотрит лениво
На нищих,
Молящихся терпеливо.

А колокольный звон,
Как подневольный стон,
Плывет, плывет, печальный,
Словно он и впрямь прощальный.

1939

349. ЛИТВЕ

Ты поднята на штыки.
В сердце — пож законов.
А кровь твою пьют
Девятьсот девяносто девять шпионов.

Бессильна ты,
Сыновья твои — в тюрьмах, не дома.
Со штыков тебя снять лишь всеобщей
грозе:

Вспышкам молний и грохоту грома.

1939

350. СВОБОДНОМУ ВЕТРУ

Ветер! Ветер! Ветер-друг,
Ты свободен, ты упруг.

Настежь окна! Почему
Не бывал в моем дому?

Ты цветов набрал — и в путь!
Что ж, меня не позабудь.

Оглянись! Сюда взгляни!
Настежь окна, в них — огни.

Без тебя мне скучно, друг,
Ты свободен, ты упруг.

1939

351. СВОБОДНАЯ ПЕСНЯ

Выходит правда на простор.
Кровавый пир окончен.
Теперь свободной песней, хор,
Звучи смелей и звонче!

Как полночь, жизнь была темна,
И мы в цепях страдали. . .
Свобода нам возвращена
Ценой огня и стали.

Пришли навеки — в добрый час —
Твои, свобода, сроки.
Ты глубоко в сердцах у нас,
Мы все — в твоём потоке.

Нас поздравляют из могил
Те, кто за волю пали.
Кто был ничем, кто трудно жил, —
Те всем сегодня стали.

Вперед, свободная Литва,
Светла и непреклонна!
Ведут дорогой торжества
Нас красные знамена.

1940

352. МЫ СВОБОДУ ВСЁ РАВНО УДЕРЖИМ

Всё кончено.
Точка.
Ни гнета, ни бед
В стране нашей больше не будет.
На стягах напишем мы
Славу побед,
Счастье
Работой добудем.

В решающей битве
Новых времен
Наш друг и говарищ —
Крестьянин.
И то, что посеян
Наш хлеб
И возвращен, —
Забота его и деянье.

В свободной Литве,
Если глянуть кругом,
Господ не осталось в помине.
Мы счастье свое
Завоюем трудом,
О завтрашнем думаем ныне.

Мы смело идем.
Впереди — торжество.
Пусть корчится враг
Перед нами, —
Недавно
Жестокие руки его
Срывали
Багряное знамя.

Уж если мы вынесли
Тюрьмы и гнет, —
Свободу
Дано
Отстоять нам.
Советский Союз
К нам на помощь идет,
Спасибо народам-собратьям!

Истлеет
И станет
Добычей червей
Осина,
Сраженная бурей.
Огонь, пламеней!
Отчизне моей
Лететь
Колесницею солнца
В лазури!

1940

353. ОГНИ

Вы, славные народные ораторы,
И вы, друзья, свободные рабочие,
Сорвавшие оковы зла проклятые, —
Люблю вас очень!

Люблю, друзья, всем сердцем вас,
Как соколов,
Что бодрствовали в темный час,
Потом
Взлетали к небу —
Зарю приветствовать.

Я очень вас
Люблю,
Страдавших в тюрьмах горестной
Героев, порою,

Что будут жить в огне труда,
Чья воля
Словно сталь тверда.

Сильней всего
Люблю я вас,
Не ради славы проливавших кровь, —
От пули павших ночью
И зарытых в общий ров.

То вы —
Республики железные опоры.
То вы —
Огни в сердцах горячих,
То вы — огни в ночах незрячих.

Товарищи,
Погибли вы. . .
Не видите вы
Наших демонстраций,
Не слышите вы
Яростных оваций,
Когда зывают миллионы:
«Грабительский режим сломать пора!
Спасительнице, Красной Армии, ура! . . .»

Но в этот радостный и ясный час
Я чувствую, что вы
Присутствуете среди нас.
И ждете вы,
Чтобы свободу,
Омытую горячей вашей кровью,
Мы защитили навсегда,
Чтобы трудом,
Как яркими цветами,
Украшен был отчизны путь,
Которым мы уверенно идем.

Погибшие друзья!
Дорогой вашей,
Дорогой ваших подвигов живых
Сегодня мы уверенно шагаем

И красные знамена подымаем
За славную республику свободы.
В такие годы,
В такие дни
Бороться будем мы, товарищи,
Как вы —
Недавней ночи яркие огни.

И знаем мы, что волей и трудом
Тебя, Литва, мы к счастью приведем.

1940

354. ЛЕНИНУ

Иные гении
Приходят и уходят,
Но гений Ленина —
На все века.
Кто сердцем тянется
К борьбе, к свободе,
В том верность Ленину
Всегда крепка.

Дорогу к правде
Указал нам Ленин,
Он завещал нам
Светлый мир труда.
Как верность Ленину,
Навеки неизменен
Обет —
Бороться
И творить
Всегда.

Наш путь полюбится
Другим народам.
И там, где Лениным
Рассеян мрак, —
Над светлым миром
Правды и свободы

Коммунистический
Взовьется стяг.

1941

355. У МОГИЛЫ ДРУЗЕЙ

Друзья бойцы, люблю я вас.
Нет вас. . . но свет ваш не погас.

Отчизне — жить,
И жизни — быть,

Всегда, везде
Светить звезде.

Над вами здесь
Взовьется песнь,

А с ней, красна,
Придет весна,

Придет, лучась,
В счастливый час. . .

Друзья-бойцы, люблю я вас.
Нет вас. . . но свет ваш не погас,

1941

ВАРВАРА НАУМОВА

Варвара Николаевна Наумова родилась в 1907 году. После окончания Ленинградского университета работала в редакциях ленинградских журналов «Литературная учеба» и «Звезда». Увлекалась поэзией и сама писала стихи. Первая книга стихов, написанная ею в конце 20-х годов, увидела свет в 1932 году. Она называлась «Чертеж». Вскоре после выхода книги Наумова покидает Ленинград и вместе с геологоразведочной экспедицией уезжает на дальний Север, в бухту Тикси. Два года, проведенные Наумовой на берегу Ледовитого океана, дали ей много новых тем. Дыханием Севера овеяны ее стихи, названные «Весна в Тикси».

По возвращении в Ленинград В. Наумова работала в Институте народов Севера, переводила стихи северян. В ее переводах вышли поэмы «Ульгаррикон и Гекдалуккон», «Сулакичан», стихи в сборниках «Солнце над чумом», «Север поет». В журналах «Ленинград», «Звезда» и «Литературный современник» были напечатаны ее новые стихи. Накануне войны В. Наумова готовила вторую книгу стихов.

Осенью 1941 года, когда фашистские полчища докатились до стен Ленинграда, В. Наумова вместе с сотнями ленинградцев вышла на оборонные работы, они стали ее фронтом.

В. Наумова умерла в конце 1941 года.

В 1961 году в Ленинграде вышел сборник поэтессы «Весна в Тикси», подготовленный ее друзьями.

356. В ДОРОГУ

Разгон дорог дождем окутав,
Апрель берет над миром власть, —
И с ним неведомо откуда
Тревога старая взялась.

И плечи давит, словно тяжесть.
Прямоугольник потолка,
И снова даль зовет бродяжить,
Ветрам дорожным потакать.

Но, заглушив весенний шорох,
Неотвратимее зовет —
Над формулой сухой, как порох,
Над лаком импортных приборов —
Работ великих третий год.

Где путь в горах оборван круто,
Где снег ногами не примят,
Где по весне ручьи гремят, —
Лежат нетронутые руды.

И мы на них ведем отряд —
В края, где греет неустанно
Сухое небо Казахстана,
В сибирский комариный зной,
Среди низин глухих и мокрых,
Необжитой пугая округ
Своею песнею шальной.

Мы, как машину, до винта
Наш край в работе изучаем.
И нас просторами встречая,
Своих сокровищ инвентарь
В любой разведке наших партий
Земля вверяет новой карте.

Такого жаркого восхода
Не знала ни одна заря, —
По всем концам земли восходят
Пути советского сырья;

И нам за ним идти велит
Весенний зов, чтоб мы могли
Сказать, что хорошо ли, худо ль,
Но не деленной пополам,
Не как коротенькую ссуду —
Сполна переключили удаль
На точный пятилетний план.

1931

357. СЕВЕР

Начало я помню. Всего горячее
Стремленье уйти от обычных преград.
В обложке истрепанной — «Мир приключений»,
Чужая земля, Наутилус и Грант.

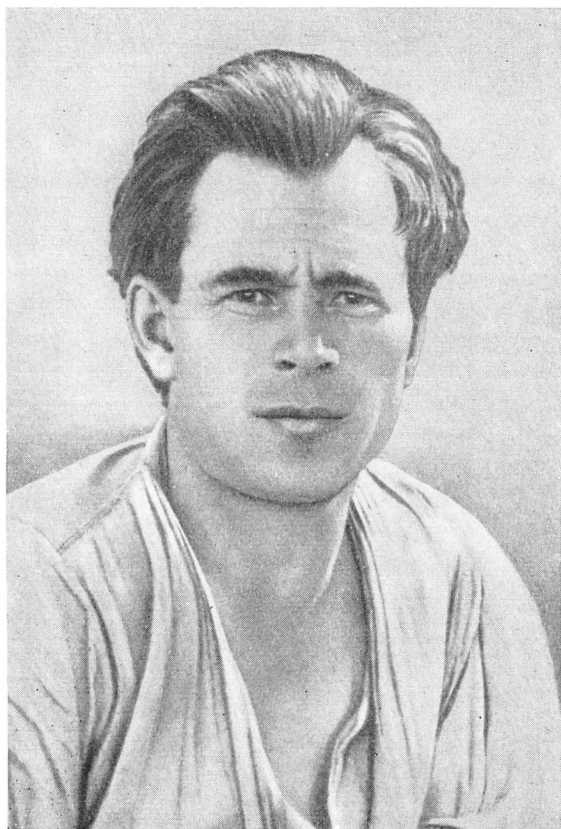
И каждому разное снилось ночами:
Иному — Австралия, полюс — другим;
Но равно томили — как было вначале —
По глобусу легшие сетью круги.

А мне представлялось: когда на восходе
Пустым океаном владеет заря,
И льдины отколотые проходят,
Холодную прозеленью горя,
На ледоколе, а то на собаках,
Стремлюсь в снеговой непрерывный мятеж. . .

Как горько бывало проснуться, заплакав
От явной несбыточности надежд!

Евгений Нежинцев

Иван Пулькин

Завоеватели!

Я не войду

В края, ледяной отягченные лавой;
Я только по карте рукой проведу
Ваш путь, освещенный полярною славой.

Придуманые персонажи книжек,
Поздней вспоминавшиеся иногда,
Они показались скучнее и ниже
Обычного роста в былые года.

Но сделался в жизни обыденной веским
Мой мир невесомый, и в новой судьбе
Лежащий у полюса Север советский
Иных победителей манит к себе.

Выходит, не болтовней впустую,
А самой надежной базой труда
Всё то, о чем, бывало, тоскую,
Предстало взыскательным нашим годам.

И, с будничными городами упрочив
Отныне союз трудовой навсегда,
Ты требуешь новых и новых рабочих,
Рудой и пушшиной богатая даль.

Ты требуешь самых надежных и храбрых,
Кто может идти с тобой наравне,
Для чьей добычи фундаменты фабрик
Возводятся нынче по всей стране,

Чьей волей в степях вырастают заводы.
К тебе я приду не сегодня еще, —
Меня удержали другие заботы,
Мне руку свою опустив на плечо.

Но передо мною стоишь ты, не тая,
Страна ледяная, владенье зимы, —
С тобой не прощаюсь, года не считаю,
Не в этом — так в будущем встретимся мы!

<1932>

358. ВЕСНА В ТИКСИ

Отдых к ночи, а ночи нету —
Каждой ночью светло, как днем.
Как тут будешь бродить до света,
Тьму отыскивать днем с огнем?

Утки в забереги слетают,
Лед проталинами пошел.
Из распадка любую стаю
Тут выслеживать хорошо.

Всё спокойно в холмах безлесных,
Птицы свищут у самых ног,
Да гремит в снеговых отвесах
Черно-синий лютый поток.

Солнце словно желтою пылью
Одевает гор наготу;
И, расправив рябые крылья,
Мне в глаза взглянув на лету,

Коршун падает с камня камнем,
Пустырей разбойный герой,
И скрывается за сверканьем
Снега талого под горой.

Но в пустыне, одетой светом,
Там, где маревом поднят лед,
Что за тень, колеблема ветром,
На черте горизонта встает?

То шагает легкий и скорый
Мой товарищ — зачинщик охот.
«Здравствуй! — крикну я через горы. —
Как охота твоя идет?»

И просторной свободой богаты,
В цель стреляя под небеса,
Сколько разной твари пернатой
Мы привяжем на пояса!

И к зимовке — уснуть до работы.
Уходя, говорим вперевод
О работе в порту, об охотах,
Об осеннем пути домой.

Осень — к осени, к лету — лето.
Через несколько быстрых лет
Спросишь: молодость моя, где ты?
Ничего не слышать в ответ.

И тогда, тяжелее камня
С неизвестных слетев высот,
Глянет злая тоска в глаза мне,
Надо мной задержав полет.

Я из самых дальних затонов
Верной памяти призову
Время солнца и льдов зеленых —
Сон, приснившийся наяву.

И товарищи выйдут те же,
Молодые — как в те года;
Мы сойдемся на побережье
После радостного труда.

Впереди просторно и тихо,
Темных крыльев пропал и след,
Только в море из бухты выход —
Словно в будущее просвет.

1935

359. ИТОГ

Иной судьбы, казалось, не желая,
К несбыточному больше не стремясь,
Так медленно, так нехотя жила я,
В чужую жизнь стучаться утомясь.

Ступала от удачи к неудаче,
На близкое смотря издалека,

Когда, мои пути переиначив,
Их повела холодная река.

Так палый лист уносится теченьем
Куда-то в неизвестность. И пришло
То чувство, что зовется отреченьем,
Что холодно, пустынно и светло.

У моря ветром рвало мох и камень,
И приходилось, наклонясь дугой,
Карабкаться, держась за трос руками,
Храня дыханье, сжатое пургой.

И день за днем вставали в сроках твердых —
Стремленье ветра, уровень воды,
Путь облаков и в дождемерных ведрах
Сухого снега светлые следы.

Еще в июне льды в заливе стыли
Зеленые, прозрачны и влажны,
А светлая, холодная пустыня
Взыграла всеми красками весны.

На склонах гор, коричнево-лиловых,
Горели мхи и снег сходил на нет;
Большой пустырь куражился в обновлениях
Болот, у неба отбиравших цвет.

И солнечными длинными ночами,
Держа от солнца руку у бровей,
Бродила я с винтовкой за плечами,
Пугая птиц в оттаявшей траве.

И многократно утверждали скалы,
Катая эхо моего ружья,
Что лишь преддверьем — искусом закала
Была вся жизнь прошедшая моя,

Что было в ней борьбы постыдно мало.
И, отступив в сознании вины,
Молчала я, и снова возникала
Над голым миром песня тишины.

Она в ушах звучала бегом крови,
Разгоряченной редкостной весной,
Она была прекрасней и суровей,
Чем гребни гор и небо надо мной.

Оплетена напевом этим длинным,
Я волю в нем услышала одну:
Огромный зов к застроенным равнинам,
Гораздо раньше встретившим весну.

И стало ясно: от него не скроешь
Себя нигде, и на краю земли
Моя судьба — такого же покроя,
Как судьбы тех — оставшихся вдали.

Мы улью одному готовим соты.
И доказал мне этой песни лад,
Что жизнь друзей и прежняя работа,
Объединясь в усилии, велят
Вернуться к ним, чтоб изменять значенье
Любых вещей по слову своему.

1935

360. ИСТОРИЯ ПОРТА

В каком краю мы жили целый год!
Пришельца он встречает как врага.
Ни дерева на камне, лишь метет
Пустые горы снежный ураган.

В промерах бухты, за буреньем дна
Растаяло последнее тепло,
И облаком и поступью грозна,
Вошла зима, шагая тяжело.

Она врасплох застать пыталась нас
В палатках на пустынном берегу.
И ускореньем метя каждый час,
Пришлось дома достраивать в пургу.

В три яруса шли койки по стене, —
Тут места нет для одиноких дум;
И приходили в гости, как стемнеет,
Друзья со шхун, зимующих во льду.

И в мертвом мире вестью о живом
Звучал мотора равномерный стук,
И мастерские в трюме баржевом
Работали, как в городском порту.

А у машины сплоченная рать
Не знала слова «отдых» иль «прогул».
Для охлажденья воду набирать
Из проруби случилось нам в пургу.

Ремень порою рвался, как назло,
Покрывл одежду нефти жирный блеск,
Но свет горел и радио несло
Родные голоса из дальних мест.

И новый порт Союза, на краю
Республики, где нет еще дорог,
На право жить заявку сдав свою,
Как орден боевой, на карте лег.

Пришла весна. Закладывали мол,
И аммонал добычу брал у гор, —
И скоро первый катер в рейс пошел
Опробовать исправленный мотор.

Под криками сирены и гусей
Росло, нетерпеливей каждый час,
Большое ожидание гостей —
Гостей, хозяев порта после нас.

И вот за длинным мысом — первый дым,
Полярным морем подошли суда.
Основан порт. Вбегает мол в залив,
И меж судами катера снуют...
Печаль и боль, откуда ж вы взялись
При возвращеньи в прежнюю семью?

Тут были холод, вьюга, теснота,
Зимю вовсе не бывало дней,
Тут крепла дружба, бранью начата,
Не много дружб сравниться могут с ней.

И край, людей сближающий в беде,
Где воля крепнет, как осенний лед, —
Он входит в память, ею завладев.
В таком краю мы жили целый год. . .

1935

361. МИШКА

Он спал на льду, на острове Мостахе.
От шума он проснулся. Вот опять
Раздался шум, и зарычала в страхе
И поднялась встревоженная мать.
И рухнула. Винтовка била прямо,
И промах невозможен в двух шагах.

Спускались люди в ледяную яму,
Собачьим лаем полнился Мостах,
Летело эхо голосов веселых,
Все подбегали мишку поглядеть,
А к вечеру доставлен был в поселок
Зимовщикам трехмесячный медведь.

О, ворс пушистый лап короткопалых,
Наивные глаза под круглым лбом.
В нем обаянье детства проступало
Сильнее, чем в детеныше любом.

Он быстро с нами научился ладить,
Дружил с собакой, словно был щенком,
Порою разрешал себя погладить
И накормить сгущенным молоком.

В час отдыха водился с пленным всякий,
Учил его, как учат медвежат.

На положенье комнатной собаки
Привык звереныш в тамбуре лежать.

Весною он, июньским солнцем вызван,
Ушел — мы не заметили когда —
Купаться в майну. Заблестела, брызнув,
Над прорубью студеная вода.

И псов сухих упряжка с лаем громким
Метнулась — камня крепче каждый клык;
Ремня не чуя, путая построжки,
Собаки сбились, на медведя злы.

И после, лапы врозь, на льду весеннем
Он вздрагивал и медленно стонал.
Я подле опустилась на колени,
И он в последний раз меня узнал.

Но, из-под гнета ласки подневольной
Освобождаясь, он, как только мог,
Стремясь руке ласкавшей сделать больно,
Нанес на ней зубов своих клеймо.

Я встала, понимая недоверье
Ко мне, к чужой, и не сводила глаз
С мохнатого комка, что снова зверем —
Самим собою — был в последний час.

1935

362

Бывает, синью неба молодого
Ослеплена, сомкну глаза — и вот
Весь мир весной давнишней околдован,
И вновь она к тебе меня зовет.

...Бегут назад поля, речные дамбы
И сухостой, чернеющий углем,

456

И легкий ветер залетает в тамбур,
Где у подножки мы стоим вдвоем.

То словно опускаясь на колени,
То снова подымаясь до небес,
Мелькает, кружит голову весенний
Края дороги обступивший лес.

И в наших жилах самым вешним звоном
Поет внезапной встречи торжество,
И поезд, мчась по неизвестным зонам,
Колесным громом чествует его.

Но были мы с тобою слишком схожи
Своим упрямством и судьбой самой
И не сжились поэтому. И всё же —
Я знаю — даже в час последний мой,

Забот обычных забывая годы,
Я захочу хоть раз еще с тобой
Услышать дальний голос парохода,
Увидеть дым меж небом и водой.

И выросший в единое мгновенье,
Шумя и подымаясь до небес,
Зеленый мой, веселый мой, весенний,
У самых окон замелькает лес.

1940

363. ЛЕТО

Жаром веяли дни июля,
Накалялся сухой песок,
Только на море ветры дули,
Был сердитый прибой высок.

Здесь, у взморья, друг друга встретив,
Мы бродили плечо в плечо:
Двое взрослых, и с нами третья —
На земле еще новичок.

Ей ничто не казалось малым,
Не пугала ее гроза,
И когда она подымала
К дальним тучам свои глаза, —

Так до дна они голубели,
Будто с первого дня ее
Расстиралось у колыбели
Моря чистое бытие.

А вдали, где каймою плоской
Берег заводи окружал,
Вечерами лиловой блестящей
В камышах прожектор лежал.

И порою, когда прохлада
Берегами брела впотьмах,
От маневренной канонады
Стекла вздрагивали в домах.

Этот грохот на полигоне
Был нам сторожем за окном.
И, приникнув щекой к ладони,
Спали дети спокойным сном,

А наутро был снова слышен
Хохот в зарослях сосняка,
И внезапно за ближней крышей
Угол паруса возникал.

И летящий за яхтой прямо,
Загорался в глазах ребят
Самый чистый, бесстрашный самый,
Солнцу радующийся взгляд.

1941

364. СНОВА ЛЕТО

Еще со взгорья, как штыки нацелясь,
Торчат сухие мертвые стволы.

И, словно зло оскаленная челюсть,
На мшистом склоне надолбы белы;

Еще землянок черные берлоги
Сухим быльем с краев занесены,
Зияют в чаще по краям дороги,
Но этот лес — живой музей войны.

Уж на дрова разобраны завалы.
Природа нам союзницей была:
Она дождями гарь боев смывала,
На пепелища зелень привела.

И хутора спускаются в долину,
С угрюмым одиночеством простясь,
И жизнь полей становится единой,
И неразрывной будет эта связь.

Еще для слуха кажутся чужими
Названья сел, и путь меж ними нов,
Но родины единственное имя
Встает как день над волнами холмов.

И люди здесь спешат трудом и словом
Запечатлеть во всем ее черты,
Уже навек сроднившись с краем новым
В сознании спокойной правоты.

1941

ЕВГЕНИЙ НЕЖИНЦЕВ

Евгений Саввич Нежинцев родился в 1904 году в Киеве. С пятнадцати лет начал работать. Был табельщиком, сторожем, конторщиком, подручным слесаря.

Евгений Нежинцев принадлежит к числу первых рабкоров; в 1922 году в киевской газете «Пролетарская правда» он напечатал первую заметку. В том же году были напечатаны юношеские стихи Е. Нежинцева.

В 1927 году Евгений Нежинцев окончил Киевский политехнический институт и приехал на строительство Волховской гидроэлектростанции. Он писал и публиковал стихи, был профессиональным литератором, но не оставлял своей специальности инженера-электрика. В Киеве в 1930 году вышла его книга «Яблочная пристань», а в 1931 году — «Рождение песни».

Е. Нежинцев занимался также переводами. Он перевел на русский язык многие произведения классиков украинской литературы: Т. Шевченко, И. Франко, М. Коцюбинского и современных поэтов: М. Рыльского, А. Малышко, П. Усенко, Т. Масенко.

Евгений Саввич Нежинцев умер в дни блокады Ленинграда 10 апреля 1942 года.

365. МУДРОСТЬ

Восприняв мудрость чисел и таблиц,
Пройдя тройные рощи интегралов,
Мы вышли в жизнь,
Как в схватку корабли,
Обрывки пены бросив у причалов.
Нам стали тесны эти небеса
И ход планет казался тяжелее.
Нам другом был и Ом, и Гей-Люссак,
Декарт,
Паскаль
И Менделеев.
И мир был покорен и прост,
И формулам должны были поддаться
Спокойное мерцанье звезд
И душное цветение акаций.
Но в гроздьях формул потерялись мы,
Найдя не сразу наше назначенье.
Философы —
Лишь объясняли мир.
Мы —
Изменить должны его движенье.

<1935>

366. МИРОНЫЧ

Всё было для него
Волнующим и близким:
Чертеж котла,
Снежинок первый рой,
Закат над Смольным,
Сметы и записки
И каждый камень
В новой мостовой.
Он всё изведal:
Бури и ненастье.
Он всё прошел:
Пески, огонь и лед.
Он нам с тобой принес
Такое счастье,
Которое века переживет.
Его встречали
 то в садах предместий,
То в клубах,
 где кипело торжество.
Он всюду был,
 и мы считаем честью,
Что все мы —
 современники его.

1939

367. ОЧЕНЬ РАНО

Еще над морем не светало,
Еще в горах висела мгла,
Когда украдкой пробежала
Большая капля вдоль стекла.

И теплый дождик рад стараться —
Давай шуметь по мере сил
По листьям мокнувших акаций,
По тонким столбикам перил.

И пузырями у фонтана
Пошел вздуваться и шипеть.

Пускай шумит.
Еще ведь рано
И нам вставать,
И птицам петь.

1939

368. ВИНОГРАД

Немало мы с вами, друзья, положили
На эти кусты и терпенья и силы,
Чтоб грозы не били,
От зноя не слабли
Большие,
Тугие,
Янтарные капли.
Чтоб люди не знали ни горя, ни тягот,
Коснувшись губами пленительных ягод...
И вот урожай уже собран в корзины —
Выкатывай бочку и ставь посредине.
Налейте стаканы и пейте до дна,
Чтоб нашей работой гордилась страна.
Чтоб люди, одоблив наш труд и успех,
Сказали б:
«С такими и выпить не грех...»

1940

369. ТУЧА

Был склон безрадостен и крут.
Турист ушиб, спускаясь, ногу.
Накрапывало понемногу —
Срывались капли там и тут.

Казалось, дождь и тот был рад
Шуметь над ним и строить козни,
Был туче рад старик колхозник:
Теперь воспрянет виноград!

Ладонь подставил каждый лист
И пил,
и всё казалось мало...
«Дождя лишь мне недоставало», —
Ворчал промокнувший турист.

1940

370. ДОРОЖНЫЙ МАСТЕР

Как весело мастер дорожный живет.
Летит на дрезине и песни поет.
Качаются травы, взлетает песок,
Дрожит на шесте кумачовый флажок.
Над пеною рек, над равниной,
Как птица, мелькает дрезина.

Мосты прогремят и туннель промелькнет —
Дрезина замедлит стремительный ход.
Наш мастер проверит, как шпалы лежат.
Он камешков белых подвыправит ряд.
И снова помчится дрезина —
Полно еще в баке бензина.

Но небо темнеет, темнеет вода —
Над стрелкой зеленая всходит звезда.
И тени бледнее кругом...
Наш мастер уходит в свой дом.
Стоит под навесом дрезина —
Наверно, ни капли бензина.

1940

371. СТАРЫЙ УЧИТЕЛЬ

Очки протрет, наденет и глазами
Спокойно прогуляется меж нами,
Потом движением заученным руки
Развесит ловко карту у доски

И, медленно пройдя по классу,
Заговорит.

Теперь уже ни разу
Никто его ничем не перебьет.
Потоком мирным речь его течет.
И, полные признанья и доверья,
Скрипят карандаши и перья...

А за окном —

сирень

И мир без края,
Где океаны синие играют,
Гуляют ветры,
Бродят облака,
Ущелья, где рождается река,
Где птицею уходит самолет, —
Весь мир, куда учитель нас ведет.

1940

372. ОПЯТЬ НЕТ ПИСЕМ

Висят кувшины на заборе,
Рябина плещет на ветру,
И ягод огненное море
Ведет веселую игру.

На опустевшие балконы
Ложатся сумерки и тьма,
И ходят мимо почтальоны,
И нет по-прежнему письма.

Как будто ты забыла имя,
И номер дома, и число,
Как будто листьями сухими
Дорогу к сердцу занесло...

1940

373. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ В ЦККиО

Свежеет ветер, всё сильнее
Раскосый парус надувая.
И руки тонкие ветвей
Подолгу машут, с ним прощаясь.

Под птиц печальный пересвист
Идем, счастливые, с тобою,
На солнце пожелтевший лист
Летит, мелькая над водою.

Прохладой осени дыша,
В последний раз теплом порадуй.
И в шубах дремлют сторожа,
Склонясь у обнаженных статуй.

1940

374. ПЕРВАЯ СКРИПКА

Замолкла скрипка у окна,
И звуки растерялись странно,
И золотая тишина
Проплыла облаком неожиданным.

И только билась под смычком
Давно отыгранная песня.
И падал день, как я, ничком,
И сердцу становилось тесно.

Оставь смычок, оставь футляр
И эту скрипку вековую, —
Тебя восторженный пожар
Осенних листьев зацелует.

И с ним метаться и лететь
Под дудочку,
Под зов свирели
И падать в желтую метель
Веселой песней на панели.

1940

375. ВТОРАЯ СКРИПКА

Как скрипки первое дрожанье,
Как робкий взлет и стон смычка —
Уже коснулось увяданье
Рукой серебряной виска.

Осенний лист устало кружит,
Ты падай с ним и с ним лети.
Но мне ль под шелест желтых стружек
О прежней удали грустить?

Рябин пылающие бусы
Ворвались гроздьями в окно.
И перелив осенних музык
Пьянит, как старое вино.

И только жгучее желанье
Лелеет мысль
Одну,
Одну —
 спокойно встретить увяданье
 и чувствовать в себе весну.

1940

376

Вспыхнула испуганная рама
Блеском ослепительным стекла:
Молния, как будто телеграмма,
Тучами тяжелыми прошла.

А за ней раскатисто и низко
Шел вдогонку разъяренный гром,
Словно кто-то требовал расписку
И грозил поставить на своем.

Гром отгрохотал, и над домами
Снова и просторно и светло...
Только от тебя ни телеграммы,
Ни простой открытки не пришло...

1940

377. ЗДЕСЬ ВСЁ — ЧИНАРЫ КОЛЫХАНЬЕ...

Здесь всё —
 чинары колыханье,
 листва, шуршащая у ног,
 коров протяжное мычанье
 в крутых извилинах дорог,
 и осень, что пришла так рано
 по склонам гор к морской волне, —
Стихи напомнило Терьяна
И стало вдвое ближе мне.
Ведь он, как я, любил когда-то
 осенний голос,
 шум воды,
 часы печального заката,
 мерцанье утренней звезды...
Он славил светлый мир, тоскуя,
Он шел к нему сквозь боль и тьму...
За это всё благодарю я
И низко кланяюсь ему.

1940

378

Картины пишем, акварели
Всех уголков родной земли,
Чтоб пограничники смотрели
И крепче землю берегли.

Стихи мы пишем дни и годы,
Мы отдаем им жизнь свою,
Чтоб с ними шли бойцы в походы
И побеждали бы в бою.

Мы плавим сталь в печах и домнах,
А после выплавки, устав,
Лежим в тишѣ квартир и комнат,
Листая воинский Устав.

1940

Пусть буду я убит в проклятый день войны,
Пусть первым замолчу в свинцовом разговоре,
Пусть... Лишь бы никогда не заглянуло горе
В твой дом, в твои глаза, в твои девичьи сны..

Пусть не осмелится жестокая рука
Черкнуть в письме, в скупой на чувства фразе,
Что ты в разорванном лежишь противогазе
И бьется локон твой у синего виска...

1941

ИВАН ПУЛЬКИН

Иван Иванович Пулькин родился в 1903 году в крестьянской семье в деревне Шишково, Московской области (недалеко от Волоколамска). Закончил три класса церковно-приходской школы. Дальше учиться не удалось, вскоре его отдали мальчиком в трактир. В 1915 году приехал в Москву и поступил учеником наборщика в типографию. В 1917 году вернулся в деревню, крестьянствовал, помогал матери.

После Октябрьской революции вступил в сельскую комсомольскую ячейку. Учился на курсах политпросвета в Волоколамске, занимался пропагандистской работой.

В 1924 году переехал в Москву и поступил в редакцию газеты «Молодой ленинец». Учился в Высшем литературно-художественном институте им. Брюсова. В 1929 году работал в газете «Московский комсомолец». С 1930 по 1934 год — редактор в Государственном издательстве художественной литературы.

Иван Пулькин печатается с 1924 года. Сначала в «Молодом ленинце», в журналах «Смена», «Комсомолия», в «Журнале крестьянской молодежи»; с конца 20-х годов — в «Октябре», «Новом мире», «Известиях».

В 1934 году Пулькин был осужден Особым совещанием НКВД и сослан на 3 года в Западную Сибирь. Там он сотрудничал в газете «Зоркий страж» и в лагерной многотиражке «Перековка». После досрочного освобождения вернулся в Москву. В предвоенные годы Иван Пулькин был библиографом в Институте истории, философии и литературы. Стал снова печататься в центральных изданиях.

В первые дни Великой Отечественной войны И. Пулькин пошел в народное ополчение. Был ранен при бомбежке. Еще не оправившись, уехал на фронт. Иван Пулькин погиб в декабре 1941 года. Дата и место гибели неизвестны.

330. ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ «ЯРОПОЛЬСКАЯ ВОЛОСТЬ»

На тротуарах мокренько,
Снежок внатруску —
Скользкие...
Остановили окриком:
— Вы русские?
— Нет, мы — яропольские!

У нас о весне небеса цветут,
Травкой вью-
Тся по бережку,
На каждом кусту
По соловью,
У каждой березы — по девушке.
Самые длинные бороды у стариков —
В Яропольце,
Самые умные головы у мужиков —
В Яропольце.
Самые толстые кулаки —
У нас,
Самые тощие бедняки —
У нас.
Словом, ни для кого не новость,
Что мы — образцовая волость.

Наш говор экспортируется в столицы,
У нас лучшие по округу невесты
(Высокие, круглолицые).
Наш кооперативный центр

По борьбе за снижение цен
Занял первое место.
Климат влажный, воздух чудесный
(Стоит обследовать!),
Прелестная местность,
И недалеко отседова.

1929

381. ИЗ КНИГИ «СССР»

ВОЛХОВ

Будучи не из тех, что, высоко котируясь,
Отказались от прошлого,
Весь день я
Безжалостно цитирую
Любимейшее произведение.

О Баяне, соловью старого времени
(Хорошо поешь, где-то сядешь?),
Рыщешь в тропу Трояню с романтикой
у стремени,
А любо — лелеешь Святославовы насады.

Садись, старик,
Побеседуем
На тему:
Нечего о прошлом сетовать.

Нам под жизнь отведен замечательный век,
Нам вручены силы:
Недр, ветров, пара, солнца и рек, —
Словом, век
Изумительно милый.

Незачем ходить далеко —
Сверяться в исторических толках,
Скажи мне:
Сколько веков
Валялась без дел такая река, как Волхов?

С гусель яровчатых веселого Садка
Медом сыченым песнь текла,
И будто бы с рукавов бобровых Волховны
Катились Волхова волны...

А косматые бородачи,
Надевши красные рубахи,
Подпоясывали мечи
И, как бесстрашные рубаки,

Для потехи, на досуге,
Оседлав ладьи да струги,
Плыли к стойбищам полян
Грабить мирных поселян...

Лелеял Волхов белорунный
Корму высокую ладьи,
И запевал Садко,
Перебирая струны,
Про то, как плавали они.

Рассказывал под гусярный звон,
Как вздорил с Новгородом он:

Эх, я ли тебя, ты ли меня!
От славного города
Новгорода,
От славного озера
Ильменя
Выбегали,
Выгребали
Тридцать кораблей,
Тридцать кораблей —
Един корабь.

Базарь, ушкуйники, да грабь,
Мы здесь погуливали летось!

А после,
Именем культуры,
Историки литературы
Про это самое —
Про «летось» —

Сказали каменное:
«Эпос!»

Я не считаю пустяком
Наш эпос, слаженный на диво,
В нем мастера речитатива
Сдружили слово со стихом.
Но думается, что
Нелепо-с
Увесистое слово
«Эпос».

Зачем лирическую песню,
Где отразились век и класс,
Прозвали эпосом у нас?

С их-то руки,
То есть с тех пор,
В сонных томах на книжных полках
И на губах у рифмачей
Играет пряной брагой Волхов,
Неся лихих бородачей.

А между тем
Он уяснил,
Что он
Не «эпос»,
Что он молод
И чувствует машинный голод
Всей
Массой лошадиных сил,
Бушующей в его валах.
Что «эпос» — тесно и старо,
Что зря лелеять гусяров.

Пришел мускулистый галах —
Другой, не пьяница Буслаев,
Что Новгороду нагрубил...

.

И вот,
На Ленина ссылаясь,

Всей тяжестью, сгущенной в волнах,
Торжественно клоочет Волхов,
Вращая лопасти турбин.

Я видел тысячи
Ручьев,
Речушек,
Речек,
Рек —

 неудержимого бега, —
Попавший к ним в оборот человек
Делался прозрачнее снега.

У них с весны работы по горло:
Питать рыб,
Носить суда, —
Но только Волхов
По-настоящему гордо
Несет красное знамя труда.

Судите:
Мало ли Волхову дел,
Легка ли валам
Работа,
Ежели
Вал Волхова
Бел —
В белой кипени пота.
Седобород и гриваст,
Вал Волхова
Идет вприсядку,
Громом обдаст
Как пить даст
И...
Мимо!
Без пересадки!

У Волхова
Восемь турбин,
В каждую — воду неси!
Я слышал:
Волхов трубил

Тревогу
От нехватки сил,
Но чтобы накалить кабелей
Всё заглушающий звон,
Он падал
Последней каплей,
Равной тысячам тонн!
Я спрашиваю:
Каждому ли вдомек
Такое самосвержение?
Волхов,
Как сердце, сжимается в комок
Неопровержимого напряжения!
Когда нарушается связь
Узко ограниченной зоны
И материя, раздробясь,
Превращается в электроны,
Когда в грохоте
И в кипенье
Стали,
В сплошном пенье
Гудков
Сплошь нарушено сердцебиение
(И столько лет не сдались —
Неуклонно стройны!),
Когда строится социализм
Силами одной страны!

1931—1932

382. ИЗ ЦИКЛА «ДИКИЕ ПЕСНИ»

1

О, как давно я не пил за белою скатертью чаю,
Как давно мой каблук не стучал об асфальт и торец,
И песни мои дичают,
И я дичаю, их веселый отец.

Где слова мои — быстрые рыбки,
Пересекавшие звонкий поток?

Возьмешь книгу и прошлогодней улыбки
Найдешь засушенный на память цветок.

Он ласково твой взор повстречает
И тихонько запоет,
И ты увидишь, как песни мои дичают
И как дичает сердце мое.

Возьми и перелистай, если можешь,
Эти сухие цветы,
И ты найдешь под умершей кожей
Живые сны мои и мечты.

2

Дело было к весне,
Накануне мая,
Шел, как полагается, снег,
По улицам пыль подымая.

И я, тишины тише,
Той, что, грустя, поет,
Прислушивался, как бьется выше
Веселое сердце мое.

Шел снег в густой оправе
Филигранного серебра,
Я думал: «А разве вправе
Сердце рваться из-под ребра?»

Разве вправе оно на свободу
Проситься, памятуя о том,
Что, как воду, горячий воздух
Ловлю обгоревшим ртом?»

Воздух обжигал губы,
Как и всякому, кто поет,
И шло постепенно на убыль
Веселое счастье мое.

В решетку солнышко разграфлено,
 И потому так душно и темно,
 И потому в глазах такая муть,
 И хочется поверх тоски взглянуть
 В лицо весны такой большой и теплой,
 Сверкающей на кирпичах и стеклах.
 И хочется глаза открыть как можно шире,
 Чтоб увидеть, как всё свежеет в мире:
 Как крепнут мускулы, как набухают почки,
 Как на дворах резвится детвора,
 Как, разговаривая, идут трактора,
 Распахивая впадины и кочки.
 Я вышел бы, как прежде, на крыльцо,
 Чтоб ветер брызнул дождиком в лицо,
 Чтобы обжег скользящий с синих круч
 Отточенный звонкоголосый луч.
 Но ветра нет, и душно и темно,
 Откуда он возьмется, звонкий луч-то,
 Сквозь этот мрак тяжелый,
потому что
 В решетку солнышко разграфлено.

1934—1935

883. ОБРАЩЕНИЕ К ЛЮБИМОЙ НЕПОСРЕДСТВЕННО

1

Дай на прощанье поцелую в лоб,
 Чтоб грустью память не томилась,
 Чтоб всё забылось, всё прошло,
 Прошедшее чтоб стало мило.

Дай на прощанье поцелую в лоб...

Дай руку поцелую — будь здорова,
 Вновь окунусь в задумчивый покой,
 Разбавленный прохладною тоской.

Дай поцелую руку — будь здорова!

Теперь последний поцелуй — в глаза.
За их задумчивое, теплое сиянье,
Чтоб снова улыбнулись при свиданьи.
Один последний поцелуй — в глаза!

2

Ты не приехала, а жалко —
Тебя готовились встречать
Рябины в сарафанах жарких
И в штофных шаях на плечах...
Гадали: конной или пешей
Прибудешь ты... А день горел...
Чем их печаль теперь утешить?
Тем, что приедешь в декабре?

Лес, выслав встречу, выстлал тропы
Коврами... День был тих и синь...
Чем успокоить горький ропот
Грустящих о тебе осин?
Как приглашать тебя?.. Какую
Всесильной песней заманить?..
Здесь всё насыщено тоскою,
Всё ждет тебя, считая дни!

Октябрь 1938

384. НЕ ВЕРЮ!

Я мир прошел из края в край —
Земля мокра
От слез...
Мир мраком и чумой оброс
До самых глаз
Как раз...
Тут духоты —
Не продышать — от крови,
Тут темноты
И тошноты
С краями вровень!
Мир оплыл жиром!

Тут тоски —
С пеленок и до гробовой доски
Не расхлебать всем миром!
Тут пухнет с голоду бедняк,
Не видя света, —
Ни хлеба, ни мечты, ни дня.
Да разве это
Жизнь, когда
Сплошной туман и кровь!
Смерть формирует поезда
И гонит в бой любовь!..
Я мир прошел из края в край —
У мира морда зверя,
От крови вся земля мокра, —
И всё ж не верю!
Не верю в ночь и в темноту;
Не верю в смерть и в пустоту;
Не верю в голод, в кровь и вой;
Ни в бойню пополам с чумой;
Пока на небе солнце есть,
Есть освещающие весь
Мир
звезды на седом Кремле —
Есть правда на земле!
Есть в мире майская гроза —
На страх гнетущей мгле;
Глядящая во все глаза
Есть стража на земле;
Есть труд — славнее всяких слав,
Есть песен медь
И право выше всяких прав —
Творить и петь;
Есть доблесть в боевом строю,
Есть смерть за родину в бою,
Есть звезды на седом Кремле —
Есть счастье на земле!

1939

Самуил Росин

Борис Смоленский

885. ПРОЛИВ ДЕТСТВА

Будто у этой ночи есть свое тепло
невиданное греющее солнце.

И. А. Гончаров

Ты спишь — щенок щенком, уткнувши нос
в ладошки,

Прижмурив взгляда омут голубой...
Ты спишь и видишь: за ночным окошком
К большой луне, мурлыча словно кошка,
Разнежась, ластится недремлющий прибор...

Вдоль побережья трав безбрежное кипенье,
Ласкающее спящие зрочки, —
В них будто в море мира отраженье
Плывет торжественно... Задвижки и крючки
Не в силах воспретить ему плескаться в спальне,
Запорам не смирить неукротимый бег, —
Сквозь камень стен, сквозь древесину ставней
Оно проникло в комнату к тебе!

Тебя невидимо ночное солнце греет —
На лбу солоноватая роса...

И шумный мир не для тебя стареет;
Ты дышишь глубже, чище и острее,
Ты видишь белые, как сахар, паруса,
Ты твердою ногой на палубу ступаешь,
Ты бродишь в зарослях, ты покоряешь мир;
Старуха жизнь, на радости скупая,
С тобой щедра, боец и командир!
Я вижу, ты оседливаешь ветер, —
Он крутится, виляя и юля,
Но он тебе и лучший друг на свете,
Он ветер времени — у ног твоих земля!

Ты мне не сын, ты мне чужой ребенок,
Я имени не знаю твоего,
Но голос твой знаком, он золотист и звонок,
Нежней, пожалуй, солнца самого!
Ты мне не сын, но чувствую, как дышишь,
Чужого счастья любимая слеза.
Я не встречал тебя и имени не слышал,
Но снам твоим заглядывал в глаза!

Я знаю, что лицом ты в наше время вышел,
Что не рожден ты для обид и бед
И что для матери нет в мире счастья выше,
Чем заглянуть в твой розовый расцвет,
Наполненный весенним жарким соком,
Что в мире выше нет звезды твоей высокой!..

С реальностью такое детство в споре,
Мне скажут — влаги розовой стакан!..
Но я ж не говорил, что детство — это море,
Оно лишь только путь в просторный океан!..

1939

386

День распускается ярким
Венчиком лютика. Зной
Сияющий и жаркий
Над задремавшей рекой!..
Ласточка крылом режет
Тонкий шелк вышины;
Цветет над побережьем
Воздушный лес тишины...
Стрекозы зеленокрылой трепет,
Дробя стекло синевы,
Уплывает в лепет,
В лепет, в шелест листвы...
Ив полупрозрачные ветви,
Склонившись на грудь воды,
Будто читают ветром
Оставленные следы...
И ты стоишь не дыша, внимая
Мелодии сладостного молчанья,
Всё видя, всё слыша, всё понимая
Всевидением печали.
Вставай же из мглы безвестной
На солнечный светлый пир,
С высокого берега песни
Еще необъятней мир!

1941

САМУИЛ РОСИН

Самуил Израилевич Росин родился в 1892 году в местечке Шумячи, Могилевской губернии. Его отец — возчик. Семья жила бедно, и Росину не пришлось учиться. Он стал работать маляром и одновременно занимался самообразованием, много читал.

В начале 20-х годов Росин переезжает в Москву. Одно время служит воспитателем в детском доме, а потом целиком отдается литературной деятельности.

Писать стихи Росин начал с 14-ти лет. Первое стихотворение, «Поденщику», опубликовал в 1917 году. В 1919 году выпустил сборник поэм для детей «Бабушкины сказки», построенный на фольклорном материале. В том же году вышел сборник лирических стихов поэта «Раковины». В последующие годы Росин выпускает поэму «Сияние» (1922), сборник «Ко всем нам» (1929), поэму «Сыны и дочери» (1934), книги «Жатва» (1935), «Влюбленный» (1938). С каждой новой книгой Росин совершенствовался как тонкий и глубокий лирик. Предвоенные стихи Росина полны предчувствия опасности, нависшей над страной, и сознания своей ответственности за все происходящее в мире.

В июле 1941 года Росин вместе с другими московскими писателями добровольно вступил в ряды Советской Армии. Фронтовые стихи он заносил в записную книжку, которая не сохранилась. Самуил Росин погиб в тяжелых оборонительных боях под Вязьмой осенью 1941 года.

387. РУКА МОЯ В БЕССИЛИИ БОЛТАЛАСЬ

Рука моя в бессилии болталась.
Был зыбок шаг мой и надрывен крик...
А нынче не страшит меня усталость —
К простой работе я привык.

Давно я знаю: чуда не случится —
Не брызнет камень ключевой водой,
И дверь не может ни пред кем открыться
Сама собой.

Так отчего же нынче беспокойно мне?..
Как будто тучи надо мной везде...
Ах, голова ты, буйная и знойная,
Скажи мне, сердце, радость моя где?

Ручьи поют на улице,
Веселые, горластые,
Прыгая по камешкам
И солнца луч дробя...
И больно мне за всякого,
Кому на свете счастья нет,
И грустно мне немножечко
За самого себя.

1925

388. НА СОЛНЦЕ

Звенит морская синь,
Сквозит песчаным дном,
Захлестан берег
Солнечным огнем.

У солнечной страны
В бессменном карауле
За кряжем
Выситя
Гранитный кряж.

И головы
Утесы повернули
На перекоп
Через Сиваш.

Я — на скале
Замшелого гранита.
И, мнится,
Ухожу
Корнями в глубь пород.
Ветвями ввысь тянусь,
До синего зенита.

Я исполином становлюсь,
Я превращаюсь в стройный кипарис,
Что слушает прибоа
Синий рокот,
Неугомонный рокот
Бурных брызг...

Стою один,
Смотрю и слушаю,
Как море плещет спозаранья,
За валом гонит вал,
Оттачивает камни —
Грань за гранью,
Шурша, шлифует их,
Не ведая покоя...

И я твержу себе, твержу:
И ты будь, песнь моя,
Отточенной такую.

Как эти каменные тверди,
Стоящие сурово на посту,
Как этих гор гранит,
Должно ты, сердце, твердым быть
И в битве каждодневной,
И в час борьбы —
Великий и прекрасный час,
Что ожидает нас.

1932

389

Бульвары, проезды
И улиц изломы
Бегут и несутся,
Несут и несомы...

С утра я волною
Подхвачен могучей:
Быть может, с тобою
Столкнет меня случай.

Распахнут мой ворот,
И сердце навстречу:
Быть может, я скоро
Тебя запримечу.

Средь гама, средь гула
Мечусь угорело...
Не ты ль промелькнула?
Не ты ль поглядела?

Я должен с тобою
Столкнуться вплотную...

486

Меж тысяч подобных
Ищу лишь одну я.

Бульвары, проезды,
Углы и изломы...
Какому же слову
Доверюсь, какому?

Несусь наудачу,
Измаян ходьбою, —
Боюсь, я заплачу
При встрече с тобою...

Ну что ж! Ведь, пожалуй,
Оно не мешало б
Излиться в потоках
Рыданий и жалоб.

Свершиться ли чуду?
Ведь жребий мой вынут.
Я знаю, что буду
Тобою покинут.

Я знаю, я чую,
И всё мне понятно,
И всё же сную я
Туда и обратно,

И против течения,
И вместе с толпою,
И нет мне спасенья
От встречи с тобою.

Бегу и шепчу я,
Твержу, не смолкая:
«Моя дорогая,
Родная такая...»

1935

390. ПУТЬ В ГОРУ

В лицо мне ветром терпким
Задышала
И повторила степь
Мой твердый шаг.
Я наново живу,
Я начал всё сначала,
И никогда я не жил
Жадно так.

Я поднял голову.
Мой взор открыт и весел,
Мой каждый мускул
Ртутью нагружен,
И ненависть свою,
Как никогда, я взвесил,
Так жаден я
И так насторожен.

А вдруг врага
Таит степная скрытность?
Следит за мной,
В меня нацелив глаз,
Всем сердцем стережет...
Оно не пощадит нас:
Выслеживает,
В тишине таясь.

И я прижал ружье,
Подстерегая.
И в сердце кровь
Замедлилась на миг.
И крик срывается —
Последний крик...
Так метко во врага
Не целил никогда я!

Путь в гору.
Ясное синее небо,

Страна вся в зелени, —
В цветеньи кирпичей.
Нет, никогда мой гнев
Таким созревшим не был,
И никогда любви
Не знал я горячей!

1935

391

И моря красота первоначальная,
И небеса, что с берегом слиты,
И ты, такая близкая и дальняя,
Как эти в небе дымные хребты.

Упала с высоты звезда высокая,
Поглощена вечерней темнотой.
В себе сегодня все раскрыл истоки я
Всей человеческой радости простой.

Не молодеет, знаю, сердце: усталю
Оно проникнуто под грузом дней.
Я мальчиком себя сегодня чувствую,
Зашедшим в гости к юности своей.

Там, в городе, где строго так шагаем мы,
В разбеге улиц, в каменном кругу,
Казалось, я чужой себе, незнаемый,
Казалось, нежным быть я не могу!

Вверху, в горах, соседствующих с бурей,
Где светят звезд алмазные рои,
Я вспоминаю грозную Астурию,
Я слышу вас, испанские бои.

И слышу я тебя, большая родина,
И я готов — и мне не надо клятв,
Чтоб кровь моя была тебе вся отдана,
Как перегной дегла для новых жатв!

Теперь уж волн краса первоначальная,
Гул моря заглушил шаги мои,
И ты — такая близкая и дальняя,
Как там, вдали, испанские бои.

1936

392. ИЗ ВЕЧНОСТИ ПРИШЕЛ Я

Пришел из вечности сюда я,
Из мечты.
Нетерпенья полон был весь род людской,
Украсил шар земной.
Готово было всё,
Приход мой ожидая, —
Колючки, и цветы,
И свет, и темнота седая...

Из вечности пришел сюда я,
Из мечты,
И, мир не зная,
Я застал
Страны,
Машины и аэропланы,
Хлеб и металл.

Свод законов в переплете строгом
И призрак, названный здесь богом.
Дороги за порогом
Из края в край. Ну словом,
Мир застал уже готовым...

Нетерпенья полон был весь род людской,
Украсил шар земной.
Готово было всё
Принять из вечности явление мое...

И вот я старый мир хочу разрушить
И заново построить жизнь,

И сам дороги проложить
К моим грядущим городам.

Хочу восторги испытать такие,
Как тот, кто увидал огонь впервые.

393. К МОЛОДОСТИ

Станет ветер в полночной тревоге
Темный лес о тебе вопрошать,
Станет в травах у дальней дороги
О тебе затаенно шуршать.

У зеленых развесистых кленов,
Что склоняются, воды рябя,
У осенних туманных затонов
Птицы требовать станут тебя!

Не тебя ли у ели высокой,
Той, что юности стройной под стать,
Будет вечер искать синеокий,
Будет утро росистое звать!

Там, где ивы немой колыханье
Зыблет легкие тени ветвей,
Буду теплого ждать я дыханья,
Отголоска далеких речей.

Росных перлов свежее и чище,
В розовеющем лоне зари
Искони тебя взорами ищет
Та звезда, что пред утром горит.

Только ты не вернешься, я знаю,
Не воротится молодость, нет...
Что ж он светит, тебя призывая,
Этот верный звезды моей свет?

Что же подняли птицы тревогу
И ускорили птицы полет?
Не вернешься ты вновь на дорогу,
Ту, что к вечным истокам ведет.

<1941>

394. СНЕГОПАД

Белым-бело,
Сверканье, блеск...
Снежок так бел,
Так непорочен.
Еловый лес
Окаменел,
Лебяжьим пухом оторочен.

Снег спозаранку
Порошит
В полях, в тиши,
Всё не устанет.
А там вдали,
Где край земли,
Плетутся заспанные
Сани.

Последнюю печаль земли
Увозят прочь.
Заносит залежь
И санный след,
И боли память.
И там вдали,
Легко и строго,
Ложится новая дорога.

Запорошен
Лиловый лес,
И дремлют
...Дали снеговые.

И в синем сне
Всё снег да снег,
И мнится мне,
Что мир рождается впервые.

1941

395. ИЮЛЬ

До ночи пламенеет небо,
Пронизанное серебром.
И поле зреющего хлеба
Истомлено тяжелым сном.

Жжет солнце, трав не дрогнут пряди,
Пастух недвижим у горы.
В долине собранное стадо
Почти заснуло от жары.

Всё жарче, жарче, накаленной,
И воздух трепетно дрожит.
Вдруг поле вздрогнет и с разгона
Навстречу ветру побежит.

И рожь бежит, бегут упрямо
Колосья, травы, синий куст.
И с распростертыми руками
Я жадно ветру отдаюсь.

1941

396. НЕ ВЕРИТСЯ

Как светел, солнечен мой день,
Как дружески со мной шагает тень,
И солнце не ласкало так поля,
Не зеленела так вовек земля.

Затишье здесь...
И целится стволами в небо лес,

И головой взлетает к солнцу он,
Корнями твердо в почве укреплен.

Под лиственной зеленой бородой
В широких тенях задремал покой.
И тень под деревом прохладна и темна.
Не верится, что где-то есть война,
Что длится бой над молодой землей,
Что лес склоняет голову свою
И брата убивает брат в бою,
Встают, склоняются, к земле припав опять,
Чтоб никогда отныне не вставать.

Вот почему отравлен мой покой!
Но всё дороже край любимый мой!
Еще родней становится земля —
Долина, луг, реки широкий брод,
Моя страна, великий наш народ!
Лес, устремленный в ясный небосклон,
Корнями твердо в почве укреплен.

1941

397. ЧЕЛОВЕК

Вижу:
Из пепла возник
Чудовищный зверь,
Грозный властитель
Всех сил, беспощадных и злобных,
Шаг его равен длине океана,
Дышит он ядом
И пламенем брызжет холодным,
Темный воитель.

Как сухостой,
Вырывает он с корнем хребты,
Рушит обжитые стены,
Милые сердцу пороги.
Заплутался в руинах
Чудовищный зверь

И не знает,
Куда теперь
Приведет его
Злая дорога.

Словно сорвавшийся с привязи
Яростный смерч,
Захлебнулось чудовище
В черном позоре
И несет горе,
И несет смерть
И мне,
 и ему,
 и тебе —
 и каждому.

Рушит и жжет,
Убивает и жжет,
И не может
Залить кровоточащей жажды.
Его вечный враг —
Человек созидающий,
Обуздавший
И землю и небо.

Он пепел сдувает,
Раздувает пожарища,
Чтоб не было книг,
Чтоб не было хлеба!

Звезды
Овцами сбились в кучу,
Будто за ними
Он тоже гонится.
Всё ближе и ближе.
Вон за той тучей
Хочет украсть
Человечье солнце.

Но навстречу ему
Молодая страна
В миллионном упоре,

Как один богатырь,
Поднялась,
Чтобы с горем и смертью поспорить.
Трудный час...
Черный час.
Но и сердцем
И разумом верю:
Человек победит зверя.

1941

398. К МУЗЕ

Опасность повисла в эфире —
Слепой и убийственный груз.
В бесплодных мечтаньях о мире
Позорно молчание муз.

Когда с беспощадною силой
Взрывается свод голубой,
Хочу, чтобы муза будила,
Чтоб муза звала за собой.

Чтоб, тысячи верст пролетая
Сквозь вихри огня и свинца,
Строка проникала литая
В живые людские сердца.

Горячими вспышками молний —
От края до края земли —
Все помыслы, муза, наполни
И гневом сердца накали.

Прорвись сквозь туманы густые,
Которыми дышит война.
За многие жизни людские
Потребуй расчета сполна.

За каждого требуй расплаты,
Кто жил, и любил, и творил,

И встал неизвестным солдатом
Из сумрака братских могил.

О муза, орлиной повадкой
Над родиной крылья расправь,
Чтоб враг не пробрался украдкой
Ни с неба, ни с суши, ни вплавь.

Опасность повисла в эфире —
Слепой и убийственный груз.
В бесплодных мечтаньях о мире
Позорно молчание муз.

1941

399

Я себе вопрос серьезный
Задаю не в первый раз:
Если час настанет грозный,
Как ты встретишь этот час?

Не колеблясь, не тоскуя,
Можешь ты отдать в бою
За страну свою родную
Жизнь и молодость свою?

Я спрошу и вновь отвечу
Стуком сердца своего,
Что врагу пойду навстречу,
Не жалея ничего,

Что любимую покину,
Не позволю провожать,
Что меня родному сыну
Не удастся удержать.

Не смутят ни мрак холодный,
Ни внезапный блеск штыка.
Облегчит мой шаг походный
Мужественная строка.

1941

БОРИС СМОЛЕНСКИЙ

Борис Моисеевич Смоленский родился в 1921 году в Новохоперске Воронежской области. С 1921 по 1933 год семья жила в Москве. Его отец, журналист М. Смоленский, в то время возглавлял отдел в «Комсомольской правде», позже редактировал газету в Новосибирске, где в 1937 году по клеветническому навету был арестован. С этого времени Борис не только учится, но и работает, помогая семье.

Интерес к поэзии у Бориса Смоленского появился рано. Со второй половины 30-х годов он пишет стихи, главная тема которых — море, его отважные люди. Верный своей теме, Смоленский поступает в один из институтов Ленинграда, готовясь стать капитаном дальнего плавания. Одновременно с этим изучает испанский язык, переводит Гарсию Лорку, участвует в составлении литературной композиции о К. Марксе и Ф. Энгельсе для известного чтеца В. Яхонтова.

В начале 1941 года Смоленский был призван в армию. С первых дней Великой Отечественной войны — на фронте. Фронтные стихи, а также поэма о Гарсии Лорке, о которых Смоленский упоминает в письмах к близким, погибли.

16 ноября 1941 года Борис Смоленский пал в бою.

При жизни стихотворения Б. Смоленского не публиковались,

400. РЕМЕСЛО

Есть ремесло — не засыпать ночами
И в конуре, прокуренной дотла,
Метаться зверем, пожимать плечами
И горбиться скалою у стола.
Потом сорваться. В ночь. В мороз.
Чтоб ветер
Стянул лицо. Чтоб, прошибая лбом
Упорство улиц,
 здесь сейчас же встретить
Единственную нужную любовь.
А днем смеяться. И, не беспокоясь,
Всё отшвырнув, как тягостный мешок,
Легко вскочить на отходящий поезд
И радоваться шумно и смешно.
Прильнуть ночами к звездному оконцу,
И быть несчастным от дурацких снов,
И быть счастливым просто так — от солнца
 на снежных елях.
Это — ремесло.
И твердо знать, что жизнь иначе — ересь.
Любить слова. Годами жить без слов.
Быть Моцартом. Убить в себе Сальери
И стать собой.
 И это — ремесло.

1938

Полустудент и закадычный друг
 Мальчишек, рыбаков и букинистов.
 Что нужно мне?

Четвертку табаку
 Да синюю свистящую погоду,
 Немного хлеба, два крючка и леску,
 Утрами солнце, по ночам костер,
 Да чтобы ты хоть изредка писала,
 Чтоб я тебе приснился... Вот и всё.
 Да нет, не всё...

Опять сегодня ночью
 Я задохнусь и буду звать тебя.
 Дай счастье мне! Я всем раздам его...
 Но никого...

1939

402. ВЕТРЕННЫЙ ДЕНЬ

По гулкой мостовой несется ветер,
 Приплясывает, кружится, звенит,
 Но только вот влюбленные да дети
 Смогли его искусство оценить.

Взлетают занавески, скачут ветви,
 Барахтаются тени на стене,
 И ветер, верно, счастлив,
 Что на свете
 Есть столько парусов и простыней.

И фыркает, и пристаёт к прохожим,
 Сбивается с мазурки на трепак,
 И, верно, счастлив оттого, что может
 Все волосы на свете растрепать.

И задыхаюсь в праздничной игре я,
 Бегу, а солнце жалит, как слепень,
 Да вслед нам машут крыльями деревья,
 Как гуси, захотевшие взлететь.

1939 ?

403. НОЧНОЙ ЭКСПРЕСС

Ночной экспресс бессонным оком
Проглянет хмуро и помчит,
Хлестнув струей горящих окон
По черной спутанной ночи,

И задохнется, и погонит,
Закинув голову, сопя,
Швыряя вверх и вниз вагоны,
За стыком — стыки, и опять

С досады взвояет и без счета
Листает полустанки, стык
За стыком, стык за стыком,
к черту
Послав постылые посты...

Мосты ударам грудь подставят,
Чтоб на секунду прорыдать
И сгнуться в темени...
И стая
Бросает сразу провода.

И — в тучи,
и в шальном размахе
Им ужас леденит висок,
И сосны — в стороны, и в страхе,
Чтоб не попасть под колесо...

И ночь бежит в траве по пояс,
Скорей, но вот белеет мгла —
И ночь
бросается под поезд,
Когда уже изнемогла...

И как же мне, дорогою мчась с ними
Под ошалелую луной,
Не захлебнуться этим счастьем,
Апрелем, ширью и весной...

1939 ?

Я очень люблю тебя. Значит — прощай.
 И нам по-хорошему надо проститься.
 Я буду, как рукопись, ночь сокращать,
 Я выкину всё, что еще тяготит нас.

Я очень люблю тебя. Год напролет,
 Под ветром меняя штормовые галсы,
 Я бился о будни, как рыба об лед
 (Я очень люблю тебя),
 и задышался.

И ты наблюдала (Любя? Не любя?),
 Какую же новую штуку я выкину?
 Привычка надежней — она для тебя.
 А я вот бродяжничать только привыкну.

Пойми же сама — я настолько подрос,
 Чтоб жизнь понимать не умом, так боками.
 В коробке остался пяток папирос —
 Четыре строки про моря с маяками.

С рассветом кончается тема. И тут
 Кончается всё. Расстояния выросли.
 И трое вечерней дорогой бредут
 С мешками.
 За солнцем,
 за счастьем,
 за вымыслом.

1939 ?

406. ФРАНСУА ВЙОН

Век, возникающий неожиданно
 В сухой, отравленной траве,
 С костра кричащий, как Джордано:
 «Но всё равно ведь!» —
 Вот твой век!

Пустеют окна. В мире тень.
 Давай молчать с тобой,
 Покуда не ворвется день
 В недолгий наш покой.
 Я так люблю тебя такой —
 Спокойной, ласковой, простой...
 Прохладный блик от лампы лег,
 Дрожа как мотылек,
 На выпуклый и чистый лоб,
 На светлый завиток.
 В углах у глаз теней покой...
 Я так люблю тебя такой!
 Давай молчать под тишину
 Про дни и про дела.
 Любовь, удачу и беду
 Поделим пополам.
 Но город ветром унесен,
 И солнцу не бывать,
 Я расскажу тебе твой сон,
 Пока ты будешь спать.

1939

А если скажет нам война: «Пора» —
 Отложим недописанные книги,
 Махнем: «Прощайте» — гулким стенам
институтов
 И поспешим
по взбудораженным дорогам,
 Сменив слегка потрепанную кепку
 На шлем бойца, на кожанку пилота
 И на бескозырку моряка.

1939

Я сегодня весь вечер буду,
 Задыхаясь в табачном дыме,
 Мучиться мыслями о каких-то людях,
 Умерших очень молодыми,
 Которые на заре или ночью
 Неожиданно и неумело
 Умирали,
 не дописав неровных строчек,
 Не долюбив,
 не досказав,
 не доделав...

1939

Снова вижу солнечные ели я...
 Мысль неуловима и странна —
 За окном качается Карелия,
 Белая сосновая страна.
 Край мой чистый! Небо твое синее,
 Ясные озерные глаза!
 Дай мне силу, дай мне слово сильное
 И не требуй, чтоб вернул назад.
 Вырежу то слово на коре ли я,
 Или так раздам по сторонам...
 За окном качается Карелия —
 Белая сосновая страна.

1939
Петрозаводск

Как лес восстановить по пням?
 Где слово, чтоб поднять умерших?
 Составы, стоны, суетня,
 Пурга да кислый хлеб промерзший.

...Но стужа в кормовой каморе
 Поднимет сразу ото сна,
 Суровость Баренцева моря
 Немногословна и ясна.

Курс «норд», как приказал Седов...
 В ночи плывут огни судов,
 И берег — простыня.
 А мы уходим в шторм на риск,
 И ночь качает фонари на пристанях.

Ни звука. Пусть хоть просто крик,
 Собачий лай бы.
 Но молчаливы, хоть умри,
 Рыбачьи лайбы.

Лишь прижимаются тесней,
 Хоть и привыкли к холодам...
 Нависли скалы. Серый снег.
 И черная вода.

Но берега назад-назад,
 Прибою их лизать...
 Три вспышки молнии — гроза
 Иль орудийный залп?

Но всё равно, сквозь эту темень!
 Но всё равно, вперед — за теми!

1940

413. СКРИПАЧ

Четвертый день хлестали ливни с гор...
 В таверне ни души. Дымит камин.
 Напрасно дверь хозяин отворяет
 И, ежась от пронзающего ветра,
 Взирает на размытую дорогу
 В надежде на богатую карету.

Но даже нищих в этот день не видно...
И он печально затворяет двери,
Ногой пихает жирного щенка
И, тяжело вздохнув, идет к камину,
И руки потирает над огнем...

Потом стемнело.

Свеч не зажигали,
Камин почти погас уж, а по стеклам
Всё тот же серый ливень молотил,
Порою перемешиваясь с градом,
Когда внезапно постучали в дверь.
На властный стук хозяин побежал,
И дверь открыл, и отступил на шаг,
Испуганно прищельца пропуская.
Тот темен был. С него вода стекала,
Он весь насквозь промок, из-за того что
Широкий плащ его был снят — он что-то
Плотнее завернул в него и сверток
Прижал к груди, как сына.

И сказал

Пришелец:

«Дай мне место у огня,
Чтоб высохнуть. Немного хлеба с сыром,
Глоток вина, ночлег на сеновале —
Вот всё, что нужно мне на этот раз».
И, подбоченясь, отвечал хозяин:
«Не много хочешь ты, как я гляжу.
Ну что ж, дружок, выкладывай монету —
И мигом будет всё перед тобой».
— «Уж третий день, как я последний грош
Отдал за два кусочка канифоли...
Я музыкой плачу тебе».

И он

Стал у окна разворачивать свой плащ
И из плаща достал футляр скрипичный,
А из футляра — скрипку.

И сгонь

Сверкнул и ожил в потемневшем лаке.
«Что музыка твоя, скажи на милость?
Тут это не ходячая монета.
За музыку твою я дать могу

Лишь запах блюд дымящихся из кухни». — «Ты музыки хотел?

Ну что ж, держи!»

И что-то в темноте швырнул.

И вот

Хозяин ясно-ясно услышал,
Как полновесный золотой дублон
Упал на пол и покатился в угол.
За ним — другой.

Ей-богу, отродясь

Я не слышал монеты полновесней!
И наклонился жадно,

но едва

Он золото хотел рукой нащупать —
Еще дублон! Совсем в другом углу
Упал дублон. Он услышал по звону
Чистейший, полновеснейший дублон!
И сразу три! Боясь со счета сбиться,
Он слушает, но тут теряет счет
И, тяжело упав на четвереньки,
Ползет и шарит золото.

Вот рядом

Упал дублон...

Еще...

О, сколько ж их!

Дублон! И сразу три!

И вновь дублон...

Он шарит, задыхается и шарит,
А под руками — только комы грязи,
Слетевшие с усталых сапогов.
А тот швыряет золото горстями:
Дублон! Еще дублон! Одни дублоны.
И в мире не осталось больше звуков,
Как этот золотой, тяжелый дождь.
Звон капель полновесных золотых,
Они летят, срываются, звенят,
И катятся, и катятся дублоны,
Большие полновесные дублоны!
О, хоть один нащупать бы рукой...
Но ничего! О, где же, где они?
Тогда он на пол сел в изнеможеньи
И закричал: «Огня! Скорей огня!»

Но только крик его метнулся в стены —
Всё смолкло.

И скрипач смычок отвел
Широким жестом. Как свою рапиру
Отводит победивший шевалье.

1940

414

Я иногда завидую жестоко:
Ведь мне б, тоску скитаний утолив,
Дышать, как море, — ровно и глубоко,
Непобедимо, как морской прилив.

1940

СЕРГЕЙ СПИРТ

Сергей Аркадьевич Спирт родился в январе 1917 года в Киеве. Его отец — юрист, участник первой мировой войны.

Со школьной скамьи Сергей увлекался поэзией — русской, украинской, французской (с детства владел французским языком). Переводил украинских и французских поэтов, сам писал стихи.

Способный юноша, отлично знавший литературу, Сергей Спирт сразу же после семилетки был принят на русское отделение факультета языка и литературы Киевского педагогического института. После окончания института работал редактором литературного отдела на Киевском радио и заочно учился в аспирантуре. Одновременно собирал материал для книги о Лермонтове, которую хотел написать. Выступал также как прозаик и критик.

Стихи Спирта печатались в «Киевском альманахе» и журнале «Советская литература», издававшемся в Киеве. К весне 1941 года Спирт подготовил стихотворный сборник, не увидевший света в связи с началом войны.

24 июня 1941 года Сергея Спирта вызвали в военкомат. Он состоял на воинском учете как переводчик с французского языка. Но переводчики с французского не требовались, и Спирт пошел рядовым бойцом. Он погиб летом 1942 года.

415. ГОРОД КОМСОМОЛЬСК

Погоди! Я раскошелюсь, Ира,
Свистом бурь и грохотом ветров.
Не страшись затейливого пира,
Мы с тобой пройдем дорогой мира
Вдоль крутых амурских берегов.

Не страшись! Разбросаны по склонам
Толщи бревен, камни на тропе.
Я могу назвать их поименно.
Как топор гулял неугомонно,
Расскажу без вымысла тебе!

Тыщи верст в сугробах холодели,
Тыщи лет всем были не с руки,
Как же их теперь на самом деле
Мы прошли в конец и песни пели,
Как входили клином в мощь тайги?

Как же так от устья до истока
Сплав пускали, вырубивши лед;
Как летели голубями строки
На просторы Дальнего Востока,
Как встречали золотой восход?

Здесь бы выйти вместе! Стать у дома.
Снег идет. И воздух стал иглист.
Всё свое, до близости знакомо, —
Отдаленный отголосок грома,
Шум деревьев и таежный свист.

Здесь бы петь, как я не пел донине,
Мне б сейчас охапку новых слов!
Вот родился город на равнине;
На упругость этих слитных линий
Я смотреть до полночи готов.

Я стою. Под ветром крепче голос.
Ты о чем мечтаешь? Расскажи!
Мы пришли сюда — здесь было голо,
Мы растили город Комсомола, —
В нем уже гуляют малыши!

Я стою. Мы рядом. Кривобокий
Ветер разгулялся возле стен.
Видишь искры звездного потока,
Этот вечер синий и глубокий, —
Мы по праву властвуем над всем!

<1935>

416. ПУШКИН

Языческая красота лесов,
Снежинки крупные, как сливы.
И бег саней, и шум подков,
И вдалеке — рукав залива.

И снег, лежащий пеленой,
И ветер под кустом; и город,
Звучащий каменной струной,
Воспетый им; ночные споры,

Горящие от пунша губы,
Белесый северный рассвет. . .
И Пушкин сбрасывает шубу —
И поднимает пистолет.

1935

417. В ГОРАХ

Кругом снега. Я ими скован.
Они назойливы. Крепись!
Я начал день не просто словом,
А сказочным полетом ввысь.

Тропинка шла, в провалы тычась,
Сквозь редкий строй березняка.
Внизу, по-птичьему курлыча,
Текла звенящая река.

И это громкое соседство
Под легкой дымкой снеговой
Мне снилось сызмальства. И в детстве
Меня пленяло новизной.

Но только оценив громады,
Врезавшиеся в небосвод,
Я понял страстную отраду
Того, кто создал самолет.

Он бредил, поднимая плечи,
В прозрачной синей густоте
Своей тоской нечеловечьей
По безъязыкой высоте.

И в гуще этих летних марев,
Нависших каменных пород
Он жил сказаньем об Икаре,
Как липкой почкой садовод.

Он знал, что только нам сулили
И эту мысль, и этот шаг,
И первое рождение были,
Легендой ставшее в веках.

<1936>

Он с нами был. Он вечно будет наш,
 Курчавый, страстный и суровый.
 Накидка. В кулаке зажат лепаж;
 Вокруг истоптаны сугробы.

И мне б, когда, согнув колени,
 Он сразу выстрелить не смог,
 Вскричать: «Остановись, мгновенье!» —
 И самому спустить курок.

1936

419. ТВОРЧЕСТВО

На свете пути не найдете другого,
 Седой океан уж не так постарел.
 Колумб! Ты вернешься в Америку снова,
 Чтоб ветер хлестал паруса каравелл.

Ты снова поднимешься — грозным, великим —
 И шторм укротишь поворотом руля.
 Ты мир всколыхнешь своим вихревым криком,
 Настойчивым криком: «Земля!»

Мне тоже припало широкое море,
 Мне тоже судьба моя с детства велит
 Как белке вертеться по старым просторам
 Сырой, и округлой, и жадной земли.

Мне тоже шататься и глохнуть от жажды,
 Искать, убеждаться и не находить,
 Теряться в догадках — и, может быть, дважды
 Всё той же дорогой, как новой, ходить.

1939

420. ДОЧЕРИ

Мне кажется — я не был дома вечность.
Вернусь негаданно, вернусь к утру.
Остановлюсь, почтив твою беспечность,
Пройду к тебе, глаза твои протру.

Губами встречу волосы густые,
Услышу крик — что до рожденья мил,
И отступлю, увидевши впервые,
Как, просыпаясь, ты глядишь на мир.

Ты будешь легкой, маленькой и птичьей,
Захочешь сразу всё собрать в одно,
И я пойму, как я косноязычен,
И замолчу — раскрою лишь окно.

Смотри сама, здесь не помочь словами.
Мы входим в мир, не трогая их зря.
Так в детстве узнается тяжесть камня,
И недруги, и лучшие друзья.

Так вырастают, отдаются делу
И вспоминают радость первых дней,
Чтоб снова ощутить себя незрелым
Над колыбелью собственных детей.

1939

421. ГРОЗА НОЧЬЮ

Смешался с вымыслом грозы
Внезапно сыгранный Бетховен.
Он постигал ее азы
И поднимался с громом вровень.

Он ждал, глаза оледенив,
Раскатом мощным обесславлен:

Он уловить хотел мотив,
Но глухотою был подавлен.

Он шел в мажор — и застывал,
Следя за грозным волнением!
Я путал подлинники и не знал,
Кого назвать изображеньем.

<1940>

422. РЕКВИЕМ ЛЕРМОНТОВУ

И я клянусь — на каждой кромке
Вдали распластанных снегов,
Как завещание потомкам,
Дымится пролитая кровь.

И Терек, выгнувшись, как шпага,
В лучах сверкающей струей,
Бряцает в тесноте оврага,
Точа о камни лезвие.

Метнув волну, он шлет наружу
Каскады радужных теней
И грозно бережет оружие,
Как верный слепок этих дней,

Еще волнующих не тем ли
Предсмертным часом всё острей,
Когда поэт, влюбленный в землю,
Погиб, не расквитавшись с ней,

Где дальним громом промелькнула
Глухая пуля на лету,
Как будто чокнулись аулы,
Рассыпав эхо на версту.

<1940>

423. АБХАЗИЯ

Если ты не видал рассвета,
Отраженного горной рекой
У извилистого парапета,
Перевитого синевой;

Если около звонкой Бзыби
Ты опять просмотрел с высоты,
Как блестят чешуею рыбьей
Разноцветные брызги воды;

Если вновь, проходя по ущелью,
Ты забыл оглянуться назад
И не видел скользкой форели,
Проплывающей водопад, —

То тогда, чтоб не даром лазить,
Прикрывая рукою глаза,
По петляющим тропам Абхазии,
Улетающим в небеса,

Не забудь на поляне открытой,
У замшелой и древней стены,
Покоряющей пляски джигита
В однозвучной оправе зурны.

И над берегом дымной Мшовни
На досуге припомни потом
Эти горы с надвинутым словно
До бровей снеговым башлыком,

Где какой-то особенный воздух,
Сквозь который навесом густым
Виноградными гроздьями звезды
Созревают над пляжем ночным;

Где преданьями жив каждый камень:
Только тронь — и начнется рассказ.
И над морем закатное пламя
Провожает рыбачий баркас.

<1940>

424. ТРИ СОНЕТА

1

Где б я ни жил, и где б мой ни был дом,
Какое б небо ни стучалось в ставни,
Я б никогда не кончил счета с давним
Из-за звезды перед моим окном.
Я б думал вновь, что это всё во сне,
Что отстоять тебя еще не поздно,
Что ты жива и ты еще во мне,
Как терпкий сок в налитых солнцем гроздьях.
Я б вместо моря расплескал тебя,
И вместо ветра — пил твое дыханье.
Я б пенье птиц, на ноты раздробя,
Нашел в них отзвук твоего признанья,
Из плеска волн я б вновь создал тебя.
Но в этот миг тревожного желанья

2

Я настезь двери отворяю в ночь
И слышу капель щелканье глухое
И шум дождя, который превозмочь
Не в силах даже трубный звук прибора.
Я так хочу, чтоб ты была со мной,
Чтобы по крайней мере ты казалась
У ног моих распластанной землей,
Ночной волной, с которой ты смешалась.
Я так хочу опять тебя найти,
Сквозь плач пробившись, вылепить из ночи,
Из горя моего, чтобы в груди
Ты задыхалась цепкой вязью строчек,
Стихами, где остались позади
Одни мечты. И чтоб я мог воочью

3

Вновь обрести рассветный шум дорог,
Глухих лесов чернеющие пятна,
Где каждый с ветки сорванный листок
Уже как будто просится обратно,

Где нужно верить, что мой стол широк,
Но сколько б я за ним ни оставался —
Течет вода сквозь стиснутые пальцы
И на ладони не сдержать песок.
Я б никогда не вспоминал о нем,
Раз навсегда покончив счеты с давним,
Но всё равно перед моим окном
Дано звезде сиять твоим лицом,
Где б я ни жил, и где б мой ни был дом,
Какое б небо ни стучалось в ставни.

<1940>

425. КИЕВСКИЕ ПЕЙЗАЖИ

1

Песчаные зыбкие кручи
Обглоданы ветром дотла,
И в небе топорщатся сучья
И тускло горят купола.

И отблеск над скверами алый,
И гаснет закат над Днепром,
И лошадь поводит устало
Расширенным смутным зрачком.

Уже тополя облетели,
Но в воздухе пахнет весной
От серой походной шинели,
От флагов — над головой.

И с красным полотнищем вместе
Шумели в степях ковыли.
Богунцы вступали с предместий
И песней победной росли.

2

Ничего так не радостно в этом
Мире, сотканном из облаков,

Как песчаное жаркое лето
С комариною песней без слов.

Этот лепет кузнечиков близкий,
Острова и каштаны — вдали,
Это солнце, висящее низко,
Убаюкали сонный залив.

Каждый камушек дышит покоем.
Но внезапно из дальних высот
Над распластанным Чертороем
Стрекозой промелькнет самолет.

Он поднимется с облаком вровень,
И тогда, посмотрев в небеса,
Только сердце забьется суровой
И на миг станут зорче глаза.

8

Весь город, словно желтым воском,
Закатом полон до краев.
Дома забрызганы известкой,
И в щебне переплет лесов.

Над разноцветными лотками
Сиропы радугой горят,
И в небо целится ветвями
Огромный Первомайский сад.

Оберегаемый ревниво
Косыми вспышками ракет,
Он замер на краю обрыва
И жадно свесился к реке,

Где отмели у дамбы новой
И видно, как, издалека,
Горит звезда огнем свинцовым
Над белым зданием ЦК.

<1940>

ВАДИМ СТРЕЛЬЧЕНКО

Вадим Константинович Стрельченко родился в 1912 году в Херсоне. Отец его — служащий, мать — медицинская сестра. Вскоре после рождения сына семья переехала в Одессу, где Вадим, окончив семилетку, поступил учеником в профшколу.

В 1929 году в одесском журнале «Шквал» он опубликовал свое первое стихотворение. После этого стихи начинающего поэта часто печатались в одесских изданиях. Сам он работал слесарем на заводе. В 1931 году Э. Багрицкий, прочитав стихотворения Стрельченко, дал им высокую оценку и посоветовал напечатать в «Красной нови».

С 1936 года Вадим Стрельченко жил в Москве, профессионально занимаясь литературой. Одно время учился в Литературном институте им. Горького, но вскоре бросил его.

В 1937 году вышел первый сборник Стрельченко «Стихи товарища», в 1941-м — второй, «Моя фотография», куда входила также поэма «Валентин». В годы войны погибли многие стихотворения Стрельченко, так и не увидев света.

Несмотря на то что Вадим Стрельченко из-за плохого зрения был снят с воинского учета, он в самом начале Отечественной войны пошел добровольцем в народное ополчение, участвовал во многих боях и погиб в 1942 году под Вязьмой.

426. СЛОВО НА ПИРУ

О любви, о силе без печали,
О геройстве — пела мне не мать.
Что другие с молоком всосали,
Мне пришлось уже зубами брать.
Знаю наши улицы и верю!
В каждом доме можно написать
Кистью легкою над каждой дверью
Саблю, зубчатое колесо, тетрадь.
Мы показываемся над волнами!
Мы в полях видны! Мы на ветру!
Засыпая ввечеру бойцами,
Мы встаем бойцами поутру.
Рослые,
Зерном, плодами сада,
Флагом мы грозим своим врагам:
Карлики!
Им на деревья надо
Взлезть, чтоб видеть то, что видно нам!
Мне за стол с врагами не садиться;
Что мне хлеб у них? Что молоко?
Пусть я голоден!
Я ем как птица:
Только тут,
Где двигаться легко.
И на площади, и пред собранием,
И в безлюдии степной травы, —
Может быть, я жив одним сознанием,
Что вокруг меня живете вы.

Пусть нарежут хлеба мне не скупю,
Прораставшего в дожде, в пыли!
Пусть в тарелку мне добавят супа
С овощами милой мне земли!
Слышу трубы! На земле покатою —
Ветрено, светло! Не повернуть.
Как перед мечом, перед лопатой —
Песня славы и далекий путь.
И прошу, клянясь звездой в небе:
Если изменю тебе, мой край,
И приду к тебе, моля о хлебе,
То ты хлеба мне не подавай!

1935

427. СМОТРИТЕЛЮ ДОМА

Если постучится у ворот,
От ветров и солнца темнокожий,
С книжкою моих стихов прохожий,
Спрашивая громко:
«Тут живет
Стрельченко, поэт, который всюду
Славить будет землю и людей,
На земле трудящихся, —
Покуда
Не земля — на нем,
А он — на ней!

И который, хоть писал годами,
Обыскав карманы брюк своих,
Вытащит не кошелек с деньгами —
Только сильных две руки мужских!

И не птичьим посвистом гордится —
Яблоком, киркой в руках людей,
Потому что больше пенья птицы
Любит смех и голоса друзей,
И затем лишь и живет на свете?»

Увидав в моем окошке свет,
Вы тому товарищу ответьте:
«В этом доме есть такой поэт».

1936

428. ДВЕРИ НАСТЕЖЬ

Отворила девушка окно,
В целый мир распахнуто оно.
Стекол между нами больше нет,
Сквозь цветы и листья вижу я:
Краснощекая сидит семья.
В комнате гитара. Хохот, свет.

Эти люди незнакомы мне,
Но изображенья на стене:
Моря, винограда, кузнецов —
Говорят:
«Здесь сильная семья.
И ее судьба — судьба твоя,
Самовар и для тебя готов».

Что мешает мне пойти вперед?
Как сверкает лестницы пролет!
Почему бы в дверь не постучать?
Что же стало на моем пути?
Почему мне в двери не войти, —
Сесть за стол и тоже хохотать,
Будто мы знакомы с давних лет?
Что с того, что я им не сосед!

Я всегда молился на друзей,
На сердца, на руки их, на рот.
...Как сверкает лестницы пролет!
Эй, хозяйка,
Открывай скорей!

1936

429. МОЯ ФОТОГРАФИЯ

На фотографии мужчина снят.
Вокруг него растения торчат,
Вокруг него разросся молочай —
И больше ничего... Безлюдный край!
И больше ничего, как будто он
И вправду под капустою рожден...

Я с удивлением гляжу на свой портрет:
Черты похожи, а меня и нет!
Со мной на фотографии моей
Должны бы сняться тысячи людей,
Людей, составивших мою семью.

Пусть мать качает колыбель мою!
Пускай доярки с молоком стоят,
Которое я выпил год назад, —
Оно белело чисто и светло,
Оно когда-то жизнь мою спасло.

Матрос огромный, с марлей на виске,
Качающийся на грузовике
В гробу открытом лунной ночью... Он
Сошел на землю охранять мой сон,
Акацию и школьную скамью
И навсегда вошел в мою семью.

А где-то сзади моего лица
Найдется место и для подлеца,
Чей прах в земле — и тот враждебен мне:
Явись, Деникин, тенью на стене!

Торговка Марья станет в уголке —
Купоны, боны, кроны в кошельке, —
Рука торговки тянется к плодам...
Я враг скупцам, лжецам и торгашам!

Со мною должен сняться и солдат,
Мной встреченный семнадцать лет назад.
(Такое шло сиянье по волне,
Что стыдно было плюнуть в воду мне.)

Солдат французский в куртке голубой,
Который дыню поделил со мной,
Почуяв мальчика голодный взгляд...
Шумело море... Где же ты, солдат?
Забыв твои глаза, улыбку, рот,
Я полюбил всей Франции народ.

Так я пишу. И предо мной портрет,
Ему уже конца и края нет:
Явитесь, хохоча и говоря,
Матросы, прачки, швеи, слесаря.
Без вас меня не радует портрет,
Как будто бы руки иль глаза нет.

Учителя, любившие меня!
Прохожие, дававшие огня!
Со мною вы. Без вас, мои друзья,
Что стоит фотография моя!

1936

430. ХОЗЯЙКЕ МОЕЙ КВАРТИРЫ

Смеюсь, хозяйка: даром ты в комнату мою
Приходишь с самоваром.
«Не нужно!» — говорю.

Ты милый сердцу глобус поставь-ка на столе,
Чтоб я о всей огромной
Не забывал земле,

Чтоб Шар Большой являлся в веселье и в нужде!
(Так, видя искру в небе,
Мы помним о звезде.)

И мне замка не надо, не надобно ключей, —
Нужна ли мне ограда
От всех моих друзей!

Ты вешаешь картину? Картин не нужно здесь,
Но ветку молодую
Акации повесь.

Пилу, кирку и весла — расставишь
по углам?

... Два башмака носками
Повернуты к дверям,
Стакан воды сияет,
И глобус на столе...
И мне жилья иного
Не нужно на земле!

1936

431. НЕ В ДОМУ РОЖДЕННОМУ

В небе необычно: солнце и луна.
Солнце светит ярко, а луна бледна...

Вдруг толпа на улице, крик на мостовой,
Только уши лошади вижу за толпой.

Что там?

«Да роженица... редкие дела:
Как везли в больницу, тут и родила».

... Кто бежит в аптеку, кто жалеет мать.
Ну, а мне б — ребенка в лоб поцеловать:

Не в дому рожденный!
Если уж пришлось —
Полюби ты улицу до седых волос.

Взгляды незнакомые, нежные слова
Навсегда запомни, крошка-голова!

Не в дому рожденный,
Не жалея потом:
Ну, рожден под солнцем, не под потолком.

Но пускай составят твой семейный круг
Тыщи этих сильных
Братьев и подруг!

1937

432. ПРИГЛАШЕНИЕ В ТУРКМЕНИЮ

Ты ведь слышал о солнце песчаной страны,
О просторах в горячей тиши...
Там, как всюду, умелые руки нужны.
Приезжай, приезжай! Поспеши.

Если дан тебе с детства торжественный дар
Крепко строить дома для людей,
То есть если ты каменщик, плотник, маляр —
Приезжай! Приезжай поскорей.

Если ты полюбил и коня и овцу
Так, что дружат с тобою стада,
А телята бегут, словно дети к отцу, —
Зоотехник, пожалуй сюда!

Если в книгах прочел и узнал от людей
Тайны светлого ты ремесла,
Что спасает людей от ненужных смертей
И здоровье вдувает в тела,
То есть если ты фельдшер, а может быть врач —
Приезжай поскорее! Мы ждем!

...Пусть воды маловато и воздух горяч,
Ничего! Ты узнаешь потом
Всю страну, где акация трижды цветет,
Долог день, ночь — светла и мала.
А колючки, конечно, не розы...
Но мед
И в колючках находит пчела.

Ты присядешь, как равный, к любому котлу, —
Всюду знанье почетно и труд.
И полюбят тебя. И в твою пиалу,
Что захочешь, того и нальют.

Дни пойдут... И когда, вечерами, из мглы
Вдруг по воздуху перед тобой
Поплывут позабытые хата, волы,
Горицвет и горошек степной —
Будет совесть твоя и ясна и чиста.

Хоть слезою глаза заблестят,
С благодарностью вспомнишь родные места,
Но уже не захочешь назад.

1938

433. ЧЕЛОВЕК

Мне этот человек знаком? Знаком.
А как же! Часто сходимся вдвоем
У радиотрубы, в дверях трамвая.
Он часто молод, а порою сед.
Порой в пальто, порой в шинель одет.
Он всё спешит, меня не замечая.

Мы утром у киоска ждем газет:
Ну, как в Мадриде?
Жертв сегодня нет?
А что китайцы — подошли к Шанхаю?
А как
В Полтаве ясли для детей?
(О, этот семьянин и грамотей
На всю планету смотрит... Я-то знаю!)

Куда ни повернешься — всюду он!
Его в Туркмению везет вагон,
Его несет на Север в самолете.

Пусть снизу океан ломает лед...
Он соль достанет, примус разведет, —
Как дома, приготовится к работе.
Он обживется всюду и всегда.

Сожженный солнцем камень, глыба льда —
Всё для него квартира неплохая.
Где б ни был он — там вспыхнет свет...

• • • • •
И хлеб, и чертежи, и кружка чая.

А как поет он песни! Всё о том,
Как водит караваны, любит дом
И в облаках плывет. Сидит в Советах.

Так на рояле, в хоре, на трубе
Он распевает песни о себе
И улыбается, как на портретах.

Он толст и тонок, холост и женат,
Родился сорок, двадцать лет назад.
Родился в Минске, в Харькове, в Тюмени.
Вот он идет по улице, гляди:
Порою орден на его груди,
Порою только веточка сирени.

Он любит толпы людных площадей,
Стакан вина и голоса друзей, —
Такой уж он общительный мужчина...

Над буквами газетного столбца
И в зеркале моем —
Черты лица
Знакомого мне с детства гражданина.

1938

434. КАЛИЛЬЩИК

Подсобный рабочий (Недавно из села?
Недавно из-за прилавка? На заводе недавно?),
Согнутый и потный больше чем надо,
В калильный цех несет со склада коробку стальных
валиков,

Ступает опасливо-широко,
Словно зубья подачи «шепинга»
Можно расплескать, как молоко,
Или развеять по ветру, как одуванчик.
И лишь только
Поставил коробку на деревянную стойку
У калильной печи,
Шумно вздыхает, словно пятипудовую штангу
Свалил с плеч.
И смотрит на калильщика.

А молчаливый ловкач в прожженной углем спецовке,
Почти не глядя на печь,

Клещами выкладывает валики
По дну своей «духовки».
Ему-то не надобно слов:
Он знает всю радугу побежалых цветов
И когда покраснеть, а когда пожелтеть
металлу,

А когда в бачок машинного масла
Мало-помалу
Опускать шипящий валик. . .
И будет сталь тверже стали.
И знает еще многое товарищ калильщик,
Насупленный, тихий,
В синих очках мудреца.

. . .И, отерев пот с лица,
Подсобник, вздыхая, покидает цех:
«Как хорошо быть калильщиком. . .
Неужель это счастье доступно для всех!»

435. ГРУЗЧИК

Я — в фате продырявленной, из мешка,
Груз несую от борта грузовика.
А над складом в сиянии ста витрин —
Людной улицы Горького магазин.

И смотреть не могу я по сторонам,
Сторониться нужно не мне, а вам,
Кто с руками свободными вышел в путь.
Из-под тяжести я не могу взглянуть.
Вижу только локти свои да грудь
И одну да другую ногу.
Я работаю. Дай дорогу!

Кто с тяжелой ношею в путь идет,
Тот шагает прямо, пусть знает тот,
Что уступят путь ему каждый миг
И ребенок, и женщина, и старик,
Перед тем, кто носит помногу.
Грузчик я. Дорогу! Дорогу!

436. ЛИВЕНЬ

Снова зеленые всходы
Над прошлогодней листвою.
В пыль измельченные воды
Тучей несет над Москвой.

Смолкнуло, заблестело. . .
Что это — солнце взошло?
(Грянуло, потемнело. . .)
Нет, полило, полило.

Струи! Они исчезают. . .
Где они, струи? Смотри:
Вот уж они распрямляют
Почки берез изнутри,
Чтобы росла и гудела
Каждой травинкой земля.

Хочется важного дела.
Это не нужно,
А я —
Краны наполнены, знаю,
Водопроводной водой —
Всё же ведро выставляю
Под водосточной трубой.

Всё, что не врыто, не вбито,
Всё, что корней лишено, —
Будет размыто и смыто,
Ливнем унесено.

1933

437. СЕРДЦЕ КОТОВСКОГО

В Одессе, в музее,
хранится сердце Котовского.

1

Среди балюстрад и колонн
В музее, в глубоком покое,

Меж сабель, гранат и знамен,
Поставлено сердце людское.
Спи, сердце! . .
Но спи не в земле,
Где тело героя зарыто, —
В спирту и в прозрачном стекле
Спи, сердце, светло и открыто!

Живучею кровью своей
Ты руки и мозг омывало
И равное место сыскало
В кругу боевого металла
Кольчуг, и штыков, и мечей.

Котовский!
Опять о войне
Разносятся крики в эфире.
Будь с нами,
Когда в тишине
Построимся в ряд по четыре.
Котовский!

2

. . . Но нет: сквозь пласты
Земли, что могилой осела,
Не выступят контуры тела,
Лица не проступят черты.

Котовского нету. Давно
Распались мускулы тела
И клетка грудная истлела.
Но сердце — осталось оно.
О, сердце за светлым стеклом!
Мы живы и знаем поныне,
Что действовать острым штыком,
Владеть и конем и клинком
Судьба поручила мужчине.

Изогнутый по краям,
Знак свастики тянется к нам
Змеей, ядовитой змеею,

Разрубленной пополам. . .
Живые, готовьтесь к бою!

8

Спи, сердце. Я тихо стою.
Что делается со мною?
Я слез по убитым не лью,
Не вылечить мертвых слезою.

О, даже и женщина, мать,
Еще никогда не сумела
Сыновнему мертвому телу
Вторичную жизнь даровать. . .
Всё это могу я понять.
Но чудится дивное дело:

Когда и осколки гранат,
И танки, и песни солдат
Вдруг станут виденьем былого,
Когда на земле победят
Работники шара земного
И весть о победе пройдет
По шумным одесским кварталам.

Спирт в банке окрасится алым
И сердце бойца оживет!

1941

ГЕОРГИЙ СУВОРОВ

Георгий Кузьмич Суворов родился в 1919 году в Хакасии. Его родители, крестьяне-бедняки, рано умерли. Георгий кончил школу, учился в педагогическом техникуме. В начале Отечественной войны служил в прославленной Панфиловской дивизии. В бою под Ельней был ранен. После госпиталя, весной 1942 года, Суворов попал на Ленинградский фронт. В одной из гвардейских частей, оборонявших город, он командовал взводом противотанковых ружей.

Гвардии лейтенант Георгий Суворов участвовал в боях по прорыву блокады Ленинграда. Он погиб в дни наступления, при переправе через Нарову, 13 февраля 1944 года.

438. ПЕРВЫЙ СНЕГ

Веет, веет и кружится,
Словно сон лебедей,
Вяжет белое кружево
Над воронкой моей.

Улетает и молнией
Окрыляет, слепит. . .
Может, милая вспомнила,
Может, тоже не спит.

Может, смотрит сквозь кружево
На равнину полей,
Где летает и кружится
Белый сон лебедей.

1943 (?)

439

Капитану Строилову

Спуская лодки на Неву, мы знали,
Что немцы будут бить из темноты,
Что грудью утолим мы голод стали
И обагрим свинцовых волн хребты,

Что будут жадно резать пулеметы
Струю алой злоую стену тѐмы, . .

Мы это твердо знали, оттого-то
За левый берег зацепились мы.

И, оттеснив врага от волн полночных,
Мы завязали с ним гранатный бой.
Мы твердо знали. Да. Мы знали точно —
Победу нам дает лишь кровь и боль.

<1943>.

440. СНАЙПЕР

Он такой же, как все,
Только глаз быстрее.
Видит так же, как все,
Только видит ясней.

Среди многих теней
Придорожных берез
Выделяет одну
В человеческий рост.

Среди многих одну
Выделяет он.
И винтовка к плечу.
И курок взведен.

И над мушкою дым —
Соболиный хвост.
Грузно падает тень
В человеческий рост.

<1943>.

441

М. Романовой

Сочилась кровь, и свет бежал из глаз.
Сверкнул огонь — и вдруг огонь погас.

А он дрожал, как будто кто-то гвоздь
Вбивал в его раздробленную кость.

Но лишь на миг в себя он приходил —
Ползти старался из последних сил

Туда, где на ветру дрожит трава,
Где катит волны к берегу Нева.

Туда, где лодки... где прохлада... Но
Летит земля на грудь... В глазах темно...

И кажется... всё прошлое забудь!
На половине оборвался путь...

Но вдруг на грудь твою сошла заря,
Весенней белой яблоней горя.

В твои глаза два синие цветка
Вдруг посмотрели. О, как жизнь сладка!..

И девушка, в руке зажав бинты,
Тебе сказала: «Жить! Жить будешь ты!..»

<1943>

442

Полковнику Подлуцкому

Над лесом взмыла красная ракета,
И дрогнуло седое море мглы.
Приблизили багровый час рассвета
Орудий вороненные стволы.

От грохота раскалывались тучи,
То опускаясь, то вздымая вверх,
Через Неву летел огонь гремучий —
И за Невою черной смертью мерк.

И так всю ночь, не ведая покоя,
Мы не гасили грозного огня.

540

И так всю ночь за русской Невою
Земля горела, плавилась броня.

И так всю ночь гремели батареи,
Ломая доты за рекой во рву, —
Чтоб без потерь, стремительней, дружнее
Пехота перешла через Неву.

Чтобы скорее в схватке рукопашной
Очистить дорогие берега,
Чтоб, растопив навеки день вчерашний,
Встал новый день над трупами врага.

<1943>

443. БОЛОТО

Мрак лесной. Тишина. Ни души.
Погружаются в ночь блиндажи.
От болотины смертью несет.
За болотиной — ров, дзот.

За болотиной — сучьев треск.
Автомата немецкого блеск.

На болоте блуждает светляк.
Луч луны закачался в ветвях.
Мрак лесной. Тишина. Блиндажи.
Ночи майские как хороши!

Пара глаз устремилась в лесок.
Мушка в прорези — на висок.

Палец плавно давит крючок.
На болоте погас светлячок.
Над болотом метнулась тень.
Мертвый немец свалился на пеню.

<1943>

444. МЕСТЬ

Мы стали молчаливы и суровы.
Но это не поставят нам в вину.
Без слова мы уходим на войну
И умираем на войне без слова.

Всю нашего молчанья глубину,
Всю глубину характера крутого
Поймут как скорбь по жизни светлой, новой,
Как боль за дорогую нам страну.

Поймут как вздох о дорогом рассвете,
Как ненависть при виде вражьих стад...
Поймут — и молчаливость нам простят.

Простят, услышав, как за нас ответят
Орудия, винтовки, сталь и медь,
Сурово выговаривая слово: «Мечь!»

<1943>

445

Бушует поле боевой тревогой.
И вновь летит сегодня, как вчера,
Солдатское крылатое «ура!»
Своей воздушной, дымною дорогой.

И вновь солдат окопы покидает,
И через грязь весеннюю — вперед,
В постылом свисте стали, в шуме вод
Ни сна, ни часа отдыха не зная.

Глаза опалены огнем и дымом,
И некогда поднять усталых глаз,
Чтобы за две весны боев хоть раз
Всласть насладиться всем до слез любимым.

Увидеть, как среди пустых воронок,
На уцелевшем пятачке земли,

Две стройные березки расцвели,
Как жизнь среди полей испепеленных.

Да. Это жизнь. Она к смертям привыкла.
Но всюду явно жизни торжество.
Она шумит зеленою листвою,
Как вечное вино, как сердца выкрик.

Она глядит и слушает с тревогой,
Как режет мрак крылатое «ура!»,
Как целый день сегодня, как вчера,
Мы падаем, а нас всё так же много.

<1943>

446. БРУСНИКА

Я шел в разведку. Времени спокойней,
Казалось, не бывало на войне.
Хотелось отдохнуть на горном склоне,
Присев к густой приземистой сосне.

Хотелось вспомнить край золотикий,
Мою Сибирь, мою тайгу. И вот
Пахнуло пряным запахом брусники
Над прелью неисхоженных болот.

О, неужели, упоен мечтою,
Я вызвал аромат моей страны...
Брусника каплей крови предо мною
Горит у корня срубленной сосны.

С какою дикой радостью приник я
К брусничным зорям, тающим в траве.
Но мне пора. Иду. В глазах брусника,
Как бы далекой родины привет.

<1943>

447. КОСАЧ

Заря над лесом разлилась устало,
Бой отгремел, с огрызком сухаря
Я сел у пня, винтовка отдыхала
У ног моих, в лучах зари горя.

Я ждал друзей, идущих с поля боя...
И вдруг... Где трав серебряная мгла,
В пятнадцати шагах перед собою
Я увидал два черные крыла.

Потом кривая радужная шея
Мне показалась из сухой травы...
Рука — к винтовке, но стрелять не смею...
Ведь он один на берегах Невы...

Земляк! И предо мною голубые
Встают папахи горных кедрчей,
Как бы сквозь сон, сквозь шорохи лесные
Я слышу ранний хохот косачей.

Так, вспоминая, в голубом томленьи
Глаз не сводил я с полулунных крыл...
Легла винтовка на мои колени,
Поднять ее я не имел уж сил.

Да и зачем? Мой выстрел, знаю, меток.
Но птица пусть свершает свой полет.
Охотник я. Я знаю толк в приметах:
«Кто птицу бьет, тот зверя не убьет».

<1943>

448

Когда-нибудь, уйдя в ночное
С гривастым табуном коней,
Я вспомню время боевое
Бездомной юности моей.

Георгий Суворов

Михаил Троцкий

Вот так же рдели ночь за ночью,
Кочуя с берегов Невы,
Костры привалов, словно очи
В ночи блуждающей совы.

Я вспомню миг, когда впервые,
Как миру светлые дары,
Летучим роем золотые
За Нарву перешли костры.

И мы тогда сказали: слава
Неугасима на века.
Я вспомню эти дни по праву
С суровостью сибиряка.

<1944>

449

Пришел и рухнул, словно камень,
Без сновидений и без слов,
Пока багряными лучами
Не вспыхнули зубцы лесов,

Покамест новая тревога
Не прогремела надо мной.
Дорога, дымная дорога,
Из боя в бой, из боя в бой...

<1944>

450

В моем вине лучистый белый лед.
Хвачу в жару — и вмиг жара пройдет.

В моем вине летучий вихрь огня.
Хвачу в мороз — пот прошибет меня.

В моем вине рассветная заря.
Хвачу с устатку — снова молод я.

Так много троп и много так дорог,
Утрат и непредвиденных тревог.

Но что метель и смертное темно
Тому, кто пьет солдатское вино!

<1944>

451

О. Корниенко

Мы вышли из большого боя
И в полночь звездную вошли.
Сады шумели нам листвою
И кланялися до земли.

Мы просто братски были рады,
Что вот в моей твоя рука,
Что, многие пройдя преграды,
Ты жив и я живу пока.

И что густые кудри вѣтел
Опять нам дарят свой привет,
И что еще не раз на свете
Нам в бой идти за этот свет.

<1944>

452

Еще утрами черный дым клубится
Над развороченным твоим жильем.
И падает обугленная птица,
Настигнутая бешеным огнем.

Еще ночами белыми нам снятся,
Как вестники потерянной любви,
Живые горы голубых акаций
И в них восторженные соловьи.

Еще война. Но мы упрямо верим,
Что будет день, — мы выпьем боль до дна.
Широкий мир нам вновь раскроет двери,
С рассветом новым встанет тишина.

Последний враг. Последний меткий выстрел.
И первый проблеск утра, как стекло.
Мой милый друг, а все-таки как быстро,
Как быстро наше время протекло.

В воспоминаньях мы тужить не будем,
Зачем туманить грустью ясность дней, —
Свой добрый век мы прожили как люди —
И для людей.

<1944>

453. СОКОЛИНАЯ

Снежный ветер в поле воеет.
Путь-дорога длинная.
Грянем, братцы, да сильнее
Песню соколиную!

Грянем песню перед боем
За отчизну милую,
Как мы с немцем боевою
Померялись силою.

Как не выдержал гадюка
И бежал как бешеный. . .
Но настигла гада вьюга
Свинцовая, снежная.

Воеет в поле снежный ветер.
Сто путей не пройдено.
Ничего не жаль на свете
За святую Родину!

<1944>

454. ПОЛОТЕНЦЕ

Полотенце с розовым цветком
Я храню в пробитом пулей ранце.
Если встанет дума о былом,
Если руки мне твои приснятся —
Я достану, я возьму из ранца
Полотенце с розовым цветком.

Посмотрю на чистое шитье,
Позабуду битвы на минуту —
Встанет предо мной лицо твое
Как тогда, в то радужное утро. . .
Хороша спокойная минута,
Рук твоих бесценное шитье.

Посмотрю и вспомню, как любил
Руки, что мне дали полотенце. . .
Посмотрю — и снова полон сил,
Снова битвой захлебнется сердце,
Чтоб дорогой скорой полотенце
Мне легло в тот край, где я любил.

<1944>

455

Мы тоскуем и скорбим,
Слезы льем от боли. . .
Черный ворон, черный дым,
Выжженное поле. . .

А за гарью, словно снег,
Ландыши без края. . .
Рухнул наземь человек, —
Приняла родная.

Беспокойная мечта,
Не сдержать живую. . .
Землю милую уста
Мертвые целуют.

И уходит тишина. . .
Ветер бьет крылатый.
Белых ландышей волна
Плещет над солдатом.

<1944>

456

Леса и степи, степи и леса. . .
Тупая сталь зарылась в снег обочин.
Над нами — туч седые паруса,
За нами — дым в огне убитой ночи.

Мы одолели сталь. Мы тьму прошли.
Наш путь вперед победою отмечен.
Старик, как будто вставший из земли,
Навстречу нам свои расправил плечи.

Мы видели, как поднял руку он,
Благословляя нас на бой кровавый.
Мы дальше шли. И ветер с трех сторон
Нам рокотал о незакатной славе.

<1944>

МИКОЛА СУРНАЧЕВ

Микола Николаевич Сурначев родился в 1917 году в Рогачевском районе Могилевской области. Окончив десятилетку, он учился на литературном факультете Гомельского педагогического института, затем работал в редакциях белорусских газет «Звезда» и «Чырвоная змена». В дни Великой Отечественной войны служил в Советской Армии. Участвовал в боях за оборону Кавказа, в освобождении многих городов Украины, Белоруссии, Польши. Пал смертью храбрых в апреле 1945 года под Берлином.

В 1946 году вышел сборник его стихотворений «На сурмах баравых», в 1959 — «Барвовая заря».

457. АЛАЯ ЗАРЯ

Вот и кончилось детство, Коля.

А. Сурков

Лесная тропинка
Следы свои ловит:
Из елей покажется —
Скроется в лозах.

То вся встрепенется,
То выгнется спинкой —
На взгорье стремится
Из тихой лощинки.

На взгорье рябина
Кивает головкой,
Рябину проведаль
Соловушка звонкий.

Таинственно шепчет,
Ведь знает он издавна,
Куда ты зовешь меня,
Алая, из дому.

Я б отдал многое, лишь только б
Сказал мне предпоследний гром:
О ком поешь ты утром колким,
Грустишь прохладным вечерком?

Кого глазами ты встречаешь,
Кого приветствуешь в окно
И перед кем ты рассыпаешь
Улыбок щедрое зерно?

Снежинки слабые летали,
На лоб, на губы опадали.
Я им завидовал,
А смел бы,
Своим теплом
Тебя согрел бы.

Тобою всё здесь очаровано:
Едва окрепшие дубки,
И сад с окраинами росными
На берегу крутой реки,

И утонувший за курганами,
Снесенный паводком паром,
И любящее песню страстную
Моих надежд и дум перо.

Но нет тебя.
И горечь в сердце
Струится капельками рос.
.. С дубками о тебе беседуя,
Я нынче загрустил до слез.

Стал бы стройною сосенкой,
Прошумел бы над тобою,
Когда к речке ранью звонкой
Ты идешь густой травой.

Может, на меня, родная,
Вскинула б глаза, что зори,
Ясные, как небо мая,
Голубые, как озера.

1940

О тебе не ведал, не гадал
И души предчувствием не мучил,
А увидел — да и в плен попал,
Хоть к неволе жизнью не приучен.

Мне сдается, что таких, как ты,
Солнце не встречало возле хаты —
О таких на скрипках золотых
Пели сказочные музыканты.

Скажут, это выдумка моя,
Может, так — не думаю перечить.
Не могу противиться и я
Слабости, до капли человечьей.

Про тебя, избранницу мою,
Расскажу я зорям, будто людям,
Лес попросит — лесу пропою,
Никому отказано не будет.

Тишина. Улегся майский шум,
Шум весны у радостных селений.
Странно как-то: год тебя ношу
В самом сердце — и без позволенья.

1940

Ты — как вода для иссохшей земли,
Как моряку — горизонт, еле видный.
Крикнуть? — Ветра́ передать не смогли б.
Плакать? — Но перед березами стыдно.

Сказку придумать? — Не выйдет на лад.
Песню сложить? — Но не сложится песня.
Соп мой опять как рукой ты сняла —
Снова я там, у околицы вешней.

Думал я:
Путь беспрерывных боев
Молодость сердца умолкнуть заставит,
Может, его у родимых лесов
Пуля пронзит или бомба раздавит.
Мысли, как дым, всё плывут волокном
В наше село, к его краскам неброским,
Веткой береза царапнет окно —
Как на тебя, я гляжу на березку.

1941

460. МЕСЯЦ РАНЕНЫЙ

Месяц раненый скрылся в лесу,
Бор в снегу — поседелый будто.
Не стихай же, секи по лицу,
Нашей полночи ветер лютый!

Градом выморозь каждый вдох,
Черным дымом заполни веки,
Чтоб захватчик ослеп, оглох,
Чтоб и след замело навеки.

Чтобы вражьи зрачков огни,
Стеклenea, летели мимо.
Не жалей их, метлой гони
Из просторов отчизны милой.

Нагоняй на них лютей страх,
Белорусских равнин раздолье.
Месяц раненый скрылся в кустах,
А буран свирепеет в поле.

1941

461. ПИСЬМО К МАМЕ

Возле хаты твоей сосновой —
В серых скатках, в ремнях солдаты.

Повстречай ты их добрым словом
И попотчуй их, чем богата.

Сыновья, дорогая мама,
Покидают, идя на запад,
Рощи, полные птичьим гамом,
Знойных пасек медвяный запах,
И поля с золотою рожью,
Сеном пахнущие навесы,
Травы, полные влажной дрожи,
Нецелованную невесту.

Может, в яростный час атаки,
Успокоенный пулей вражьей,
Не один из них мертвым ляжет
У окопов на буераки.

Ты закрой им глаза
И мятой
Щедро выстели их могилы,
И поплачь, как над сыном милым,
Ранью майскою синеватой.

1943

462

Пилотку сняв, глядит, как стынет
Горушка пепла и земли.
Село в железной паутине,
А в синем небе журавли.

А в сердце?
Разве в сердце глянешь,
Как в ключ прозрачный у села?
Молчат, потупившись, селяне;
Где хата некогда была,
Теперь лишь едкий дым под небом
Ползет, грызет стволы раки. . .

555

А сердце?
Полно лютым гневом!
А в синем небе?
Ястребки.

1944

463. КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

Искривленные рельсы,
Шпал огарки.
Докуренные желтые сигарки.
Клочки бумаги, по путям гонимой, —
Солдатские послания к любимой.
Бутылки
И консервные жестянки.
Рассвет на разбомбленном полустанке.
Бесчисленных гудков напев упылый
И беженцев забытые могилы.

В окопе сидя, я под свист метели
Мечтал, бывало, о заветной цели, —
Как принесу покой в походном ранце
Десяткам
Страдающих в неволе станций,
Живой звезде,
Мерцающей в кринице,
Изведавшей изгнание молодежи,
Медовым липам и вишневым селам,
Над Свислочью березам невеселым.
Я в Минск пришел
И преклонил колени
Перед столицей в пору избавленья.

Прославьте же звезду освобожденья!
Пройти дано ее лучам багряным
По изнывающим в неволе странам.
Она — примета
Близкого рассвета.

1944

464. В ПОТОПТАННОМ ЖИТЕ

Уже не доехать
Бойцу молодому
До края родного,
До отчего дому.

Лежит он раскинувшись,
Руки разбросив,
Над ним обгорелые никнут
Колосья.

Лежит он, как витязь,
В потоптанном жите,
Родную увидите —
Не говорите.

1945

МИХАИЛ ТРОИЦКИЙ

Михаил Васильевич Троицкий родился в 1904 году в Петербурге, в семье чиновника. Окончив среднюю школу, учился на архитектурном отделении художественно-промышленного техникума. Однако после смерти отца средств к существованию не было, и Михаил, бросив учебу, обратился на биржу труда. Работал черно-рабочим на ремонте ленинградских мостов и набережных, кочегаром, затем помощником машиниста на заводе «Большевик».

Писать и печататься Троицкий начал с 1926 года. За десятилетие с 1931 по 1940 год вышло пять книг Михаила Троицкого: «Двадцать четыре часа», «Поэма о машинисте», «Три поэмы», «Сказка про глупого медведя» и «Стихи».

В июле 1941 года Троицкого призвали в армию и направили на командирские курсы. Вскоре он отбыл на фронт. 22 декабря 1941 года командир минометного взвода Михаил Троицкий, сражаясь за Ленинград, погиб в районе Невской Дубровки.

Таврический сад совершенно внезапно —
 Как будто деревья по улицам шли,
 Нигде не оставив следов и царапин,
 Нигде на камнях не просыпав земли.

Как будто сегодня неслышной походкой
 Пришли, а надолго ль останутся тут? ..
 Спокойно стоят за железной решеткой,
 Стоят добровольно и завтра уйдут.

1934

466. КАЛГАН

А. Гитовичу

.. Калган — растение простое.
 О нем поэты не поют,
 Его, на перекрестках стоя,
 Букетами не продают.
 И не ведутся обсуждения,
 Что-де — лекарство или яд?
 Своим знакомым в день рожденья
 Его в горшочках не дарят.
 Забыт, а нам какое дело —
 Хвалу калгану вознесу.
 Я этот корень почернелый
 Ножом выкапывал в лесу.

В местах, исхоженных заране,
В траве колючей и густой,
У пней корявых на поляне
Мелькает крестик золотой.

И вьется стебель невысокий,
Чуть перехваченный листом,
Уходит вглубь. И что за соки
Таятся в корешке простом!

И мы его простым приемлем,
Как говорили в старину,
И приобщаем нашу землю
Простому нашему вину.

Пускай он дух лесной и жадный
В душе, как птицу, поселит,
Похмельем легким и отрадным
Сердца людей развеселит.

Слепым он возвращает зренье,
Глухим он музыкой звучит,
И всех скорей к закуске клонит,
Земли плоды, листья, коренья
И осладит и огорчит,
К желудку сок волнами гонит, —
И тут, в моем стихотвореньи,
Приятным зовом прозвучит.

1936

467. ИСПАНИЯ

И вдруг по залу глуховато
Толпы дыханье пронеслось.
Оно с жужжаньем аппарата
В один и трудный вздох сошлось.

Так от колесиков зубчатых
Большая повернется ось,

Так струны: запоет одна —
Другая задрожит струна.

Так свет изображение строит —
Далекий раскаленный день
Прошел, но долго целлулоид
Хранит живые свет и тень.

Ряды бойцов и небо юга,
Вот кто-то смотрит к нам сюда.
Я, может быть, такого друга
Не встречу больше никогда.

Винтовку взял шутя и взвесил.
Пусть поглядел он наугад,
Но взгляд его упрям и весел!
Мы здесь, товарищ! Все глядят.
Мы сжали пальцы, ручки кресел
У нас в руках, а не приклад.

Так мысль идет мгновенным чудом
На всех народов языки,
И смотрят женщины оттуда,
К плечам поднявши кулаки.

Там день, здесь вечер темный, ранний,
Там свет, но между нами нет
Ни дней пути, ни расстояний,
И все мы поняли привет.

Бойцы нам свой пароль сказали.
И дети закивали нам.
Они глядят как будто в зале,
А мы глядим как будто там.

Свои вершины приближая,
Идут вдали покатые холмы.
Твои дороги, родина чужая,
Как сказки детства, узнавали мы.

«Испания!» — мы повторяем глухо,
Мы узнаем, как имя произнести,

Чтоб оглянулась шедшая старуха,
Чтобы друзья услышали: мы здесь!

Мы здесь глядим, мы знаем всё кругом.
Как мы глядим! В экран ворваться можем,
Как будто кинемся к прохожим,
Детей их на руки возьмем.

Я узнаю дороги жесткий камень
И матерей усталые глаза.
Покачивая серыми вьюками,
Проходит мул — и трудно дышит зал.

Как мы глядим! Мы здесь. Мы узнаем
Обломки баррикад, пустые окна зданий.
Они живут в дыхании моем
И в горькой тишине воспоминаний.

Мы узнаем. Мы знаем всё вокруг:
Шипенье пуль и крик гортанный.
О, если бы перешагнул я вдруг
На серую траву экрана!

Не подвиги, не воинская слава!
И клятвы ни одной не произнести!
К чужой земле, к чужим горячим травам
Прижаться грудью! Родина, ты здесь!

О, если бы... Но это только чудо!
О, если бы... Но это полотно!
Комок земли хотя бы взять оттуда,
Уж если мне там быть не суждено!

Декабрь 1936

468

На берегу желтели доски,
И в ручейках краснела глина.
Река легла светло и плоско,
Кусты и небо опрокинув.

562

Она текла и не журчала,
В какую сторону — забыла.
И синий катер у причала
Одной чертою обводила.

Корму очерчивая тонко,
К бортам прижалась, как лекало.
И только темная воронка
Из-под руля вдруг выбегала.

И мне казалось, что сегодня
Так стройно этих струй движенье,
Что если бы убрали сходни —
Осталось бы их отраженье.

1937.

469. МУЗЕЙ МУРАВЬЕВ

Двенадцать тысяч муравьев
Собрали зернышки плодов
И много разноцветных игл —
Музей готов.

Торчала кочка, а под ней,
У догнивающих корней,
Сто комнат и двухсветный зал,
И там видней —
Черники синенький плакат,
Суставы муравьиных лат,
Коронки челюстей, рога
Рядком лежат.

И стопки крыльев расписных,
И усики клопов лесных,
И пряжа тонких паутин
Лежат с весны.

Мешочки желтых мертвых тлей,
И в кубиках вишневый клей,
И в колокольчиках пыльца
Со всех полей.

Но странный есть один предмет,
Таких в музее больше нет.
Громадный конус, тяжкий вес
И странный цвет.

Стоит он, круглый, без конца,
Как бог, лишившийся лица,
И капли сохранивший вид,
Кусок свинца.

Здесь не узнают, как он тверд,
Какою силой он протерт
Сквозь пыль и ветер, ткань и кость
И шум аорт.

Как червь его безглазый грыз,
И в прахе он катился вниз,
И тонкий стебелек травы
Над ним повис.

Его катили через пыль
За сотни муравьиных миль.
И в поколениях муравьев
Забылась быль
Микроскопических минут.

Сто поколений проживут,
А он, ужасный и простой,
Всё тут.

Геометрический предмет,
Но для него масштабов нет,
Как будто в этот мир внесен
С других планет.

1938

470. РАЗЛУКА

Весной над кустиком терновым
Всю ночь просвищет соловей,
Но дремлет над гнездом готовым.

И нас порой замучит скука,
Мы не найдем в себе ни звука,
Хотим чего-то поновой...
А для меня безделье — мука.

Да просветит меня разлука
Печалью ласковой своей!

25 апреля 1940

471. СВИРСКАЯ ДОЛИНА

Мы на крутом остановились спуске,
Там, где упрямы дороги поворот,
А склоны скользки и тропинки узки.

Невольно медлит робкий пешеход.
Спускается, за столбики хватаясь.
То вслух бранясь, то втайне усмехаясь,
Он еле подвигается вперед.
Он вдруг долину взором обведет
И замолчит. И хорошо вздохнет.

А перед ним отчетливей и шире
И неба край, синеющий вдали,
И дальние леса, и снежный берег Свири.

Там в бороздах чернеющей земли
Несется вьюга белыми клоками
Вдоль рельсовых путей и от костра к костру.
Оттуда шум работ машинными гудками
То долетит, то смолкнет на ветру.

Там бревна, как рассыпанные спички,
Там дымы, словно пух из птичьего гнезда,
И в шуме трудовом, как в братской перекличке,
К обрывам подбегают поезда.

Дымки паровиков белеют, отлетая,
Как будто, тая, отлетает звук,
И темной насыпи черта крутая
У берега очерчивает круг.

А за рекой просторно и отлого
Поднялся склон. О, зимняя краса!

Синеющая санная дорога
И сизые прозрачные леса.

Я был бы рад и зимнему туману,
Когда метель и паровозов дым
Покроют реку облаком густым,
Но думалось: и сам таким же стану,
Как эта даль, и ясным и простым.

Всё отдаленное мне представлялось рядом
И так отчетливо. Открыто. На виду.
Хотел бы я таким же чистым взглядом
Глядеть на всё, что на земле найду.

Родимый север мой! Не кинем мы друг друга,
И свежесть бодрую мы понесем с собой
И к морю запада, и на предгорья юга,
В спокойный труд и в беззаветный бой.
Кидай в лицо горстями снега, выюга,
Шумы, метель, и наши песни пой.

И ты, река, родная мне, как Волга,
Как половецкий Днепр. Петровская Нева.
Твоя под снегом дремлет синева...

Хотел бы я остаться тут надолго, —
Тут, как степной ковыль, былинная трава,
Вся бурая, дрожит на косогоре,
И галька сыплется со снегом пополам,
И пыль морозная дымится по холмам...
О русская краса! На всем земном просторе
Милей всего, всего желанней нам.

Затейница в недорогом уборе,
Подруга верная и в радости и в горе.

И кто с тобой не весел и не боек,
Кто в деле не удал и в горести не стоек?

Вдоль проспектов глухо и слепо,
 Спотыкаясь, идет тишина.
 Ветер замер, и ночь окрепла.
 Над заводом темнеет она.

Но сочатся всю ночь над цехами
 Сотни лампочек — желтых глаз.
 И лежит в шкафу за резцами
 Твой проверенный противогаз.

1941 ?

Застыли, как при первой встрече.
 Стоят и не отводят глаз.
 Вдруг две руки легли на плечи
 И обняли, как в первый раз.

Всё было сказано когда-то.
 Что добавлять? Прощай, мой друг.
 И что надежней плеч солдата
 Для этих задрожавших рук?

1941

ИВАН ФЕДОРОВ

Иван Николаевич Федоров родился в 1913 году в деревне Нежданово, Старицкого уезда, Тверской губернии. В 1928 году семья Федоровых переехала в Ленинград. Иван окончил ФЗУ и стал работать столяром-краснодеревцем на фабрике им. Воскова, затем в мастерских Академии художеств; он был большим мастером своего дела. В это время у него пробудился живой интерес к поэзии. Днем Иван Федоров работал в мастерских, вечерами и ночами писал стихи.

С 1931 года стихотворения Ивана Федорова печатаются в журналах «Резец», «Ленинград», «Литературный современник».

За одиннадцать лет Федоровым написано более двухсот стихотворений и несколько лирических поэм. Но, будучи придирчиво требовательным к себе, печатался он немного.

Б. Лихарев писал об Иване Федорове: «Пристальное внимание ко всему, что оказывается в поле наблюдения, умение осмысливать предстоящий путь и свои задачи, умение анализировать свои чувства и явления жизни — делают молодое творчество Федорова очень привлекательным, нешаблонным».

В мае 1941 года Федоров был призван в армию, служил на Карельском перешейке. С первых дней Великой Отечественной войны непосредственно участвовал в боях с немецко-фашистскими захватчиками

Иван Федоров убит при форсировании Невы 5 сентября 1942 года.

Милой называл, — не улыбнулась;
 Как люблю рассказывал, — грустила;
 Целовал бы молча, — отвернулась;
 Уходить собрался, — не пустила...
 Положила руку
 На мое плечо —
 Лучше бы ни звука
 Не сказать еще...
 Долго ли стояли на поляне?
 Выпала вечерняя роса.
 Кто любил когда-нибудь — оглянет
 Родины дремучие леса
 И увидит эту,
 Близко ли, далече,
 Сломанную ветку
 В знак прощальной встречи.

<1939>

476. КАНУН ЗИМЫ

Тогда осина помахала красным
 Платком косому клину журавлей,
 И ты, прождав любимую напрасно,
 Пришел к реке, себя увидел в ней.
 И, доживая день быстротекущий,
 Ты явственно, всем сердцем осознал,

Что плеск листвы иссяк
И что гнетущий
Крик журавлей в тебе зазимовал.

<1940>

477. ЛЫЖНИКИ

Рассвет наплывающий инеем брызжет,
Снега полосует косыми ножами.
У горного дуба мы встали на лыжи,
Рванулись и день догонять побежали.

Деревья мелькают на склоне горы,
Кустарник приветливо прутьями машет;
Стремителен бег наш, свободен порыв,
А день убегает за горы — и дальше.

Пред нами сугробы бескрайной страны,
Над нами январское солнце в зените,
А сдвоенный след мой — две длинных струны —
О родине снежной звените, звените!

Минута привала. Подуем в ладони,
Умоемся пригоршней снега, затем
На лыжи — рванемся, догоним, догоним,
Догоним морозный, сверкающий день.

<1940>

478. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Во льдах, с погодой не в ладу,
Вели суровые поморы
Поток плотов на поводу, —
О берег бились волны спора:
— Вконец погубит, лиходей!
— Подохнем, братцы, без причастья!
— Смышленных, видишь ты, людей
Шлет к супостатам обучаться

Владеть мечом и долотом
Да городить дома в туманах...
— Вишь, срезал бороду, потом
Нательный крест сорвет с гайтана...

Недолг спор, недолги сборы,
Пока палаты небогаты,
Открыть кабак, закрыть соборы,
Копить казну, рубить фрегаты...

Страна посевов и лесов
Роптала глухо. Но Петру
Уже виднелся порт Азов, —
И он, как парус на ветру,
Упрям в работе плодотворной.
Он на лесах, весь на виду.

Ропщи, страна, но будь покорна
Его стремлению!
Пойдут
Людей дубовых караваны
По зыбям северных морей,
Пробьются к южному лиману —
И, где ни кинут якорей,
Купцам, вельможам нерадивым
Понять помогут вымпела,
Что воля росса породила
И что Россия создала.

Страна дубов, убогих срубов
(На поле копны урожая)
Роптала явственней, сквозь зубы,
Едва не бунтом угрожая:
— Опять указ для голытьбы:
«Валить дубы под самый корень».
А ноне время молотыбы!
Не быть добру! —
Кто правый в споре?

Не быть добру — еще не видят
Добра лесные жители.
Но вот плоты, на стрежень выйдя,

Опять Петра увидели.
Широкое его лицо
Сияло бритыми щеками.
Он выше вздыбленных лесов
И тверд, как тот закладный камень.

Он говорил: «Друзья, радейте!»
А через ямы, через кочки
Уже дворовые гвардейцы
Несли ковши, катили бочки
И жгли бенгальские костры —
Во славу флота жгли на мачтах...

Среди бород, среди расстриг
И на плотях хмельная качка.
Но он один, как исполин,
Стоял, и хмель его не трогал,
Мечтою трезвою палим
О славе русского народа.

<1940>

479. ПАМЯТНИК ВОССТАНИЮ

Султан гвардейца на ветру,
Покрыта инеем кокарда.
Стрелки, оледенев, замрут
Перед конем кавалергарда.

Декабрь на площади. С ветвей
Соседних кленов опадали
Комочки пуха. Воробей
И ворон битвы не дождались.

Того не выждал и народ,
В кабак забившийся от стужи,
Кликуша выла у ворот,
Слезились будочники тут же
От умиления...

Царем
В морозный этот полдень станет

Жандарм.
Ликуй, кто одарен
Тулупом, чином и крестами!

В тумане площадь. На стене
Незавершенного собора
Дремал архангел, посинев.
И он увидел штурм нескоро.

А выше на лесах стоял
Строитель сгорбленный. (Веками
Строитель так стоял, тая
За пазухой тяжелый камень.)

Еще невнятен и ему
Был гул на площади Сенатской,
Но ужас голода, чуму,
Сиротство нищенской, кабацкой

Родни, злорадство богатеев
Тогда строитель угадал;
Гвардейцев смелую затею
Благословил он — и когда

На белом хóленом коне
Кавалергард на площадь вынес
Державу и, осатанев,
Огнем велел восставших выместь, —

Худую спину распрямив,
Перекрестив свою сермягу,
Сказав: «Царь-батюшка, прими
Мою холопскую присягу!» —

Метнул строитель с высоты
Лесов согретый кровью камень:
Руки движением простым
Стал гнев, накопленный веками.

<1940>

480. ПАМЯТНИК ПОЭТУ

Где царь вознесся на коне
И замер в сумраке зловещем,
Поэт завидовал волне,
Что ей простор морской обещан.

И в самой зависти шумливей
Волны он тосковал о мщенье.
С плаща стекал осенний ливень,
И капли плыли по теченью.

А он куда направит бег
Судьбы своей? Где кинет сходни?
Иссякнет ливень, хлынет снег —
Тоска и злоба безысходны.

Пока дворцовые огни
Блистают, словно эполеты,
Пока подобьем западни
Россия кажется поэту.

Нева черным-черна у ног,
Ночные воды непроглядны.
На что надеяться он мог?
Чего желать? Ночь... Плеск невнятный...

Где конь на каменной волне
С разлету брызнул медной пеной,
Всё отзывается во мне
Негодование лиры пленной!

<1940>

481. ПАМЯТНИК КАМЕНОТЕСУ

Гранит и мрамор вознесен
Стеной отвесной. Вид утеса
Являет город, и во всем
Я узнаю каменотеса.

Он узловатою рукой,
Лица широкою тоской
Напоминает мне о днях,
В былом затерянных. Не слезы,
Но своды города роднят
Меня с тоской каменотеса.

Ему, строителю дворцов,
Дарован был в конце концов
Годами скопленный сугроб,
Сухой, что дым гранитной пыли,
Чохотки угел — узкий гроб —
И крест сосновый на могиле.

Цари, вельможи, торгаши,
Хоромы ваши хороши!
Но вашей участи последней
Веселый день был смерти днем,
И я, дворцов его наследник, —
Наследник памяти о нем.

И чтобы образ, вросший в своды,
Увидел позднюю родню,
Я все преддверия, все входы,
Весь этот город охраню
От всех подкупных и продажных,
От злобствующих столько зим,
С каменотесом враждовавших,
С прославленным мастеровым.

<1940>

482. ПОСЛЕ БОЕВ

1. ТАНКИ НОЧЬЮ

Меня разбудят громы. Я открою
Окно, увижу: вновь по мостовой
Ребристые идут гора с горою

Леонид Шершер

Елена Ширман

Бок о бок... И увижу: вестовой
Идет, высокий, статный, с донесеньем.
Так, родина, о славе возвестят
Сыны твои стальные в том весеннем
Ночном часу, когда поэты спят.

2. ВОДИТЕЛЬ ГРУЗОВИКА

Полотнищем обтянут кумачовым
И хвойными ветвями убран кузов.
Но чем водитель скроет след ночевок
В пути своем среди снегов и грузов?
От сна в кабине словно стал сутулей
И много старше... Что еще заметим?
Правей руля, в стекле, пробитом пулей,
Дробится луч, — водитель свыкся с этим.

8. КОННИЦА

Был воздух чище влаги родниковой
(Два-три в году — так редки эти дни).
Шла конница, притуплены подковы
Об острые карельские кремни.
Когда прошли по-боевому спору
Два скорбных, неоседланных коня,
Я шапку снял — почтил бойцов, которым
Не довелось прожить такого дня.

1940

483. ПАМЯТЬ О ДЕТСТВЕ

1

Едва припомню барский сад,
Опять привидится раскосый,
Хмельной, широкогрудый, босый
Садовник — отставной солдат.

Таким привидится он мне
И в сотый раз, едва припомню

Осенний сад, пролом в плетне,
Коловший до крови шиповник.

Была пуглива ветвь ветлы,
Был клен багрян наполовину,
А он лишайные стволы
Обмазывал раствором глины.

И не терпелось тем сильнее
Вломиться в сад, назло солдату,
Чем больше красного арката
Роняли воробьи с ветвей.

2

Рубаху красную на Пасху,
Кожух дубленый к Покрову,
Картонную на святки маску —
Зеленоклювую сову, —

Меня подарки утешали,
Но было больно мне смотреть,
Как мяла мать каемку шали,
Лица не в силах утереть.

Она обнову мне дарила
И снова, так, что жизнь отдашь,
Кого-то доброго молила:
«Даруй нам пищу, боже наш!»

И проливала, вопрошая,
Святые слезы — сердце жглось...
Так голодать до урожая
Нам с божьей помощью пришлось.

8

Божницу подпирал плечами
Церковный староста, пока
Тянули жребий поречане
И снаряжали ходока
В Торжок за солью, за свечами.

Минуя села и слободки,
Ворча на жребий свой, ходок
По насту вешнему неходко
Спешил к Ефремию в Торжок
Сушить опорки и обмотки.

Костер на площади соборной
Не угасал тогда. Попы
Взамен свечей и соли сорной
Выманивали у толпы
Пчелиный воск и холст узорный.

А поречане на дорогу
Глядели сумрачно в ночи.
И остывало понемногу,
Как непосоленные щи,
Их упование на бога...

Под матицей коптила плошка,
На сходке маялся народ:
Делили соль столовой ложкой —
По ложке поровну на рот,
А было соли всей — лукошко...

4

Когда Папанин в океане
Ледовом вырос, как гора,
Дворы покрыла ропаклами
И айсбергами детвора.

Кто: те ли, эти ли любимей?
Равно имели мы в виду
И тех, дрейфующих на льдине,
И этих, зябнущих на льду.

Нам дорог берег, обретенный
Отцами в схватках боевых.
Котовский, Щорс, Чапай, Буденный —
Герои сверстников моих.

Есть, не в пример наукам хитрым,
Совсем не хитрая одна:
Распознавать по детским играм,
Чем озабочена страна.

<1941>

484. ВОСЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ

1

Прибрежной липы ствол дуплистый
Увидел я издалека.
Услышал плеск листвы росистой,
Подобный плеску ручейка;
Чуть испытав сердце томленье,
Там мы расстались у реки,
Я уповал на примиренье,
На кроткость крохотной руки.
И упований долголетье —
Как сон тревожный в мире том,
Где мы, расставшись на рассвете,
С восхода солнца встречи ждем.
Благословенна свежесть мая
И утренняя дрожь ветвей,
Дорога к берегу лесная,
Листва над хатою твоей!

2

Только белая блузка —
Грустный времени след —
И короткой и узкой
Стала за восемь лет.
И глаза словно те же,
Тот же выговор слов,
Только русая реже
Прядь спадает на лоб.
Только гостеприимства
Молчаливей обряд.
Ярче свет материнства —
Светлый женственный взгляд.

Маньчжурские сопки, карельские скалы,
 Бесчисленных странствий моих колеи
 На сгорбленном глобусе, верю, искала,
 Сжигая шальные открытки мои.
 А ныне... А ныне — как не было странствий,
 Дороги и годы не выкрали страсть.
 Дай руку, уверься в моем постоянстве,
 Дай сердцем натруженным к сердцу припасть.

Апрель — май 1941

485. У РЕКИ

Левый берег в огне, а на правом
 Пеплом кроются угли костра,
 И связисты сквозь тьму к переправам
 Тянут кабель, — работа быстра.

И, незримы, сползая по скатам,
 Пробираются к лодкам стрелки.
 Возвестит предрассветным набатом
 Батарея о штурме реки.

Тишину разорвут на клочья
 Всплески весел и гром пальбы.
 Берег с берегом, мерясь мощью,
 Водяные взметнут столбы.

Вспенят волны реки величавой
 Мастера лобовых атак,
 И рванутся в штыки у причалов,
 И отхлынет, не выстояв, враг.

А связисты протянут кабель
 Над водой и отправят весть:
 Там, где буйствовал враг и грабил,
 Жег и рушил, — вершится месть.

Октябрь 1941

Дождями омытые тропы,
Деревья, шумящие гневно,
Листвы облетающей ропот
И залпы всенощно, вседневно.

Фашистские орды, лютуя,
Пусть метят кровавою метой
Лесные селенья, — вчистую
Расплатимся мы и за это.

Мы в битвах всенощных, вседневных,
Чем дальше, тем тверже, упрямей.
Не видеть им родину гневных —
Россию — в позоре и сраме.

1941—1942 ?

ВЛАДИМИР ЧУГУНОВ

Владимир Михайлович Чугунов родился в 1911 году в семье железнодорожного врача на станции Иланской. Шести лет остался без отца. Детство было трудное. Школу пришлось бросить. Владимир поступил на одну из шахт Анжеро-Судженска. Был коногоном, потом забойщиком. Кончив в 1930 году Анжерское горное промышленное училище, стал машинистом врубовой машины.

Стихи Владимир Чугунов начал писать еще в детстве. Стихотворения его появлялись на страницах газет «Борьба за уголь», «Большевицкая смена», «Советская Сибирь» и др. Он перешел на работу в редакцию газеты «Борьба за уголь». Затем поступил в Томский горный институт на геологоразведочный факультет. В 1936—1937 годах Чугунов жил в Новосибирске, часто ездил на шахты Кузбасса, много писал о горняках. В 1938 году Владимир Чугунов переехал в Казахстан.

В 1939 году в Новосибирске вышел стихотворный сборник В. Чугунова «Горячий камень». Перу Чугунова принадлежат также рассказы, очерки, повести. Часть из них напечатана, часть — осталась в рукописях.

Во время Великой Отечественной войны лейтенант Владимир Чугунов командовал стрелковым взводом и писал стихи о фронтовой дружбе, о подвигах товарищей по оружию. 9 мая 1943 года Чугунов писал жене: «Живем мы боевой жизнью, колотим фрицев, часто вспоминаем о доме... Хотел бы я сейчас посмотреть на Светлану. Если есть карточка — пошли, а то, чего доброго, и не увижу больше...» В день, когда немцы, открыв мощный артиллерийский огонь, перешли на Курской дуге в наступление, Чугунов поднял своих бойцов в атаку. В этой атаке он погиб 5 июля 1943 года.

487. СОСНА

На склоне дня в червонной позолоте
Стоит сосна, стройна и высока.
Над ней летят, сверкая, самолеты
И белогрудые кочуют облака,
Ее вершину молнией могучей
Гроза разбила. И у той сосны
В бессильном гневе бронзовые сучья
Над голою землей занесены.

Хранит сосна на смуглом теле знаки
Далеких встреч и чьи-то имена.
По вечерам в сыром и плотном мраке
Ей грезились былые времена.

Ей вспоминалась прелесть диких весен,
Когда в корнях рождаются ключи
У одиноких лермонтовских сосен;
Когда рычат потоки, бьются косачи.
И вновь трубит весна. . .

Опять в овраге,
Беснуясь, мчится бурная река,
Горят костры и вспыхивают флаги,
По полевому шпату бьет кирка;
И режет землю звонкая лопата,
И злые корни рвет в глуби земли. . .
Здесь будет парк. Веселые ребята
К сосне недаром песню принесли.

Они поют о Мурманской дороге,
Они поют: «Стояло три сосны,
Со мной прощался милый...» И о многом
Поют они, хмельные от весны.
И зашумели ветви, закачались,
Пролетный ветер наклонил сосну.

Под нею тоже, может быть, прощались
И назначали встречу на весну.
И вот сосна совсем по-человечьи
Навстречу людям ветви подала,
Чтобы при новых и счастливых встречах
Под нею наша молодость цвела.

1935

488

Просишь ты лирических стихов,
Чтобы строки сердце волновали,
Чтоб на каждый затаенный вздох
Все слова любовью отвечали.

Что же, принимаю вызов твой!
Я не ставлю над стихом названья.
Свежею весеннею травой
Этих строк наполнено дыханье.

О, как величав язык любви!
Бьется сердце, щеки пышут ало.
Ты меня по имени зови,
Как в далеком детстве называла.

Я опять читаю наизусть
Первое свое стихотворенье.
В нем такая искренняя грусть,
Буря чувств, черемухи цветенье.

Осыпаются с черемухи цветы,
Затаит она дыханье на год.
На тяжелых ветках видишь ты
Гроздь крупных и созревших ягод.

Ты пила черемуховый сок,
Золотой от солнечного света.
Потому веселый твой зрачок
Вечно мне напоминает лето.

1937

489

Что лицо твое туманно,
Нет улыбки, голос тих,
Золотой песок Алдана
Не блестит в глазах твоих?

А припомни, как, бывало,
Выходила в тесный круг
И смеялась, и плясала,
И задорила подруг.

А припомни, как, бывало,
Только лад гармонии тронь,
Ты частушки напевала
Под веселую гармонь.

А припомни, как, бывало,
На рассвете золотом
В первый раз поцеловала
Парня с пасмурным лицом.

Ты припомни по порядку
Светлой юности дары:
Голосистую двухрядку,
Игры, песни и костры.

Всё припомни, дорогая!
Вспоминая, улыбнись,
Чтобы искра золотая
Засияла у ресниц.

1937

По рельсам Турксиба, путями степными,
 Проносится поезд в оранжевом дыме.
 За степью на небе вечерний закат
 Похож на цветной полосатый халат.
 Бесплодные степи. . . Багровый Восток. . .
 Сухой солонеч и колючий песок.
 Курганы, и ветер, и синие дали. . .
 Две длинные кромки накатанной стали.
 Я слышу сквозь гулкое пенье колес
 Название станции: «Сто берез».
 Но, спрыгнув на землю с подножки вагона,
 Гляжу на окрестности изумленно:
 Деревьев не видно, лишь ветер колючий
 Пыль поднимает, как черную тучу.
 Пророчество вижу в названии этом —
 Хорошая тема дается поэтам.
 Те люди, что станцию так называли,
 Смотрели уверенно в ясные дали.
 И время покажет — мы этому верим —
 Шуметь здесь широким тенистым деревьям.
 Упорные люди эпохи великой
 В бесплодные степи направят арыки.

1939

491

Заволокло туманом горы,
 И низко хлопья туч висят.
 Лебяжий пух покроем скоро
 Осенний сад.

Листы на дубе заржавели,
 И облетел озябший клен.
 А я в тебя, как и в апреле,
 Еще влюблен.

Я помню каждое движенье,
 Походку, голос нежный твой.

В саду осеннем пахнет тленьем,
Сухой травой.

Уже варенья наварила
Соседка на зиму давно.
Уже в бочаре забродило
Мое вино.

На теплом ватном одеяле,
Заждавшись дочь, уснула мать.
А мы еще не всё сказали.
И что сказать? . .

Вот ты мелькнешь и скроешься за домом.
Уснешь и будешь видеть сон:
Тропинку в садике знакомом,
Озябший клен.

Меня иль, может быть, другого —
Ведь разные бывают сны.
Так знай: я не сказал ни слова
Лишь до весны. . .

Заволокло туманом горы,
И низко хлопья туч висят.
Лебяжий пух покроет скоро
Осенний сад.

1940

492

Мне тебя прельстить сегодня нечем —
Песня задушевная не в счет.
Над степным, над горным Семиречьем
Разыгрался ветер, снег идет.

Сад покрыт серебряной попоной,
На привалках облака висят.
Но, завидев ясность небосклона,
Петухи цветные голосят.

Значит, будет славная погода
И узор на стеклах расписной.
В декабре сорокового года
Снова пахнет в воздухе весной.

С полдня начинаются капли,
Ноздреватым делается снег.
Если б соловьи еще запели
Над страной семи студеных рек!

1940
Алма-Ата

493. ФОРЕЛЬ

Поднять не в силах лап мохнатых,
Стоит у водопада ель.
Серебряная, в черных пятнах,
Меж валунов плывет форель.

Не страшно ей воды кипенье!
Поспорят с быстринной реки
В четырехцветном оперенье
Из тонкой пленки плавники.

Куда плывет? И что ей надо?
В равнину б заводи плыла.
Но по стремнине водопада
Форель взлетает, как стрела.

В горах, где вечный снег искрится,
Она не думает о том,
Что проплывает выше птицы
В потоке гневном и седом.

1941

494. ЛИСТ

Такой воздушный, ломкий, яркий
На ветке удержался лист.

Он помнит ветра пересвист,
Пушистый снег, мороз январский.

Взлететь готовый к небесам,
Чтобы не видеть смерть растений,
Он не упал на землю сам —
Один встречает день весенний.

Набухли почки, и смола
К нему, вскипая, потекла,
И дрогнул лист, весну приема.

Другая жизнь кипит у крон,
И, уступая место, он,
Как мотылек, спорхнул на землю.

1941

495. СЧАСТЛИВЫЙ ПУТЬ

Прошлой ночью вокруг месяца
Было желтое кольцо.
Нынче злая выюга бесится
И швыряет снег в лицо.

Замело тропинки узкие,
Все дороги замело,
И мороз в просторы русские
Бросил синее стекло.

Мимо дымных, ладно срубленных,
Хлебом пахнущих домов
Земляки в тулупах дубленых
Шли в буран без лишних слов.

Шел обоз. Копыта цокали,
Пели скаты у саней.
«Земляки мои, далеко ли
Вы торопите коней?»

Что ни дальше, тем морознее
И убродней зимний путь.

Вы устали, время позднее,
Не пора ли отдохнуть? . . .»

Ударяя рукавицами
О тулуп, сказал старик:
«Не должны остановиться мы,
А поедем напрямик. —

И взглянул вперед спокойно,
Щелкнул смерзшимся бичом. —
Вещи теплые для воинов
Красной Армии везем!»

Путь счастливый вам, товарищи!
И в разгар родной зимы
Нас зовут войны пожарища —
Сокрушаем немцев мы!

1942?

496. СВЕТЛАНА

Я друзей обманывать не стану,
Сердце не грубеет на войне:
Часто дочь трехлетняя Светлана
Мысленно является ко мне.

Теплая и нежная ручонка
Норовит схватиться за рукав.
Что скажу я в этот миг, ребенка
На коленях нежно приласкав?

Что нескоро я вернусь обратно,
А возможно, вовсе не вернусь. . .
Так закон диктует в деле ратном:
«Умирая, все-таки не трусь!»

Может быть, в журнале иль газете,
Что хранили быль наших времен,
Дочь моя, читая строки эти,
Гордо скажет: «Храбро умер он!»

А еще приятней, с нею вместе
Этот стих короткий прочитав,
Говорить о долге, славе, чести,
Чувствуя, что был тогда ты прав.

Я друзей обманывать не стану,
Сердце не грубеет на войне:
Часто дочь трехлетняя Светлана
Мысленно является ко мне.

1943 ?

497. КУКУШКА

Над головою пуля просвистела;
Шальная иль прицельная она?
Но, как струна натянутая, пела
Пронизанная ею тишина.

Меня сегодня пуля миновала,
Сердцебиенье успокоив мне,
И тот же час в лесу закуковала
Веселая кукушка на сосне.

Хорошая народная примета:
Нам жить сто лет, напополам деля
Всю ярость бурь и солнечного света,
Чем так богата русская земля.

15 апреля 1943
Северный Донец

498. В РАЗВЕДКУ

Памяти Леонида Нуриева

С суровым озабоченным лицом
Он у сосны надламывает ветку.
Сегодня ночью уходит в разведку,
Искать «язык» за Северным Донцом.

Сегодня ночью...
А пока что синий
В бору сосновом шел на убыль день.
И в чаще, смешивая четкость линий,
Ложилась фиолетовая тень.

Комбат спросил:
«Как думаешь, Нуриев,
Удастся ли разведка в этот раз?»
Он, думу невеселую развеяв,
С улыбкой ясной посмотрел на нас.

«Пойду», — сказал он с твердостью солдата,
Опять по-детски весело смотря.
Таким веселым был он до заката,
Не зная, что сулит ему заря.

Разведчики ушли...
Над ними месяц новый
Глядел из золоченой полумглы.
Светящиеся пули в бор сосновый
Влетали и впивались в стволы.

Друг не мечтал об орденах и славе,
Отважным был он — Родины солдат.
И в этой вот последней переправе
В решениях был твердым, как всегда.

Когда у ног его рвалась граната
И падал он на землю вниз лицом,
Знал сердцем чутким: храбрые ребята
Остались там, за Северным Донцом.

*23 апреля 1943
Северный Донец*

499

Все распри сводятся на нет
Артиллерийской перестрелкой.
Сияет ярче дружбы свет,
И места нет корысти мелкой.

Мы в дни войны сошлись втроем —
Равно бедны, равно богаты, —
Грустим, смеемся и поем
Под потолком крестьянской хаты.

А завтра в бой!
Быть может, смерть
Свершит над кем-нибудь расправу.
Он упадет на землю в травы,

Но жаворонок будет петь,
Цвести ромашки, незабудки
И многодумный лес шуметь...
С судьбой теперь плохие шутки:
Здесь очень просто умереть.

И если первым буду я
Судьбой отвергнут от событий,
То вы, товарищи-друзья,
Меня в час встречи вспомните.

А коль возьму над жизнью власть,
Ток животворных сил почую,
Всю поэтическую страсть
В четыре строчки заключу я.

*1 мая 1943
с. Первомайское*

500. ПОСЛЕ БОЯ

Хорошо, товарищ, после боя,
Выдыхая дым пороховой,
Посмотреть на небо голубое —
Облака плывут над головой.

И в затихшем орудийном гуле,
Что в ушах моих еще звенит,
Вся страна в почетном карауле
Над убитым воином стоит.

*10 мая 1943
с. Первомайское*

ЛЕОНИД ШЕРШЕР

Леонид Рафаилович Шершер родился в 1916 году в Одессе. Отец его — служащий. Еще школьником Леонид начал писать стихи. Некоторые из них читал по радио и печатал в «Пионерской правде». С 1935 по 1940 год учился на филологическом факультете Института истории, философии и литературы (Москва). В это время редактировал популярную среди студентов факультетскую стенную газету «Комсомолия».

В 1940 году Шершер был призван в армию. Служил вначале в артиллерийском полку, потом в театре Красной Армии. С августа 1941 года Леонид Шершер — сотрудник газеты авиации дальнего действия «За правое дело». Работая в газете, Шершер одновременно участвовал в боевых вылетах в качестве стрелка-радиста. Чаще всего летал в составе экипажа дважды Героя Советского Союза А. Молодчего, который в начальный период Великой Отечественной войны совершал первые дальние рейды в тылы противника, бомбил военные объекты Кенигсберга, Данцига и др.

Возвращаясь после полетов на базу, Шершер писал очерки, стихи, рассказы. Его корреспонденции публиковались в «Известиях» и «Комсомольской правде», рассказы — в «Новом мире». Почти в каждом номере газеты «За правое дело» появлялись его стихотворения, песни, подписи под карикатурами.

Выполняя боевое задание командования, Леонид Шершер погиб 30 августа 1942 года в полете.

501. ПИСЬМО О ПОЧТАЛЬОНЕ

В облаках табакодима
У косых моих окон,
Песен мимо, солнца мимо,
Часто ходит почтальон.
Он проходит, грубоватый,
В рыжеватых сапогах,
Тихий, смуглый и горбатый,
С бандеролями в руках.
Он проходит, и из окон,
Перевитых кисеей,
Видит он кудрявый локон,
Обесцвеченный весной.
Недосказанные речи,
Недопетые слова,
Недорадостные встречи,
Неземная синева.
Голубые сны и ночи.
Дни. Молчанье. Тополя.
Васильки. Дороги. Впрочем —
Вся огромная земля.
Птицы, радости, закаты
У него в больших руках...
Он проходит, грубоватый,
В рыжеватых сапогах.
Он проходит через села
С непокрытой головой,
По-весеннему веселый,
По-весеннему хмельной.

На него с тяжелым стоном
Псы несутся на цепях. . .
Вот таким вот почтальоном
Я мечтаю быть в стихах.
И нести ветрам навстречу,
Хоть дорога и крива,
Недосказанные речи,
Недопетые слова.
И пройти с огромной ношей
Через тучи и грома
Мимо девушек хороших,
Ожидающих письма.
Постучать у дальних окон
И, укрытый тишиной,
Увидать кудрявый локон,
Обесцвеченный весной.

Январь 1935

502

Видишь, брызги на окне, —
Это очи светятся.
Гулко бродят в тишине
Звездные Медведицы.

Я не знаю, сколько их
В этой звездной бездне.
Лишь мечтаю про твои
Теплые созвездия.

И возможно, как-нибудь
Синелунным вечером
Я по ним узнаю путь,
Чтоб дойти до встречи нам.

*7 октября 1935
Москва*

503. ТЫ

(Из весенних стихов об осени)

Широколистые клены с ветвей осыпают лето,
Первой хрупкостью льдинок утро встречает пруд,
Над миром, маем умытым, над миром, июнем
согретым,
Августовские созвездья, в ручьях не дрожа, встают.

Осень. В такое время хочется выйти к двери
И первому встречному ветру вылиться через край.
Но он, не поняв, уходит, а может быть, не поверив
И не сказав, расставаясь, ласковсго «прощай».

За эту весну и лето мы старше и выше стали,
Но мы пронесли под солнцем солнечную мечту.
В глазах твоих серых вёсны ни разу не отцветали,
И лето в твоих улыбках и в первом еще цвету.

Мы снова с тобою вместе, мы снова с тобою рядом.
Долго или недолго не виделись мы с тобой,
Ведь, кроме тебя, дорогая, мне очень немного надо:
Работы, стихов и неба, не вянущего зимой.

1935

504. НАДГРОБНОЕ СЛОВО ВЕТРУ

Выплакал звезды в тучевой тверди
Глаз луны с поднебесья на нас.
Качаются, как корабли на рейде,
Улыбки в морях твоих теплых глаз.

Ты дремлешь. И сон твой неровен и зыбок,
Как блики луны на распутье окон.
Я жду, как рассвета, твоих улыбок
И с боку на бок ворочаю сон.

Мне часто не дремлется на рассвете,
Небо проткала багровая нить.

Приходит к кровати простуженный ветер
По-человечески поговорить.

Я знаю — ему до молчания пусто,
Он ходит невылюбленный в небесах,
И мне становится очень грустно
От слез на синих его глазах.

Он песню опустит, как вымпелы с мачты,
И руки поднимет под небо, как плети.
Ветер, не надо!

Ветер, не плачьте!
Будьте мужчиной, ветер!

Я руку поглажу, нежен и ласков, —
Ветер, забудьте про все неудачи!
Хотите, я расскажу вам сказку
Или спою кукарачу!

А утром, шаги отчеканя гулко,
От зорь обеих горяч и рыж,
Он сходит и топает в переулках
Над мелочьем небоскребных крыш.

Он спускается с поднебесья
И дальше идет, разгорланя песню
В улицы, не расплескавшие тишь. . .

. . . А после войдет, не стучая, в дверцы,
Сядет к кровати угрюмо и быстро,
Тихий, немного рассеянный, злой. . .
Я знаю большое и нежное сердце
Ветра, покончившего самоубийством,
Ветра, упавшего вниз головой.

16 октября 1935

505. ПОЛНОЧЬ

Ночь спускается сразу,
Искренняя, как злоба.
Зарю за собой сжигает,

И ей отступления нет.
Двенадцать часов. Полночь.
Встает барабанщик из гроба,
Со стульев встают пианисты,
Заканчивая концерт.

Прожекторов бледные луны
Бросают последние блики,
Они поднимаются к ломам,
Выбрасываясь из окон.
Дамы приносят розы,
Дамы приносят гвоздики,
Пахнущие садами,
По сорок копеек бутон.

Жаль, увядают розы!
Я бы их поднял снова,
Я б расцветать поставил
Под синие пальцы гроз.
Я не люблю Паганини,
Я не люблю Норцова.
Я бы поднес швейцару
Букетище теплых роз.

«Возьмите, поставьте дома,
Чтоб не было дома серо,
А если имеете дочку,
То передайте ей
От зрителей амфитеатра,
От зрителей из партера
За исполнение марша
На барабане дверей...»

...А может, мне просто грустно,
Сердце в лирической тише!
Правда, ведь может быть так,
Мой теплоглазый друг?!
Я полюблю Норцова,
Я полюблю Паганини,
Ставших немного теплее
От обжигания рук.

И, обогнув билетеров
И многопудие дамы,
Я ухожу из зала
И к почте пути стелю.
Примите, телеграфистка,
Местную телеграмму
С текстом: «Моя дорогая!
Я тебя очень лю!»

17 декабря 1935

506. СНЫ

Я не знаю, надо иль не надо
Сны свои рассказывать в стихах.
Только возле города Гренады
Я сегодня ночевал в горах.

Я видал, как проходили грозы,
Слышал — толпами издалека
Проплывали верхом бомбовозы,
Низом проплывали облака.

После снов тяжелых, после боя,
После гулких вздохов батарей
Небо над Испанией такое,
Как весной над Родиной моей.

Я хожу по улицам суровый,
Сплю под дребезжанье гроз.
В комнате моей шестиметровой
Запах пороха мадридского и роз

Из садов распахнутых Гренады,
Не увядших на крутых ветрах...
Я не знаю, надо иль не надо
Сны свои рассказывать в стихах.

Если звездными ночами снятся,
Как расходятся во тьму пути, —
Значит, сердцу дома не сидится,
Значит, сердцу хочется уйти.

Но оно не скажет мне ни слова,
Я пойму его по слуху сам —
К опаленным подступам Кордовы,
К астурийским рослым горнякам

Рвется сердце. Сквозь дожди и ветры
Путь его протянется, как нить...
...На пространстве в шесть квадратных
метров

Разве можно сердце уместить?

Пусть выходит сердце, как победа,
Как луна к раскрытому окну,
К черноглазым девушкам Овьедо,
Отстоявшим пулями весну.

И они, уверенны и ловки,
Проходя сквозь орудийный дым,
Зарядят тяжелые винтовки
Сердцем сокрушающим моим.

1936

507

Ты ложишься спать, моя родная,
Под подушку руку положив.
Город полуночный засыпает,
И, луну прозрачную разлив,
Облака уходят. Ветер резкий
Поднимает тихо занавески
И идет, ступая по ковру.
Я тебе, как жизни, не совру,
Не скажу неправильного слова,
Как стихам. Вечерняя пора
Нам показывает в новом свете
Облака, большие звезды, ветер,
Виденные иначе с утра.
Мы с тобой живем одним дыханьем,
Связаны любовью и стихом.
Никогда не скажем «до свиданья»,

Друг от друга в жизни не уйдем.
(Я сижу и думаю о том,
Как в кривом Ростокинском проезде
Ты бумажки крутишь за столом.)
Помнишь сказку про Тильтиля и Митиль?
Мы с тобой во МХАТ тогда ходили,
Вместе хмурились и улыбались вместе,
Спорили, мечтая об одном,
Помнишь сны, что видели ребята:
Над кривой избушкой небогатой
Счастье птицей пролетало, не задев...
В Гамбурге не спит ночами Тедди,
И друзья его почти не спят
И о счастье, о большой победе
До зари до самой говорят.
Им на жестких тюфяках приснится:
В городе, в котором мы живем,
Пролетают флаги, точно птицы,
Распластавши крылья над Кремлем.
Нам с тобой намного это проще.
Что другим приснится только сном,
Красную торжественную площадь,
Просыпаясь, видим за окном.
Ели наклоняются, старея,
Над гранитом гулким мавзолея,
Солнце легкокрылое в зените —
Слово различим издалика:
«Ленин» начертала на граните
Родины могучая рука.
Это к счастью — говорит поверье, —
Так шумит знамен высоких шелк,
И ногами открываю дверь я,
Чтобы ветер в комнату вошел.

Посидим, подумаем немного,
Как нам жить и что нас ждет с тобой?
Есть на карте дальняя дорога
В дальний город, самый молодой.
Дорогая, скоро, очень скоро,
Мы с тобой поедem в этот город,
Обязательно поедem мы с тобой.

Жизнь лежит большая, как дорога
От Москвы до города того,
Много песен и невзгод довольно много
От Москвы до города того.
Будем тверже. Мир большой, как глобус,
На столе стоит в дыханьи дня,
И, как шар земной, нигде не вторясь,
Ты одна, родная, у меня.
Я пройду сквозь все на свете муки,
Чтобы видеть: поздно — ровно в пять,
Положивши под подушку руки,
Ты ложишься, дорогая, спать.
Я пройду сквозь всё, сквозь паклю дыма
Под неровным ветром батарей,
Чтоб невзгоды проходили мимо
Головы растрепанной твоей.

1938

508. ДЕВУШКА ПЛАЧЕТ

Девушка плачет, плачет сухими глазами,
Непрошенный ветер играет ее волосами.
И ветка не к часу шутливо касается шеи
Мохнатой, недоброй, колючею лапой своею.

Девушка плачет и держит конверт голубой,
Надписанный чьей-то чужой, незнакомой рукой...
И ветер всё шутит, играет ее волосами,
И девушка плачет, плачет сухими глазами.

1940

509. В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Да будет веселым день нашей победы!
Мы снова сойдемся в круг —
Друг налево и друг направо,
И прямо напротив друг.

Когда этот час неизбежный настанет,
Я встану, подняв стакан:
«Не все здесь с нами. Одни убиты,
Лечат других от ран.

Но я от имени всех живущих
И тех, кто погиб в бою,
В слове, простом и взволнованном слове
Прославлю страну мою.

Что я скажу, как сумею ийти я
Лучшие в мире слова!
Я даже не крикну, а тихо скажу вам:
Да здравствует наша Москва!»

Мы в окна посмотрим — увидим: снова
Звезды горят на Кремле,
Весна начинается, пахнет весной
По всей молодой земле.

Вот они, школы, где мы учились,
Сквер, куда шли гулять.
Вокзалы, с которых мы провожали,
Зовут нас теперь встречать!

А если мне суждено в сраженьи
Погибнуть до этого дня —
Ты тогда поднимись со стаканом
И это скажи за меня.

Сделайте всё, что я не успею
Сделать в моей стране.
А любимую пусть никто не целует,
Пусть помнит она обо мне!

1941

Мне кажется сейчас, что знаю я
 Всех, кто живет в моей большой стране.
 Я знаю их в лицо, я знаю голос их.
 Я подойду к окну — и слышу далеко,
 Я выйду в поле — вижу далеко, —
 И всюду близкие мои живут.
 Как выросла сейчас моя семья,
 Как возмужала. Как окреп народ.
 Сироты есть уже. Но сколько рук,
 Готовых взять их, вынянчить, согреть.
 Есть старики, чьих сыновей уже
 Сразила пуля злая наповал.
 Но твердою и верною рукой
 Благословляют младших сыновей.
 Девчонка, столько раз сводившая с ума
 Мальчишек, столько раз
 Казавшаяся нам пустой,
 Ведет в атаку взвод
 И падает в крови. И полк стоит
 Над ней, склонив знамен высокий шелк.
 И плачут мальчишки, которых столько раз
 Сводила эта девочка с ума.
 И мы, пожалуй, только лишь сейчас
 Вдруг узнаем, кто с нами рядом жил,
 Кого встречали мы, спросив: «Ну, как дела?» —
 И уходили прочь. Как мы могли
 Не чувствовать, не замечать, не знать!
 Нельзя жалеть любви нам для друзей,
 Нельзя, нельзя судить по мелочам.
 Как ошибался я! И только лишь сейчас
 Мне кажется, друзья, что знаю я
 Всех, кто живет в моей большой стране.

1941

511. ВЕТЕР ОТ ВИНТА

Как давно нам уже довелось фронтовые петлицы
 Неумелой рукой к гимнастерке своей пришивать.

Золотые, привыкшие к синему птицы
По защитному небу легко научились летать.
Хоть клянусь не забыть — может, всё позабуду на свете,
Когда час вспоминать мне о прожитых днях подойдет,
Не смогу лишь забыть я крутой и взволнованный ветер
От винта самолета, готового в дальний полет.

Не сумею забыть этот ветер тревожной дороги,
Как летит он, взрываясь над самой моей головой,
Как в испуге ложится трава молодая под ноги
И деревья со злостью качают зеленой листвою.
Фронтальная судьба! Что есть чище и выше на свете.
Ты живешь, ощущая всегда, как тебя обдаёт
Бескорыстный, прямой, удивительной ясности ветер
От винта самолета, готового в дальний полет.

Тот, кто раз ощущал его сердцем своим и душою,
Тот бескрылым не сможет ходить никогда по земле,
Тот весь век называет своею счастливой звездой
Пятикрылые звезды на синем, как небо, крыле.
И куда б ни пошел ты — он всюду проникнет и встретит,
Он могучей рукою тебя до конца поведет,
Беспощадный, упрямый в своем наступлении ветер
От винта самолета, готового в дальний полет.

Ты поверь мне, что это не просто красивая фраза,
Ты поверь, что я жить бы, пожалуй, на свете не мог,
Если б знал, что сумею забыть до последнего часа
Ветер юности нашей, тревожных и дальних дорог.
А когда я умру и меня повезут на лафете,
Как при жизни, мне волосы грубой рукой шевельнет
Ненавидящий слезы и смерть презирающий ветер
От винта самолета, идущего в дальний полет.

ЕЛЕНА ШИРМАН

Елена Михайловна Ширман (она иногда печаталась под псевдонимами Ирина Горина, Алена Краснощекова и др.) родилась 3 февраля 1908 года в Ростове-на-Дону. Ее отец — штурман, плавал на Азовском и Черном морях, впоследствии стал служащим. Мать учительствовала, после Октябрьской революции окончила Археологический институт и работала в музеях.

Елена с детства сочиняла стихи, увлекалась рисованием, занималась спортом, была пионеркой одного из первых ростовских отрядов в 20-е годы, училась в школе, потом в библиотечном техникуме. В 1933 году окончила литературный факультет Ростовского пединститута, работала в библиотеке, вела культпросветработу на селе, была учетчицей в бригаде трактористов. 1937—1941 годы — учеба в Литературном институте им. Горького (творческий семинар И. Сельвинского). Одновременно с учебой Е. Ширман сотрудничала в различных ростовских редакциях, руководила литературной группой при газете «Ленинские внучата», была литературным консультантом газеты «Пионерская правда».

Печаталась с 1924 года. Вначале в ростовских, а потом и в московских изданиях («Октябрь», «Смена» и др.). Много занималась собиранием и обработкой фольклора.

С начала Великой Отечественной войны Елена Ширман — редактор выходившей в Ростове агитгазеты «Прямой наводкой», где печатались многие ее боевые сатирические стихотворения. Писала агитационные листовки и открытки. В 1942 году издан стихотворный сборник Е. Ширман «Бойцу Н-ской части».

В июле 1942 года в составе выездной редакции ростовской газеты «Молот» Елена Ширман выехала в один из районов области. В станице Ремонтной была схвачена гитлеровцами со всеми материалами редакции и героически погибла.

Али Шогенцуков

Микола Шпак

512. ВЕТЕР

Ветер, ветер, ну что ты наделал?
Ты, должно быть, сошел с ума!
Это из-за тебя, оголтелый,
У меня не волосы, а кутерьма.

Ведь и так на других не похожа,
Как дикарка, хожу меж людей.
Ты ж сильнее еще растревожил,
Потянул на престоры сильней.

Не могу я ходить по дорожкам,
Жажду дебрей и троп косых.
Потому меня любят кошки
И ненавидят псы.

Люди города! Как вы жалки,
Каменных стен рабы!
Вы лишь знаете, как кричат галки
Да чирикают воробьи.

Плюнуть хочется мне в эти морды,
В пудре, в красках, в духах «Лориган»!
Мне бы шкуру носить на бедрах,
В небо метать бумеранг.

Эх, какую свистящую плетью
Разогнала бы я эту гниль!
Это ты, сумасшедший ветер,
Растрепал меня и раскрутил...

Ты мне голову сделал такую,
Что не волосы, а кутерьма.
И теперь расчесать не могу я,
Чтоб свой гребень не поломать...

1924

513. ЖИТЬ!

(Из поэмы «Невозможно»)

Разве можно, взъерошенной, мне истлеть,
Неуемное тело бревном уложить?
Если все мои двадцать корявых лет,
Как густые деревья, гудят — жить!

Если каждая прядь на моей башке
К солнцу по-своему тянется,
Если каждая жилка бежит по руке
Неповторимым танцем!

Жить! Изорваться ветрами в клочки,
Жаркими листьями наземь сыпаться,
Только бы чуют артерий толчки,
Гнущаяся от боли, от ярости дыбиться.

1930

514. КОШКА

Жизнь, как большая красивая кошка,
Вкрадчивой поступью влезла ко мне.
Кошке бы надо сливок немножко,
Кошке бы шерсть приласкать на спине...
Кошка мурлычет. Подогнуты лапки.
Узкою щелью сквозит изумруд.
Кошка устала. Ей скучно и зябко,
Ей отвратительны холод и труд.
Милое дело — лежать и мурлыкать,
Усом изящным слегка вертя.
Милая кошка! Послушайте, вы-ка,

А не убраться ли вам к чертям?
Я вас любила пушистым котенком,
Диким, пружинным и шухарным.
С вами мы бегали наперегонки
По косогорам нашей страны.
Вы научили меня не бояться
Тяжеловесных и глупых псов,
Вы научили шипеть и кусаться
В ответ на претензии разных «усов».
За это спасибо. Но нынче другое:
Вам захотелось жирок нагулять.
Мне же всего ненавистней в покое
Сыто мурлыкать, зрачками шалая.
Знаете что? Так и быть, примирюсь я —
Шерстку хольте на крышах других.
Но только не здесь, дорогая Маруся,
Не на расстоянии моей руки!
Иначе возьму вас за нежное ушко,
Розовое, как греза первой любви.
О, сытая сволочь с богатой опушкой,
Иди, дармоедка, хоть крыс лови!

1930

515. СКУЛЬПТОР

Перед тобой громада мокрой глины,
Сырая плоть встревоженных болот.
А день так мал, а ночи слишком длинны,
И отдых так мучителен.

И вот —

Встают из хаоса нагие спины,
Пудовых плеч внезапный поворот,
Безмолвный бой взъяренных исполинов
И смертной болью искаженный рот.

Но ты не рад. Тебе покоя нет
От созданных побоищ и побед,
От рук и скул, от воплей и рыданья.

Из тьмы веков воинствующий бред
И выношен, и вынесен на свет.
И пахнет мокрой глиной мирозданье.

1934—1935

516. ДИСКОВОЛ

Наследье веков повелело,
Чтоб вынес и выхолил ты
В Элладе точеное тело
Из мрамора и быстроты.
Не знает ни злобы, ни боли
Лепной, не улыбочивый рот.
И каменных плеч дискобола
Стремительный поворот
Пластичным, певучим движеньем
Кидается в пустоту
За линией статных коленей,
Приподнятых на лету.
Смотрю:

красота на разгоне!

И вдруг свирепею:

тоска

Такая, что стыннут ладони
И хочется — до костяка
Разъять это слитное тело
Из камня и нервных узлов,
Чтоб дрогнуло и захрустело,
Чтоб длительно, вязко и зло —
Сквозь мускулов мощь и усталость,
Навылет и нараспев —
Гудело и прорастало
Веками зажатое жало,
От боли окоченев.
Чтоб книзу, и

навкось,

и прямо —

Элладу переборов —

Хлестала и пачкала мрамор
Живая
животная
кровь!

<1935>

517. НЕЗРЯЧЕМУ

Г. К.

Ты глядишь непонятым взором,
Полным муки и напряжения,
У тебя глаза как озера,
Но — незрячие от рождения.

Ты на ощупь в толпе шагаешь,
Ты не видишь меня, любимый,
Ты глядишь — и не замечаешь,
И упорно проходишь мимо.

Как мучительно жить не видя,
Беспросветно бродить во мраке, —
Тебя все норовят обидеть —
Камни, женщины и собаки.

Подойти бы к тебе как к другу,
Провести ладонью по векам,
Взять бы ласково твою руку,
Повести по лесам и рекам.

Ты б увидел, как гнется стебель,
Как высокое солнце светит,
Как стрижи пролетают в небе
И как радостно жить на свете.

Ты б увидел...
Но нет — не сыщешь
Ты меня среди людей, родимый.
Ты глядишь на меня — и не видишь,
И упорно проходишь мимо.

1938

518. ПУТЬ СКВОЗЬ СОСНЫ

Я думать о тебе люблю,
Когда роса на листьях рдеет,
Закат сквозь сосны холодеет
И невесомый, как идея,
Туман над речкою седеет.

Я думать о тебе люблю,
Когда пьяней, чем запах винный,
То вдруг отрывистый, то длинный,
И сладострастный, и невинный,
Раздастся посвист соловьиный.

Я думать о тебе люблю.
Ручей, ропща, во мрак струится.
И мост. И ночь. И голос птицы.
И я иду. И путь мой мнится
Письмом на двадцати страницах.

Я думать о тебе люблю.

Май 1939
Переделкино

519. НАД ПРОПАСТЬЮ (Вступление к поэме)

Пусть будет, как будет.
Твоя поговорка

Стоят надо мною горы,
Высокие, как мечты.
Лежат подо мной Дигоры,
Невидимые почти.
«Пусть будет, как будет...» — прощаясь,
Сказал ты. И скрылся. И вот,
К словам твоим возвращаясь,
Гляжу с непривычных высот.
Пусть будет, как будет... От века
Шаманы, жрецы и попы
Внедряли в умы человека
Покорность веленьям судьбы.
Пусть будет, как будет... Ведь лучшей

Вселенной под звездами нет.
И лермонтовский поручик
Подносит к виску пистолет.
Пусть будет, как будет... Разумно
Всё сущее на земле.
И Гегель, не зная Шумана,
О прусском поет короле.
Но семя чревато ростом.
И в страхе и муке глядит
На черные язвы Панглоса
Колеблющийся Кандид.
И толпы людей взъяренных,
Земли трудовой костяк,
Швыряют в лицо законам
Разгневанное: «Не так!»
И ныне в стране, распаханной
От синих до бурых гор,
Умы и поля распаханы
Всем судьбам наперекор.
И я, спотыкаясь в пене
Недоброй, гнедой Лабы,
Бреду впереиз течения
Лукавой своей судьбы.
Пусть ноги скользят и берег
Не близок, но я не ропщу.
Я слишком судьбе не верю,
Я многого слишком хочу.
Хочу, чтоб тебя не обуглил
Пожар бытовых стихий,
Чтоб вечно — светлый и смуглый —
Читал мне свои стихи.
Чтоб вечно рассветное небо
В твоих зеленело глазах,
Чтоб места в душе твоей не было
Понятиям «ложь» и «страх».
Чтоб в Перу, Пальмире и Польше
(Любую страну назови!)
Рождалось людей побольше
Моей и твоей крови.
Чтоб сбросили дряхлую ветошь
Привычек, приличий, примет,
Чтоб встали, мечтою согреты,

Под знамя высоких побед
И сделали нашу планету
Прекраснейшей из планет.

.....
Стоят надо мной вершины,
Доступные, как мечты.
Лежат подо мной стремнины
Нетроганой красоты.
И, к камню прижавшись грудью,
Над пропастью я кричу:
«Пусть будет не так, как будет!
Пусть будет, как я хочу!»

*Август 1939
Северная Осетия*

520. ПРОВОДЫ

Я буду слушать, как ты спишь. А утром
Пораньше встану, чаю вскипачу,
Сухие веки второпях напудрю
И к вороту петлицы примечу.

Ты будешь, как всегда: меня шутливо
«Несносной хлопотуньей» обзовешь,
Попросишь спичку. И неторопливо
Газету над стаканом развернешь.

И час придет. Я встану, холодея,
Скажу: «Фуфайку не забудь смотри».
Ты тщательно поправишь портупею
И выпрямишься. И пойдешь к двери.

И обернешься, может быть. И разом
Ко мне рванешься, за руки возьмешь.
К виску прильнешь разгоряченным глазом.
И ничего не скажешь. И уйдешь.

И если выбегу и задержусь в парадном,
Не оборачивайся, милый, уходи.
Ты будешь биться так же беспощадно,
Как бьется сердце у меня в груди.

Ты будешь биться за Москву, за звезды,
За нынешних и будущих детей.
Не оборачивайся. Слишком поздно.
И слез не видно на щеке моей.

Сентябрь 1939

521. ПОБУДКА

В шесть еще не светает. Окно
Темнотою лесною полно.
Мир спокойствием напоен,
И так сладостен утренний сон,
Но я знаю, что в этот час
Там, в Полтаве, побудка у вас
И горнист, как ты говорил,
«Зачинает зарю до зари».
Ты встаешь, как пружина тугой,
Ты бежишь и становишься в строй,
И я вижу — равняется взвод, —
Головы твоей поворот.
Стынет темная полоса.
Чуть поблескивают пояса.
Молодых чапаевцев строй
Нерушимой стоит стеной.
И я тоже встаю, как ты,
Без волненья и суеты,
И колодезная вода
Обжигает иглами льда.
Выхожу в полутьме на крыльцо,
Иней падает на лицо,
И высокая, как всегда,
Улыбается мне звезда.
Может быть, в этот миг и ты
Замечаешь огонь звезды...
Но устав строевой не прост,
И, пожалуй, тебе не до звезд.
Впрочем, нет: у тебя всегда
Пламенеет на шлеме звезда.
Я бегу через темный бор,
Выбегаю на косогор,

Под ногою скрипят снега,
И немного скользит нога.
И мне кажется — в этом лесу
Я депешу тебе несу,
И мне верится — в этот миг
Ты услышишь условный крик.
Как бы ни был мой путь далек,
Я доставлю депешу в срок.
Ведь земля под нами одна
(Ничего, что она холодна),
Ведь над нами небо одно
(Ничего, что оно темно).
Скоро встанет рассвет голубой
Над тобою и надо мной.
Мы с тобою в одном строю,
Нам сражаться в одном бою,
И равняемся мы на ходу
На одну и ту же звезду.
Значит, незачем мне тужить,
Значит, стоит дышать и жить.
.....
Я бегу по замерзшей тропе
С теплой думою о тебе.

*Декабрь 1939
Переделкино*

522. НЕНАЙДЕННОМУ АДРЕСАТУ

Писать тебе. Писать всю ночь. И знать,
Что голос мой тебе не очень нужен,
Что день твой мал и до минут загружен
И некогда тебе стихи мои читать.

И все-таки писать. И думать — вероятно,
Ты переехал, ты уже не там,
И дом не тот, и улица не та,
И мой конверт ко мне придет обратно,
И буду почерк свой в тоске не узнавать,
И, запинаясь, ставить знаки препинанья,
И буквы обводить, и плакать от сознанья,

Что не найду тебя.

И все-таки опять

Весь день, всю ночь — пускай бесцельно это —
Я не могу с тобой не говорить,
Как не могу не думать и не жить,
Как не могу не ожидать ответа
Всегда, всю жизнь, не в силах променять
Ни на какие сытые забавы
Голодное, но радостное право
Мечтать, надеяться и безнадежно ждать.

Истлеет лист. Умрут слова и даты.
Но звезды, замыслы и бытие само
Останутся, как вечное письмо
Тебе, ненайденному адресату.

Декабрь 1939

523. ПРИЕЗД

Состав, задыхаясь, под арку влетит,
Навстречу рванутся и окна, и гомон,
И холод, и хохот. И кто-то навзрыд
Заплачет. И всё это будет знакомо,
Как в детстве, в горячке,
Ведь так на роду
Написано мне по старинной примете —
И то, что тебя я опять не найду,
И то, что меня ты опять не встретишь.
И лица. И спины. И яркий перрон.
И кто-то толкает меня. Громогласен
Гудок паровозный. И это не сон,
Что нету тебя. И проезд мой напрасен.
Клубясь и вращаясь, прокатит вокзал,
Сверкание залов и темь коридоров.
И площадь пуста. И фонарь, как запал,
Мигнет, поджигая покинутый город.
И площадь взлетит, как граната, гремя,
И хлынут осколки разорванных улиц.

...Кто-то с панели поднимет меня
И спросит заботливо:
«Вы не споткнулись?»

*Февраль 1940
Москва*

524. ДЕТЯМ

Всё резче графика у глаз,
Всё гуще проседи мазня,
А дочь моя не родилась,
И нету сына у меня.

И голос нежности моей
Жужжит томительно и зло,
Как шмель в оконное стекло
В июльской духоте ночей.

И в темноте, проснувшись вдруг,
Всей грудью чувствовать — вот тут —
Затылка невесомый пух
И детских пальцев теплоту...

А утром — настезь! — окна в сад!
И слушать в гомоне ветвей
Невыдуманных мной детей
Всамделишные голоса.

*Июль 1940
Москва*

525. ПОЭЗИЯ

(Из цикла «Стихи о завтрашних стихах»)

Пусть я стою, как прачка над лоханью,
В пару, в поту до первых петухов.
Я слышу близкое и страстное дыханье
Еще не напечатанных стихов.

Поэзия — везде. Она торчит углами
В цехах, в блокнотах, на клочках газет —
Немеркнувшее сдержанное пламя,
Готовое рвануться и зажечь,
Как молния, разящая до грома.
Я верю силе трудовой руки,
Что запретит декретом Совнаркома
Писать о родине бездарные стихи.

1940

526. Я ЖИВУ

Я живу без тебя,
В неудобной квартире,
Среди шумных соседей и облупленных стен.
Я одна в этом плохо проветренном мире.
Это быт. Это дом. А похоже на плен.
Я взбираюсь под утро на подоконник,
Прижимаюсь к стеклу и царапаю мел.
Я старею — от слез, от свирепых бессонниц,
От неконченных писем, стихов и новелл.
Это трудно. Но всё это — только снится.
Мир совсем не такой, если снять мишуру,
Если вспомнить пронзенные солнцем ресницы.
Ты со мной. Ты во мне. Я с тобой говорю.
Ты меня не ругаешь за отсутствие пудры,
За немодное платье, за мечты о тебе. . .
Ты меня понимаешь, спокойный и мудрый
(Не такой, как в Полтаве, а как был на Лабее),
Улыбаются умные, добрые губы,
Светло-русовая прядь закрывает висок.
Я тебя называю: «Аэро, любимый. . .»
Ты меня — полушепотом: «Еленок. . .»
И становится мир и просторным и светлым.
Ты мне волосы гладишь. Не во сне. Наяву.
Мы стоим над обрывом. От холодного ветра
Ты меня защищаешь.
Потому я живу.

15 января 1941
Ростов-Дон

527. ПОДАРОК

Человек...
Беспредельно влюбленный
В далекие горизонты...
В туманные ночи и свежие утра,
В росистые травы и нежные цветы,
Во все моря света и облака,
В молнии, громы и горячие споры,
В стихи и краски всех радуг,
В хорошие книги и в свою работу...:

В. Марчихин

Дарю тебе весь этот мир:
Кипенье смрадное асфальта,
Ручьев бегущее контральто
И в небе ласточек пунктир.

И тучи цвета молока,
И трепетание мембраны,
И шеи динозавров — краны,
Внесенные под облака.

В акациях прозрачных сквер,
Овал младенческих коленей,
И напечатанные тени
На желто-розовом песке.

И корректуры первых книг,
И первые раскаты грома,
И первородный женский крик
Из окон ближнего роддома...

Бери его! Он твой — весь мир!
Клубок из боли и блаженства.
Но будь к нему непримирим —
Владей, корчуй и совершенствуй!

Июнь 1941

528. ПИСЬМО ДЕВУШКИ-ДОНОРА

Прости, не знаю, как тебя зовут,
Мой друг далекий, раненый боец.
Пишу тебе от множества сердец,
Что в лад с тобою бьются и живут.

Ты видишь?

Вся огромная страна
Склонилась, как заботливая мать;
Чтобы тебя от смерти отстоять,
Ни днем, ни ночью не уснет она.

Ты слышишь?

Весь бесчисленный народ
Единой грудью за тебя встает,
Чтоб сделать наши нивы и луга
Могилой для проклятого врага...

Мой друг далекий,

ты меня прости,
Коль нужных слов я не смогла найти, —
Ты кровь пролил за родину в бою...
Мой кровный брат,
прими же кровь мою!

1941

529. ДВА ПИСЬМА

Оно должно меня найти...
Быть может, после долгих странствий
Меж полевых почтовых станций,
Не раз теряясь по пути, —
Оно должно меня найти...
.....
Оно совсем не будет нежным,
В нем будет очень мало слов:
«Я жив, как видишь, и здоров,
Тружусь на линии прилежно.

Мне выдаются плоские буквы в бурых конвертах,
Нормированные и обезжиренные, как консервы,
Ничего не излучающие и ничем не пахнущие.
(Я то, что я есть, и я говорю, что мне хочется.)
...Как в объемном кино,

ты сходишь ко мне с экрана,
Ты идешь по залу, живой и светящийся,
Ты проходишь сквозь меня как сновидение,
И я не слышу твоего дыхания.

...Твое тело должно быть подобно музыке,
Которую не успел написать Бетховен,
Я хотела бы день и ночь осязать эту музыку,
Захлебнуться ею, как морским прибоем.
(Эти стихи последние,

и мне ничего больше не совестно.)
Я завещаю девушке, которая будет любить тебя:
Пусть целует каждую твою ресницу в отдельности,
Пусть не забудет ямочку за твоим ухом,
Пусть пальцы ее будут нежными, как мои мысли.
(Я то, что я есть, и это не то, что нужно.)

...Я могла бы пройти босиком до Белграда,
И снег бы дымился под моими подошвами,
И мне навстречу летели бы ласточки,
Но граница закрыта, как твое сердце,
Как твоя шинель, застегнутая на все пуговицы.
И меня не пропустят.

Спокойно и вежливо
Меня попросят вернуться обратно.
А если буду, как прежде, идти напролом,
Белоголовый часовой

поднимет винтовку,
И я не услышу выстрела —
Меня кто-то как бы негромко окликнет,
И я увижу твою голубую улыбку совсем близко,
И ты — впервые — меня поцелуешь в губы.
Но конца поцелуя я уже не почувствую.

АЛИ ШОГЕНЦУКОВ

Али Асхадович Шогенцуков родился в 1900 году в селении Старая Крепость, Баксанского района, Кабардино-Балкарской АССР, Первые знания Али получил в начальной сельской школе, где преподавали русские учителя. В дальнейшем Шогенцуков учился в Баксане у известного просветителя Нури Цагова, преподававшего естествознание и кабардинский язык; потом в Темирхан-Шуре (ныне Буйнакск) и Бахчисарае, откуда за отличные успехи его послали в Стамбул для завершения педагогического образования. Для того чтобы окончить училище и не умереть с голоду, Шогенцукову пришлось работать грузчиком в порту. В годы учебы в Стамбуле Али Асхадович начал свою поэтическую деятельность, написав в 1917 году стихотворение «К матери» («Нана»).

В 1919 году Шогенцуков вернулся на родину, он целиком отдается работе, много пишет. В 1920 году Шогенцуков — сотрудник газеты. После окончания «Восточно-политических ударных курсов» в Баку едет в Дагестан на работу в органах ЧК. Вернувшись в Кабарду, он стал журналистом, затем перешел на педагогическую работу.

До начала Великой Отечественной войны Али Шогенцуков выпустил несколько книг стихов и поэм, помогал молодому кабардинскому театру и ансамблю песни и пляски, вместе с учеными-лингвистами разрабатывал проблемы кабардинского языка. Его перу принадлежит первый кабардинский роман «Камбот и Ляца», несколько рассказов. В 1939 году за выдающиеся заслуги в развитии кабардинской художественной литературы Президиум Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР присвоил А. Шогенцукову звание заслуженного деятеля искусств. В 1941 году А. Шогенцуков пошел на фронт, попал в плен и умер в фашистском концлагере в ноябре 1941 года.

532. МАТЕРИ

Нана, что знаешь теперь ты о сыне?
Дремлет, тоской убаюкан, у моря...
Мальчик твой малый — один на чужбине,
Жаждет увидеть родные нагорья.

Здесь и денек такой выпасть не может,
Что показал бы Эльбруса вершину.
Жизнь моя здесь матерей не тревожит,
Не твоему улыбаются сыну.

Порт... И суда... И чужая столица...
В громе и грохоте грузчиков много.
Грязными фесками потные лица
Вытрут... И снова с поклажей в дорогу.

Слышишь, родная? Лишь грузчики эти
Душу мне лаской неловкою лечат.
Да, сироте, мол, несладко на свете!..
Грубые руки погладят — и легче.

Мне заскорузлые их ладони
Нежными кажутся в эту минуту...
Пусть я от родины всё отдаленней,
Ближе становишься ты почему-то!..

Ах, хорошо бы мне было, я знаю,
Если б ты вовсе меня не родила... .

Бросить тебя я не мог бы, родная,
Если б взяла меня в детстве могила...

Чем согрешил я, о боже? Тобою
По миру пущен разутым, раздетым!
Мать неповинную метишь судьбою
Плакальщиц, связанных вдовьим обетом.

Крепко ты спрятался в райских палатах,
Если не слышишь рыданий дитяти.
В мусорной куче он спит, а богатых
Зрелищем этим ты радуешь кстати!..

Жди меня, мама!.. В труде неустанном
Выйдет из мальчика сильный мужчина.
В старом ущелье над нашим Баксаном
Снова увидишь любимого сына.

1917

533. ЛИСТОК

Высоко, под самые тучи,
Поднявши верхушку свою,
Раскинуло дерево сучья
И теплую ловит струю.

Дрожит на нем лист пожелтый,
Один-одинешенек он.
Покинутый, осиротелый,
В дремоту листок погружен...

Степные задорные птицы
На ветках нашли свой приют;
Чуть станет заря золотиться —
Щебечут они и поют.

Тоскует листок одиноко —
На что ему гомон пичуг?
Но вот от ствола недалеко
Увидел он бабочку вдруг.

Как будто бы с ним она схожа:
На крылышках тонкая сеть. . .
Листок и подумал: я тоже,
Наверно, могу полететь.

Сорви меня, буду красивым,
Как ты, золотой огонек!
Тут ветер внезапным порывом
Сорвал недовольный листок.

И тот, что на ветке родимой
Томился, к чужому стремясь,
Холодным дыханьем гонимый,
Упал в придорожную грязь.

1920

534. САТАНЕЙ

Пройденный путь озирая,
Девушка, серне под стать,
Горы родимого края
К сердцу готова прижать;
Тает печаль вековая,
Стоит лишь песню начать.

Два проницательных глаза
Меряют простор Кабарды:
Сгинь, суеверий зараза!
Буйно цветите, сады!

Могут ли жить по старинке
Юный иль старый земляк? . .
Светлым трудом кабардинки
Изгнан невежества мрак —
В школу по новой тропинке
Дети направили шаг.

Даже седому Баксану
Радостно, что Сатаней
Путь преградила туману,

Призракам горестных дней.
Сестры, как пчелы к тюльпану,
Жмутся доверчиво к ней. . .

Хмур был удел материнский,
Слезы текли по горам,
Крыльев размах исполинский
Ныне сужден дочерям.
Если по нивам несжатым
Осень дождем прошуршит —
Гневным где надо раскатом
Голос горянки звучит.

Так же в труде расторопны,
Разумом так же горды,
Сердцем на подвиг способны,
Волей окрепшей тверды,
Пусть же ей будут подобны
Дочери всей Кабарды.

1924

535. РОЗА ПИРЕНЕЕВ

От тучи багровой
Очей не отвесь ей. . .
Ей слышатся зовы:
«Возмездье! Возмездье!»

Кровь мечется в жилах
И буйствует в сердце:
«За братьев, за милых!
За муку, за смерть их!»

И в диво кому же,
Что, вся пламенея,
Хватает оружие
Краса Пиренеев.

Как вестник отмщенья,
О пуля, домчись ты!

Нет лучше мишени,
Чем сердце фашиста!

Когда изуверы
Бомбили Мадрид твой,
О роза Сиерры,
Ты ринулась в битву.

И, гневом объята,
Разя без пощады,
Штыком и гранатой
Ты встретила гада.

Пусть гибели жало
Тебя не достанет,
Цвет губ твоих алых
Пусть вечно не вянет!

Пусть слово поэта
Хранит твою юность,
Чтоб в славе победы
Ты в сад свой вернулась!

1936

586. ТАРАС ШЕВЧЕНКО

Застит ли облако солнечный лик —
Свет сквозь него проступает.
Песням того, кто доселе велик,
Днепр голубой подпевает.

Высится Канев над вольной рекой,
Славит народ Украину;
Девушка гладит надгробье рукой:
Пел ты девичью кручину...

Песни твои — словно степь в ковыле.
Нет ни конца им, ни края,
Всех, кто нес горе родимой земле.
Ты бичевал, презирая.

Проклял ты тех, кто сгубил храбрецов
Славных нагорий кавказских,
Мне ли, наследнику честных отцов,
Слов не заслушаться братских?!

Ты говорил нам, что хлеб и земля
Наши по праву от века —
Здравицу мы произносим, хваля
Друга, певца, человека.

Правду хулители жизни всегда
В море швыряют иль в Терек,
Но закипевшая бурей вода
Правду выносит на берег.

Думы родного нам всем кобзаря
Так же, как правда, живучи —
Проклял жандармов ты, проклял царя,
Всех, кто кавказские кручи

Кровью безвинных солдат обагрил.
Ты не страшился темницы,
Ссылка твоих не умерила сил, —
Пел ты, как вольные птицы!

Пел, презирая нужду и тюрьму,
Лишь о народной обиде. . .
Видел пророческий взор твой сквозь тьму
То, что сегодня мы видим!

1936

537. НА ТВОЕЙ МОГИЛЕ

Бекмурзе Пачеву

Рожденного в сердце святого огня
Водой не зальешь, не потушишь.
Наверно, оставил ты и для меня
Свой клад золотой — свою душу.

Я грустно стою у могилы твоей,
Рукой провожу по надгробью;

Учил ты лишь правде высокой людей,
Но правды гонители в злобе

Хотели наследье поэта зарыть
В глубокую яму забвенья,
А я бы хотел наизусть затвердить
Твои золотые творенья.

А мне б до эльбрусских снегов донести
Твое кабардинское слово, —
Не скрыли бы тучи его на пути,
Плывя надо мною сурово.

Ты первым о Ленине песню пропел,
Ты партию здравицей славил,
Был некогда темен твой трудный удел —
И всё же ты свет нам оставил.

Служил ты всем сердцем великой борьбе,
Был страшен твой гнев кровопийцам,
Был деспот любой ненавистен тебе,
С царем не страшился ты биться.

Клянусь тебе ныне: твой клад золотой,
Твой клад для людей я открою
И книгу души твоей, чистой, простой,
Пред нашей отчизной раскрою!

1936

538. АДЮХ

Инджидж, Инджидж! Ты старинных
Сказок и легенд царица.
В ледяных твоих стремнинах
Тайна вечная хранится.

Я к тебе явился в гости,
Ты встречаешь негодюя!
Подо мною в лютой злости
Бьет волна волну другую.

Облака плывут и тают,
Воле ветра подчиняясь,
По ущелью проплывают,
Головы моей касаясь.

Чей я гость и кто мне скажет
Здесь приветливое слово?
На высотах Тахунажа
Путника встречают совы.

Вижу — на скале высокой
Башня старая, седая
Приоткрыла дверь с востока,
Будто гостя ожидая.

Глушь, ни звука в башне дикой,
Как, насторожась, ни слушай,
Только филин громким криком
Тишину ее нарушит.

Жизнь легендами богата.
Здесь, за сказочным порогом,
Адиух жила когда-то,
Дочь красавца полубога.

Говорят, она в оконце
Руку белую в браслетах
Лишь протянет — и как солнцем
Полночь озарялась светом.

Говорят, ночной порою
Парень смелый и красивый
Гнал в аул крутой тропею
Свой табун золотогривый.

Появлялась в это время
Адиух в окне открытом,
И рука ее сквозь темень
Освещала путь джигиту.

Только раз она сказала,
Улыбаясь, в шутку просто:

«Без меня б тебе, пожалуй,
Не прогнать табун по мосту. . .»

Мост над бездною суровой
Стлался, словно саван белый.
Адиух в ответ ни слова
Не промолвил парень смелый.

Он погнал табун в долину, —
Пыль всклубилась по дороге;
Он любимую покинул
И в печали и в тревоге.

Что ж ты, парень, без причины
Шутку за обиду принял?
Где умение мужчины
Обуздать свою гордыню?

Дни идут за днями быстро. . .
Вновь перед мостом на склоне,
Что над черной бездной выслан,
Ржут нетерпеливо кони.

Но окно уже не светит
Белой дивною рукою. . .
Гонит всадник тяжелой плетью
В тьме табун перед собою.

Он на мост взлетел и в страхе
Бьет коней по взмокшим спинам.
Вдруг джигит и конь во мраке
С моста рухнули в пучину.

Только башня на вершине
Видела той ночью черной,
Как погиб джигит в стремнине
Злобных водопадов горных.

Говорят, с его кончины
Эта башня опустела.
В полночь там хохочут джины,
Подойти страшится смелый. . .

И меня с той башни ржавой
Взгляд красавицы не встретил.
Моста, что похож на саван,
Я, признаться, не приметил! . .

1937

539. ВЕСТНИК

Впрямь ли, вестник, ты за мною?
Не ошибся ли ты дверью?
В бытие влюблен земное,
Я в загробное не верю!

На висках снежинок россыпь —
Не предвестье ль той, незримой,
Чья всегда беззвучна поступь,
Хватка так необорима.

Гость, ты ненавидим всеми:
Спутники твои — болезни,
Всяк тебе кричит: не время,
Молод я еще, исчезни!

Так зачем же и на мне ты
Спешно так и столь некстати
Роковые ставишь меты,
Госпожи своей печати? . .

Дай пожить мне! Напоследок
Должен я еще за нашу
Долгожданную победу
Осушить с друзьями чашу.

Так отсрочь, арканщик, ловлю,
Не захлестывай петлею! . .
И трудами и любовью
Слишком связан я с землею.

1939

540. УТРО

Брезжит зорька золотая,
Словно свет в окошке.
На траве дрожат, блистая,
Росы, как сережки.

Вот идут долиной влажной
Пастухи со стадом.
Выступают гуси важно
Боевым отрядом.

Зазвенела в небе чистом
Птиц пролетных стая.
С этим хором голосистым
Песни я слагаю.

1940

541. СВОИМИ ГЛАЗАМИ

Своими глазами
Я видел, как скоро
Оделись цветами
Угрюмые горы.

Луга предо мною
В рассветном сияньи.
С прекрасной весною
Люблю я свиданья.

Мне всё-то в ней мило
И всё интересно.
Травинку взрастила —
Травинка чудесна.

Рассветное знамя
Высоко вздымая,
Всё лучшее — с нами
На празднике мая.

Мы все тебе рады,
Наш праздник желанный.
Ты — наша награда
За труд неустанный.

Тебя почитают
Не только счастливы, —
Тебя поджидают
В далекой темнице.

Наш день Первомайский,
Приди к нам с приветом.
Там дети без ласки,
Без доброго света.

Мы праздник чудесный
С любовью встречаем,
Звонят наши песни
Над радостным краем.

1940

542. ДЫХАНИЕ ВЕСНЫ

Шальной ветерок вместе с солнышком ранним
Ласкает долину весенним дыханьем.
Потоки бегут, побеждая преграды.
На взгорьях пасется богатое стадо.
Скворцы распевают средь голых ветвей,
Где скоро засвищет в листве соловей.
Растаяли низкие, черные тучи.
На солнце сверкают скалистые кручи.
И галочки гнезда на сумрачной ели,
На стройной сосне появиться успели.
Проснулась просторная наша земля,
На раннем рассвете зовет нас в поля.
Как радостно видеть веселые лица
И вместе со всеми на поле трудиться!
Кто путь одолел и нелегкий и длинный,
Смеется, забыв седину и морщины.

Леонид Розенберг

Я жил неразлучно с землею родною
И крепче люблю ее с каждой весною.

Весна! На каком небывалом наречье
Поют твои птицы в честь радостной встречи?
Не ты ли их учишь? Внушаешь не ты ли
Звучанья, что сердце мое покорили?
Красавица с доброй улыбкою, ты
В траве шелковистой раскроешь цветы.
Ты радость приносишь своим появлением,
Ты мир оживляешь одним дуновеньем!
Тепло твое, воздух твой благоуханный
Всегда драгоценны, отрадны, желанны.
Тебя прославляют во все времена
И люди, и звери, и птицы, весна!

1940

543. ЗАВЕЩАНИЕ

Река в нетерпенье
На каменных склонах
Клокочет под тенью
Деревьев склоненных.

Родник снежогорный
Звенит без печали. . .
В лазури просторной
Два облачка встали,

К земле нашей знойной
Полны безразличья,
Им спится спокойно
Под возгласы птичьи.

Лишь волны сменяют
Друг друга мгновенно,
Шумят, закипают,
Как мыльная пена.

Отваги избыток
В реке полыхает
И пенный напиток
Гостям предлагает.

Скажи по секрету,
Река дорогая, —
Как молодость эту
Хранишь, убегая?

Будь счастлива трижды,
Когда без препятствий
Долину поишь ты,
Чтоб жить ей в богатстве!

Цветы расцветают,
И воздух чудесен,
И птицы пленяют
Обилием песен.

Мне в час неизбежный
Здесь место найдите —
В долине прибрежной
Меня схороните.

1940

544. ПРИЗЫВ

Питомцы сада, лучшего на свете,
Строители величественных дней!
Кто ближе сердцу матери, чем дети?
Кто вам отчизны-матери милей? ..

И если драгоценнейшему благу —
Свободе нашей — угрожает враг,
В ком гневная не закипит отвага?
Ведь стоил крови каждый к счастью шаг!

Знавала наша родина немало
Бессмертием увенчанных побед;
Благоговейно молодежь внимала
Сказаниям и битвам прошлых лет.

Народ в своих неистощимых недрах
Выковывал таких богатырей,
Что шедший против нас надменный недруг
Невольно шел к гибели своей. . .

Не только за себя — за всех, чьей кровью
Злодей свою дорогу оросил,
За слезы матерей, за муку вдовью
Мы разочтемся, не жалея сил.

Смотрите: к небу, раздирая тучи,
Воздушные взмывают корабли!
Землетрясенья ль вал грядет ревучий? —
Нет, это наши танки в бой пошли.

Во вспененные глянете ль просторы:
Не за горой ли там скользит гора?
Нет, то советские дымят линкоры,
То наши выплывают крейсера!

От грома пушек вздрагивают скалы,
И долу клонятся верхушки рощ. . .
Кавказцы! И для нас пора настала
Явить и мужество свое и мощь!

Все — на коней! Взлетайте, братья, в седла
И устремляйтесь всем ветрам в обгон,
Чтоб заметался кровопийца подлый,
Поправший человечности закон.

Погибнет враг, — мы в том клянемся честью!
Мир подвиг наш запомнит на века!
Нам путь победы, славы и возмездья
Предначертала партии рука!

МИКОЛА ШПАК

Микола Шпак (Николай Ипполитович Шпаковский) родился в 1909 году в селе Липки на Житомирщине, в семье крестьянина-садовника. Окончил художественную школу в Киеве, учился в сельскохозяйственном и педагогическом институтах. С 1930 года работал в редакциях газет в Харькове, Запорожье, Киеве.

Как поэт Микола Шпак выступает с 1928 года. В своих стихах он откликался на общественные события, восторженно рассказывал о жизни страны и ее тружеников. Но прежде всего Микола Шпак — пейзажист, певец колхозного села, которому в основном и посвящены стихотворные книги поэта «Наркому рапорт», «В дозоре», «Богатство», «Сила земная» и др.

Микола Шпак переводил на украинский язык Янку Купалу, Косту Хетагурова, Огарева, Никитина, Некрасова, Маяковского.

В 1941 году, когда началась Отечественная война, Микола Шпак ушел добровольцем на фронт. Участвовал в обороне Киева.

Попав в окружение, он пробирается в родное село Липки и сколачивает подпольную партизанскую группу, которая ведет агитацию среди населения, распространяет сводки Совинформбюро, собирает оружие. Микола Шпак под именем Пилипа Комашки пишет воззвания, листовки, сатирические стихотворения.

Весной 1942 года гестапо напало на след партизанской группы и устроило облаву. Подпольщики с боем пробились к лесу. Микола Шпак не мог вернуться в Липки. Он направляется в Киев, надеясь здесь связаться с партизанами. В Киеве он был выдан изменником, схвачен гестаповцами, брошен в тюрьму и вскоре казнен.

545. ПОХОД

С разбитых дорог
на привалах ночных
Прокатятся песни
в просторах степных.

А тело как будто
в горячих тисках!
Оттиснутый след
от подошв на песках. . .

А солнце, и небо,
и лес вековой
Закрыты завесой,
густой, дымовой.

И даже прохлада,
как пот, солона,
И в легких как будто
иприта волна.

Идут батальоны,
шагают во мгле
По влажной, родящей,
прекрасной земле.

Несут снаряженье,
и всё на подбор! —

Винтовка, лопатка,
а то и топор. . .

Солдатская фляга,
противогаз,
Пояс широкий —
для подсумка как раз.

Шинельная скатка —
тугой полосой,
Затянутый тренчик
чернеет косой.

По форме одеты бойцы,
хорошо:
К шнурочку — шнурочек,
конец в ремешок.

За парою пара
равнение берет,
И песня с колонной
уходит в поход.

Дороги похода
длинные, нележки.
Идут батареи,
шагают полки.

Над степью безмолвной
не молкнут в ушах
И кованный голос
и кованный шаг.

Приказ отдает
командир молодой:
«С ноги не сбиваться!
Выравнять строй!»

Готовы солдаты
к отважным делам
И страшным ударом
ответят врагам.

Не все наши хлопцы
 вернутся домой,
Но силой нальется
 страна грозовой!..

Дороги похода
 длинные, нележки.
Идут батареи,
 шагают полки!

1932

546. СЧАСТЬЕ

За руку сына,
На руки дочку,
Пойдешь, сестрица,
Лугом-лужочком.

Пойдешь, Катруся,
Вдаль берегами,
Где расцветает
День над лугами,

Где над рекою
Травы и вишни
Ветер зеленый
Тихо колышет.

День пламенеет,
Луг золотится...
Как же, Катруся,
В жизнь не влюбиться!

К речке сбежишь ты
Вниз по пригорку.
Радуга нежно
Спустит ведерки.

Склонятся ветви
Ив над водою. . .
Счастья дорога
Перед тобою.

Гей, по колхозам
Хлеб колосится —
Усики остры
Спелой пшеницы.

Тучка несется
Вдаль над полями.
Тополы тучку
Ловят ветвями.

Стало над нами
Счастье лучиться. . .
Как не любить нам
Жизни, сестрица!

1938

547. БЕРЕЗКА

В дождь березка обронила
На дорогу под откос
Голубые капли слез.

Я проехал, оглянулся:
Всё стоит она одна,
И безмолвна и грустна.

И осталась, будто детство,
В дальней-дальней стороне. . .
Показалось это мне.

1939

Играет ветер зелеными,
 Поля окутывает мгла...
 Идем тропинкою. За нами —
 Всё тише — песня из села.
 Густеют сумерки. Алеет
 Зеленый край земли. В ветвях
 Грачи притихли. На лугах
 Запахло травами. Белеет
 За далью станция в полях.

Идем на поезд. Верно, встретим
 Друзей. Над рельсами дымок,
 Как лебедей, уносит ветер.
 Вечерний легкий холодок
 Нас не тревожит. Как чудесно —
 Весна в степи, в полях окрестных
 И в каждом сердце!

<1940>
 с. Липки

Аэропланы над селом,
 Аэропланы над селом,
 И паутинки в листопаде.
 Срок метить землю серебром,
 Мои каштановые пряди...

Но в даях — радость и тепло,
 И в сердце — радость и тепло,
 Иду я, солнцем весь облитый.
 Путь золотой, где так светло,
 Бежит в степи, дождем умытой.

<1940>

550. ВЕЧЕРОМ

По вишням радужно-крылатый
Скользнул последний луч заката
И отцветать на листья лег.
По их прозрачным жилкам сок
Бежал, деревья наливая
Могучей силой. У сарая
Застыл над колесом-гнездом
Надменный аист, — за селом
Он наблюдал. То плач ребенка
Вдруг слышался издалека,
И женский крик, и стук валька,
То песни звук, девичьей, звонкой,
И дружный смех — за ней вдогонку.
То смех в ночи, как соловей,
Разгонит чуткий сон степей.
Шло стадо с пастбища домой.
Село, окончив день, гудело,
Как вспугнутый пчелиный рой.
С полей, от жара порыжелых,
С широких травяных лугов
Несла ватага пастушков
Шумливость дня, пыля бичами.
Собаки злились. Над домами
Высоко ласточки вились,
Срывались молниями вниз,
Взлетая снова над садами,
За мошкаррой кидались вдруг,
Крылом вычерчивая круг.
Пылали тучки над полями.
Подсолнечник, смотря, как день,
За рощу скатываясь, дремлет,
Венком клонился на плетень,
Чтоб не упасть во сне на землю.

Гремели ведра, и вода,
Как будто впрямь из-подо льда,
Зачерпнутая из колодца,
Что в жаркий день так жадно пьется,
Лилась на землю, то и знай
Расплескиваясь через край,

И, где свалялась пыль комками,
Змеясь, сочилась ручейками.
Склонясь над ведрами, везде
Коровы пили. По воде
От их дыханья разбегалась
Рябь, и на гаснущей заре
Округлость их голов в ведре
Волшебным дивом отражалась.

<1940>

551. УКРАИНСКИЕ ДЕВЧАТА

Девчата, девчата,
Родные вы наши,
Вы чистого золота
Лучше и краше.

Гляжу я на вас,
Гляжу и страдаю,
Судьбу вашу тяжкую
Я проклинаяю.

Ой, доля! Ой, доля!
Не удержишь рыданья —
Теперь погибать вам
В лишеньях, в страданьях,

На панщине жить,
И в неволе сгибаться,
И старую песней
В тоске изливаться.

Зеленая дудка
Из ветки калины,
Сыграй ты нам, дудка,
Про долю дивчины.

Лишь ты заиграешь,
Сердца надрываешь.

Зачем же ты, дудка,
Печаль навѣваешь?

Девчата, девчата,
В печали безбрежной
Ну кто же, ну кто же
Полюбит вас нежно?

Девчата в ответ:
«Еще хлопцы проучат
Панов-лиходеев,
Зловещих, как туча.

Мы с хлопцами вместе
Боролись за волю,
За волю, за волю —
За красную долю.

И крепко мы верим,
И твердо мы знаем,
Что волю добудем
Родимому краю!»

*25 октября 1941
Киев*

552. К ОРУЖИЮ!

Подымайся в бой суровый!
Сбросим рабские оковы,
Уничтожим тяжкий гнет!
За оружие, народ!

Как нам не любить свободу!
Существуют ли народы,
Что не шли бы к ней из тьмы,
Из неволи, из тюрьмы?

Всех влечет! Свободы зори
На широком кругозоре

Блещут каждый день и час
И объединяют нас.

Без нее нет жизни людям.
Нам сердца свобода будит,
Словно землю луч весны,
И сердца надежд полны.

Воля и страна родная
Нам всего дороже, знаю.
Все их любим — как один.
Мать свою так любит сын.

Мучиться, храня терпенье,
Милости и одобренья
От фашиста ждать — судьба
Только жалкого раба.

Нас фашисты бьют кнутами,
Издаются над нами. . .
Лучше умереть в бою,
Защищая честь свою!

За свободу! За свободу!
Нет, не сломят нас невзгоды, —
Гордые, с мечом в руках,
В бой пойдем врагам на страх!

Ты вставай, народ родной,
На победный правый бой!

*31 января 1942
с. Липки*

553. МАТЕРИ ДРУГА

Через кладбище к тебе я шел,
Только не заметил, не нашел. . .
Ты жила здесь на краю села.
На гору меня тропа вела.

Жизнь твоя была тропой крутой,
Жизни путь навек оборван твой.
Шел я, а шиповник на снежок
Ветки уронил у самых ног.
Сын был у тебя, да где ж родной —
Сын единственный любимый твой?
Сын пошел с фашистом воевать,
Он послал меня проведать мать.
Хата сожжена твоя врагом,
Чтобы трепетали все кругом.
А тебя за то, что сын Иван —
Красный знаменитый партизан,
Положили в землю, в белый снег,
Под шиповником, где двух дорог разбег,
Мимо них тропа на край села
Через кладбище меня вела.

*11 февраля 1942
с. Липки*

554. ПЕРВОЕ МАЯ В НЕВОЛЕ

Да здравствует великий праздник
Труда и дружбы всех народов!
Во тьме лучом, как солнце, ясным
Он светит вестникам свободы.

Привет вам, труженики пашен,
Вам, обездоленным неволей,
Что на земле плененной нашей
Пахать сегодня вышли в поле.

Как тяжело горе вновь изведать,
В своем же доме быть рабами,
Но вера в близкую победу
Всегда, я твердо знаю, с вами.

Не хлеб, а яд растите в поле
И в сабли перекуйте косы.
Так вернуть сумеем волю,
Ярмо врагов скорее сбросим.

Да здравствует великий праздник
Труда и дружбы всех народов!
Нет, солнце правды не погаснет
Для тех, кто бьется за свободу.

30 апреля 1942

555. МАРИНЕ

Пробираясь лесом в непогоду,
Ты в отряд пришла, мечтая об одном:
Стать бойцом, сражаться за свободу
До победы полной над врагом.
Мы тобой в тяжелый день гордились.
Ты отважная, как все у нас, была...
Раз в отряд друзья не возвратились,
Ты друзьям на выручку пошла.
Где же ты, подружка боевая?
Мы искали, ждали, а тебя всё нет.
Сердце плачет, к мести призывая,
Требует фашистам дать ответ.
Глаз твоих, родная, не забудем.
Как такую можно разлюбить?
Мы, пока живем на свете, будем
Думать о тебе и говорить.
Дорогая, как могло случиться,
Что попала в руки к палачам своим?
Как ты муки вынесла, сестрица?
Казнь с лицом ты встретила каким?
По густому лесу в непогоду
К нам в отряд ты шла, мечтая об одном:
Стать бойцом, сражаться за свободу
До победы полной над врагом.

24 мая 1942

556. ЖЕЛАНИЕ

Ты так хотела сына,
Чтоб вылитый был — я,
Родная моя Зина,
Любимая моя!

Хотела и боялась
Неведомо чего...
И не сбылось, не стало —
Нет у тебя его!

А то бы рос, пригожий,
Повадкой и лицом
На удивленье схожий
Со мной — своим отцом.

Носил бы мое имя,
Мои бы песни пел —
Те самые, какими
Я славить жизнь умел.

Я в братской буду, Зина,
Лежать среди осин...
Ты так хотела сына,
Чтобы в меня был сын!

1942

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ ИЗ ЛАГЕРЯ ЗАКСЕНХАУЗЕН

В 1958 году при раскопке территории бывшего фашистского концлагеря Заксенхаузен (20 километров к северу от Берлина) бригадир строителей Вильгельм Герман в развалинах барака, служившего кухней «зондерлагеря», обнаружил блокнот, на обложке которого стояли слова: «Незабываемое. Стихи в плену». Вильгельм Герман передал находку советскому офицеру старшему лейтенанту Молоткову. 31 декабря о блокноте из Заксенхаузена сообщила газета группы советских войск в Германии «Советская Армия», напечатавшая также несколько стихотворений. В январе 1959 года информация о блокноте вместе с частью стихотворений была помещена в газете «Красная звезда». 14 января 1959 года — публикация в «Комсомольской правде». Редакция «Комсомольской правды» предприняла широкие поиски автора лагерных стихотворений. В поисках участвовали бывшие узники Заксенхаузена, их друзья и родные, а также сотрудники советских посольств и советские корреспонденты за границей. Несмотря на все усилия, имя автора стихов до сих пор установить не удалось.

Существует предположение, что в блокнот занесены стихи, принадлежащие разным авторам. Это предположение базируется в основном на двух обстоятельствах: во-первых, стихи в блокноте записаны ровным твердым почерком и без помарок, во-вторых, многие стихи были известны не только узникам Заксенхаузена, но и Равенсбрюка, Бухенвальда и других лагерей смерти. Возможными авторами стихотворений бывшие заключенные называют Петра из Харьковской области, Виктора из Донецка, Николая, Ивана Ко-

люжного и др. Французский коммунист Сальвадор Шали — ему в блокноте посвящено стихотворение «Дружба» — рассказывает, что в лагере он дружил с русским военнопленным Юрием Столяровым, который читал ему свои стихи. В блокноте имеются два акrostиха, содержащие имена Пархоменко Антона и Ивана Колюжного. Это могут быть и авторы стихотворений и друзья поэта.

Блокнот сшит из клетчатой бумаги. В нем четким мелким почерком записаны пятьдесят стихотворений. Последнее датировано 27 января 1945 года.

Когда душу обнимет тоска
И кручинушка сердце заглохнет,
Вдруг откуда-то издалека
Навернется слеза, быть может.

Жизнь покажется пошлой и гадкой,
Безотрадны, безрадостны дни,
И захочется с этой тетрадкой
Распрощаться, из жизни уйти. . .

И тогда, будто призрак суровый,
Будто властный учитель, отец,
Мне представится большеголовый
Человек — грозных песен творец.

Над моею больной головою
Громко, грозно слова прозвучат,
Что нетрудно покончить с собою,
Что трудней жизнь построить, мой брат!

Посмеюсь я тогда над собою,
Над судьбой и натурой таковской.
Встану снова, готовый к бою,
Как вставал

всегда

Маяковский.

558. ЗАБЛУДИВШЕМОУСЯ

Я гляжу, и становится стыдно
Оттого, что забыл ты своих.
Ой, до слез таки больно, обидно,
Что ты служишь делу чужих.

Что винтовку свою против брата
Повернул, чтоб его расстрелять.
Неужели забыл, что когда-то
Клялся грудью страну защищать?

Клялся стойко и смело сражаться,
Не жалея ни жизни, ни сил.
Так зачем же врагу продаваться?
Отчего ты присягу забыл?

Или Родина стала постылая,
Или мама не мила тебе,
Или девушка, прежде любимая,
Не с тобой выходила к реке?

Или, может, ты был чем обиженный,
Иль учиться не мог, иль бесправным ты был?
Иль в народе своем был униженный?
Почему ты стране изменил?

Может, думал, немецким солдатом
Будет легче, отраднее жить. . .
Отчего ж убиваешь ты брата
И зачем хочешь маму убить?

Эх, напрасно ты стал на колени,
Нет, предательств не спишет война.
И сегодня в тяжелой измене
Обвиняет тебя вся страна.

Даже мать не зовет тебя сыном,
И невеста, что перед войной
Всей душой молодою любила,
Не захочет встречаться с тобой.

Обречен ты, как всё то гнилое,
За которое кровь свою льешь.
Ты воюешь за счастье чужое,
Но ты счастья себе не найдешь!

Образумься, брось грязное дело,
И винтовку свою поверни,
И, сражаясь с фашистами смело,
Хоть частицу души сохрани.

559. ГИБЕЛЬ ГЕРОЯ

Подвесил он бомбы, в кабину он сел,
Проверил свои пулеметы.
Взревели моторы, и вот улетел
В закрытые мглою высоты.

Глядит: под машиной фашистский Берлин,
И штурман склонился к прицелу,
Но вдруг пулеметы хлестнули по ним,
От взрывов вокруг загудело.

Удар — и машина объята огнем,
И летчик с сиденья свалился,
Но крепкое сердце работает в нем,
Он встал, за штурвал ухватился.

Сидеть невозможно, и хватит ли сил,
Глаза возмущенно горели.
Он штурмана тихо о чем-то спросил,
И бомбы на цель полетели.

С трудом повернулся на друга взглянуть,
На друга, сидящего рядом.
Взглянуть, чтоб навеки спокойно уснуть.
И с другом он встретился взглядом.

Прыжок невозможен. Об этом он знал.
Сознание ему подсказало:

Он молча рукой на состав показал,
Стоявший на главном вокзале.

Бандиты-фашисты и все, кто успел,
Бежали со страхом звериным.
Смотрели, как призрак горящий летел
На поезд, груженный бензином.

Взорвались цистерны, и море огня
Фашистский Берлин осветило...
Мы помним о вас, дорогие друзья,
За вас в эту ночь отомстили.

Не зная о нем, дома девушка спит,
С мечтою о встрече проснется...
Но кто-то ей скажет, что летчик был сбит
И больше уж к ней не вернется.

Лишь мать будет помнить о сыне своем,
Никто не заменит ей сына.
Как горькая, скорбная память о нем,
На волосы лягут седины.

Напрасно старушка ждет сына домой,
И девушка поздно рыдает —
Он честно сражался и пал как герой
И больше волнений не знает.

560. УХАБЫ

Гладь дороги прямой разве узкая?
Так зачем же идти стороной!
Отчего же ты, девушка русская,
Хочешь стать непременно иной?

Ты пришла из России заснеженной,
Так зачем же любить чужака?
Хоть ласкает тебя очень нежно,
Но ему всё же ты не близка.

Так зачем же ты лезешь из кожи,
Чтоб накрыться чужой скорлупой?
Хочешь стать на себя не похожей,
А становишься просто смешной!

Всё свое, всё хорошее вынута
Из души, и с душою пустой
Среди них как своя ты не принята
И для нас стала тоже чужой.

561. ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Губы мои до сих пор горячи
От твоего поцелуя.
Вечера майского мне не забыть,
И тебя позабыть не могу я.

Прощальный и нежный твой поцелуй
Я навсегда сохраню.
Где бы я ни был — ты не тоскуй,
Потому что тебя я люблю.

562. К ПОРТРЕТУ ДЕВУШКИ, НАРИСОВАННОМУ ФРАНЦУЗОМ

Она смотрит задумчивым взглядом куда-то,
Где друг милый, любимый страдает,
Где в концлагере диком тяжелой лопатой
Беспорывно он землю бросает.

А давно ли во Франции, счастья полна,
Ты с любимым по саду ходила.
Но грозой пронеслась над Европой война,
И судьба вас тогда разлучила.

563. СЫНУ

Я помню те отрадные минуты,
Когда с тобою вместе был, мой сын,
Теперь же, в цепи рабские замкнутый,
Влачу уныло жизнь один.

Один в стране чужой, далекой,
Где нет родных, любимых васильков.
В концлагере уныло, одиноко,
Режим тюремный страшен и суров.

Но никакие строгости, родимый,
Не в силах вырвать память о тебе.
Я весь с тобой и с Родиной любимой —
В страданиях совместных и борьбе.

564. ЗАВЕЩАНИЕ

Если придется расстаться мне с жизнью
В стране нелюбимой, проклятой, чужой,
В концлагере диком с порядком звериным,
Если в неволе умру молодой,

И труп мой жестокие немцы подхватят,
Чтоб сжечь и развеять мой прах,
И вы, дорогие, родные ребята,
К моим не коснетесь устам.

Тогда подымайтесь и грозно и смело,
Ни жизни, ни сил не щадя,
И песню запойте про правое дело,
В бой грозный, последний идя.

Разружьте затворы, разбейте все стены,
Что мрачно сегодня стоят.
И красное знамя, знамя победы,
Должны вы высоко поднять.

Под красное знамя пойдут миллионы,
И будет их поступь сильна,
Падут под ударом врагов легионы,
Моя возродится страна.

Ребята, тогда подведите итоги
Страданий и наших побед,
К безвестным героям не будьте так строги, —
Ведь многим пришлось умереть.

Вы память святую о них сохраните,
Запомните их имена
И в песне погибших борцов вспомните,
Когда запоет вся страна.

565. ДРУГУ, КОТОРОГО НЕТ

Ну с кем поделиться сосущей тоской,
Излить и невзгоды и радость,
Развеять волнений навязчивый рой,
Изведать и горе и сладость?

Мой друг, лишь в мечтах у меня ты живешь,
Делюсь сокровенным с тобою.
Ты ночью ко мне на свиданье идешь,
Когда пробуждаюсь порою.

С тобой говорю я один на один
И знаю — никто нас не слышит,
Лишь ветер холодный за блоком гудит
И хефтлинги¹ спящие дышат.

С тобою одним только искренен я,
Тебе лишь поведаю тайны.
Я знаю, продать ты не сможешь меня,
Нас враг не услышит случайно.

¹ Арестант, заключенный (нем.). — *Ред*

Но только жалею, мой друг, об одном —
Что ты лишь в мечтаньях со мною,
И всё, что храню в моем сердце больном,
Тебе одному лишь открою.

6 января 1945

566

Я вернусь еще к тебе, Россия,
Чтоб услышать шум твоих лесов,
Чтоб увидеть реки голубые,
Чтоб идти тропой моих отцов.

Не был я давно в густых дубравах
И не плыл по глади русских рек,
Не сидел под дубом величавым
С синеокой — другом юных лет.

Но я каждый день и миг с тобою,
И лишь дрема веки мне смежит,
Я иду с подругой дорогою
Тропкой, что у озера лежит. . .

Я как сын люблю тебя, Россия,
Я люблю тебя еще сильнее, —
Милые просторы голубые
И безбрежность всех твоих морей!

Я вернусь еще к тебе, Россия,
Чтоб услышать шум твоих лесов,
Чтоб увидеть реки голубые,
Чтоб идти тропой моих отцов.

567. БАЛЛАДА О ВОСЬМЕРЫХ

Их было восемь — русских, молодых,
Здоровых, полных сил и жизни.
Их было восемь — смелых, дорогих
Друзей, погибших за Отчизну.

666

Когда их враг с родной земли увез
В Германию, на рабский труд и муки,
Они из глаз не выронили слез,
Лишь в кулаки сильнее сжались руки.
«Нет! Не для них работать мы должны!» —
Они решили с доблестью орлиной.
Отвагой, мужеством и силою полны,
Жилье нашли в разрушенном Берлине,
И русские на вражеской земле
Своей стране всей силой помогали,
Врагу вредили всюду и везде —
Как воины Отчизны воевали.
Но вот однажды... То был страшный день,
Он плыл в лохмотьях серого тумана,
Их выследила подленькая чернь,
В ловушке оказались партизаны.
Бой был неравен. Враг сильнее был.
Хоть русские отчаянно сражались,
Фашисты взяли верх. Их снова враг пленил,
Героев юных в цепи заковали.
Когда вели их в лагерь убивать,
То русские и здесь не растерялись.
«Эхма! Коль нам придется помирать,
То с музыкой», — тогда друзья сказали.
Палач накинул тесную петлю,
Но взмах ножа — и порвана веревка.
На изверга набросились они,
И началась лихая потасовка.
Бежать! Скорей отсюда, за стену.
Но видно, смерть для них была судьбиной:
Они бежали быстро по плацу —
Враги их расстреляли подло, в спину.
Они погибли. Восемь молодых,
Здоровых, полных сил и жизни.
Но будем помнить мы о дорогих
Друзьях, погибших за Отчизну!

568. ПАМЯТИ ТОВАРИЩА ТЕЛЬМАНА

Еще не верится, что нет его в живых —
Товарища, борца, вождя и друга.

Он был всегда примером для других,
Он был опасен им. Убили душегубы.

Мне помнится, как весь народ шагал,
Шли демонстранты — сотни, миллионы, —
И каждый с болью лозунг подымал.
«Жизнь Тельману!» — алело на знаменах.

Тогда боялись подлые враги
Убить вождя. В неволю заключили.
И здесь теперь среди камней глухих
В предсмертной ярости его убили.

Какую блажь ни сеяли они
О Тельмане —
Мы ничему не верим!
Он верил, что придут иные дни.
Его убили втихомолку, звери...

Нет Тельмана — товарища, вождя.
Не надо слез! Тесней ряды сомкните.
Тропою, им проторенной, идя,
За друга, воина, фашистам отомстите.

569. НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Пройдут года. Мы станем стариками,
Падет на лоб волос седая прядь,
Но будем мы дрожащими руками
Страницы жизни прожитой листать.
Не раз огнем жестоким загорятся
Глаза бойца, и судорога сведет
Ладонь в кулак, ему уж не разжаться,
Когда вдруг злая ненависть придет.
Открой страницу в сердце изболевшем
И сразу вспомнишь горькую апель.¹
Стоишь в строю, дрожащий, посиневший,
Одетый в полосатую шинель.
Кто позабудет жуткую картину

¹ Перекличка (нем.). — Ред.

Повешенья у лагерных ворот,
Когда палач веревкою змеиной
Несчастной жертве шею обовьет?
А крематорий. . . Говорить нет силы.
Кто только сможет, право, подсчитать
Всех тех, кому здесь выдернули жилы
И скольким здесь пришлось жизнь кончать!
Хлысты, резина, палки — что хотите,
Везде побои, слезы, смерть и кровь.
Вы в памяти всё это сохраните,
Как сохранили первую любовь.

СТИХИ ВОЕННОПЛЕННОГО А. А. МЕРКУЛОВА

А. А. Меркулов, попав в руки к гитлеровцам, содержался в одиночке гестаповского застенка в городе Крустпилс (Латвийская ССР). Ожидая казни, А. А. Меркулов на досках тюремной койки нарисовал календарь на июнь 1944 года, где зачеркивал каждый прожитый день. Последним был зачеркнут вторник 20 июня 1944 года. После стихов следовала надпись:

«Товарищи! Как тяжело, когда твердо знаешь, что скоро ты будешь убит рукой палача-немца. Они вырвали меня из советской семьи, приговорили к смерти. Но всех нас они не убьют. Настанет день, когда немцам отомстят за нас. Тяжело в каземате. Ничто тебя здесь не веселит и никто не приласкает. Солнце и то не может проникнуть, согреть своими лучами через эти стены тюрьмы. Проклятые немцы. Как ненавижу я их!..»

Стихи и надпись сделаны карандашом.

Я в плену в краю чужом, далеком!
Дни идут печальной чередой.
Далеко отсюда на востоке
Милый край и отчий дом родной.

Часто снятся мне родные лица,
Ночью слышу близких голоса.
Грезится далекая станица
И любимой милые глаза.

Наяву завидую я птицам,
Облакам, плывущим на восток,
Там моя любимая столица,
Там живет любимый мой народ.

Пусть пожар повсюду полыхает, —
Кто умеет пламенно любить,
Тот придет, я это точно знаю,
Чтоб оковы рабские разбить.

Не позднее 20 июня 1944

СТИХИ ИЗ ПИСЕМ ГВАРДИИ ЛЕЙТЕНАНТА ЛЕОНИДА РОЗЕНБЕРГА

Леонид Осипович Розенберг родился в 1924 году. Школьные годы провел в Москве. В 1938 году его отец, служащий, был репрессирован и погиб.

В 1942 году Леонид вместе с матерью эвакуировался в Новосибирск и там кончил десятый класс. Вскоре был мобилизован и направлен в артиллерийское училище, из которого в звании лейтенанта отбыл на фронт. Был командиром огневого взвода, командиром противотанковой батареи, адъютантом командира полка. Геройски погиб 1 августа 1944 года. Похоронен в селе Тилжи, Латвийской ССР. Местный пионерский отряд носит имя Леонида Розенберга.

С детства Леонид увлекался литературой, много читал, рано начал писать стихи. На Втором всероссийском конкурсе юношеского литературного творчества получил первую премию. Несколько его стихотворений было напечатано, одно — положено на музыку.

Во время войны иногда писал матери стихотворные письма, иногда вкладывал в конверт стихи, написанные в короткие минуты боевого затишья.

Проходит неделя, проходит другая,
И третьей место дают, умчась...
Пишу письмо тебе, дорогая,
Сегодня в свободный час.

Сумерки подкрались за порошею,
Темнеет за окнами улица снежная.
Я хочу сказать тебе самое хорошее,
Самое ласковое и нежное.

Я знаю, одна в этот вечер,
Не зажигая огня,
Опустив усталые плечи,
Ты грустишь, вспоминая меня.

Вспомнишь детство мое, годы школы,
Юность начатую мою.
Вспомнишь, сердцем грустя невеселым,
Нашу маленькую семью.

Снег и вечер тебе напомним
То, что было словно вчера,
В тишине наших маленьких комнат
Те далекие вечера.

А потом бомбежки, тревоги.
Вспомнишь — тень пройдет у лица.

А там дороги, дороги
Без края и без конца.

Куда нас с тобой не бросало,
Лишь голову только нагни,
И вспомнятся рельсы, вокзалов
Мелькающие огни.

В дороге случалось нам туго,
Но легче в невзгоде вдвоем,
Как два закадычных друга,
Мы делились последним куском.

И так же на равные части
Мы честно в невзгоде любой
Горе свое и счастье
Делили между собой.

Пока ощущали мы рядом
Материнской заботы тепло,
Нам казалось, что так и надо
И иначе быть не могло.

Лишь когда повернет жизнь иначе,
Начинаем мы понимать,
Как это много значит,
Когда рядом с тобою мать.

Когда горесть узнаешь разлуки
И с тоскою смотришь назад,
Снятся нам материнские руки,
Материнские снятся глаза.

В мороз, в непогоду, в ненастье,
Возвращаясь усталый с пути,
Какое большое счастье
Письмо из дому найти.

И тотчас же с первых строчек,
При копилке, в мерцанье свечи,
С детства милый, знакомый почерк
Взглядом радостным различить.

И я в бою неустанным,
В беде и невзгоде любой
Пронесу своим талисманом
Святую твою любовь.

Я вернусь. С добытой победой,
Сквозь невзгоды и смерти промчась,
Я к тебе невредимый приеду
В долгожданный, заветный час.

Я возьму тебя в свои руки
Так, как могут лишь обнимать
Сыновья после долгой разлуки
Наконец обретенную мать.

И счастливая и молодая,
Все печали оставя в былом,
Ты сядешь со мною, родная,
За праздничным нашим столом.

Так будет — я верю и, веря,
Всё пройду и перетерплю.
Уж скоро на горле зверя
Мы смертельную стянем петлю.

А пока пуст и темен твой вечер.
Бродит вьюга, огни затая. . .
До свиданья, родная, до встречи,
Единственная моя.

8 марта 1943

572. АРТПОДГОТОВКА

Часы в руке у генерала.
Ждут у орудий номера.
За стрелками следя устало,
Он тихо говорит: «Пора».

Качнулось небо в редких звездах,
И, ветви елей шевеля,

Разорванный метнулся воздух,
И тяжело дрогнула земля.

За муки родины любимой,
За слезы русских матерей
Рванулся в ночь неумолимый
Огонь тяжелых батарей.

Он темноту ночную выжег,
Но снова залп и вновь другой...
Зарницы орудийных вспышек
Дым заволок пороховой.

У раскалившихся орудий
Горячая работа шла.
Оглохшие от гула люди
Разделись чуть не догола.

Во имя праведного мщенья
В расположении врага
Бушует смерч уничтоженья,
Огня и стали ураган.

В залог успешного похода
Огонь преграды все прорвет.
На штурм поднимется пехота,
И ринутся полки вперед.

1944
Действующая армия

573

На отвоеванном вчера лишь полустанке,
Решив отметить дело наших рук,
В накуренной, натопленной землянке
Мы у огня уселись в тесный круг.

Трофейного вина достали мы к обеду
(Поскольку утром выпили свое)

И выпили по стопке за победу
И за друзей, погибших за нее.

Потом решили: каждый пусть из нас
Поднимет тост заветный самый свой,
А пить всем вместе каждый раз.
Так порешили мы между собой.

В землянке не подняться в полный рост,
Но всё ж, когда, за друга пригубя,
Я в свой черед сказать был должен тост,
Я встал и поднял чарку за тебя.

Кругом на много верст легли снега,
Метели все дороги замели,
Где мы с боями шли, гоня врага,
С родной своей измученной земли.

А там, началом всех земных дорог,
Началом нашего победного пути,
Лежит Москва, которую не мог
Я в этом тосте словом обойти.

Люблю его я, город наш большой,
И улицу, где маленький наш дом,
К которому привязан я душой
За то хотя бы, что живешь ты в нем.

С работы, знаю, вечером идешь
И посмотреть торопишься скорей —
Найдешь мое письмо иль нет
В почтовом ящике, что у твоих дверей.

Я знаю, что тревожит твой покой, —
Боишься ты всем существом своим
Застать письмо с моею почтой полевой,
Но писанное почерком чужим.

Опасен и суров солдатский путь,
И матери солдата тяжело.
Умей надеяться и мужественной будь.
Пройдет беда, как многое прошло.

Должна счастливой быть судьба у нас с тобой.
Я верю в жизнь, и ты со мной поверь.
Пройдут бои, пройдет последний бой —
Я неожиданно твою открою дверь.

Пропахнув порохом, и дымом от костров,
И пылью всех исхоженных дорог,
И запахом всех четырех ветров,
Я отчий свой переступлю порог.

За этот час, заветный этот час,
Когда обнимет каждый мать свою,
В огонь и воду мы идем сейчас,
И не страшна нам смерть в бою.

Руками волосы мне теребя,
Заглядывая ласково в глаза,
Ты скажешь, что сегодня для тебя
Такой же я, как много дней назад.

За праздничным столом в счастливый этот вечер,
От счастья своего хмельной слегка,
Я за тебя, за нашу встречу
Свой первый подниму бокал.

И сразу вспомнится, как в маленькой землянке,
В которой не подняться в полный рост,
На отвоеванном у немцев полустанке
Я поднял за тебя когда-то тост.

Кругом на много верст легли снега.
Под ними пепел сел, изрытые поля.
А там, на западе, в неволе у врага
Лежит и ждет родимая земля.

И нам пора вперед. Не затихая,
Идет упорный, беспощадный бой.
Далекая моя, родная,
Со мной иди и будь моей судьбой.

29 марта 1944
Действующая армия

КЛЯТВА ВОИНА-ГЕРОЯ ЯКОВЛЕВА

В дни сталинградских боев на одну из стрелковых рот внезапно напало 18 фашистских танков. Среди бойцов наступило замешательство. Но секретарь ротной комсомольской организации Яковлев, взяв противотанковые гранаты, побежал вперед и взорвал головной танк. Яковлев упал, сраженный пулями. Увлеченные его примером бойцы забросали вражеские танки гранатами и стремительной атакой опрокинули вражескую пехоту.

После боя в медальоне Яковлева была найдена записка с клятвой.

574. МОЯ КЛЯТВА

Я — партии сын, и Отчизна мне мать,
В бою я не буду назад отступить,
А если погибну в жестоком бою,
Скажите словами народу:
Он честно, достойно отдал жизнь свою
В сраженье с врагом за свободу.

Ноябрь 1942

ПРИЛОЖЕНИЕ

Арон Иосифович Копштейн родился в 1915 году в Очакове. Отец его учительствовал в начальной школе, потом служил почным сторожем. В 1920 году он умер от голода. В том же году умерла от сыпного тифа мать. Оставшийся сиротою мальчик был принят в детдом. Живя в детдоме, Арон Копштейн окончил семилетку и поступил на завод учеником калильщика. Одно из первых стихотворений Копштейна было опубликовано в заводской многотиражке. В 1933 году А. Копштейн выпустил первую книгу стихов «Хотим, стремимся, можем» на украинском языке. С тех пор книги поэта выходили почти ежегодно. В 1934 году появился сборник «Разговор», в 1936 году — «Улица Щорса», в 1937 году — «Источник», в 1938 году — «Государство солнца» и первый сборник стихов на русском языке «Радостный берег». Копштейн нередко сам переводил свои стихи на русский язык.

Стремление продолжать учебу привело Копштейна в 1939 году в Москву, в Литературный институт. Но в мирные студенческие будни врезалось злое слово «война». Арон Копштейн вместе со сверстниками Николаем Отрадой, Сергеем Наровчатым, Иваном Бауковым, Михаилом Лукониным и другими отправился добровольцем на финский фронт...

Он погиб, спасая раненого друга, 4 марта 1940 года на Суо-Ярви, Петрозаводского направления.

Посмертно в Киеве в 1941 году издали седьмую книгу Копштейна — «Синее море».

В 1956 году в Москве был выпущен сборник стихотворений А. Копштейна, переведенных на русский язык.

575. ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОД

1

Падает тень бомбовоза
На черную землю крестом.
Всадники скачут.
Пыль пролетает степная.

2

У самого Черного моря раскинулся город Херсон.
Детство мое, улица Насыпная.
Что я запомнил?
Серую воду Днепра.
Взрывы снарядов, плач сумасшедшей старухи.
Кровь на прибрежном песке.
Хриплые крики «ура».
Сырость подвала, матери теплые руки.
Над городом хмурым сдвигаются тучи и гром,
На расстоянии годов кажутся тучи стальными.
Так начинается память о детстве моем.
Тяжко топочут солдаты.
Дети бегут за ними.
Так начинается память о детстве моем.
Глупое сердце мое сжимается острой бедой.
Остроконечная каска, штык за плечом,
Фляга, налитая нашей днепровской водой.
Как тяжело восходить раненой алой заре!
Звезды на штык напоролись.
В небе снарядная копоть.

Стриженных, бритых, квадратных.)
Слышишь —
Сгущается шепот.
Уже не услышишь слов.
Медленно слушает ратник.
Солдаты спокойно лежат — к голове голова.
Шепчут они.
Генерал не услышит слова.

4

И вот в приднепровский город приходят красноармейцы—
Наши простые ребята в порванных сапогах.
И нам показалось:
Солнцу скажешь: «Засмейся!» —
И ляжет улыбка на сыпучих песках.
Красноармейцы ушли.
С ними пошел мой брат.
Товарищи провожали, мама желала счастья.
Красноармеец Копштейн не возвратился назад.
(Что ж, я недаром служил на Дальнем Востоке
в мехчастн.)

Яков, мой брат, ты в Варшавском уезде зарыл,
В польской земле, в неоплаканной братской могиле.
Яков, мой брат,
Твое тихое имя звенит
В сердце моем, в поступи нашей и силе.
Ты лежал не в гробу,
Ты без гроба лежал на земле,
На зеленой земле ты лежал и смотрел
на сумятицу облак.
Вот я вырос, и детство мое видится
в пасмурной мгле,
Но забыть не могу этот дальний негаснувший облик.
Я присягаю тебе, Яков, убитый мой брат,
Сердцем моим и стихом, пулеметом моим и мотором,
Что никогда не пройдет немецкий солдат,
Что никогда не пройдет японский солдат
Над нашей рекой,
По нашим горячим просторам!

576. ОККУПАЦИЯ

Мне снилось детство — мой печальный дом,
Колючий куст, заглохший водоем.
Мне снилась родина.
И тиф сыпной
Шел по Волохинской и Насыпной.

Мне долго снилась горькая вода.
Солдаты пели:
«Горе — не беда».
И шли по улице.
И версты шли.
Тяжелые. Покорные. В пыли.

Я помню эту улицу.
По ней
Вели усталых, выцветших коней.
Мне снились заморозки на заре
И полночь, душная, как лазарет.

Еще я видел желтые листы.
И ты мне снилась. Ты мне снилась. Ты.
Всю ночь чадили свечи, и всю ночь
Тебе хотел я чем-нибудь помочь.
Но ты спала, подушку обхватив,
И жег тебя горячкой черный тиф.
Как я забуду этот бред и зной,
Немецких офицеров за стеной.
Был вечер. Ночь. И умирала мать.
Зачем я должен детство вспоминать?

577. ОСЕНЬ

Почему такое, я не знаю,
Только ночь медлительней у нас.
Падает звезда, почти сквозная,
Возле глаз твоих, смущенных глаз.

Звезды залетают за ресницы
И не возвращаются назад. . .
Ты уснула, что тебе приснится:
Теплый вечер, ранний листопад?

Что приснится? Утра воркованье
В поволоке сада голубой?
Сердце в легком плавает тумане,
Словно льдинка вешнею водой!

Первым инеем покрыты зданья.
Даль седая заворожена.
Яблони пустеют. Мирозданье
Всё поет у твоего окна.

Осень вновь приходит знаться с нами
Дождиком неверным и плащом,
Листопадом, звездопадом, снами
О весне недавней. Чем еще?

578. САД

Деревья к самой речке забрели.
Одно из них, согнув большое тело,
В воде плескалось, словно захотело
Увериться, что льдины все прошли.

Уже трава в степи зазеленела,
Подснежники в ложбинах отцвели,
Прислушиваясь к шорохам земли,
Садовник вышел в сад, от яблонь белый.

В цветении предчувствуя плоды,
Дыша ночной прохладой воды,
Шли рыбаки на речку с неводами.

Веселая весенняя пора,
Безлистый сад на берегу Днепра,
Я всей душою породнился с вами.

579. ОКТАВЫ

1

Я привыкал к звучанью слов, каких
Ни в русской нет, ни в украинской речи.
Я шел на рынок, в гущу толп людских,
Где жар в крови, где говор так сердечен.
Грузинского не зная, в этот миг
Я слушал всех, я так тянулся к встречам!
Зной полыхал. Мальчишки, торжествуя,
Здесь продавали воду ледяную.

2

Но одиночество владело мной,
Была причина личного порядка:
Одно письмо. Оно — всему виной,
О нем и нынче вспоминать не сладко.
Везли крестьяне, несмотря на зной,
Всё, что дала им небольшая грядка.
Я пробирался сквозь толкучку — пусть
Язык друзей развеет эту грусть.

3

Любой из нас к сравнениям привык.
Мы ищем сходства и примет особых
В предметах, поначалу неживых,
Как некий горец в праздник Шаироба,
Что ищет рифму для стихов своих.
Волнуясь, бормоча и глядя в оба,
Он простирает кисти смуглых рук,
Всё ожиданьем полнится вокруг.

4

Но затрепещет рифма. И тоска
Отхлынет. Напряжение исчезнет.
Из жарких уст былого бедняка
Польется удивительная песня.
Трава растет — сладка или горька —

На склонах горных между скал отвесных.
Долиною noctною, голубою
По Грузии пройдем вдвоем с тобою.

5

Я видел тысячи прекрасных снов.
Ни об одном поведать не смогу я.
Я знаю двадцать пять грузинских слов
И каждое произношу волнуясь.
Я в Гурии из чистых родников
Пил, зачерпнув рукой, струю тугую.
Лишь эти мне запомнились края,
Тут сердце навсегда оставил я.

6

Любой из нас к сравнениям привык,
Но здесь нужны сравнения едва ли.
Мы вспоминаем красный броневик —
Его тбилисцы с нетерпеньем ждали.
Со скоростью ракет пороховых
Бежали банды меньшевистской швали.
Проходит год, как день, как быстрый час.
Теперь миры равняются на нас.

7

Я в полдень шел, я странствовал в ночи.
Звезда в грузинском небе полыхала.
Листву ласкали ранние лучи,
И я на свете жил. Но мало, мало!
Живи хоть сотни лет, а всё ищи,
Всё сделай, что бы жизнь ни приказала!
Проходит год, как день, как краткий час.
Теперь миры равняются на нас!

580. ИЗ ПИСЬМА

Разлучились, а сердцу не тяжко,
Не заказаны песни ему!
Я тебя, золотая ромашка,
Не отдам ни за что никому!

Я живу в той долине с ручьями,
Где туманы, как северный флот,
Где деревья своими плечами
Подпирают родной небосвод.

Всё растут и растут, и не сохнут,
По-казачьи шумят куренем,
Всё сияют жемчужностью росной
В изумрудном наряде своем.

Если любишь — все беды не в тягость
Под зеленым шатром лозняка.
Вспоминай обо мне, моя радость,
Чтоб меня обходила тоска.

581

Вот июль Уссурийского края
Постучался в палатку дождем,
Дышит почва, густая, сырая,
Та земля, на которой живем.

В каждой пади волнуется влага,
И у сопок скопилась вода,
И деревьям даровано благо,
Чтоб не сохли они никогда.

И не сохнут, они вырастают
В свете утренней, чистой красы.
На рассвете над ними блистают
Охлажденные капли росы.

Мы живем в полотняных палатках
На озерном крутом берегу,
В травянистых умытых распадках,
Оттеснивших на север тайгу,

Где запрятался в дальней лощине
Хлопотливой речонки исток,
Где стоят боевые машины,
Неустанно смотря на восток.

Мы стоим нерушимым оплотом,
Мы на каждой границе живем.
Каждый куст может стать пулеметом,
Огнедышащим грозным гнездом.

Эти влажные наши просторы,
Созреваньем обильный июль
Защитим боевым разговором,
Неожиданным посвистом пуль.

Если я упаду, умирая,
Будь во взгляде последнем моем,
Молодая, живая, сырая,
Та земля, на которой живем.

582. ПИСЬМО ТЕБЕ, КОПИЯ НАРКОМУ СВЯЗИ

Я сегодня обозлен
На тебя, на мир, на почту,
И на холод, и на то, что
Я в тебя еще влюблен,
На московский телефон:
Почему здесь нету трубки,
Чтоб услышать голос хрупкий,
Прерывается ли он,
Так ли вырвется «Арон»,
И — чего забыть не в силах —
Весь каскад нелепых, милых
Уменьшительных имен?

Для чего пишу всё это,
Если нету вот — нема! —
Ни ответа, ни привета,
Ни посылки, ни письма?
Я стою здесь безутешен,
Сохраняя мрачный вид,
Весь гранатами обвешан,
Портупеями обвит.
Я нахмурил брови грозно,
Но дрожу как мелкий лист.
Это выглядит курьезно:
Пулеметчик — пессимист.
Вот начну писать сначала
В гневе, горе и тоске,
Чтобы ты не понимала,
Вдруг — на финском языке.
Если я вернусь влюбленным
(А тебя не разлюбить),
Поступлю я почтальоном,
Чтоб поближе к письмам быть.
Я вгляжусь благоговейно
В почерки различных рук:
Нет ли писем А. Копштейну
От гражданки А. Савчук?
Впрочем, это просто враки,
Это я пишу смеясь.
Пусть без нового вояки
Остается Наркомсвязь,
Пусть мне сердце он не губит
Третий месяц уж подряд,
Пусть меня скорей полюбит
Милый сердцу наркомат.

1940

583. ПОЭТЫ

Я не любил до армии гармони,
Ее пивной простуженный регистр,
Как будто давят грубые ладони
Махорочные блески желтых искр.

Теперь мы перемалываем душу,
Мечтаем о театре и кино,
Поём в строю вполголоса «Катюшу»
(На фронте громко петь воспрещено).
Да, каждый стал расчетливым и горьким:
Встречаемся мы редко, второпях,
И спорим о портянках и махорке,
Как прежде о лирических стихах.
Но дружбы, может быть, другой не надо,
Чем эта, возникавшая в пургу,
Когда усталый Николай Отрада
Читал мне Пастернака на бегу.
Дорога шла в навалах диабаза,
И в маскхалатах мы сливались с ней,
И путано-восторженные фразы
Восторженной звучали и ясней!
Дорога шла почти как поединок,
И в схватке белых сумерек и тьмы
Мы проходили тысячи тропинок,
Но мирозданья не топтали мы.
Что ранее мы видели в природе?
Степное счастье оренбургских нив,
Днепровское похмелье плодородья
И волжский нелукавящий разлив.
Ни ливнем, ни метелью, ни пожаром
(Такой ее мы увидали тут) —
Она была для нас Тверским бульваром,
Зеленою дорогой в институт.
Но в январе сорокового года
Пошли мы, добровольцы, на войну,
В суровую финляндскую природу,
В чужую, незнакомую страну.
Нет, и сейчас я не люблю гармони
Визгливую, надорванную грусть.
Я тем горжусь, что в лыжном эскадроне
Я Пушкина читаю наизусть,
Что я изведаль напряженье страсти,
И если я, быть может, до сих пор
Любил стихи, как дети любят сласти, —
Люблю их, как водитель свой мотор.
Он барахлит, с ним не находишь сладу,
Измучаешься, выбьешься из сил,

Он три часа не слушается кряду —
И вдруг забормотал, заговорил,
И ровное его сердцебиенье,
Уверенный, неторопливый шум,
Напомнит мне мое стихотворенье,
Которое еще я напишу.
И если я домой вернуся целым,
Когда переживу двадцатый бой,
Я хорошенько выплюю первым делом,
Потом опять пойду на фронт любой.
Я стану злым, расчетливым и зорким,
Как на посту (по-штатски — «на часах»),
И, как о хлебе, соли и махорке,
Мы снова будем спорить о стихах.
Бьют батареи. Вспыхнули зарницы.
А над землянкой медленный дымок.
«И вечный бой. Покой нам только снится...»
Так Блок сказал. Так я сказать бы мог.

1940

584

Мы с тобой простились на перроне,
Я уехал в дальние края.
У меня в «смертельном медальоне»
Значится фамилия твоя.
Если что-нибудь со мной случится,
Если смерть в бою разлучит нас,
Телеграмма полетит, как птица,
Нет, быстрее во много тысяч раз.
Но не верь ты этому известною,
Не печалься, даром слез не трать.
Мы с тобой не можем быть не вместе,
Нам нельзя раздельно умирать.
Если ты прочтешь, что пулеметчик
Отступить заставил батальон —
За столбцом скупых газетных строчек
Ты пойми, почувствуй: это он.
Ты узнаешь, что советский летчик
Разбомбил враждебный эшелон —

695

За столбцом скупых газетных строчек
Ты пойми, почувствуй: это он.
Пусть я буду вертким и летучим,
Пусть в боях я буду невредим,
Пусть всегда я буду самым лучшим, —
Я хотел при жизни быть таким.
Пусть же не проходит между нами
Черный ветер северной реки,
Что несется мертвыми полями,
Шевеля пустые позвонки.
Будешь видеть, как на дне колодца,
Образ мой всё чище и новей,
Будешь верить: «Он еще вернется,
Постучится у моих дверей».
И, как будто не было разлуки,
Я зайду в твой опустевший дом.
Ты узнаешь. Ты протянешь руки
И поймешь, что врозь мы не умрем.

1940

НИКОЛАЙ ОТРАДА

Николай Карпович Турочкин (Николай Отрада) родился в 1918 году в деревне Николаевка, Воронежской области. Среднюю школу-девятилетку окончил в 1934 году в Сталинграде. С детских лет увлекался поэзией, сам писал стихи. Н. Отрада был членом литературного кружка СТЗ (тракторного завода). Первые стихи Коли Отрады были напечатаны в малотиражной газете «Даешь трактор», в газетах «Молодой ленинец» и «Сталинградская правда».

Окончив школу, Н. Отрада поступил в Сталинградский педагогический институт на литературный факультет и одновременно на заочное отделение Литературного института. Осенью 1939 года Н. Отрада стал студентом Литературного института им. Горького в Москве. А в декабре 1939 года ушел добровольцем на финский фронт. Он воевал в 12-м лыжном батальоне. 4 марта 1940 года в жестоком бою на озере взвод оказался окруженным врагами. Финны кричали: «Сдавайтесь!». Отрада ответил: «Москвичи не сдаются!» — и бросился на прорыв, увлекая за собой товарищей. Взвод вырвался из окружения, но тело Отрады осталось на снегу. Арон Копштейн, поэт и друг Н. Отрады, пополз туда, где виднелось тело товарища. Пуля врага настигла Копштейна, когда он уже возвращался обратно.

585. ОСЕНЬ

(Отрывок)

Сентябрьский ветер стучит в окно,
Прозябшие сосны бросает в дрожь.
Закат над полем погас давно.
И вот наступает седая ночь.
И я надеваю свой желтый плащ,
Центрального боя беру ружье.
Я вышел. Над избами гуси вплавь
Спешат и горнистом трубят в рожок.
Мне хочется выстрелить в них сплеча,
В летящих косым косяком гусей,
Но пульс начинает в висках стучать.
«Не трогай!» — мне слышится из ветвей.
И я понимаю, что им далеко,
Гостям перелетным, лететь и лететь.
Ты, осень, нарушила их покой,
Отняла болота, отбила степь,
Предвестница холода и дождей,
Мороза, по лужам — стеклянный скрип.
Тебя узнаю я, как новый день,
Как уток, на юг отлетающих, крик. . .

<1938>

Простых людей
Летят туда днем и ночью...» —
Отец читает,
А сын скорей
Сам птицу увидеть хочет.
Но папа «спи» говорит ему,
Укрыл одеялом спину.
Сын погружается в тишину,
Мечтанья приходят к сыну.
А ночь каспийская.
И месяц здесь
В окне нарисован тонко.
Так сын засыпает,
И сном этим весь
Окутан русский мальчонка.
Снится
Невиданный звездолет,
А воздух прозрачный, чистый.
Он смотрит и видит:
Трава растет,
Земли отраженье ищет.
Летит, улыбаясь близкой луне,
Сквозь сон этот милый
И сладкий.
И думает:
«Может, придется мне
Мир облететь без посадки!»

1938

588. ВЕСНА

Она начиналась у самого моря,
У края соленой густой воды.
Она заводила с деревьями споры,
Когда заходила в мои сады.
И где проходила, журча и пенясь, —
Там травы тянулись на яркий свет.
И лист, пробегающий по ступеням,
Напоминал о густой листве,
О розовых днях и о первоцветах,

О ласке любимой, о песне простой,
Про старость, глядящую косо на это
И все-таки думающую о том.
По-своему верующую глубоко
В силу солнца и в силу людей.
Ей помнится птиц пролетающих клекот
И первый в их жизни весенний день.
И вечер. . .
Кочуют зеленые звезды! . .
Мне надо всего лишь одну звезду,
Мне надо немного для легких воздуха,
Я снова на берег реки пойду
(Где снова — весна, что меня встречала,
А я не могу ее не встречать),
Чтоб песня любимая зазвучала,
Чтоб встала любимая у плеча.
И я подойду к ней, и я увижу
В глазах любимой — ее, весну.
Мне станет роднее,
Мне станет ближе
Всё то, к чему я рукой прикоснусь.
И к небу потянутся гибкие ветки,
По облакам недоступным грустя,
Мы жажду весеннего роста заметим,
Что видеть нелюбящие не хотят.
Но я пройти не посмею мимо, —
Как можно весне нам теперь изменять!
Я рад, что дыханье моей любимой
Точно такое же, как у меня.
Я рад мотыльку, что над нами кружится,
Движенью листа, что слегка дрожит. . .
Нам кажется морем широкая лужица,
Нам кажется песней весеннею — жизнь.
Пора!
Мы уходим домой, качаясь, .
И нас не клонит ничто ко сну.
И только сомненье берет вначале:
Кто полночью этой кого встречает —
Весна нас иль мы весну?! .

1938

589. НЕКОГДА

Клены цветут.
Неподвижная синь.
Вода вытекает в ладонь.
Красиво у Дона,
И Дон красив,
Тих и спокоен Дон.
Вот так бы и плавал
В нем, как луна,
У двух берегов на виду.
И нипочем
Мне б его глубина,
Вода б нипочем в цвету.
Вот так и стоял бы на берегу
И в воду глядел, глядел;
Вот так бы и слушал
Деревьев гул, —
Но много сегодня дел.

1938

590. ГУСИ ЛЕТЯТ

Гуси летят в закат,
Розовый, как крыло;
В перистые облака
Рвутся они напролом.
Милая! Посмотри —
Гуси летят в Тибет,
Стая, другая, три.
Больше их, больше там,
В воздухе голубом,
Но я не хочу летать,
Я не могу летать —
Я хочу быть с тобой.

<1939>

591. В ПОЕЗДЕ

В вагоне тихо.
Люди спят давно.
Им право всем
На лучший сон дано.
Лишь я не сплю,
Гляжу в окно:
Вот птица
Ночная пролетает
Над рекой
Ночной.
Вот лес далекий шевелится.
Как девушку,
Я б гладил лес рукой.
Но нет лесов.
Уходит дальше поезд.
Мелькает степь.
В степи озер до тьмы.
Вокруг озер трава растет по пояс.
В такой траве когда-то мы
С веселым другом
На седом рассвете
Волосяные ставили силки —
И птиц ловили,
И, как часто дети,
Мы птиц пускали радостно с руки.
В вагоне тихо,
Люди спят давно.
Им право всем
На лучший сон дано.
Но только я
Сижусь один, не сплю. . .
Смотрю на мир ночной —
Кругом темно.
И что я ни увижу за окном,
Я, как гончар, в мечтах
Сижусь леплю.

<1939>

592. ОДНО ПИСЬМО

Вот я письмо читаю,
А в глазах
Совсем не то,
Что в этих строках, нет.
Над полем, Поля,
Полнится гроза,
В саду срывает ветер
Яблонь цвет.
Ты пишешь:
«Милый,
Выйдешь — близок Дон,
И рядом дом.
Но нет тебя со мной.
Возьмешь волну донскую
На ладонь,
Но высушит ее
Полдневный зной».
Так пишешь ты...
В разбеге этих строк
Другое вижу я —
Шумят леса...
К тебе я ласков,
А к себе я строг
И грусти не хочу.
Ты мне близка.
Но как всё это
Трудно описать,
Чтоб не обидеть...
Знаешь,
Я б сказал —
Меж нами нет границ
На много лет.
Над полем, Поля,
Полнится гроза,
В саду срывает ветер
Яблонь цвет.
В душе —
Дороги жизни
Между гроз,
А я иду,

Товарищи вокруг.
Попробуй это всё понять
без слез
И, если можешь, — жди,
Мой милый друг.

<1939>

593. ПОЛИНЕ

Как замечательны,
Как говорливы дни,
Дни встреч с тобой
И вишен созреванья.
Мы в эти дни,
Наверно, не одни
Сердцами стали
Донельзя сродни,
До самого почти непониманья.
Бывало, птиц увижу
На лету,
Во всю их птичью
Крылью красоту,
И ты мне птицей
Кажешься далекой.
Бывало, только
Вишни зацветут,
Листки свои протянут в высоту,
Ты станешь вишней
Белой, невысокой.
Такой храню тебя
В полете дней.
Такой тебя
Хотелось видеть мне,
Тебя
В те дни
Большого обаянья.
Но этого, пожалуй,
Больше нет,
Хотя в душе волнение сильней,

Хоть ближе до любимой расстоянье.
Всё отошло
В начале расставанья.

<1939>

594. ФУТБОЛ

И ты войдешь. И голос твой потонет
В толпе людей, кричащих вразнобой.
Ты сядешь. И как будто на ладони
Большое поле ляжет пред тобой.

И то мгновенье, верь, неуловимо,
Когда замрет восторженный народ, —
Удар в ворота! Мяч стрелой и... мимо.
Мяч пролетит стрелой мимо ворот.
И, на трибунах крик души исторгнув,
Вновь ход игры необычайно строг...

Я сам не раз бывал в таком восторге,
Что у соседа пропадал восторг,
Но на футбол меня влекло другое,
Иные чувства были у меня:
Футбол не миг, не зрелище благое,
Футбол другое мне напоминал.

Он был похож на то, как ходят тени
По стенам изб вечерней тишиной,
На быстрое движение растений,
Сцепление деревьев, переплетенье
Ветвей и листьев с беглою луной.

Я находил в нем маленькое сходство
С тем в жизни человеческой, когда
Идет борьба прекрасного с уродством
И мыслящего здраво
с сумасбродством.
Борьба меня волнует, как всегда.

Она живет настойчиво и грубо
В полете птиц, в журчании ручья,

Определенна,
 как игра на кубок,
Где никогда не может быть ничья.
<1939>

595. ПОЧТИ ИЗ МОЕГО ДЕТСТВА

Я помню сад,
Круженье листьев рваных
Да пенье птиц, сведенное на нет,
Где детство словно яблоки шафраны
И никогда не яблоко ранет.

Оно в Калуге было и в Рязани
Таким же непонятным, как в Крыму:
Оно росло в неслыханных дерзаннях,
В ребячестве, не нужном никому;
Оно любило петь и веселиться
И связок не жалеть голосовых. . .

Припоминаю: крылышки синицы
Мы сравнивали с крыльями совы
И, небо синее с водою рек сверяя,
Глядели долго в темную реку.
И, никогда ни в чем не доверяя,
Мы даже брали листья трав на вкус.

А школьный мир! Когда и что могло бы
Соединять пространные пути,
Где даже мир — не мир, а просто глобус,
Его рукой нельзя не обхватить. . .

Он яблоком, созревшим на оконце,
Казался нам,
На выпуклых боках —
Где родина — там красный цвет от солнца,
И остальное зелено пока.

Август 1939

Он такой,
 Что не опишешь сразу,
 Потому что сразу не поймешь!
 Дождь идет...
 Мы говорим: ни разу
 Не был этим летом сильный дождь.
 Стоит только далям озариться —
 Вспоминаем
 Молодость свою.
 Утром
 Заиграют шумно птицы...
 Говорим: по-новому поют.
 Всё:
 Мои поля,
 Долины, чащи,
 Солнца небывалые лучи —
 Это мир,
 Зеленый и журчащий,
 Пахнувший цветами и речистый.
 Он живет
 В листве густых акаций,
 В птичьем свисте,
 В говоре ручья.
 Только нам
 Нельзя в нем забываться
 Так,
 Чтоб ничего не различать.

 Чтоб цвела земля во всей красе,
 Чтобы жизнь цвела,
 Гудела лавой,
 Старое сметая на пути.
 Ну, а что касается до славы —
 Слава не замедлит к нам прийти.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стихи русских поэтов, отдавших жизнь за Родину в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., ранее были собраны в книгах «Стихи остаются в строю», М., 1958; «Имена на поверке», М., 1963; творчество погибшего в финской кампании Н. Отрады, а также М. Кульчицкого, П. Когана и Н. Майорова — в сборнике «Сквозь время», М., 1964. Стихотворения поэтов нерусской национальности, как правило, входили в выпускаемые на русском языке в послевоенные годы антологии национальной поэзии. Эти источники были использованы при составлении настоящего сборника.

Творчество некоторых поэтов, особенно старшего поколения, погибших в боях Великой Отечественной войны: А. Крайского, П. Незнамова, А. Ясного, И. Уткина, Д. Алтаузена, Е. Панфилова и других, не включенных в настоящий сборник, будет представлено в отдельных выпусках «Библиотеки поэта» и в готовящемся к печати сборнике «Из советской поэзии 20—30-х годов». В настоящем издании преимущественно собраны поэты, пора литературного становления и расцвета которых приходится на 40-е годы и военное время.

Внутри антологии поэты располагаются в алфавитном порядке. Если автор подписывался псевдонимом, его фамилия раскрывается в биографической справке, предшествующей произведениям каждого поэта. В конце книги помещены стихотворения неизвестного поэта из гитлеровского концентрационного лагеря Заксенхаузен; стихи, написанные военнопленным А. А. Меркуловым на нарах гитлеровского каземата города Круспилс, стихотворные письма погибшего в бою гвардии лейтенанта Л. Розенберга и клятва в стихах воина-героя Яковлева.

Творчество поэтов А. Копштейна и Н. Отрады, погибших во время войны с белофиннами зимой 1939—1940 гг., представлено в «Приложении».

Произведения каждого поэта даются в хронологической последовательности. Если дата написания не установлена, в угловых скобках ставится дата первой публикации. Даты, в точности которых нет абсолютной уверенности, сопровождаются вопросительным знаком. В отдельных случаях установить время написания стихотворения не удалось (в этих случаях дата отсутствует).

Произведения, как правило, даются в последней прижизненной редакции.

В примечаниях, под номером, соответствующим нумерации текста, указывается место первой публикации стихотворения. Источник, по которому печатается стихотворение, указывается только в тех случаях, когда текст претерпевал дальнейшие изменения. Для произведений, написанных не по-русски, место первой публикации не указывается, приводится только источник, по которому печатается текст.

Работа над антологией «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне» сопряжена с многими трудностями, вызванными поисками печатных текстов и рукописей, сличением редакций и переводов, уточнением биографических сведений. Если хоть часть таких трудностей удалось преодолеть, то это объясняется живейшим участием, которое приняли в работе многие товарищи, оказавшие ценную помощь своими советами, замечаниями и материалами. Всем им, и прежде всего М. Алексидзе, Е. Вечтомовой, Т. Жариновой, Л. Озерову, П. Ойфе, Л. Рудневой, А. Резниковой, Е. Стюарт, В. Субботину, А. Филипчуку, В. Фогельсону, В. Чичеровой, В. Швейцер, а также работникам военного отдела Библиотеки им. В. И. Ленина, библиографического кабинета при Центральном доме литераторов, комиссии по национальным литературам при Правлении Союза писателей СССР, составители приносят глубокую благодарность.

АЛЕКСАНДР АРТЕШОВ

1. «Резец», 1939, № 4, с. 3. *Заозерная* — высота в районе озера Хасан; во время боев с японской военщиной в июле — августе 1938 г. была захвачена противником, а потом отбита атакой советских войск.

2. «Краснофлотец», 1939, № 5, с. 15. Дмитрий Яковлевич и Харитон Прокофьевич *Лаптевы* — русские исследователи Арктики, руководители отряда Великой Северной экспедиции (30—40-е годы XVIII века). Витус *Беринг* (1681—1741) — выходец из Дании, офицер русского флота, ему принадлежит ряд открытий на русском Севере.

3. «Резец», 1939, № 15-16, с. 1. *Посьет* — поселок на берегу залива того же названия (Японское море).

4. Сб. «Краснофлотское творчество», М.—Л., 1939, с. 20.

5. «На рубеже», Хабаровск. 1940, № 4, с. 103. *Вячеслав Афанасьев* (1903—1943) — дальневосточный поэт. *Иман*, *Сучан* — города в Приморье, расположенные на реках того же названия.

6. «Ленинград», 1941, № 4, с. 23. *Бризантные снаряды* — артиллерийские снаряды с взрывателем дистанционного действия.

7. Альм. «Советское Приморье», 1941, кн. 1, с. 188. *Кунгас* — гребная или парусная лодка.

ВСЕВОЛОД БАГРИЦКИЙ

8—10. Печ. впервые по рукописи.

11. Сб. «Имена на поверке», М., 1963, с. 26.

12, 13. Сб. «Стихи остаются в строю», М., 1958, с. 38, 39.

14. «Имена на поверке», с. 27.

15. «День поэзии», М., 1960, с. 157.
16. «Юность», М., 1962, № 7, с. 68, 69.
17. «Имена на поверке», с. 28.
18. «Литературная газета», 1941, 5 октября.
19. «Имена на поверке», с. 29.
- 20, 21. «Юность», 1962, № 7, с. 68, 69.

БОРИС БОГАТКОВ

22. Сб. «В боевом строю», Новосибирск, 1954, с. 43, в сокращенном виде. Печ. по сб. «Имена на поверке», М., 1963, с. 40.
23. «Комсомольская правда», 1940, 20 января. После подписи приписка: «Ученик 9-го класса Ачинской школы, Красноярского края».
24. «Смена», 1941, № 4, с. 6. Под рубрикой: «Стихи школьников».
25. «Имена на поверке», с. 37.
- 26, 27. Сб. «Огневые дни», Новосибирск, 1942, кн. 2, с. 100.
28. Сб. «Родина. Стихи молодых поэтов», Новосибирск, 1944, с. 5.
29. «В боевом строю», с. 48.
30. «Родина», с. 4. Стихотворение написано в ночь перед отправкой Сибирской дивизии на фронт. Его передавали по вокзальному радио, когда бойцы ожидали отправки эшелона.
31. «Родина», с. 4
32. «В боевом строю», с. 52.

ДМИТРИЙ ВАКАРОВ

33. Дм. Вакаров, «Избранные стихи», Ужгород, 1955, с. 23.
34. «Советская Украина», 1954, № 12, с. 43, под заглавием «К отцу». Печ. по журн. «Смена», 1955, № 12, с. 17.
- 35, 36. «Советская Украина», 1954, № 12, с. 43, 42.
37. «Советская Украина», 1954, № 12, с. 42, под заглавием «Наш путь». Печ. по сб. «Избранные стихи», с. 50.
- 38, 39. «Советская Украина», 1954, № 12, с. 41—42.
- 40—44. «Избранные стихи», с. 40, 46, 47, 31, 34.
45. «Советская Украина», 1954, № 12, с. 43.
46. «Избранные стихи», с. 62.
- 47, 48. «Україна», 1955, № 6(147), с. 11. *Бокораш* — плотогон.
49. «Избранные стихи», с. 33.

ЛЕОНИД ВИЛКОМИР

- 50, 53, 56, 59, 62—64. Леонид Вилкомир, «Дороги», М., 1964, с. 15, 24, 18, 74, 54, 59, 35. Печ. по рукописи, хранящейся у вдовы поэта А. Лыткиной.
51. «День поэзии», М., 1960, с. 160.
52. Печ. впервые по рукописи.

- 54, 55. «Имена на поверке», М., 1963, с. 48.
 57. Печ. впервые по рукописи.
 58. «День поэзии», 1960, с. 159, под названием «Строители», с сокращениями. Печ. по рукописи.
 60, 61. «Имена на поверке», с. 53, 51.
 65. «Неделя», 1964, № 12, с. 7.

АЛЕКСАНДР ГАВРИЛЮК

66. Печ. по сб.: А. Гаврилюк, «Избранное», М., 1950, с. 121.
 67. Печ. по сб.: «Избранное», М., 1952, с. 136.
 68. Печ. по сб.: «Избранное», М., 1950, с. 123. *Береза Картузская* — польский концентрационный лагерь.
 69. Печ. по сб.: «Избранное», М., 1952, с. 139. *Питель* — фамилия полицейского, одного из самых жестоких палачей Березы. *Прошлогодний апрель*. Имеется в виду восстание львовского пролетариата в апреле 1936 г.
 70. Печ. по сб.: «Избранное», М., 1950, с. 160.

МИРЗА ГЕЛОВАНИ

- 71—73. Печ. по сб.: Л. Асатяни, М. Геловани, А. Саджая, «Три песни», М., 1961, с. 44, 39, 49. *Чоха* — черкеска. *Бичо* — парень. *Аон* — икона в Иверском ущелье. *Теми* — община.
 74. Печ. по сб.: М. Геловани, «Грузинская весна», М., 1958, с. 28.
 75. Печ. по сб. «Три песни», с. 37. *Вардзиа* — грандиозный пещерный монастырь, памятник грузинской культуры XII—XIII вв.
 76. Печ. по сб. «Три песни», с. 49.
 77. Печ. по газ. «Советская Россия», 1957, 3 ноября.
 78. Печ. по сб. «Три песни», с. 57. *Маджари* — молодое вино.
 79—80. Печ. по сб. «Грузинская весна», с. 30—31.
 81. Печ. на русском языке впервые.
 82—83. Печ. по журн. «Молодая гвардия», 1958, № 3, с. 104, 103. *Мтацминда* («Святая гора») — гора, возвышающаяся над Тбилиси, на склоне которой находится пантеон, где похоронены писатели и общественные деятели Грузии, а также А. С. Грибоедов.
 84. Печ. по сб. «Три песни», с. 52. *Ортачала* — пригород Старого Тбилиси, в настоящее время находится в черте города. *Метехи* — тюремный замок в Тбилиси на берегу Куры.
 85—89. Печ. на русском языке впервые.

КОСТЬ ГЕРАСИМЕНКО

- 90, 91. Печ. по сб.: К. Герасименко, «Рассказ про песню», М., 1958, с. 20, 29.
 92. Печ. по «Антологии украинской поэзии», М., 1958, т. 2, с. 323.
 93. Печ. по сб. «Рассказ про песню», с. 23.
 94. Печ. по «Антологии украинской поэзии», с. 324.
 95. Печ. по сб. «Рассказ про песню», с. 116.

ТАТУЛ ГУРЯН

- 96—98. Печ. по сб.: Т. Гурян; «Стихи и поэмы», Ереван, 1952, с. 21—32. *Гур* — огонь, пламя. *Татик* — бабушка.
99—101. Печ. по сб.: Т. Гурян, «Стихи», Ереван, 1950, с. 17, 19, 20.
102. Печ. по сб. «Стихи и поэмы», с. 32.

МУСА ДЖАЛИЛЬ

103. Печ. по сб.: М. Джалиль, «Избранное», 1955, с. 103. Посвящено дочери поэта Чулпан.
104. Печ. по сб.: М. Джалиль, «Сочинения», Казань, 1962, с. 136.
105—109. Печ. по сб.: М. Джалиль, «Из моабитской тетради», М., 1954, с. 20—87.
110—112. Печ. по сб. «Избранное», с. 174, 178, 245.
113. Печ. по сб. «Из моабитской тетради», с. 86.
114. Печ. по сб. «Избранное», с. 245.
115—117. Печ. по сб.: М. Джалиль, «Моабитская тетрадь», М., 1957, с. 160.
118. Печ. по сб. «Из моабитской тетради», с. 87.
119. Печ. по сб. «Сочинения», с. 207.
120—122. Печ. по сб. «Из моабитской тетради», с. 111, 96, 94.
123. Печ. по сб. «Из моабитской тетради», с. 105. Стихотворение обращено к татарскому детскому писателю *Абдулле Алишу*, вместе с которым М. Джалиль боролся в подполье. Алиш был казнен в Берлине в августе 1944 г.
124. Печ. по сб. «Моабитская тетрадь», с. 176.
125. Печ. по «Антологии татарской поэзии», Казань, 1957, с. 348.
126, 127. Печ. по сб. «Из моабитской тетради», с. 66, 90.
128. Печ. по сб. «Из моабитской тетради», с. 92. В целях конспирации Германия названа по-арабски «*Алман*».
129. Печ. по сб. «Из моабитской тетради», с. 64.
130. Печ. по сб. «Избранное», с. 274.
131. Печ. по сб. «Из моабитской тетради», с. 112.

ВЛАДИСЛАВ ЗАНАДВОРОВ

132. «Литературный альманах», 1, Свердловск, 1936, с. 8.
133. «Литературный альманах», 2, Свердловск, 1937, с. 21.
134. «Прикамье», 1940, № 1, с. 60. Печ. по сб.: В. Занадворов, «Простор», 1941, с. 31.
135. «Уральский современник», 1940, № 3, с. 84.
136, 137. «Простор», с. 38, 43.
138, 139. В. Занадворов, «Преданность», 1946, с. 68, 78.
140. «Уральский современник», 1943, № 7, с. 4.
141. «Преданность», с. 77.
142, 143. «Уральский современник», 1944, № 9, с. 31, 32.

ЮРИЙ ИНГЕ

144. «Литературный современник», 1933, № 11, с. 61.
145. «Звезда», 1935, № 6, с. 67. Печ. по сб.: Ю. Инге, «Золотой век», 1937, с. 60. Стихотворение написано в Дибунах, близ которых до 1939 г. проходила советско-финская граница. *Калевала* — карело-финский национальный эпос.
- 146, 147. «Звезда», 1939, № 7-8, с. 169. *Сурам* — Сурамский хребет в Грузии, отделяющий Колхидскую низменность от Кура-Араксинской впадины. *Пенаты* — боги, хранители домашнего очага.
148. «Ленинград», 1941, № 1, с. 4.
149. «Ленинград», 1941, № 10, с. 4. *Гиперборей* — представитель сказочного народа, по античным географическим представлениям населявшего далекий и неведомый Север.
150. «Литературный современник», 1941, № 6, с. 54.
151. «Красный Балтийский флот», 1941, 15 июня. *Створы* — опознавательные знаки для определения труднопроходимого места.
152. «Красный Балтийский флот», 1941, 24 июня. Видимо, отрывок из большого стихотворения «Война началась», написанного 22 июня 1941 г. и в тот же день переданного по радио. Другой отрывок из этого стихотворения был напечатан в журнале «Звезда», 1947, № 6, с. 133, в подборке «Стихи ленинградских поэтов, погибших за Родину». *Лаг* — навигационный прибор для определения скорости хода судна или пройденного им расстояния.
153. «Красный Балтийский флот», 1941, 29 июня.
154. «Красный Балтийский флот», 1941, 1 июля. *Минреп* — трос, на котором укрепляется морская мина. *Шпангоуты* — ребра судна, к которым крепится наружная его обшивка, образующая корпус. *Минный барраж* — ограждение против надводных и подводных кораблей, состоящее из мин. *Форштевень* — массивная часть судна, являющаяся продолжением киля и образующая носовую оконечность судна.
155. «Красный Балтийский флот», 1941, 16 июля. *Такелаж* — совокупность всех частей судна, имеющих какое-либо служебное назначение.
156. «Красный Балтийский флот», 1941, 2 августа.
157. «Красный Балтийский флот», 1941, 4 августа.

ХАЗБИ КАЛОЕВ

158. Печ. по «Антологии осетинской поэзии», М., 1960, с. 346. *Нарты* — легендарные предки осетин.
- 159—166. На русском языке печ. впервые.
- 167—169. Печ. по «Антологии осетинской поэзии», с. 346—347.
- 170—177. На русском языке печ. впервые.

ДАВИД КАНЕВСКИЙ

- 178—180. Печ. по «Антологии украинской поэзии», т. 2, М., 1958, с. 382, 383.
181. Газ. «Мужество», 1943, 1 января. Подписано «Игорь Кочу-

бей» (Кочубей — фамилия матери поэта, этой фамилией подписаны многие фронтовые стихи Д. Каневского).

182. «Мужество», 1943, 4 января.

183. «Мужество», 1943, 22 января. *Гром вчерашний*. Имеется в виду прорыв блокады Ленинграда, о чем за несколько дней до опубликования стихотворения сообщило Совинформбюро.

184. «Мужество», 1943, 27 февраля.

185. «Мужество», 1943, 24 марта. На этой же странице портрет командира противотанкового орудия сержанта Т. И. Шербакова и сообщение о том, что он награжден орденом Красного Знамени.

ФАТЫХ КАРИМ

186, 187. Печ. по сб.: Ф. Карим, «Избранные стихи и поэмы», Казань, 1957, с. 97, 92.

188. Печ. по сб.: Ф. Карим, «Окопная песня», М., 1947, с. 11.

189—191. Печ. по сб. «Избранные стихи и поэмы», с. 40, 12, 96.

192. Печ. по сб. «Окопная песня», с. 14.

193. Печ. по «Антологии татарской поэзии», Казань, 1957, с. 454.

194. Печ. по сб. «Избранные стихи и поэмы», с. 112.

195. Печ. по сб. «Окопная песня», с. 62.

196. Печ. по сб. «Избранные стихи и поэмы», с. 97.

ЛЕВАРСА БВИЦНИА

197. Печ. по сб.: «Поэты Абхазии», Сухуми, 1948, с. 65. *4-е марта* — день установления Советской власти в Абхазии. *Апсны* — Абхазия. *Эрцаху* (Ерцаху) — самая высокая гора в Абхазии.

198. Печ. по сб. «Поэты Абхазии», с. 66. *Тоха* — мотыга.

199. Печ. по «Антологии абхазской поэзии», М., 1958, с. 202. *Ачарпын* — пастушеский рожок. *Алабаша* — палка с острым металлическим наконечником.

200. Печ. по «Антологии абхазской поэзии», с. 203.

201. Печ. по «Антологии абхазской поэзии», с. 204. *Апхярца* — абхазский музыкальный инструмент.

202. Печ. по «Антологии абхазской поэзии», с. 206. *Немытая Россия* — слова из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Прощай, немытая Россия». *Плачьте, горы* — слова из стихотворения осетинского поэта К. Хетагурова (1859—1906) «Горе».

203. Печ. по сб. «Поэты Абхазии», с. 62. *Шоудыд* — название горы. *Кодор* — река в Абхазии.

204. Печ. по сб. «Поэты Абхазии», с. 75. По старинному преданию, в водах внезапно образовавшегося озера погиб пастух со своим стадом.

205. Печ. по «Антологии абхазской поэзии», с. 209. *Махаджир* — переселенец.

206. Печ. по «Антологии абхазской поэзии», с. 205.

ПАВЕЛ КОГАН

207. Сб. «Сквозь время» (П. Коган, М. Кульчицкий, Н. Отрада, Н. Майоров), М., 1964, с. 20.

208. Печ. впервые по рукописи, хранящейся у отца поэта Д. Б. Когана.

209. П. Коган, «Гроза», М., 1960, с. 86.

210. «Журнал молодых». На правах рукописи. Лит. институт им. Горького, М., 1956, № 1, с. 8.

211. «Литературная газета», 1962, 4 октября.

212. «День поэзии», М., 1960, с. 164.

213. Печ. впервые по рукописи. Последние две строки, слегка перефразированные, из стихотворения Н. Гумилева «Озеро Чад»: «Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман, Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя».

214. Печ. впервые по рукописи.

215. «Гроза», с. 51. *Бригантина* — легкое двухмачтовое судно. *Флибустьеры* — пираты, морские разбойники, контрабандисты. *Флинт* — легендарный пиратский капитан, о нем рассказывается в известном романе Р. Л. Стивенсона «Остров сокровищ».

216. «Гроза», с. 49.

217. «Гроза», с. 44. Поэма не была написана.

218. «Гроза», с. 74.

219. Газ. «Московский университет», 1963, 15 марта.

220. «Сквозь время», с. 28. Роман не был окончен. Написаны четыре главы из предполагаемых двенадцати-тринадцати. *Педолог* — представитель педологии, реакционной буржуазной псевдонауки о воспитании детей, основанной на признании фаталистической обусловленности судьбы людей биологическими и социальными факторами, влиянием наследственности и неизменной среды. В конце 20-х и начале 30-х годов педология получила распространение в СССР. *Табуль раса* (tabula rasa — лат. — чистая доска) — термин, которым английский философ Локк образно охарактеризовал первоначальное состояние сознания. Фридрих Фребель (1782—1852) — видный немецкий педагог, теоретик, разработавший систему дошкольного воспитания, распространившуюся во многих странах.

221. «Журнал молодых», 1956, № 1, с. 15. *Ностальгия* — тоска по родине.

222. «Журнал молодых», с. 12. *Жора Ленский* — друг детства и юности П. Когана, автор музыки к «Бригантине».

223. «Гроза», с. 46.

БОРИС КОСТРОВ

224—228. «Звезда», 1940, № 5-6, с. 3—5. «Бессонница», «Заказник», «У обрыва» публиковались без названий. Печ. по сб.: Б. Костров, «Заказник», 1941, с. 14, 25, 26, 57, кроме последнего. А. Е. Решетов — ленинградский поэт. *Заказник* — лесной или водяной участок, где на определенный срок запрещена охота, ловля рыбы или рубка леса.

229. «Ленинград», 1941, № 3, с. 7. Печ. по сб. «Заказник», с. 55.

230. «Ленинград», 1941, № 3, с. 7.
 231. «Ленинград», 1941, № 13-14, с. 13.
 232—234. «Звезда», 1947, № 6, с. 135.
 235. Сб. «Стихи остаются в строю», М., 1958, с. 117. *Дум-дум* — разрывные пули с неполной или надпиленной металлической оболочкой, причиняющие очень тяжелые ранения.
 236—240. Б. Костров, «Стихотворения», Л., 1957, с. 47, 49, 58, 50, 52.
 241. Сб. «Стихи остаются в строю», с. 120. *А. М. Матросов* (1924—1943) — гвардии рядовой, совершил выдающийся подвиг: в бою закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота. Посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.
 242. «Стихотворения», с. 54.

БОРИС КОТОВ

243. Альм. «Литературный Донбасс», 1938, кн. 3-4, с. 115. В посмертных публикациях называется «Донецкая ночь». *Ходок* — подземная выработка, не имеющая непосредственного выхода на земную поверхность и предназначенная для пешего передвижения людей.
 244. Газ. «Кочегарка», Горловка, 1941, 18 мая.
 245, 246. «Литературный Донбасс», 1939, кн. 4, с. 38, 39. На шахте № 9 работал Б. Котов.
 247. «Кочегарка», 1940, 2 апреля.
 248. «Кочегарка», 1940, 12 июня.
 249. «Кочегарка», 1940, 18 июня. *Штрек* — горизонтальный подземный ход в руднике без непосредственного выхода на поверхность земли.
 250. «Кочегарка», 1940, 26 сентября. *Террикон* — конической формы отвал пустой породы на поверхности земли при шахте.
 251. «Кочегарка», 1941, 26 января.
 252, 253. «Кочегарка», 1941, 27 апреля.
 254. «Советская Украина», 1951, № 2, с. 9. В сб. «Стихи остаются в строю» — под названием «Последние стихи». *Шура* — брат поэта.

ВАСИЛИЙ КУБАНЕВ

255. В. Кубанев, «Идут в наступление строки», М., 1960, с. 228,
 256. В. Кубанев, «Перед восходом», Воронеж, 1955, с. 73.
 257. «Идут в наступление строки», М., 1958, с. 121.
 258. «Перед восходом», с. 82.
 259, 260. «Идут в наступление строки», 1958, с. 288, 58.
 261. «Новая жизнь», 1941, 13 июля.
 262. «Новая жизнь», 1941, 16 июля.
 263. «Новая жизнь», 1941, 26 июля.
 264. «Идут в наступление строки», 1958, с. 16.

МИХАИЛ КУЛЬЧИЦКИЙ

265. Сб. «Сквозь время», М., 1964, с. 104. Посвящено Володе Вознесенскому, школьному товарищу Кульчицкого.
266. Печ. впервые по рукописи, хранящейся у матери поэта Д. Кульчицкой.
267. «Новый мир», 1958, № 2, с. 26.
268. Сб. «Стихи остаются в строю», М., 1958, с. 135.
269. «Новый мир», 1963, № 5, с. 145.
270. «Сквозь время», с. 110. *Клипер* — очень быстроходное парусное судно. А. Н. Вертинский — известный эстрадный певец, эмигрант, в 1945 г. вернулся в Советский Союз.
271. «Молодая гвардия», 1962, № 2, с. 75.
272. «Сквозь время», с. 112. Стихотворение из задуманного поэтом цикла «Учителя».
273. «Сквозь время», с. 116.
274. Печ. впервые по рукописи, хранящейся у матери поэта Д. Кульчицкой.
275. Сб. «Имена на поверке», М., 1963, с. 80.
- 276—278. «Сквозь время», с. 102—107.
279. «Молодая гвардия», 1941, № 2, с. 85.
280. «Октябрь», 1941, № 2, с. 112, отрывки. Полностью — «Сквозь время», с. 75. Н. Турочкин (псевдоним Н. Отрада) — поэт, студент Литературного института им. Горького, товарищ М. Кульчицкого, погиб на финском фронте. *Шюцкор* — военизированная организация финской буржуазии и кулачества, активно участвовала в войне Финляндии против СССР.
281. «Сквозь время», с. 118, без последнего четверостишия. Полностью печ. впервые, по рукописи.
282. «Стихи остаются в строю», с. 136, без первых четырнадцати строк. Печ. по сб. «Сквозь время», с. 119.

БОРИС ЛАНИН

- 283—292. Печ. впервые по рукописи, хранящейся у вдовы поэта И. И. Эренбург.
293. Песня написана совместно с З. Хацревиным.

АЛЕКСЕЙ ЛЕБЕДЕВ

294. «Звезда», 1939, № 2, с. 8. Название стихотворения повторяет название известного фильма 30-х годов, снятого по сценарию В. Вишневского. Имеется в виду одно из сильнейших мест фильма — сцена расстрела революционных моряков. *Верпы* — небольшие заводные якоря *Шкерт* — тонкая бечевка.
295. «Резец», 1939, № 19-20, с. 8. Печ. по сб.: А. Лебедев, «Морская сила», Иваново, 1945, с. 18.
296. «Литературный современник», 1939, № 3, с. 110. В августе — сентябре 1918 г. Таманская армия во главе с Е. Ковтюхом совершила героический переход с Кубани через Новороссийск, Туапсе на Армавир для соединения с главными силами советских войск на

Северном Кавказе. Походу Таманской армии посвящен ряд произведений советской литературы, в том числе «Железный поток» А. Серафимовича.

297. «Литературный современник», 1940, № 5-6, с. 121. *Картушка* — диск или ободок из немагнитного легкого металла, укрепленный на подвижной системе компаса. *Эвклид* (III в. до н. э.) — древнегреческий математик, «отец геометрии».

298—300. «Нева», 1957, № 3, с. 121.

301. «Красный Балтийский флот», 1940, 20 октября. *Форштевень* — массивная часть судна, являющаяся продолжением киля и образующая носовую оконечность судна.

302. «Красный Балтийский флот», 1940, 3 ноября.

303. «Красный Балтийский флот», 1940, 7 ноября. *Клюз* — отверстие в борту судна для выпуска якорной цепи.

304. «Красный Балтийский флот», 1941, 13 марта. В конце февраля группа краснофлотцев-подводников Балтийского флота совершила военизированный лыжный переход Ленинград — Выборг. Подводники-лыжники прошли по местам недавних боев с белофиннами. Командир лыжного перехода лейтенант Лебедев вел стихотворный путевой дневник. «Метет поземка, расстилаясь низко. . .» — одна из таких дневниковых записей.

305. «Литературный современник», 1941, № 2, с. 52. В сб. А. Лебедева «Путь на моря», 1956, с. 148 — без названия.

306. А. Лебедев, Избранные стихи, Л., 1956, с. 175, без первых двенадцати строк. Печ. по сб. «Стихи остаются в строю», с. 158.

307. «Красный Балтийский флот», 1941, 31 октября. *Минно-боновые поля* — система заграждений из мин, бревен, цепей и бочек с якорями, устанавливаемая для борьбы с подводными лодками. *Фарватер* — полоса водного пространства, на которой глубина воды при всех условиях достаточна для пропуска судов с предельной осадкой.

308. «Стихи остаются в строю», стр. 147.

ВСЕВОЛОД ЛОБОДА

309. Печ. впервые по рукописи, хранящейся у матери поэта М. В. Чолганской.

310. «День поэзии», М., 1964.

311, 312. Печ. впервые по рукописи.

314. Сб. «Имена на поверке», М., 1963, с. 100.

315. Печ. впервые по рукописи.

316. «Новый мир», 1958, № 2, с. 25.

317. «Москва», 1960, № 2, с. 124.

НИКОЛАЙ МАЙОРОВ

318. «Сквозь время», М., 1964, с. 143.

319. Н. Майоров, «Мы», М., 1962, с. 61.

320. «Стихи остаются в строю», М., 1958, с. 170. Друг юности поэта В. Жуков рассказывает историю появления этого стихотво-

рения: «Помнится, году в 38-м в наших местах (а жили мы тогда на окраине Иванова) разбился самолет. Весь личный состав погиб. На другой день на зеленом Успенском кладбище состоялись похороны. В суровом молчании на холодный горький песок первой в нашей жизни, мальчишеской жизни, братской могилы военные летчики возложили срезанные ударом о землю винты самолета. А вечером Коля читал стихи. . .»

321. «Стихи остаются в строю», с. 168.
322—324. «Мы», с. 49, 63, 38.
325. «Знамя», 1956, № 11, с. 131.
326. «Ивановский альманах», Иваново, 1948, № 9, с. 276.
327, 323. «Сквозь время», с. 150, 148.
329. «Ивановский альманах», 1948, № 9, с. 280.
330. «Сквозь время», с. 153.
331. «Знамя», 1956, № 11, с. 130.
332. «Молодая гвардия», 1962, № 2, с. 70.
333. «Мы», с. 53.
334. «Сквозь время», с. 157.
335. «День поэзии», М., 1960, с. 170.
336. Газ. «Московский университет», 1940, 1 мая. Без первых четырех строк третьей строфы. Печ. по сб. «Мы».
337. «Мы», с. 47.
338. «Новый мир», 1963, № 5, с. 147.

ВИТАУТАС МОНТВИЛА

339. Печ. по сб.: В. Монтовила, «Свет ваш не погас», М., 1959, с. 11.
340—342. Печ. по сб.: В. Монтовила, «Избранное», М., 1957, с. 60, 79, 108.
343. Печ. по сб.: «Поэты Советской Литвы», М., 1948, с. 132.
344. Печ. по сб.: В. Монтовила, «Стихи», М., 1962, с. 163.
345—347. Печ. по сб. «Избранное», с. 113, 115, 116.
348. Печ. по сб. «Поэты Советской Литвы», М., 1953, с. 76.
349, 350. Печ. по сб. «Избранное», с. 73, 129.
351, 352. Печ. по сб. «Стихи», с. 196, 198.
353. Печ. по сб. «Поэты Советской Литвы», М., 1953, с. 78.
354, 355. Печ. по сб. «Избранное», с. 123, 170.

ВАРВАРА НАУМОВА

356. «Звезда», 1931, № 11-12, с. 11. Печ. по сб.: «Чертеж», Л., 1932, с. 14.
357. «Чертеж», с. 15. «Мир приключений» — иллюстрированный журнал повестей и рассказов, издававшийся в Ленинграде в 20—30-е годы. *Наутилус* — подводный корабль капитана Немо, героя романов Жюль Верна «20 000 лье под водой» и «Таинственный остров». *Грант* — герой романа Жюль Верна «Дети капитана Гранта».

- 358, 359. «Литературный современник», 1935, № 5, с. 128, 129.
 360, 361. В. Наумова, «Весна в Тикси». Л., 1962, с. 42, 49. *Мостах* — остров в море Лаптевых, близ бухты Тикси.
 362. «Литературный современник», 1940, № 10-11, с. 72.
 363, 364. «Литературный современник», 1941, № 3, с. 106.

ЕВГЕНИЙ НЕЖИНЦЕВ

365. «Советская литература», 1935, кн. 5, с. 63. *Ом* (1787—1854) — немецкий физик, установивший основной закон электрической цепи. *Гей-Люссак* (1778—1850) — французский физик и химик. *Декарт* (1596—1650) — выдающийся французский философ, физик, математик, физиолог. *Паскаль* (1623—1662) — выдающийся французский математик, физик, философ.
 366. Сб. «Бессмертие», Л., 1939, с. 234.
 367. «День поэта», Л., 1958, с. 152.
 368. Е. Нежинцев, «Светлый мир», М. — Л., 1963, с. 21.
 369. «День поэта», 1958, с. 152.
 370—377. «Светлый мир», с. 22—63.
 378, 379. «День поэта», с. 154. Печ. по сб. «Светлый мир», с. 35, 36.

ИВАН ПУЛЬКИН

380. Печ. впервые. Поэма состоит из лирических и жанровых сцен, исторических отступлений, юмористических зарисовок, объединенных темой родины, родных мест, где прошли детство, юность. *Ярополец* — город Московской обл., неподалеку от Волоколамска.
 381. «Литературная Россия», 1965, № 7, с. 9. Некоторые другие главы публиковались, например глава «Москва» — в «Новом мире». Книга полностью завершена, но целиком не печаталась. *Любимейшее произведение* — «Слово о полку Игореве»; переводу его Пулькин посвятил многие годы. *Насад* — в старину плоскодонное судно с высокими набитыми бортами. *Сыченый мед* — хмельной напиток, приготавливаемый из пчелиного меда. *Поляне* — древнее восточнославянское племя, жившее по Днепру и его притокам Руси и Ирпеню. *Ушкуйник* — член вооруженной дружины, снаряжавшейся новгородскими боярами и купцами в XIV в. и плававшей в ушкуях (плоскодонных ладьях с парусами) по Волге и Каме с целью грабежа и захвата колоний на Севере. *Буслаев* — имеется в виду Василий Буслаев — герой былин новгородского цикла, созданных в XIV—XV вв.
 382—384. Печ. впервые.
 385. «Октябрь», 1939, № 4, с. 103. Эпиграф из «Фрегата Паллады» И. А. Гончарова — одной из любимых книг И. Пулькина, задумавшего стихотворный цикл по ее мотивам.
 386. Печ. впервые.
 Все произведения И. Пулькина печатаются по рукописям, хранящимся у вдовы поэта И. М. Пулькиной и его друга поэта В. В. Португалова.

САМУИЛ РОСИН

387. Печ. по сб.: Самуил Росин, «Избранное», М., 1958, с. 29.
388—391. Печ. по сб.: Самуил Росин, «Стихи», М., 1938, с. 58, 44, 59, 13.
392. Печ. по сб. «Избранное», с. 43.
393—396. Печ. по альм. «Дружба народов», 1941, кн. 7, с. 143—145.
397. Печ. по сб. «Избранное», с. 123.
398, 399. Печ. по журн. «30 дней», 1941, № 6, с. 41.

БОРИС СМОЛЕНСКИЙ

- 400, 401. Печ. впервые по рукописи, хранящейся у Л. С. Рудневой.
402, 403. Сб. «Имена на поверке», М., 1963, с. 152.
404, 405. Печ. впервые по рукописи.
406—410. Сб. «Имена на поверке», с. 152—158.
411. «Имена на поверке», без последних пятнадцати строк; полностью печ. впервые по рукописи.
412, 413. Печ. впервые по рукописи.
414. Сб. «Имена на поверке», с. 158.

СЕРГЕЙ СПИРТ

415. «Советская литература», Киев, 1935, № 3, с. 51.
416. «Советская литература», 1936, № 2, с. 38.
417. «Советская литература», 1936, № 4, с. 95.
418. «Советская литература», 1937, № 1, с. 110. *Лепаж* — вид дуэльного пистолета, названный так по имени известного оружейника времен Великой французской революции. Это восьмистишье опубликовано в подборке, посвященной столетию со дня смерти А. С. Пушкина, вместе со стихотворениями М. Рыльского, Н. Ушакова, Вс. Азарова, А. Малышко, А. Рывлина и других украинских и русских поэтов.
419—425. «Киевский альманах», 1940, № 1, с. 16—26.

ВАДИМ СТРЕЛЬЧЕНКО

426. «Красная новь», 1936, № 3, с. 44.
427. «Советская литература», Киев, 1936, № 1, с. 136.
428. «Красная новь», 1936, № 10, с. 156. Печ. по сб.: В. Стрельченко, «Моя фотография», 1941, с. 49.
429. «30 дней», 1936, № 11, с. 56. Печ. по сб.: «Моя фотография», с. 50.
430. «Молодая гвардия», 1936, № 11, с. 153, под названием «Квартирохозяйке». Печ. по сб.: В. Стрельченко, «Стихи товарища», 1937, с. 41.
431. «Красная новь», 1937, кн. 5, с. 53. Печ. по сб.: «Стихи товарища», с. 16.

432. «Красная новь», 1939, кн. 5-6, с. 34.
433. «Молодая гвардия», 1939, № 5, с. 16.
434—437. «День поэзии», М., 1957, с. 205, 206.

ГЕОРГИЙ СУВОРОВ

438. «Звезда». 1947, № 6, с. 135.
439. «Ленинград», 1943, № 1, с. 7.
440—442. «Звезда», 1943, № 2, с. 21, 22.
443. «Омский альманах», 1943, кн. 3, с. 21.
444—447. «Звезда», 1943, № 4, с. 78—79.
448—452. «Звезда», 1944, № 3, с. 74—75.
453. Дивизионная газета «За Родину», 1944, 9 января.
454. «Родина. Стихи молодых поэтов», Новосибирск, 1944,
с. 29.
455, 456. Г. Суворов, «Слово солдата», Л., 1944, с. 36, 37.

НИКОЛА СУРНАЧЕВ

457. На русск. яз. печ. впервые. Эпиграф из стихотворения
А. Суркова «Ликвидация».
458—462. На русск. яз. печ. впервые.
463, 464. Печ. по «Антологии белорусской поэзии», М., 1957,
с. 474, 475.

МИХАИЛ ТРОИЦКИЙ

- 465, 466. «Литературный современник», 1940, № 8-9, с. 97, 99.
467. «Звезда», 1938, № 8, с. 67, без шестой строфы. Печ. по сб.:
М. Троицкий, «Стихи», Л., 1940, с. 16.
468, 469. «Литературный современник», 1940, № 8-9, с. 97, 98.
470. «Литературный современник», 1940, № 8-9, с. 100.
471. «Литературный современник», 1941, № 5, с. 85. *Заливистые
тройки* — токование глухарей состоит как бы из трех этапов: все
усиливающиеся щелкающие звуки, главный удар (напоминает звук
при откупоривании бутылки) и, наконец, ряд шипящих звуков.
472, 473. «Звезда», 1958, № 5, с. 37, 38.
474. М. Троицкий, «Стихи и поэмы», Л., 1956, с. 80.

ИВАН ФЕДОРОВ

475. «Литературный современник», 1939, № 9, с. 134.
476, 477. «Ленинград», 1940, № 19-20, с. 35.
478—481. «Звезда», 1940, № 5-6, с. 50—52.
482. «Литературный современник», 1940, № 8-9, с. 112. Стихи
о войне с белофиннами 1939—1940 гг.
483. «Литературный современник», 1941, № 3, с. 34. *Красный*

аркат — сорт яблок. *Ропак* — торосистое образование морского льда, льдина, возвышающаяся над ровной ледяной поверхностью.

484, 485. «Звезда», 1947, № 6, с. 134.

486. «Звезда», 1958, № 5, с. 38.

ВЛАДИМИР ЧУГУНОВ

487. «Сибирские огни», 1936, № 1, с. 86.

488, 489. «Сибирские огни», 1937, № 3, с. 33—34.

490. «Литература и искусство Казахстана», 1939, № 6, с. 41.

491. «Литература и искусство Казахстана», 1940, № 3, с. 53.

492. «Сибирские огни», 1941, № 1, с. 114.

493, 494. «Литература и искусство Казахстана», 1941, № 4, с. 76.

495, 496. Сб. «В боевом строю», Новосибирск, 1954, с. 185. *Убродный* — медленный, утомительный.

497—500. «Советский Казахстан», 1953, № 7, с. 67—69.

ЛЕОНИД ШЕРШЕР

501. «Имена на поверке», М., 1963, с. 174, без первых четырех строк. Полностью печ. впервые по рукописи.

502, 503. «Имена на поверке», с. 172, 173.

504—505. Печ. впервые по рукописи, хранящейся у Р. Д. Орловой. *Паганини* (1782—1840) — великий итальянский скрипач и композитор. *П. М. Норцов* — известный советский певец. *Ростокинский проезд* — проезд в Москве, где помещался Институт истории, философии и литературы. *Тильтиль* и *Митиль* — герои пьесы Метерлинка «Синяя птица», поставленной К. С. Станиславским на сцене МХАТа в 1908 г. и идущей поныне. *Тедди* — так дружески называли немецкие рабочие Эрнста Тельмана — вождя Коммунистической партии Германии.

506. «Мы с вами. Сборник произведений, посвященных героической борьбе испанского народа», М., 1936, с. 37. *Гренада*, *Кордова*, *Овьедо* — города Испании. *Астурия* — область в северной Испании, один из наиболее развитых промышленных районов страны и центров рабочего движения.

507. Печ. впервые по рукописи.

508. «Имена на поверке», с. 173. Стихотворение написано под впечатлением боев в Финляндии, где погибло несколько студентов ИФЛИ, сражавшихся добровольцами в лыжных батальонах.

509. «Стихи остаются в строю», с. 264.

510. Печ. впервые по рукописи. *Девчонка, столько раз сводившая с ума мальчишек* — студентка литературного факультета ИФЛИ Лия Канторович, героически погибшая в летних боях 1941 г. В бумагах Л. Шершера найден очерк, написанный им и А. Млынек, посвященный Л. Канторович. Очерк напечатан в 1963 г. в многотиражной газете «Московский университет».

511. «Комсомольская правда», 1942, 5 сентября.

ЕЛЕНА ШИРМАН

512. Печ. впервые.
513. «Знамя», 1964, № 9, с. 205. Полный текст поэмы «Невозможно» не сохранился.
- 514—518. Печ. впервые.
519. «День поэзии», М., 1964, с. 161.
520. «Октябрь», 1939, № 8-9, с. 156, под названием «Так будет!». Печ. по сб.: Е. Ширман, «Бойцу Н-ской части», Ростов-на-Дону, 1942, с. 5.
521. «Октябрь», 1940, № 4, с. 249, под названием «В шесть часов». Печ. по сб. «Бойцу Н-ской части», с. 10. *Молодых чапаевцев строй*. Имеется в виду дивизия им. Чапаева, дислоцировавшаяся в Полтаве.
- 522, 523. Печ. впервые.
- 524, 525. «Знамя», 1964, № 9, с. 205, 206, вместе со статьей Татьяны Комаровой «Очерк одной жизни», посвященной Е. Ширман.
526. Печ. впервые.
527. «Знамя», 1964, № 9, с. 208. Эпиграф из неопубликованного стихотворения начинающего поэта Валерия Марчихина, друга Е. Ширман. В. Марчихин погиб на фронте в августе 1941 г. Его рукописи почти не сохранились.
528. Газета «Молот», Ростов-на-Дону, 1941, 26 июля.
529. «Бойцу Н-ской части», с. 24. *Эрэрушка* — солдатское название полевого телефонного аппарата РР.
530. «Бойцу Н-ской части», с. 26.
531. «Знамя», 1964, № 9, с. 206.
- Все стихотворения Елены Ширман проверены по рукописям, хранящимся у сестры поэтессы А. М. Резниковой.

АЛИ ШОГЕНЦУКОВ

- 532—534. Печ. по сб.: Али Шогенцуков, «Поэмы и стихотворения», М., 1950, с. 149, 175, 157.
- 535, 536. Печ. по сб. «Избранное», М., 1958, с. 247, 251.
537. Печ. по сб. «Поэмы и стихотворения», с. 159. *Бекмурза Пачев* (1854—1936) — народный поэт, сказитель, один из основоположников кабардинской советской литературы.
538. Печ. по сб. «Поэмы и стихотворения», с. 160. *Адиюх* — башня над рекой *Инджидж*, названная так по имени легендарной красавицы.
539. Печ. по сб. «Поэмы и стихотворения», с. 180.
- 540—543. Печ. по сб. «Избранное», с. 262—267.
544. Печ. по сб. «Поэмы и стихотворения», с. 195.

МНКОЛА ШПАК

- 545—555. Печ. по сб.: М. Шпак, «Стихотворения», М., 1953, с. 9—75.
556. Печ. по «Антологии украинской поэзии», М., 1958, т. 2, с. 329.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ ИЗ ЛАГЕРЯ ЗАКСЕНХАУЗЕН

557—569. Помимо газетных публикаций, стихи из Заксенхаузена были изданы в сериях: библиотека «Красной звезды», № 3-4 (15-16), М., 1959, и библиотека «Комсомольской правды», № 3, М., 1959. В 1959 г. вышла книга «Стихи за колючей проволокой» («Блокнот, найденный в Заксенхаузене»), вторую часть которой составляет «Повесть о поисках автора блокнота» Ан. Елкина и Вас. Кулемина. Краткая история поисков имеется также в книге «Говорят погибшие герои» (М., 1962). Здесь, кроме того, опубликованы пять стихотворений, в том числе одно («Мне хочется видеть сегодня тебя...») впервые. Печ. по кн. «Стихи за колючей проволокой» (М., 1959). Блокнот хранится в Центральном музее Советской Армии.

СТИХИ ВОЕННОПЛЕННОГО А. А. МЕРКУЛОВА

570. «Красная звезда», 1944, 22 октября. Печ. по кн.: «Говорят погибшие герои», М., 1962, с. 271.

СТИХИ ИЗ ПИСЕМ ГВАРДИИ ЛЕЙТЕНАНТА ЛЕОНИДА РОЗЕНБЕРГА

571—573. Печ. впервые.

КЛЯТВА ВОИНА-ГЕРОЯ ЯКОВЛЕВА

574. Копия записки хранится в архиве ЦК ВЛКСМ (почта «Комсомольской правды»). Печ. по кн.: «Говорят погибшие герои», М., 1962, с. 126.

ПРИЛОЖЕНИЕ

АРОН КОПШТЕЙН

575, 576. Арон Копштейн, «Радостный берег», Хабаровск, 1939, с. 74, 79.

577. «Радостный берег», с. 79.

578—580. Печ. по сб.: Арон Копштейн, «Стихотворения», М., 1956, с. 74—105. *Шаироб* — состязание поэтов в грузинских селах.

581. «Радостный берег», с. 41.

582—584. «Смена», 1941, № 2.

НИКОЛАЙ ОТРАДА

585. М. Луконин, Н. Белсв, Н. Отрада, «Содружество», Волгоград, 1938, с. 67.

586—590. Н. Отрада, «Счастье», Волгоград, 1939, с. 41, 50, 31, 39, 33.

591. «Сталинградская правда», 1941, 18 мая.

592, 593. «Счастье», с. 44, 40.

594. «Новый мир», 1963, № 5, с. 146.

595. «Литературная газета», 1960, 7 мая.

596. «Счастье», с. 3.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Между стр. 64 и 65. Всеволод Багрицкий. *На обороте* Борис Богатков.

Между стр. 96 и 97. Леонид Вилкомпр. *На обороте* Александр Гаврилюк.

Между стр. 128 и 129. Мирза Геловани. *На обороте* Кость Герасименко.

Между стр. 160 и 161. Муса Джалиль.

Между стр. 224 и 225. Юрий Инге. *На обороте* Давид Каневский.

Между стр. 256 и 257. Павел Коган. *На обороте* Борис Котов.

Между стр. 320 и 321. Василий Кубанев. *На обороте* Михаил Кульчицкий.

Между стр. 352 и 353. Борис Лапин. *На обороте* Алексей Лебедев.

Между стр. 384 и 385. Всеволод Лобода. *На обороте* Николай Майоров.

Между стр. 416 и 417. Витаутас Монтвила. *На обороте* Варвара Наумова.

Между стр. 448 и 449. Евгений Нежинцев. *На обороте* Иван Пулькин.

Между стр. 480 и 481. Самуил Росин. *На обороте* Борис Смоленский.

Между стр. 544 и 545. Георгий Суворов. *На обороте* Михаил Тронцкий.

Между стр. 576 и 577. Леонид Шершер. *На обороте* Елена Ширман.

Между стр. 608 и 609. Али Шогенцуков. *На обороте* Микола Шпак.

Между стр. 640 и 641. Леонид Розенберг.

СОДЕРЖАНИЕ

До последнего дыхания. <i>Предисловие Ал. Суркова</i>	5
Поэзия подвига и подвиг поэзии. <i>Вступительная статья В. Кардина</i>	11

АЛЕКСАНДР АРТЕМОВ

<i>Биографическая справка</i>	51
1. Знамя	52
2. Дорога отцов	53
3. Стихи о разведчике	54
4. Хасан	56
5. Ночью	57
6. Наступление	58
7. Корабли уходят в море	60

ВСЕВОЛОД БАГРИЦКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	62
8. Вступление к поэме	63
9. Гость	63
10. Картинка	65
11. Дорога в жизнь	65
12. Простая девушка	66
13. «Я много лет сюда не приезжал...»	67
14. «Уходило солнце. От простора...»	67
15. «Мы вышли в сад...»	68
16. «Ты помнишь дачу...»	69
17. «Бывает так, что в тишине...»	70
18. Одесса, город мой!	71
19. «Мне противно жить не раздеваясь...»	72
20. Ожидание	72
21. Встреча	73

БОРИС БОГАТКОВ

<i>Биографическая справка</i>	74
22. Из школьного дневника	75
23. Мавзолей	76
24. Сквозь ливень	77
25. «Хоть становлюсь я угрюмым, упорным...»	78
26. Наконец-то!	79
27. «Всё с утра идет чередой обычной...»	79
28. Перед наступлением	80
29. Возвращение	81
30. «У эшелона обнимемся...»	82
31. «Проходит поезд через лес...»	83
32. Девять ноль-ноль	83

ДМИТРИЙ ВАКАРОВ

<i>Биографическая справка</i>	85
33. Бунтари	87
34. Ты дай мне великое сердце...	87
35. Лесорубы	88
36. Мой товарищ	89
37. «Не помогут нам стогны...»	89
38. Не жди!	90
39. Забастовка	90
40. «Отдает уже гнилью могильною...»	91
41. Паутина	91
42. Слезы	92
43. Строят...	93
44. Я бью пером!	93
45. Вперед	94
46. Сентябрь 1939 года	95
47. Что я люблю	95
48. Чайка	96
49. «Немного лет пройдет...»	96

ЛЕОНИД ВЛКОМИР

<i>Биографическая справка</i>	97
50. «Как будто бы...»	99
51. Вдохновение	99
52. Прошедшая любовь	100
53. «От моих городов до пашен...»	100
54. «Жизнь моя не повторится дважды...»	101
55. «Чуть-чуть недоспать...»	101
56. У костра	102
57. Бессмертие	102
58. Наше время	103
59. «Я говорю себе: глазами...»	104
60. Тагил	105
61. Орджоникидзе в Тагиле	106

62. В горах	107
63. Гостеприимство	107
64. «По тебе давно тоскую...»	108
65. «Мы победим. Мон — слова...»	109

АЛЕКСАНДР ГАВРИЛЮК

<i>Биографическая справка</i>	110
66. Плакаты. Перевод М. Матусовского	111
67. Песня. Перевод Л. Озерова	111
68. Береза. Перевод М. Матусовского	112
69. Песня из Березы. Перевод Я. Хелемского	113
70. Непредвиденный эпилог. Перевод М. Матусовского	122

МИРЗА ГЕЛОВАНИ

<i>Биографическая справка</i>	125
71. Разговор с Иори. Перевод Ю. Полухина	126
72. Шавлего. Перевод Ю. Полухина	128
73. Аон. Перевод Ю. Полухина	130
74. Плач коня. Перевод Ю. Полухина	133
75. Баллада о строителе Вардзиа. Перевод Ю. Полухина	135
76. Дом № 8. Перевод Ю. Полухина	136
77. Ленин. Перевод Ю. Полухина	137
78. Жди меня. Перевод Ю. Полухина	137
79. Простите. Перевод Ю. Полухина	138
80. Ты. Перевод Ю. Полухина	139
81. У братской могилы. Перевод Ю. Ряшенцева	139
82. Другу-поэту. Перевод Ю. Полухина	140
83. От Мтацминды до Смоленска. Перевод Ю. Полухина	141
84. Не пиши. Перевод Ю. Полухина	141
85. Сонет. Перевод Ю. Ряшенцева	142
86. «Фашист зарылся в темноту. А в наши лица бьет пурга...». Перевод Ю. Ряшенцева	143
87. «Мы за телом мертвой ивы на снегу...». Перевод Ю. Ряшен- цева	143
88. «Впереди — неизвестность. И стало былым настоящее...». Перевод Ю. Ряшенцева	144
89. Клятва. Перевод Ю. Ряшенцева	144

КОСТЬ ГЕРАСИМЕНКО

<i>Биографическая справка</i>	146
90. Кони. Перевод Д. Седых	147
91. Я утверждаю! Перевод В. Бокова	149
92. Учительница. Перевод К. Алтайского	151
93. «Мы теперь привыкли на экране...». Перевод Д. Седых	155
94. Из фронтового блокнота. Перевод Л. Озерова	156
95. Песня. Перевод Д. Седых	158

ТАТУЛ ГУРЯН

<i>Биографическая справка</i>	160
96. Рождение. Перевод В. Баласана	161
97. Высоко лети Перевод В. Баласана	161
98. Звезда. Перевод В. Баласана	162
99. Клятва. Перевод В. Баласана	164
100. «Хочовет ли ветер, вздымая песок...». Перевод В. Баласана	164
101. Возвращение. Перевод В. Баласана	165
102. «Снова застит завеса дыма...». Перевод В. Баласана	166

МУСА ДЖАЛИЛЬ

<i>Биографическая справка</i>	168
103. Когда она росла. Перевод Р. Морана	169
104. Каска. Перевод Р. Морана	171
105. «Былые невзгоды...». Перевод С. Липкина	172
106. Прости, Родина! Перевод И. Френкеля	173
107. Воля. Перевод И. Френкеля	175
108. Платок. Перевод Н. Гребнева	176
109. Пташка. Перевод Р. Галимова	176
110. Неотвязные мысли. Перевод И. Френкеля	178
111. Поэт. Перевод А. Тарковского	179
112. Звонок. Перевод Л. Пеньковского	180
113. Волки. Перевод И. Френкеля	180
114. Варварство. Перевод С. Липкина	181
115. Не верь! Перевод И. Френкеля	184
116. Случается порой. Перевод А. Шпирта	184
117. Палачу. Перевод С. Липкина	185
118. Дуб. Перевод И. Френкеля	185
119. Простуженная любовь. Перевод В. Ганиева	187
120. Последний стих. Перевод С. Липкина	188
121. Сон в тюрьме. Перевод Р. Морана	189
122. Любимой. Перевод И. Френкеля	190
123. Другу. Перевод А. Шпирта	191
124. Любовь. Перевод Р. Морана	192
125. Песни мои. Перевод В. Ганиева	193
126. Один совет (О человечности). Перевод И. Френкеля	194
127. Волшебный клубок. Перевод И. Френкеля	194
128. В стране Алман. Перевод И. Френкеля	196
129. Мой подарок. Перевод Р. Галимова	197
130. Пучина. Перевод В. Бугаевского	198
131. Новогодние пожелания. Перевод И. Френкеля	199

ВЛАДИСЛАВ ЗАНАДВОРОВ

<i>Биографическая справка</i>	201
132. Родина	203
133. «Я искал тебя у вод падучих...»	204
134. Щит	205
135. «Всё было таким особым...»	205

136. Походный рюкзак	207
137. Жажда	208
138. Мой город	211
139. Кусок родной земли	212
140. Родное	213
141. Война	213
142. Память	214
143. Последнее письмо	214

ЮРИЙ ИНГЕ

<i>Биографическая справка</i>	218
144. «Придет пора: заплесневет порох...»	219
145. Пограничная зона	220
146. Колыбельная	221
147. Странствие	222
148. Сказание о вереске	224
149. «Я нашел на улице подкову...»	225
150. «В картине были воздух и пространство...»	225
151. Песня о подводниках	226
152. Пробил час	227
153. Морские охотники	228
154. Тральщики	229
155. Морская победа	230
156. Остров «Н»	231
157. Навсегда	232

ХАЗБИ КАЛОВЕВ

<i>Биографическая справка</i>	234
158. Озеро. <i>Перевод Н. Павлович</i>	235
159. Улыбается небо. <i>Перевод Б. Голлера</i>	235
160. «Улетел соловей — и веселье затихло...». <i>Перевод Э. Котляр</i>	236
161. «Цветок увидал я на сломанном древе...». <i>Перевод Э. Котляр</i>	236
162. «Ночная темнота, и тайно лист дрожит...». <i>Перевод Э. Котляр</i>	237
163. «В ущелье — холодная, черная ночь...». <i>Перевод С. Ботвинника</i>	237
164. Прошу землю. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	238
165. Малышу. <i>Перевод Б. Голлера</i>	238
166. «Найдется ли такой, кто смерти ждет...». <i>Перевод Б. Голлера</i>	239
167. «Когда, твоим подобна кссам...». <i>Перевод Н. Павлович</i>	239
168. К Волге. <i>Перевод Н. Павлович</i>	239
169. Ты говорила... <i>Перевод Н. Павлович</i>	240
170. Первое утро войны. <i>Перевод Б. Голлера</i>	241
171. «Когда спускается тьма по ночам...». <i>Перевод Э. Котляр</i>	242
172. «Не пожалею жизни, ибо знаю...». <i>Перевод С. Ботвинника</i>	242
173. Воротясь с великой войны. <i>Перевод Б. Голлера</i>	242
174. Прощальный привет. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	243

175. Меч (Баллада). Перевод С. Богвинника	244
176. «Метель деревья рослые слсмила. . .». Перевод С. Ботвинника	245
177. Не стони, земля. Перевод С. Ботвинника	245

ДАВИД КАНЕВСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	246
178. «Если ночью вышел в час тревоги. . .». Перевод Л. Озерова	247
179. Яблоки. Перевод Л. Озерова	248
180. «Тебя, кто пал на поле боя. . .». Перевод Л. Озерова	248
181. Тысяча девятысот сорок третий	249
182. Знамя	250
183. Ленинград	250
184. Февраль	251
185. Баллада о Тимофее Щербакове	252

ФАТЫХ КАРИМ

<i>Биографическая справка</i>	254
186. Как арбуз. Перевод Я. Смелякова	255
187. «Не повторяй: Люблю, люблю. . .». Перевод Я. Смелякова	255
188. Желание. Перевод П. Шубина	256
189. Шутка. Перевод Р. Морана	256
190. На морском берегу. Перевод А. Ахматовой	257
191. Дома, наверно, весна. Перевод Я. Смелякова	258
192. Дикие гуси. Перевод В. Потаповой	259
193. За Отчизну. Перевод И. Калимулина	260
194. Моя серая шинель. Перевод Б. Дубровина	261
195. Народная месть. Перевод С. Липкина	261
196. Луна услышала. Перевод Я. Смелякова	262

ЛЕВАРСА КВИЦИНА

<i>Биографическая справка</i>	263
197. Четвертое марта. Перевод Б. Брика	264
198. Бригадир Арсана. Перевод Л. Длигача	265
199. В горах. Перевод В. Потаповой	266
200. Водопад. Перевод Б. Лейтина	267
201. Моя апхярца. Перевод Б. Лейтина	268
202. Горы. Перевод Б. Лейтина	269
203. Весна. Перевод В. Потаповой	270
204. Озеро Рица. Перевод В. Звягинцевой	271
205. Песня о Хабидже. Перевод Б. Брика	272
206. «Ты хлопотливо бродишь по двору. . .». Перевод Б. Лейтина	272

ПАВЕЛ КОГАН

<i>Биографическая справка</i>	274
207. «Неустойчивый мартовский лед. . .»	275
208. Монолог	275

209.	«Ночь пройдет по улицам...»	276
210.	Гроза	277
211.	«Мы сами не заметили, как сразу...»	278
212.	Звезда	278
213.	Поэту	279
214.	О пошлости	280
215.	Бригантина (<i>Песня</i>)	281
216.	«Люди не замечают, когда кончается детство...»	282
217.	Вступление к поэме «Щорс»	282
218.	«Девушка взяла в ладони море...»	283
219.	Тигр в зоопарке	284
220.	Первая треть (<i>Роман в стихах</i>)	285
221.	Лирическое отступление	308
222.	Письмо	309
223.	«Нам лечь, где лечь...»	312

БОРИС КОСТРОВ

<i>Биографическая справка</i>	313	
224.	Бессонница	314
225.	В лесу	315
226.	Заказник	315
227.	У обрыва	316
228.	Раздумье	317
229.	В полночь	317
230.	Признание	318
231.	Родина	319
232.	У плетня	319
233.	У могилы бойцов	320
234.	«Пусть враг коварен...»	320
235.	«Только фара мелькнет в отдаленье...»	321
236.	В разведке	321
237.	После боя	322
238.	«Когда в атаке отгремит «ура»...»	323
239.	Перед подъемом	323
240.	«Красный крест на сумке цвета хаки...»	324
241.	«Такой, как все, — в треухе, полушубке...»	325
242.	«Солдатское солнышко — месяц...»	326

БОРИС КОТОВ

<i>Биографическая справка</i>	327	
243.	Наступление ночи	328
244.	Полдень	329
245.	У моря	330
246.	Дождь	330
247.	Шуточная песня	331
248.	Утро	332
249.	У Донца	333
250.	Сентябрь	334

251. Гармонист	335
252. У самого моря	336
253. На Дарсане	337
254. «В полночь холодно, в полдень жарко...»	338

ВАСИЛИЙ КУБАНЕВ

<i>Биографическая справка</i>	339
255. «Мой детский разум неразлучен...»	340
256. Катанье	341
257. Напутствие	341
258. В дни разлуки	342
259. О моем герое	343
260. «По полю прямому...»	344
261. Ты должен помогать	345
262. Урожаем угрожаем	346
263. Старики	347
264. Вале	348

МИХАИЛ КУЛЬЧИЦКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	350
265. «Друг заветный! Нас не разлучили...»	351
266. Кресты	352
267. Красный стяг	353
268. «Самое страшное в мире...»	354
269. Бессмертие (<i>Из незавершенной поэмы</i>)	354
270. Маяковский	356
271. Будни	357
272. Хлебников в 1921 году	358
273. Дождь	360
274. Дуэль	360
275. Дословная родословная	361
276. Белошицы (<i>Песня о Щорсе</i>)	362
277. Творчество	363
278. Новелла	364
279. «Высокохудожественной...»	365
280. Самое такое (<i>Поэма о России</i>)	366
281. «Я вижу красивых вихрастых парней...»	377
282. «Мечтатель, фантазер, лентяй-завистник!...»	377

БОРИС ЛАПИН

<i>Биографическая справка</i>	379
283. Недалеко от Оренбурга	380
284. Отъезд	381
285. Степь	381
286. Северный ландшафт	382
287. Разговор с потоком	382
288. Поле боя	383

289. Предисловие к биографии	383
290. «Всё скучной вечностью грозит...»	384
291. «Прощай! Я ухожу из дома...»	384
292. Слава советскому Владивостоку	385
293. Журналистская задушевная	386

АЛЕКСЕЙ ЛЕВЕДЕВ

<i>Биографическая справка</i>	387
294. Мы из Кронштадта	388
295. Условия победы	389
296. Дорога таманцев	390
297. Компасный зал	390
298. «Или помните, или забыли...»	392
299. «Возможно ли, чтоб годы эти...»	392
300. «В июне, в северном июне...»	393
301. Товарищу	393
302. Песня	394
303. Перед походом	395
304. «Метет поэмка, расстилаясь низко...»	396
305. Сонет	396
306. Тебе	396
307. Возвращение из похода	397
308. На дне	398

ВСЕВОЛУД ЛОВОДА

<i>Биографическая справка</i>	399
309. Из цикла «Война»	400
310. Долг	401
311. Партизан уходит в разведку	402
312. Товарищ капитан	404
313. Наступление	405
314. Начало	406
315. «Не плачь, Днепр, тебя мы не забыли...»	406
316. Павловская, 10	407
317. Погиб товарищ	407

НИКОЛАЙ МАЙОРОВ

<i>Биографическая справка</i>	409
318. Взгляд в древность	411
319. Ленин	412
320. Памятник	413
321. Отцам	414
322. В вагоне	415
323. «Тогда была весна. И рядом...»	416
324. Что значит любить	417
325. Август	418
326. Творчество	419
327. Гоголь	420

328.	Предчувствие	421
329.	Весеннее	422
330.	Дед :	424
331.	Рождение искусства	424
332.	«Мне только б жить и видеть росчерк грубый...»	425
333.	«Я с поезда. Непроспанный, глухой...»	426
334.	«Как жил, кого любил, кому руки не подал...»	426
335.	«Когда умру, ты отошли...»	426
336.	Мы	427
337.	«Я не знаю, у какой заставы...»	429
338.	«Нам не дано спокойно сгнить в могиле...»	429

ВИТАУТАС МОНТВИЛА

<i>Биографическая справка</i>	430	
339.	Светлый день придет! <i>Перевод Л. Озерова</i>	432
340.	В тюрьме. <i>Перевод Л. Озерова</i>	432
341.	Стоит жить! <i>Перевод Л. Озерова</i>	433
342.	Любимейшая страна. <i>Перевод Л. Озерова</i>	434
343.	Мои слова. <i>Перевод С. Кирсанова</i>	434
344.	Моя Отчизна. <i>Перевод Л. Озерова</i>	435
345.	Не виновен я... <i>Перевод Л. Озерова</i>	436
346.	Был бы я... <i>Перевод Л. Озерова</i>	436
347.	Письмо. <i>Перевод Л. Озерова</i>	437
348.	Богом покинутая овечка. <i>Перевод Л. Озерова</i>	438
349.	Литве. <i>Перевод Л. Озерова</i>	439
350.	Свободному ветру. <i>Перевод Л. Озерова</i>	440
351.	Свободная песня <i>Перевод Л. Озерова</i>	440
352.	Мы свободу всё равно удержим. <i>Перевод Л. Озерова</i>	441
353.	Огни. <i>Перевод Л. Озерова</i>	442
354.	Ленину. <i>Перевод Л. Озерова</i>	444
355.	У могилы друзей. <i>Перевод Л. Озерова</i>	445

ВАРВАРА НАУМОВА

<i>Биографическая справка</i>	446	
356.	В дорогу	447
357.	Север	448
358.	Весна в Тикси	450
359.	Итог	451
360.	История порта	453
361.	Мишка	455
362.	«Бывает, синюю неба молодого...»	456
363.	Лето	457
364.	Снова лето	458

ЕВГЕНИЙ НЕЖИНЦЕВ

<i>Биографическая справка</i>	460	
365.	Мудрость	461
366.	Мироныч	462

367.	Очень рано	462
368.	Виноград	463
369.	Туча	463
370.	Дорожный мастер	464
371.	Старый учитель	464
372.	Опять нет писем	465
373.	Последний день в ЦПКиО	466
374.	Первая скрипка	466
375.	Вторая скрипка	467
376.	«Вспыхнула испуганная рама...»	467
377.	Здесь всё — чинары колыханье...	468
378.	«Картины пишем, акварели...»	468
379.	«Пусть буду я убит в проклятый день войны...»	469

ИВАН ПУЛЬКИН

<i>Биографическая справка</i>	470	
380.	Вступление к поэме «Яропольская волость»	471
381.	Из книги «СССР». Волхов	472
382.	Из цикла «Дикие песни»	476
383.	Обращение к любимой непосредственно	478
384.	Не верю!	479
385.	Пролив детства	481
386.	«День распускается ярким...»	482

САМУИЛ РОСИН

<i>Биографическая справка</i>	483	
387.	Рука моя в бессилии болталась. <i>Перевод с еврейского Н. Коржавина</i>	484
388.	На солнце. <i>Перевод О. Колычева</i>	485
389.	«Бульвары, проезды...». <i>Перевод Л. Густ</i>	486
390.	Путь в гору. <i>Перевод С. Липкина</i>	488
391.	«И моря красота первоначальная...». <i>Перевод С. Липкина</i>	489
392.	Из вечности пришел я. <i>Перевод А. Каранова</i>	490
393.	К молодости. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	491
394.	Снегопад <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	492
395.	Июль. <i>Перевод Н. Асанова</i>	493
396.	Не верится. <i>Перевод Н. Асанова</i>	493
397.	Человек. <i>Перевод В. Гордиенко</i>	494
398.	К музе. <i>Перевод В. Эльтерман</i>	496
399.	«Я себе вопрос серьезный...». <i>Перевод В. Эльтерман.</i>	497

БОРИС СМОЛЕНСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	498	
400.	Ремесло	499
401.	«Полустудент и закадычный друг...»	500
402.	Ветренный день	500
403.	Ночной экспресс	501

404. «Не надо скидок...»	502
405. «Я очень люблю тебя. Значит — прощай...»	503
406. Франсуа Вийон	503
407. «Пустеют окна. В мире тень...»	505
408. «А если скажет нам война: «Пора»...»	505
409. «Я сегодня весь вечер буду...»	506
410. «Снова вижу солнечные ели я...»	506
411. «Как лес восстановит по пням?...»	506
412. «...Но стужа в кормовой камере...»	508
413. Скрипач	508
414. «Я иногда завидую жестоко...»	511

СЕРГЕЙ СПИРТ

<i>Биографическая справка</i>	512
415. Город Комсомольск	513
416. Пушкин	514
417. В горах	515
418. «Он с нами был. Он вечно будет наш...»	516
419. Творчество	516
420. Дочери	517
421. Гроза ночью	517
422. Реквием Лермонтову	518
423. Абхазия	519
424. Три сонета	520
425. Киевские пейзажи	521

ВАДИМ СТРЕЛЬЧЕНКО

<i>Биографическая справка</i>	523
426. Слово на пиру	524
427. Смотрителю дома	525
428. Двери настезь	526
429. Моя фотография	527
430. Хозяйке моей квартиры	528
431. Не в дому рожденному	529
432. Приглашение в Туркмению	530
433. Человек	531
434. Калильщик	532
435. Грузчик	533
436. Ливень	534
437. Сердце Котовского	534

ГЕОРГИЙ СУВОРОВ

<i>Биографическая справка</i>	537
438. Первый снег	538
439. «Спуская лодки на Неву, мы знали...»	538
440. Снайпер	539
441. «Сочилась кровь, и свет бежал из глаз...»	539

442.	«Над лесом взмыла красная ракета...»	540
443.	Болото	541
444.	Мечь	542
445.	«Бушует поле боевой тревогой...»	542
446.	Брусника	543
447.	Косач	544
448.	«Когда-нибудь, уйдя в ночное...»	544
449.	«Пришел и рухнул, словно камень...»	545
450.	«В моем вине лучистый белый лед...»	545
451.	«Мы вышли из большого боя...»	546
452.	«Еще утрами черный дым клубится...»	546
453.	Соколиная	547
454.	Полотенце	548
455.	«Мы госкуем и скорбим...»	548
456.	«Леса и степи, степи и леса...»	549

МИКОЛА СЪРНАЧЕВ

	<i>Биографическая справка</i>	550
457.	Алая заря. <i>Перевод Н. Котенко</i>	551
458.	«О тебе не ведал, не гадал...». <i>Перевод Р. Винонена</i>	553
459.	«Ты — как вода для иссохшей земли...». <i>Перевод Р. Винонена</i>	553
460.	Месяц раненый. <i>Перевод Р. Винонена</i>	554
461.	Письмо к маме. <i>Перевод Р. Винонена</i>	554
462.	«Пилотку сняв, глядит, как стынет...». <i>Перевод Р. Винонена</i>	555
463.	Красная звезда. <i>Перевод В. Потаповой</i>	556
464.	В потоптанном жите. <i>Перевод А. Твардовского</i>	557

МИХАИЛ ТРОИЦКИЙ

	<i>Биографическая справка</i>	558
465.	«Таврический сад совершенно внезапен...»	559
466.	Калган	559
467.	Испания	560
468.	«На берегу желтели доски...»	562
469.	Музей муравьев	563
470.	Разлука	564
471.	Свирская долина	565
472.	«Границу мы представляем кривой...»	567
473.	«Вдоль проспектов глухо и слепо...»	568
474.	«Застыли, как при первой встрече...»	568

ИВАН ФЕДОРОВ

	<i>Биографическая справка</i>	569
475.	«Милой называл, — не улыбнулась...»	570
476.	В канун зимы	570
477.	Лыжники	571

478. Санкт-Петербург	571
479. Памятник восстанию	573
480. Памятник поэту	575
481. Памятник каменотесу	575
482. После боев	576
483. Память о детстве	577
484. Восемь лет спустя	580
485. У реки	581
486. «Дождями омытые тропы...»	582

ВЛАДИМИР ЧУГУНОВ

<i>Биографическая справка</i>	583
487. Сосна	584
488. «Просишь ты лирических стихов...»	585
489. «Что лицо твое туманно...»	586
490. «Сто берез»	587
491. «Заволокло туманом горы...»	587
492. «Мне тебя прельстит сегодня нечем...»	588
493. Форель	589
494. Лист	589
495. Счастливый путь	590
496. Светлана	591
497. Кукушка	592
498. В разведку	592
499. «Все распри сводятся на нет...»	593
500. После боя	594

ЛЕОНИД ШЕРШЕР

<i>Биографическая справка</i>	595
501. Письмо о почтальоне	596
502. «Видишь, брызги на окне...»	597
503. Ты	598
504. Надгробное слово ветру	598
505. Полночь	599
506. Сны :	601
507. «Ты ложишься спать, моя родная...»	602
508. Девушка плачет	604
509. В день победы	604
510. «Мне кажется сейчас, что знаю я...»	606
511. Ветер от винта	606

ЕЛЕНА ШИРМАН

<i>Биографическая справка</i>	608
512. Ветер	609
513. Жить!	610
514. Кошка	610

515.	Скульптор	611
516.	Дискобол	612
517.	Незрячему	613
518.	Путь сквозь сосны	614
519.	Над пропастью	614
520.	Проводы	616
521.	Побудка	617
522.	Ненайденному адресату	618
523.	Приезд	619
524.	Детям	620
525.	Поэзия	620
526.	Я живу	621
527.	Подарок	622
528.	Письмо девушки-донора	623
529.	Два письма	623
530.	Возвращение	624
531.	Последние стихи	625

АЛИ ШОГЕНЦУКОВ

<i>Биографическая справка</i>	628
532. Матери. Перевод А. Адолис	629
533. Листок. Перевод В. Звягинцевой	630
534. Сатаней. Перевод Л. Руст	631
535. Роза Пиренеев. Перевод Л. Руст	632
536. Тарас Шевченко. Перевод В. Звягинцевой	633
537. На твоей могиле. Перевод В. Звягинцевой	634
538. Адюх. Перевод Н. Гребнева	635
539. Вестник. Перевод Л. Руст	638
540. Утро. Перевод С. Маршак	639
541. Своими глазами. Перевод Р. Гинзбург	639
542. Дыхание весны. Перевод Д. Орловской	640
543. Завещание. Перевод М. Петровых	641
544. Призыв. Перевод Л. Руст	642

НИКОЛА ШПАК

<i>Биографическая справка</i>	644
545. Поход. Перевод А. Кудрейко	645
546. Счастье. Перевод Д. Седых	647
547. Березка. Перевод А. Кудрейко	648
548. «Играет ветер зелеными...». Перевод Д. Седых	649
549. «Аэропланы над селом...». Перевод А. Кудрейко	649
550. Вечером. Перевод Б. Иригина	650
551. Украинские девчата. Перевод Л. Бать	651
552. К оружию! Перевод Н. Ушакова	652
553. Матери друга. Перевод Н. Ушакова	653
554. Первое мая в неволе. Перевод Д. Седых	654
555. Марине. Перевод Н. Ушакова	655
556. Желание. Перевод Е. Благиной	655

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ ИЗ ЛАГЕРЯ ЗАКСЕНХАУЗЕН

<i>Справка</i>	657
557. «Когда душу обнимет тоска...»	659
558. Заблудившемуся	660
559. Гибель героя	661
560. Ухабы	662
561. Прощальный попелуй	663
562. К портрету девушки, нарисованному французом	663
563. Сыну	664
564. Завещание	664
565. Другу, которого нет	665
566. «Я вернусь еще к тебе, Россия...»	666
567. Баллада о восьмерых	666
568. Памяти товарища Тельмана	667
569. Незабываемое	668

СТИХИ ВОЕННОПЛЕННОГО А. А. МЕРКУЛОВА

<i>Справка</i>	670
570. «Я в плену в краю чужом, далеком!...»	671

СТИХИ ИЗ ПИСЕМ ГВАРДИИ ЛЕЙТЕНАНТА ЛЕОНИДА РОЗЕНБЕРГА

<i>Справка</i>	672
571. «Проходит неделя, проходит другая...»	673
572. Артподготовка	675
573. «На отвоеванном вчера лишь полустанке...»	676

КЛЯТВА ВОИНА-ГЕРОЯ ЯКОВЛЕВА

<i>Справка</i>	679
574. Моя клятва	680

ПРИЛОЖЕНИЕ

АРОН КОПШТЕЙН

<i>Биографическая справка</i>	683
575. Тысяча девятьсот восемнадцатый год	684
576. Оккупация	687
577. Осень. <i>Перевод М. Шехтера</i>	687
578. Сад. <i>Перевод Н. Старшинова</i>	688
579. Октавы. <i>Перевод Я. Хелемского</i>	689
580. Из письма. <i>Перевод В. Бокова</i>	691
581. «Вот июль Уссурийского края...»	691
582. Письмо тебе, копия наркомун связи	692
583. Поэты	693
584. «Мы с тобой простились на перроне...»	695

НИКОЛАЙ ОТРАДА

<i>Биографическая справка</i>	697
585. Осень (<i>Отрывок</i>)	698
586. Попутно	699
587. Мечта	699
588. Весна	700
589. Некогда	702
590. Гуси летят	702
591. В поезде	703
592. Одно письмо	704
593. Полине	705
594. Футбол	706
595. Почти из моего детства	707
596. Мир	708
Примечания	709
К иллюстрациям	730

Редакционная коллегия:

*В. Н. Орлов (главный редактор),
В. Г. Базанов, Б. И. Бурсов,
Б. Ф. Егоров (зам. главного редактора),
В. М. Жирмунский, В. О. Перцов, А. А. Прокофьев,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,
С. И. Чиковани, И. Г. Ямпольский.*

**СОВЕТСКИЕ ПОЭТЫ, ПАВШИЕ НА ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1965 г., 748 стр.
Тем. план вып. 1965 г. № 542

Редактор *Г. М. Цурикова*
Художник *И. С. Серов*. Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*.
Технический редактор *М. А. Ульянова*. Корректоры *З. Н. Петрова*
и *Г. Л. Черняк*

Сдано в набор 14/1 1965 г. Подписано в печать 19/III 1965 г.
М 29482. Бумага 84×108^{1/32}. Печ. л. 23 ³/₈ + 16 вкл. (40,95)
Уч.-изд. л. 35,04. Тираж 55 000. Заказ № 42. Цена 1 р. 32 коп.

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение, Ленинград, Невский пр. 28

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома
Государственного комитета Совета Министров СССР по печати,
Красная ул., 1/3